

Меліна Боярова

ТАЛІСМАН
ДЛЯ КНЯЗЯ
ЩИТ РОДА

16+

Annotation

В родном мире я выросла сиротой и без раздумий пожертвовала собой ради близких. Новый мир подарил мне три года счастливого детства, семью и любящих родителей. Но однажды враги пришли в наш дом и отняли тех, кого полюбила всем сердцем. Я отомщу убийцам, даже если один из них тот, кого наш род обязан защищать.

Первая книга цикла.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
-

Глава 1

Я проснулась от удушливого запаха дыма и тянущего ощущения надвигающейся беды. Первые мгновения не могла поверить, что это происходит снова, а потом соскользнула с постели и бросилась к сундуку, на котором, вычищенная и отглаженная, лежала одежда для утренних занятий. Свободные брючки из плотной ткани, нательная рубашка, жилетка из грубой кожи с металлическими вставками. На бедра привычной уже тяжестью легла перевязь с ножнами для парных мечей, изготовленных под мою руку.

Ночную темноту за окном разгоняли яркие языки пламени, вырывающиеся из дальнего крыла здания. Огонь бушевал в караулке и жилом крыле для воинов отцовской дружины. Я метнулась к двери, тихонько приоткрыла и выглянула в коридор. Пусто! Но снизу доносились глухие удары, хрипы, звон металла – сбывались самые худшие предположения. На имение напали, и там, в коридорах, погибали ближники, своими жизнями выгадывая для нас драгоценные минуты.

Несмотря на панику, проникающую под кожу липкими щупальцами, я думала и действовала так, как учил отец, как подсказывали инстинкты выживания. Для начала накидала подушек на середину кровати и накрыла их одеялом, создавая видимость спящего ребенка. Да, мне всего девять в этом мире, из которых три последних года я прожила в семье Забелиных. Но когда-то в прошлом меня звали Ингой Симакиной и прежде, чем несчастный случай разрушил мою жизнь, я успела выйти замуж и родить двух детей. На глаза навернулись слезы, как обычно бывает, когда накрывают воспоминания о потерях. Усилием воли загнала память о них в дальние уголки сознания. Сейчас угроза нависла над ставшими родными отцом и матерью, и гостями родового поместья.

Неслышной тенью подобралась к окошку и бесшумно его приоткрыла. Иногда я пользовалась таким способом, чтобы незаметно покинуть комнату, поэтому заранее смазывала петли, и они ни разу еще не подвели. Перед тем, как уйти, окинула взглядом детскую, запоминая малейшие детали. Неприятное предчувствие, что сюда

больше не вернусь, задержало еще на полминутки. Из тайника за шкафом я забрала дневник с личными записями и подхватила со стола шкатулку с детскими сокровищами. Ну, как сокровищами? В основном, я хранила там подарки, что дарили на день рождения: красивые заколки, парочку браслетов, подвески с драгоценными камешками, три пары сережек. Попутно распотрошила копилку, куда собирала медные монетки. В повседневной жизни деньги мне не требовались, потому что родители обеспечивали всем необходимым. Но кто знает, чем закончится эта ночь? Возможно, придется бежать и провести несколько дней, прячась в лесу, пока тут все не уляжется.

Рассовав богатства по карманам, я привычным маршрутом выбралась наружу. На уровне третьего этажа чуть пониже окон имелся декоративный карниз, опоясывающий здание по периметру. Осторожными приставными шажочками, цепляясь за выступы и неровности кладки, я легко перебиралась в любое помещение на этом уровне. Взрослый человек таким способом уже не смог бы воспользоваться, карниз слишком узкий, чтобы зацепиться. А у ребенка, которого три года муштровали, гоняли по всевозможным полосам препятствий и учили бою на мечах, это действие не вызывало затруднений.

К сожалению, расположение комнат соответствовало давним традициям, когда женское крыло отделялось от мужского и обустраивалось в глубине здания. Это самая укрепленная часть дома, в которую враги попадут лишь через трупы защитников. Комнаты опутаны магическими щитами и ловушками. У каждой женщины обязательно есть оружие, и тех минут, что понадобятся врагам на преодоление последнего рубежа, слабой половине хватит, чтобы принять непростое решение. Иногда смерть – единственный выход для бедняжек, участь которых в случае захвата незавидна.

Накануне в имение Забелиных съехались все близкие родственники. Младшему брату Данияру исполнилось три года, и это тот возраст, когда одаренный ребенок проходил первую инициацию. Знаковое событие, которое определяло будущее малыша, его потенциал как мага и положение в семье. Как правило, инициация – это таинство, куда не пускали посторонних. Она проводилась в святилище – родовом источнике силы, где ребенок предстал перед духами предков и обретал с ними крепкую связь через особую

магическую печать. У каждого древнего рода, образовавшегося еще в Смутные времена, имелся отличительный знак, который проступал в виде метки на левой височной части лица. Обычным людям такие знаки не видны, но одаренные всегда распознают друг друга. Данияр еще не получил печать из-за огненного дара, доставшегося ему по материнской линии. Моя новая мама из высших дворян, князей Шумских, славящихся сильной огненной стихией. Вот только княжеских привилегий Светлана Агнияровна лишилась, когда без родительского согласия вышла замуж за отца и разорвала отношения с родом.

– Это я, – отвлеклась от тягостных мыслей, когда достигла соседнего помещения и поскреблась в окошко няньки Марьяны Никитичны.

В комнате царил темнота, но при моем появлении тут же вспыхнул магический светильник, и серая тень бросилась открывать ставни.

– Нина! – меня втащили внутрь и крепко прижали к себе. – Живая! – всхлипнула женщина с облегчением и расцеловала в обе щеки. – А я уже за тобой собралась идти.

– Что происходит? Кто на нас напал? – я никак не могла унять волнение.

Одной было уже не так страшно, уверенности придавало присутствие рядом взрослого человека. Будь я действительно Ниной Забелиной, то на этом бы и успокоилась. Но в детском теле обитала душа взрослого человека, и она буквально кричала, что ничего еще не закончилось. Самое плохое впереди.

– Не знаю, родная, – отдать должное, Марьяна Никитична сумела взять себя в руки. Видно, прежде переживала, что до меня уже добрались убийцы, сейчас же няня готовилась дать отпор любому, кто посмеет навредить кровиночке. – Костенька, – это она так папу звала, которого вырастила с пеленок, – распорядился в нашем крыле Захара и его ребят поставить на охранение. Как чувствовал, что беда грянет! Уходить нужно!

– А как же мама, брат? Я Данияра не брошу!

Спасаться, когда близким грозит неминуемая смерть? Никогда! Этому категорически противилась Инга Симакина, уже потерявшая одну семью. А также против бегства восставало мое новое я,

обязанное существованием маленькой девочке, которая пожертвовала собой ради младшего брата. И третьей нерушимой стеной вставал магический дар, призывающий на защиту невинных.

– Но что мы сделаем против опытных воинов? На нас самое малое магистра выпустили и десяток подмастерьев. Я видела, как ворота играючи вынесли, – няня сокрушенно покачала головой.

– Вот найдем Захара Платоновича и будем прорываться к своим, – приняла я единственное в этой ситуации верное решение. – Вместе проще защищаться.

Окинув женщину взглядом, с удовлетворением отметила, что та времени зря не теряла. Переделась в костюм для верховой езды, который по виду лет десять пылился в сундуках, выбрала удобную обувь. На столе ожидала раскрытая дорожная сумка с самыми необходимыми вещами. Издалека я разглядела крышки флакончиков с лечебными и укрепляющими зельями, бинты, набор медицинских инструментов. У Марьяны Никитичны были слабенькие способности к целительству, на уровне деревенской знахарки, умеющей останавливать кровь и заговаривать травы. Плюс к этому богатый опыт по воспитанию наследника, с малолетства обучающегося воинскому ремеслу. Практикой в лечении ран, ушибов, растяжений и переломов Марьяна Никитична обеспечена с того самого возраста, как Константин Даниилович ходить научился. Теперь вот и со мной забот прибавилось. С тех пор, как я осознала себя в теле шестилетней Нины Забелиной, у меня обнаружилось родовое умение создавать непробиваемые щиты, и не только. Собственно, с тех самых пор глава рода и наказал осваивать воинское искусство.

– Нинушка, может, все-таки не стоит лезть на рожон? – замешкалась у двери женщина, не решаясь снять магическую защиту. В руках няня нервно сжимала рукоять охотничьего ножа и переводила неуверенный взгляд с него на меня и обратно. – Опасно ведь!

– «Я – щит рода! Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью», – процитировала девиз, выбитый на родовом гербе Забелиных, чувствуя, как вокруг сплетаются фиолетовые всполохи магического щита.

Сама не знаю, что меня подвигло произнести эти слова. Ведь это не только девиз, но и часть ритуальной клятвы, что приносил каждый

представитель рода, поступая на службу. Наверное, это напоминание высших сил, что мой долг защищать эту семью.

– Девочка моя, – Марьяна Никитична прослезилась, – идем! – резким движением смахнула слезу со щеки и распахнула дверь.

В нос ощутимо ударило запахом гари с тяжелой примесью металла. В конце коридора кипело сражение. Я видела напряженные спины воинов и невольно подмечала, как скупно они двигаются, экономя силы. Чувствовала, как трещит под ударами их броня, как один за одним выходят из строя амулеты защиты. У стены, свесив голову, привалился раненый. Его рука, зажимающая бок, уже окрасилась красным, а на полу натекла лужа крови. Это отрок Сенька, который неделю назад проходил испытание на ранг новика. Экзамен принимал Захар Платонович, мастер боя на мечах и воевода отцовской дружины.

– Помоги ему, – кивнула я на паренька, а сама отправилась на подмогу остальным.

В душе я обмирала от ужаса, но, упрямо стиснув зубы, все равно шла вперед. Никогда еще не стояла на острие атаки, прикрывая остальных. Одно дело – рассказы отца, что родовая защита в случае смертельной опасности выдержит удар виртуоза. Другое – когда видишь перед собой сильного противника, который пришел убить тебя и твою семью. Именно беспокойство за близких рождало еще больший страх – страх возможной потери.

В пылу схватки опасно подходить к воину сзади – эту истину я усвоила на тренировках, поэтому замерла в нескольких шагах от ближайшего воина. Дядьку Михея ранили, и поэтому поставили на вторую линию обороны. Я растянула защиту, чтобы закрыть мужчину от магических всполохов, методично просаживающих охранный амулет. Когда щит отразил сильную атаку, полыхнув фиолетовым пламенем, Михей резко обернулся.

– Боярышня! – изменился в лице, увидев меня, – да что же вы это? Зачем из комнаты вышли? Мы бы сами тут управились.

– Мы должны помочь папе! Скажите Захару Платоновичу, что я буду прикрывать, сколько смогу, а вы...

– Нина Константиновна, – замотал он головой, – нехорошо это, за спиной ребенка прятаться.

В этот момент коридор озарился яркой вспышкой сильного магического удара. Защитные амулеты на воинах первой линии сверкнули и разрушились, исчерпав последние ресурсы. Сама не поняла, как подалась вперед, закрывая людей щитом. Сил у меня не так много, и я еще никогда одновременно не защищала столько народу разом, но другого выбора не оставалось. Погибнут они, а следом и наш с Марьяной Никитичной черед настанет.

– Нам надо к отцу! – чувствуя, как от напряжения дрожит голос, крикнула Захару Платоновичу.

К моему облегчению, он не стал спорить и скупыми фразами отдал приказ забрать раненого и идти на прорыв. До родительских покоев тут рукой подать. Внутренняя архитектура помещений будто специально создавалась для удобства обороняющихся и изобилвала выступами, за которыми легко спрятаться. Единственное открытое место – проход над парадной лестницей. Перед тем, как решились его пересечь, позволили себе минутную передышку. Марьяна Никитична чуть ли не на ходу обрабатывала раны воинов и раздавала укрепляющие эликсиры. Мне нянька тоже поднесла к губам флакончик и проследила, чтобы я проглотила содержимое до дна. Зелье прибавит сил, высвобождая скрытые ресурсы организма, однако расплачиваться придется физической слабостью, а то и потерей сознания. Но это будет позже, а пока нужно преодолеть последние двадцать метров и ударить в тыл нападающему на главу рода противнику.

Едва я выскочила на открытое пространство, как в воздухе загрохотали выстрелы. Это в узких коридорах воины не применяли огнестрельное оружие из-за риска оглохнуть или попасть под рикошет, а тут мы оказались на виду. С ужасом поняла, что щит от выстрелов проседает в два раза быстрее, чем от магических ударов. Отряд хоть и не стоял на месте, и даже огрызался, стреляя в ответ, но каждое попадание истончало защиту. А впереди еще враги, которые услышали звуки боя и развернулись, чтобы дать отпор.

– Я – щит рода, – шептала сквозь пелену слез и дурноту, подкатывающую к горлу, – я – твердь, я... – пошатнулась, чувствуя, как покидают силы.

Меня подхватили, чтобы не упала, и толкнули вперед. Я врезалась в воина, что закрывал собой от убийц. Что-то чиркнуло по лбу, выбивая красные брызги. Какое-то время я таранилась на острие

клинка и не понимала, откуда он взялся в спине Михея. Но потом сталь с чавкающим звуком исчезла, а из раны хлынула кровь. Мужчина рухнул навзничь, сбивая меня с ног и накрывая тяжелым телом. При падении я приложилась головой об каменный постамент и уже не услышала, как взревели от ярости воины. Не почувствовала, как меня подхватили на руки и вынесли из-под обстрела. Не увидела, как вмиг поседел отец, которому передали мое бездыханное тело. Очнулась в святилище от звуков боя и отчаянного плача Данияра. Здесь уже пролилась кровь и нашли погибель десятков младших родичей. Возле источника собралась горстка выживших. Из женщин только няня и мама Света. Еще двое старших сыновей двоюродных братьев отца и Савелий Андреевич, наш дворецкий. Последний едва держался, умирая от полученных ран и со свистом глотая воздух.

Мама пыталась успокоить Данияра, который не понимал, что происходит, и хотел вернуться в кровать. За мной присматривала Марьяна Никитична, которая тихонько всхлипнула, когда я пришла в себя. Она прижимала меня к себе одной рукой, а вторая неподвижно висела на перевязи. Последним рубежом обороны стоял глава рода и чудом еще державшийся на ногах Захар Платонович. Судя по истончающемуся щиту, надолго их не хватит. Воинов в графитовой экипировке, прячущих лица за масками с прорезями для глаз и рта, в святилище набилось десятка два. Но они держались позади мага, который, как заведенный, наносил удары по фиолетовому щиту. С холодящим спину ужасом ожидала того момента, когда наступит неминуемый конец. В том, что никого не пощадят, я не сомневалась. Никому не нужны свидетели кровавой расправы над дворянским родом.

Наверное, тому, кто устроил резню, надоело ждать. Воины у входа расступились, пропуская вперед фигуру в черном. Бархатная маска скрывала лицо и даже родовой знак на виске, но я все равно узнала убийцу. Впрочем, как и Константин Даниилович, силы которого иссякли, и он не упал лишь потому, что опирался на меч.

– За что? – вырвалось у главы надрывным хрипом. – Мы ведь не враги тебе!

Старик снял маску, понимая, что инкогнито раскрыто. Он сделал знак подручному, указав на брата. Тот забрал Данияра, грубо вырвав ребенка у матери, и передал хозяину. Я удивилась, когда малыш вдруг

успокоился на руках у чужого человека. Убийца ухмыльнулся, подцепив мизинцем кулон с красным камнем, болтающийся на груди Данияра.

– А я все гадал, как удалось усмирить стихию, – цокнул он языком. – Надо же, родовой амулет Старцевых! Оказывается, вот куда он пропал на две сотни лет.

– Отец! – взмолилась мама и бухнулась на колени перед стариком. – Пощади хотя бы детей. Ниночка ведь твоя внучка, она...

– Гнилое семя! – скривился дедуля, – которое следует вырвать с корнем, чтобы не проросло. Заканчивайте здесь! – отдал он приказ цепным псам и тут же засюсюкал с малышом, – а у нас впереди еще столько дел. Первая инициация будущего наследника, хлопоты по случаю праздника, гости, подарки.

Развернувшись, старик направился к выходу, а к нам метнулись серые тени, неся с собой неумолимую смерть. Папа и Захар синхронно отступили, прикрывая меня и маму, но силы слишком неравные. Будто в страшном сне вижу, как падают тела, исколотые мечами, и гибнут люди, к которым прикипела душой. Из груди рвется истошный крик. Не помня себя, бросаюсь на убийц с детским оружием, которое их только смешит. С размаху напарываюсь на клинок, и плечо обжигает острой болью. Затем неведомая сила отрывает от пола и кидает в источник. Воздух рассекает свист стали. Я крепко зажмуриваюсь в ожидании новой порции боли и отчаянно желаю оказаться как можно дальше отсюда.

Глава 2

Падение вышибло воздух из легких, который вырвался из горла вместе со сдавленным стоном. Рана на плече горела и причиняла невыносимые страдания. Но они меркли на фоне адского пламени, что пожирало сердце, вырубцовывая на нем имена дорогих людей. Новая семья, самые лучшие в мире мама и папа – единственное, что мирило с другой потерей. В прежней жизни остались муж и двое ребятишек. Дня не прошло, чтобы я не вспоминала о них. А теперь, что меня ждет? Еще одна смерть? Или жалкое существование под крылом убийцы? Не хочу! Почему они медлят? Почему не избавят от мучений? Ведь князь Шумский отдал ясный приказ разделаться с нами побыстрее.

Время шло, отмеряя секунды барабанной дробью в висках, а долгожданного облегчения не наступало. Более того, я вдруг осознала, что лежу на подстилке из прелых листьев и мха, а в бок упираются колючие ветки. Вдобавок, заоченела от холода. Или это озноб колотит, ведь в конце лета ночи еще теплые? С трудом разлепила глаза и ничего не увидела в темноте.

Нет, я точно не в подземелье, где расположено святилище! В работу включилось обоняние, которое безошибочно угадало пряные ароматы леса и приторно-сладкий, отдающий металлическим привкусом, запах крови. Царящую вокруг тишину разбавляло еле различимое стрекотание сверчков. Воздух звенел будто натянутая струна, и каждый шорох, шелест крыльев или вой ночных охотников рождал неосознанное чувство тревоги. Как я сюда попала? Чуть приподнялась и тут же рухнула, не в силах сдержать брызнувшие из глаз слезы. Малейшее движение требовало титанических усилий. Это последствия отката после магического зелья давали о себе знать. Прибавить к этому само ранение, возможное заражение крови, и картина вырисовывалась печальная. Может, оно и к лучшему? Что я за щит такой, если не уберегла самых дорогих людей? Слабая, никчемная и никому не нужная. Я подтянула колени к подбородку и тихонечко заскулила.

Осторожные шаги, под которыми поскрипывала листва и сухие веточки, я расслышала слишком поздно. Затихла, гадая, кто это пожаловал, человек или хищник? В обоих случаях ничем хорошим ночная встреча не обернется. Вопрос только в том, кто из них подарит легкую смерть. Дед Агнияр приказал от меня избавиться, считая пустышкой, как и мать. Но мое исчезновение доказало, что способности все-таки есть. Они и были, только никто в здравом уме не афиширует этого перед посторонними. Это наша с отцом тайна, которую мы скрывали даже от мамы. И это та причина, по которой меня станут искать.

– Кто здесь? – мужской голос похоронил последнюю надежду на скорое избавление от мучений. Я сжалась, проклиная слабость и горькую судьбу, что накликала на мою долю еще испытаний. – Эй, малец, ты живой? – меня резко развернули, схватив за пострадавшее плечо.

Я пронзительно вскрикнула и обмякла, проваливаясь в беспмятство. Приходила в себя постепенно, медленно выныривала из вязкого кошмара, цепляющегося за сознание липкими щупальцами. Открывать глаза и проверять, где нахожусь, не хотела. Тупое нытье в плече уже не оттягивало внимание на себя, физически я чувствовала себя сносно, но в остальном... Перед глазами так и стояла сцена кровавой расправы в родовом святилище.

Зачем меня спасли? – одинокая слеза скатилась по щеке.

– О, ну раз уже сырость разводишь, значит, очнулась, – кто-то тяжелый присел на кровать, приминая ее немаленьким весом, – давай уже, спящая красавица, просыпайся! Знакомиться будем.

Как-то повлиять на ситуацию, в которую попала, я не могла. Противостоять взрослому мужчине, а судя по голосу, со мной не подросток общался, нечего и думать. Но никто не заставит общаться с этим... этим, не знаю, с кем. Поэтому отвернулась и стиснула покрепче зубы.

– Пф-ф, – живо отреагировал незнакомец, – что за капризы? Слушай, я и так время потратил, задержался тут дольше, чем планировал. И это благодарность за спасение? Совсем Забелины обмельчали. Чему тебя только отец учил?

Упоминание о родном человеке вызвало такую ярость, что я тут же захотела высказать этому гаду все, что думаю! Никто не смеет

отзываться о папе в таком тоне! Вот только я недавно решила, что не произнесу ни слова, поэтому до крови закусил губу. Но глаза распахнула и уставилась на мужчину, чтобы запомнить еще одного вра...

– Ты кто такой? – невольно сорвался с губ вопрос.

Я даже приподнялась от удивления, не обратив внимания на прострелившее болью плечо. Незнакомец явно имел отношение к Забелиным. Это и светловолосая шевелюра с пробивающейся сединой, и разрез глаз, и высокий лоб, и скулы. Вот только вязь рун на виске разительно отличалась от той, что носили представители рода. Неправильная какая-то! Вместо того чтобы усиливать способности, связывая родича со святилищем и духами предков, она будто тисками сдавливала энергетические каналы, перекрывая свободный ток силы. А это, между прочим, вело к серьезным проблемам. В одних местах энергия скапливалась и разбухала в узловых точках, как переполненный водой шар. В других из-за недостатка энергии каналы усыхали и постепенно отмирали.

Взгляд прикипел к правой руке мужчины, затянутой в кожаную перчатку. Внешне – ничего особенного, но это, если не видеть разорванных каналов главного рабочего узла. Не каждый одаренный обладает видением магических потоков, чтобы это понять. Я всего пару месяцев назад узнала, что в этом сильно отличаюсь от других магов. Но сейчас речь не об этом. Меня магнитом притягивала перчатка и то, что за ней скрывалось. Осторожно коснулась мужской ладони и развернула к себе. Незнакомец не сопротивлялся, с некоторой снисходительностью наблюдая за моими действиями. Я же, сообразив, что возражений не предвидится, потянула заклепки на ремешках, что крепко прижимали изделие к телу. Освободив часть ладони, судорожно сглотнула. Кость и часть мышечной ткани отсутствовали. Их заменял искусственный протез – продукт этого мира, сплав магии, металла и механизмов.

– Ты тот самый отступник, владеющий стихией огня, которого отец вызвал, чтобы провести инициацию для Данияра, – констатировала я факт и поникла от разочарования. Мужчина лишь пожал плечами и занялся тем, что вернул на место перчатку и крепко затянул ее на запястье. – Не знаешь, кто-нибудь еще выжил? – вопрос давно крутился в голове, только спросить было не у кого.

Теперь вот появилась возможность, но страшно услышать ответ.

– Нет, – мужчина мотнул головой и уставился в окно, избегая прямого взгляда. – Древнего рода Забелиных официально больше не существует. Специальная комиссия, расследующая происшествие, постановила, что имел место несчастный случай. Стихийный выплеск силы повлек за собой уничтожение источника. Константин Забелин – последний, в ком текла древняя кровь. Побочные ветви не в счет, да и не осталось их больше. Вся семья собралась в святилище, когда случился взрыв. Никто не выжил: ни сам глава, ни его жена, ни двое их детей, ни остальные родственники.

– Что за бред? Какой несчастный случай? – произнесла сквозь всхлипы и брызнувшие слезы. Ничего не могла поделать, любое напоминание о родителях причиняло нестерпимую боль. – На имение напали дружинники князя Шумского! – сорвалась я на крик. – Они убили всех! Убили по приказу князя! Он пришел за Данияром, а от нас избавился, как от ненужного мусора! Маму не пощадил и меня, «гнилое семя», велел вырвать с корнем. Мы защищались до последнего, никто не сдался. И я должна была умереть вместе с ними! – закрыв лицо ладонями, я разрыдалась в голос.

Утешать меня никто не собирался. Отступник всучил платок и оставил в одиночестве. Вернулся примерно через час, когда я затихла и равнодушно созерцала потолок, не представляя, что делать дальше.

– Успокоилась? – вопрос я благополучно проигнорировала, даже не шелохнулась. О чем разговаривать с человеком, которому наплевать на чужое горе? – Отлично, – хмыкнул он, недовольный моим поведением. – Снова капризы? Пожалуй, сдам тебя в службу опеки, пусть там нянчатся.

«Ну и сдавай! – меня захлестнула обида. – Плевать, что будет».

– Или продам в подпольный бордель, – пригрозил он. – Хоть деньги за потерянный билет выручу. – Не дождавшись реакции, отступник продолжил разглагольствовать. – Может, стоит сдать тебя Шумским? Принесешь клятву служения и будут тебя использовать по прямому назначению. Сначала под младших княжичей подложат, а вдруг дети редкий дар унаследуют? Все-таки древняя кровь не водица. А не получится, так еще одной подстилкой больше станет.

Я и без напоминаний знала, какая участь меня ждет. Судьба сирот похожа во всех мирах. Улица либо приют, где каждый день

превратится в борьбу за место под солнцем. Редко – приемная семья, но не всем так везет. Ну а в моем случае кабальная клятва с тем самым итогом, что озвучил родственничек. Жестоко? Вовсе нет, это нелицеприятная правда, с которой я уже сталкивалась. Последние три года спокойствия превратили меня в плаксу и неженку, несмотря на ежедневные тренировки и занятия магией. А между тем отец готовил защитницу, учил без страха встречать опасности и помнить, кто я на самом деле.

– Я – щит рода! Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью, – зашептала слова как молитву, повторяя их снова и снова.

Отступник поначалу распинался, фантазируя на тему моего неблагоприятного будущего, а потом внезапно затих. Не сразу поняла, что он просто расслышал мое исступленное бормотанье.

– Вот, что, «малец», – насмешка из голоса исчезла. – В шкафу лежат вещи, еда на столе, номер оплачен на сутки вперед. Времени у тебя до вечера, решай, как будешь жить дальше. Захочешь уйти – дверь открыта, никто не держит. Останешься – будешь слушаться беспрекословно. Нытья, капризов или барских заскоков не потерплю. И главное – никаких разговоров о мести. Ты теперь никто, простолюдин, и даже косо не смеешь посмотреть в сторону аристократа. По крайней мере до тех пор, пока не докажешь, что чего-то стоишь.

Я расслышала, как хлопнула дверь, но даже не подумала пошевелиться. Мало того, что у меня отняли будущее, так еще и в мести отказывают?

Не бывать этому! Я подскочила и принялась лихорадочно собираться. Одежда, как и сказал отступник, висела в шкафу. Не моя, правда, но не разгуливать же в исподней рубашке? Холщовые штаны на завязках, стеганая безрукавка, пояс. Поверх полагалась плотная куртка размера на два больше, чем нужно, а на ноги – грубые сапоги, что на поверку оказались велики. С ностальгией вспомнила полусапожки из мягкой кожи, брючки и остальное платье, что шилось на заказ из тканей даниловских мануфактур. Однако вещи – пол беды! Куда делся дневник и детские сокровища? Дело даже не в их стоимости, а в том, что они дороги как память. Теперь уже как память, хотя я и раньше бережно относилась к подаркам. В поисках пропажи

перевернула комнату вверх дном, но так ничего не нашла. Понятно, что теперь я никуда не уйду, пока не спрошу с этого... этого наглого воришки, куда дел украшения и оружие. В лесу не хватило сил проверить, потерялось оно в пылу схватки или же я прихватила его с собой. Зато позже было достаточно времени, чтобы вспомнить каждую секунду роковой ночи. Когда я кинулась на убийцу матери, в руке сжимала лишь один клинок, другой оставался в ножнах. А потом меня отшвырнуло к источнику, так что правый меч я навсегда потеряла. Но второй остался! Эти мечи подарил отец, и за них я глотку перегрызу.

День в ожидании тянулся невыносимо долго. Я раз десять порывалась уйти, но в последний момент останавливалась. А вдруг отступник вернется? Вдруг решит, что ушла, и тогда я его никогда не найду? Металась, как тигр в клетке, концентрируюсь на злости и вытаскивая из прошлого позабытую манеру поведения озлобленного волчонка. К вечеру я даже расколошматила стол, выплеснув накопившуюся ярость. С особенным удовлетворением превратила посуду в груды обломков, тем более что обед давно уничтожила.

Как ни странно, но эта выходка дала волю эмоциям и успокоила. Иной раз я забывалась, что вышла из возраста, когда истерикой или капризами можно чего-то добиться. Да что там! Я забывалась, что разменяла третий десяток, и вела себя как ребенок, живо интересуясь окружающим миром. А как не интересоваться, если действительность не переставала удивлять? Каюсь, в прежней жизни нечем похвастаться: училась из рук вон, школу закончила на тройки. Максимум, на что хватило, поступить в кулинарное училище, которое бросила, когда встретила Коленку. А дальше замужняя жизнь, хлопоты, детишки – я растворилась в семейном уютном мирке и абсолютно не интересовалась, что происходит вокруг. Здесь же все было похожем, но каким-то другим, будто я попала в конец девятнадцатого – начало двадцатого века. Паровые машины, дирижабли, самоходные повозки – как же я тарасилась, угорая от их нелепого вида. Помнится, Марьяна Никитична лишила сладкого из-за неподобающего поведения. Однако механическими штучками человека двадцать первого века не удивишь. До глубины души поразило другое – магия! Некое таинство для избранных, к которому вдруг оказалась причастна. И первое разочарование – сил у меня не так уж и много. Вернее, они придут со временем, когда подрасту, научусь управляться с потоками, возьму их

под контроль и пройду вторую инициацию. А последнему уже не суждено случиться. Святилище уничтожено, источник разрушен и нет больше тех, кто мог бы провести ритуал. Из Забелиных выжила только я и изгой, которого отрезали от источника и обрекли на медленную смерть.

Значит, заслужил! Мысли вновь перескочили на родственника: это как же он допек главу рода, что тот провел отречение? Рожа хоть и благородная, а на деле – проходимец последний. И моя жизнь теперь зависит от этого человека? Вот угораздило! Нет, как только верну свое имущество, наши пути разойдутся. Уж как-нибудь не пропаду.

Однако весь боевой настрой испарился, когда в номер ввалился побитый отступник. Он еле доплелся до кровати и рухнул ничком, не заботясь, что та уже занята. Я едва отскочила, не зная, как реагировать на подобное.

– Эй! Как там тебя? – потербила его за плечо, – что случилось?

– Малец? – он вскинул голову и посмотрел мутным взглядом. – Не сбежал еще? А я так надеялся! Тогда вот тебе первое задание: на рассвете прибыть к седьмому причальному доку. Корабль «Буран», капитан Буран... ский. Договорился... и все ик... оплачено.

Меня окатило облаком настолько едкого сивушного перегара, что я опрометью бросилась к ведерку, служившему для отхожих нужд, и опустошила желудок. Следом накрыла тошнота и боль в плече. За день я притерпелась и старалась не обращать внимания на неудобства, но от резких движений рана начинала нестерпимо ныть. Распахнула ставни, чтобы плотнуть свежего воздуха. Мало мне в жизни проблем, теперь еще алкаш-родственничек прибавился.

В это время в дверь робко постучали. Не услышав ответа, а я замешкалась, не зная, кого это принесло, в номер пожаловал гость. Мальчишка лет семи, надрываясь от тяжести, приволок чугунок с чем-то аппетитно пахнущим. Замер на пороге, уставившись на завалившийся стол и разбитую посуду.

Мда, погорячилась немного.

Я стояла в тени, чуть сбоку от окна, в которое как раз заглянуло попрощаться вечернее солнце. Наверное, лучи ослепили служку, раз меня не заметил. Воровато оглянувшись по сторонам, он пристроил чугунок на стуле и приблизился к мужчине.

– Господин? – шепотом позвал парнишка отступника, – вы в порядке? Я принес поесть, как заказывали.

Не дождавшись ответа, мелкий воришка принялся шарить по чужим карманам.

Вопиющая наглость! Мое! Я первая была!

– Кхе-кхем! – нарочито громко прокашлялась, захлопывая дверь и задвигая засов. – Попался!

Постреленок взвился, будто ужаленный, заметался по комнате, не сразу разглядев, с кем имеет дело. Едва успела перехватить воришку у окна, а то сиганул бы со второго этажа с перепугу. Мальчишка оказался крепкий, однако вряд ли тратил свободное время на тренировки, как я. Но дырка в моем плече сводила преимущества на нет. Поэтому действовала наверняка, чтобы вырубить и скрутить наглеца. Пришлось даже завязками от штанов пожертвовать и связать наглеца, чтобы не вырвался, когда придет в себя. Заодно вернула добро, которое успело перекочевать в загребущие ручки.

В тощем кошеле насчитала двадцать медяшек мелочи и четыре серебряных монетки. Негусто! Я оставила воришку на полу и решительно отправилась к родственничку. Грабить, так грабить до конца! Времени для тщательного осмотра предостаточно. Я точно знала, пьянчуга не очнется в ближайшие несколько часов. У Соньки, с которой сдружилась в приюте, родители спились и их лишили родительских прав. Иногда они трезвели и приходили навещать дочь, клялись, что исправятся и заживут нормальной жизнью. Но потом срывались, и все начиналось сначала.

Ворочать тяжелого мужика ребенку – то еще занятие. Умаялась, пока закончила. Зато потом с чувством выполненного долга уполовинила чугунок с вкуснейшей тушеной картошечкой с кусочками жирного мяса. Результаты обыска порадовали. За поясом отступника обнаружился мой меч, заткнутый на манер кинжала, а на груди под рубахой – и вот даже ни капельки не стыдно, что залезла туда, – я нашла плотный пакет с документами. Их изучением займусь позже, когда разберусь с воришкой. Он как раз очнулся, но виду не подавал, лежал с закрытыми глазами и пыхтел, как паровоз.

– Эй, как тебя звать? – я подошла к пацану и легонько толкнула ногой в бедро. – И не притворяйся, вижу, что очухался. Не бойся, жаловаться дядьке не буду. Ответишь на пару вопросов, и отпущу.

После этих слов мальчишка ожил, ловко извернулся и уселся на полу, разглядывая меня огромными карими глазенками. Мордаха чумазая, волосы клоками торчат, одежда драная – бесенок натуральный.

– Егоркой кличут, – шмыгнул он носом и подозрительно прищурился. – А ты из каких будешь? Откудыть взялась?

– Не твоего ума дело! – фыркнула я и приосанилась, положив руку на эфес меча, который также заткнула за пояс. Весь эффект испортили соскочившие штаны, не удержавшиеся на бедрах без завязок. В последний момент подхватила их и заправила под пояс. – Раз я тут нахожусь, значит, так надо.

– Не-а! – заулыбался пацан во весь рот, демонстрируя отсутствие переднего зуба. – Врешь! Сама, небось, промышляешь. Ножик-то этот у барина был. Приметный. Сейчас как крикну, живо народ сбежится, будет тебе на орехи!

– А ты покричи! – не повелась я на развод. – Чего сразу не кричал? Может, дядьку разбудишь, заодно и спросим у него, по праву я тут или мимо проходила. Давай! – рывкнула и притопнула ногой, отчего пацаненок отпрянул и съежился от страха.

Еще бы не испугаться, когда я заставила родовую вязь на виске проступить! Это с равной он пыжился и изображал невесть кого, а с дворянами разговор короткий. За воровство могли плетей отсыпать, а то и зашибить или покалечить.

– П-простите, не признал сразу, что ты... вы... одежда ведь ношенная, с чужого плеча, а ножик дорогой. Барин как заселился, снял две комнаты, а второго жильца нет. Ну, нам-то что, если деньги уплачены? Исчезал иногда посреди ночи, а потом возвращался весь в кровищи, воды горячей и корпий требовал, иголки для шитья. Лихой человек. А надьсь хмельного перебрал, полночи буйнил, хозяйку всполошил, – затараторил мальчишка, выкладывая, что знал, как на духу. – Заведение у нас приличное, не подумайте. Тетка Степановна ужо городничему челобитничать хотела, чтобы буйного барина унял, но не приказный день был. Так барин ваш хоть бы монет за беспокойство подкинул, чтобы сгладить, значит, конхликт. Но нет, и слушать ничего не захотел, ножиком вон размахивал.

– Ха, приличное! Дешевая забегаловка ваш «Пьяный карась»! – подначила я пацаненка.

– И ничего не забегаловка! «Усталый пескарь» на владимирском тракте самый известный постоялый двор, кого хошь спроси! Каждый, кто в Суздаль на янмарку едет, аккурат у нас на постой остается.

Спорить не стала, усмехнувшись, как ловко получилось выведать, где нахожусь. Выходит, в Суздаль родственничек доставил. Тут же вотчина князя Шумского недалеко. Увидит кто, узнает, мигом повяжут и деду на блюдечке поднесут. Закабалят и фамилию не спросят. Официально меня признали мертвой, а за холопку безродную кто вступится? Подальше бежать отсюда и побыстрее. Хоть в Московию, хоть в Нижегородское княжество, а то и за Урал, чтобы ни одна собака следов не нашла. Взгляд остановился на тушке отступника, что теперь лежал на спине, раскинув руки, и храпел, что боевой слон. Вот же наказание на мою голову!

– Слушай, Егорка, заработать хочешь? – я посмотрела с прищуром на пацаненка, который закивал, как болванчик. – Нужно нанять извозчика, чтобы доставил к седьмому причальному доку, и найти кого-то, кто бы помог спустить дядьку вниз.

– Серебрушку! – обозначил цену мелкий грабитель, а я вопросительно вздернула бровь и снова заставила печать рода проявиться. Опасно, конечно, часто показывать простолюдину знак погибшего рода. Вдруг запомнит и разболтает? Одна надежда, что Егорка не разобрался, что там изображено. Я и сама долго учила печати княжеских фамилий, чтобы не ошибиться при встрече. А сколько мелкопоместных дворян и прочих родов по России раскидано? Всех не упомнишь, да и не нужно на самом деле запоминать тех, кто ниже рангом. – Ну, эта... – стушевался мальчишка, – я же не себе беру. Тувру Сивому, вышибале, значит, медовухи жбан поставлю, барина чтобы вниз дотащил. А на месте уже с возницей договоришься. И эта... – он кивнул на разбитую посуду, – ущербу возместить надо бы, так что по чесноку!

– По чесноку! – улыбнулась смешливому и слегка картавому выговору пацаненка. – Но деньги получишь, как исполнишь, что наобещал. И не вздумай врать или расстраивать меня, а не то спалю вашего «Карася» ненароком.

Подошла к Егорке и освободила от пут. Он сразу же принялся растирать запястья и деланно морщиться. А кто дергался и сам узлы

затянул? Сидел бы спокойно, и никакого вреда себе же не причинил. И воровать никто не заставлял, так что сам виноват.

– Веди в ту комнату, что барин себе снял. Вещи собрать надо. Кстати, пирогов и другой снеди в дорогу соберешь?

– Эта... сделаю. А ты взаправду цельный дом спалишь? – вытаращил он любопытные глазищи, – и людёв живых не жалко?

– Хочешь проверить? Плати, и все устрой. А за «людёв» сам в ответе будешь, если мага разозлишь.

– Дык я чё? Я ж просто спросил, из интересу. Не надоть никого палить, пушай живут, – пошел мальчишка на попятную и на всякий случай бочком двинулся к выходу.

– То-то же! – погрозила ему пальцем. Пока разговаривала с Егоркой, вернула завязки от штанов на место, чтобы не случилось нового конфуза в неподходящий момент. Затем подошла к отступнику и сняла ключ, что болтался у того на шее на длинном шнурке, развернулась к мальчишке. – Пошли?

Идти оказалось недалеко, в соседний номер, что располагался через стенку. Моя комната угловая, в конце коридора, посторонние тут не шастали. Это объясняло, почему о моем появлении в «Усталом пескаре» практически никто не знал. Выходит, родственничек к докторам не обращался, сам рану зашивал и повязку накладывал. Получается, жизнь спас? Останься я в лесу, пропала бы. Либо на обед хищникам пошла, ведь те на запах крови быстро сбегаются, либо в руки княжеских дружинников угодила. Не дураки же они живого свидетеля злодеяний на волю отпускать?

Нда, комната оказалась на редкость запущенной. На полу валялись бутылки из-под вина, стол захламлен грязной посудой, которую поленились выставить за дверь, чтобы прислуга забрала. В углу свалены куски корпий в бурых пятнах засохшей крови, а в камине кто-то недавно жег вещи. По оплывшим пуговицам и металлическим вставкам узнала свою одежду.

– Не пушал сюда барин никого, вот и беспорядок, – пояснил Егорка, сунувший нос следом.

– Вижу! – я тяжело вздохнула. – Иди уже, а то не видать тебе серебрушки. Найду кого-нибудь порасторопнее.

Пока мальчонка убежал выполнять поручение, собрала вещи. Так, ничего интересного: смена белья, мыльные принадлежности, коробок с

приспособлениями для чистки механизмов и запасом смазки. Это все уместилось в дорожный саквояж, на дне которого я нашла пистоль кустарного производства и коробку патронов. Больше в комнате ничего ценного не обнаружилось, поэтому оставила ключ в двери и вернулась в свой номер.

Спать этой ночью не собиралась, так что занялась изучением бумаг, что стащила у отступника. Порадовала находка дневника. Родственничек его не сжег и никуда не выкинул. Только верхний край испачкался в крови и часть страниц слиплась. Но это мелочи, текст я быстро восстановлю и перепишу. Помимо этого, в пакете обнаружила тоненькую стопку писем, перехваченную бечевкой, записную книжку и документы. Последние изучила особенно придирчиво. Надо же узнать хотя бы имя родственничка, кто он и откуда.

Глава 3

«Игнат Александрович Забелин, – значилось в паспорте, – тридцати двух лет. Родители Дарья Дмитриевна Забелина, в девичестве Агнищева, и Александр Олегович Забелин – вычеркнут из медной книги дворянских родов». «Ага, – я припомнила, что знала об истории рода, – если не ошибаюсь, дед этого отступника, Олег Александрович, приходился родным братом моему дедушке по отцовой линии Даниилу Александровичу и служил защитником великого князя Владимирского». В семье Забелиных не любили вспоминать о старшей ветви из-за позора, который несмываемым пятном лег на репутацию рода.

Из того, что я уже знала об этом мире, Российская империя делилась на отдельные княжества, которыми управляли великие князья. Во главе стоял неодаренный император из династии Романовых, Петр Александрович. Его власть опиралась на Великокняжеский совет, куда входили сильнейшие маги высшего сословия из золотой книги родов. Следующей ступенькой власти был Большой княжеский совет, состоящий из князей первого сословия, входящих в серебряную книгу. В Большом совете шло деление на Приказы, контролирующие различные направления государственной деятельности. Приказы подразделялись на Ведомства и так далее.

Так вот, отца Игната, Александра Олеговича, служившего в охранении великого князя Владимирского Ивана Ярославовича и его семьи, обвинили в измене и казнили еще за пару лет до рождения Нины Забелиной. Ее дед Даниил Александрович официально отрекся от предателя и убийцы, и повелел уничтожить все сведения об отступнике. Сам он ненадолго пережил племянника, слишком сильным потрясением стало предательство Александра. По его вине погиб великий князь вместе с женами и детьми. Чудом уцелела младшая супруга, носившая под сердцем последнего прямого наследника, который и родился раньше срока из-за этого трагического события. Во главе княжества Владимирского поставили малолетнего Ярослава Ивановича Бельского под регентством матери Ксении Святозаровны, в

девичестве Стрешневой. Но на деле власть захапали князя Юсуповы и их союзники, среди которых князь Агнияр Шумский.

Стало быть, Игнат сильно рисковал, когда откликнулся на приглашение отца? Попадись он на глаза ближникам Бельских или тех же Шумских, расправились бы на месте и еще благодарность от высшего начальства получили за расправу над сыном убийцы. А может, ему и терять уже нечего? Исковерканная печать медленно убивала Игната на протяжении... эм-м, одиннадцати лет? Это какую силу воли надо иметь, чтобы день за днем терпеть мучения, не прекращающиеся ни на секунду? Магия, которой отступник наделен по праву рождения, искала выход и сжигала его изнутри. Припомнив, во что превратилась кисть под перчаткой, я невольно поежилась. Может, поэтому он и пил, чтобы забыться и заглушить боль? А ведь сам Игнат не причастен к тому, что сделал его отец, однако наказание постигло всех ближников Александра Забелина. Удивительно, как еще весь род не вырезали. Хотя, теперь это неважно. Наверное, у деда Даниила Александровича не было иного выхода, кроме как отречься от племянника и его семьи. Ради сохранения рода он собственными руками обрек на смерть наследника, который тогда только вошел в силу.

Я уже другими глазами посмотрела на троюродного брата по отцовской линии. Каково это, в двадцать один год лишиться всего, что составляло смысл жизни? Не сомневаюсь, молодого защитника ждало блестящее будущее, и он с малых лет готовился к тому, чтобы стать щитом рода. Но его вышвырнули на помойку, принесли в жертву ради спасения остальных, а он не сдался и выжил всем назло. Примчался сюда, стоило отцу позвать, спас меня и оставался тут, выхаживал, пока я металась в лихорадке и болталась между жизнью и смертью. С момента трагедии минуло несколько дней, если я правильно поняла рассказ Егорки, когда Игнат среди ночи всполошил постоялый двор.

Сразу так стыдно стало за свое поведение. А ведь я даже не поблагодарила за спасение. Но он должен понять! Я только что потеряла близких и не понимала, зачем вообще выжила. И сейчас не понимаю, зачем? А зачем, например, столько лет мучился Игнат? Ответов у меня не было. Разве что, ради мести и восстановления справедливости? Я лишь недавно осознала, каково это, быть щитом рода. Для меня в тот момент собственная жизнь не имела значения.

Память предков, заключенная в крови и дающая силу магии, текущей внутри, призывала любой ценой защитить главу, сберечь семью, сохранить наследие. Невозможно противиться этому зову. Он основа, из которой когда-то появился род защитников. Предать его значило отринуть силу, которую давал источник. А он выбирал самых достойных, не каждый Забелин носил звание щита. Вот почему предательство Александра стало для семьи таким ударом. Он просто не мог так поступить! Но упрямые факты доказывали обратное.

Письма просматривать не стала. Судя по изящному почерку и вензелям с двойным «Д» на конверте, они принадлежали матери Игната. Это личное, куда не стоило совать нос. Помимо паспорта в пакете лежала подорожная на имя Игната Черного – символично, если учесть, что в родовых цветах Забелиных преобладал белый, – накладные на приобретение товара и договора на доставку. На отдельном листочке имелся список покупок, где большинство позиций уже вычеркнуто. Ну вот, а то я уже поверила, что родственничек примчался в Суздаль только из-за приглашения отца.

Документы, кроме дневника, разумеется, я сложила обратно в пакет и вернула на место. Пришлось повозиться, потому что Игнат перевернулся на бок и принял позу эмбриона. Невольно отметила, каким горячим сделался братец, и что запах перегара уже выветрился, а сон стал беспокойным. В полумраке вечерних сумерек взгляд зацепился за полыхающий алый сгусток в груди мужчины. Под одеждой не заметить, а на обнаженном участке тела он сразу бросался в глаза.

Постоянно видеть магические потоки утомительно, они слепят, накладываются друг на друга, дезориентируют и искажают восприятие действительности. Я научилась притуплять это видение и вызывать его по мере необходимости, тогда даже стены не преграда для обнаружения линий силы. Вот и сейчас я перешла на магическое зрение и ужаснулась тому, что творилось с Игнатом. Огонь давно выжег алкоголь из крови. Внутренний источник работал на износ, переполненный энергией, которую выделял, чтобы исцелить хозяина. Прежде Игнат Забелин тяготел к огню, но в организме истинного «щита рода» обязательно присутствовали и другие стихии. Собственно, фиолетовый цвет щита как раз и получался, если маг задействовал сразу несколько стихий для создания защиты. Если

проще, Забелины – это маги-универсалы, сумевшие объединить и совместить несовместимое. Печать рода служила тем механизмом, что не давала силам конфликтовать и тем самым разрушать носителя. Понимание этой простой истины поразило до глубины души. Прежде я общалась только с клановцами и не подозревала, какое значение такой знак оказывал на магический потенциал и способности каждого представителя. Отец не вдавался в подробности, а мне даже в голову не приходило поинтересоваться.

Однако знать причину проблемы и решить ее – разные вещи. Я понятия не имела, каким образом наносится печать, не понимала механизма, при помощи которого дед Даниил заблокировал ее работу. Я видела, как избыток огненной энергии распирает каналы силы, и что он уже поглотил часть потоков, служивших проводниками других стихий. Как это исправить или хотя бы облегчить состояние брата, не представляла. Сама не так давно освоила управление внутренними потоками силы и научилась создавать щит. Здесь же требовалось вмешательство в организм другого человека. Одно неверное действие, и рискую попасть под выплеск сырой силы, что выжжет все живое поблизости.

Игнат уже весь покрылся испариной и горел, как горит больной человек с температурой за сорок. Лечение в данном случае бесполезно, но как бороться с жаром, матери двух детей объяснить не нужно. Подтащила поближе к кровати тазик для умывания, при помощи меча располосовала наволочку на две части. Одну смочила в воде и положила на лоб мужчине, другой обтерла лицо, шею и грудь. Не поленилась сбегать в соседний номер и поискать среди пустых бутылок, не осталось ли где пары капель хмельной жидкости. Нашла початую пыльную бутылку под кроватью, видимо, давно туда закатилась. Закисшего вина, по запаху напоминающего уксус, как раз хватило на одно растирание. Видимого облегчения это не принесло, тут бы ванна со льдом не помешала, а лучше холодильник.

Кста-ати! Я вспомнила, что в поместье использовали специальные амулеты, охлаждающие помещение. Такие устанавливали в кладовых, чтобы продукты дольше оставались свежими. Наверняка, на постоялом дворе имеется что-то подобное!

Отправилась на поиски тетки Степановны, как ее называл Егорка. Служанка, встретившаяся в коридоре, посоветовала посмотреть внизу.

По вечерам в обеденном зале собиралась куча народу, поэтому Авдотья Степановна крутилась там, покрикивая на подавальщиков и обслуживая денежных клиентов. Я с опаской спустилась в наполненное дымом и пьяным угаром помещение. Закашлялась с непривычки и шарахнулась в сторону от нетрезвой парочки, направляющейся вверх.

Приличное заведение? Ага, как же!

– Эй, ты! – меня грубо толкнули, – живо принеси вина и закусок!

Зашипев от боли, ведь эта пьяная сволочь зацепила раненое плечо, я выхватила меч, в два прыжка обогнала нахала и поднялась на пару ступеней повыше. Не знаю, что на меня нашло, следовало вести себя как можно тише, но спускать подобные оскорбления простолюдину не собиралась. Накипело, наверное, да и переволновалась за Игната.

– Я требую извинений! – острие стали уперлось в щеку наглеца. – Ну? – слегка надавила, проколов кожу и выпустив капельку крови. – Или не знаешь, что полагается за оскорбление представителя высшего сословия?

Мужик в униформе городского стражника опешил от неожиданности. Кто, как не он, знал, какими последствиями чреваты стычки с дворянами? По-хорошему, дядьке стоило извиниться и замять конфликт. Но все это происходило на глазах дамы, в организме бушевал хмель, судя по свежему перегару, да и на дворянку я совершенно не походила.

– Пошла прочь, малявка, пока не зашиб! – рявкнул мужик и попытался перехватить оружие.

Я вывернулась, чиркнула лезвием по лицу и оставила глубокую царапину. Будь это бой на мечах, стражник не продержался бы и минуты. Но мы находились в таверне, на узкой лестнице, и о честном поединке здесь речи не шло. Стражник нагнал на втором этаже, схватил за шкуру и с размаху впечатал в стену. В глазах потемнело от смеси ярости и боли. Во рту появился противный металлический привкус. В голове не укладывалось, что взрослый мужчина, обязанный защищать невинных, запросто напал на ребенка. Пусть он не опознал во мне благородную, но это не значило, что с детьми простолюдинов допустимо такое обращение! Что же это за мир такой, где целые семьи вырезаются по чьей-то злой прихоти, а власть имущие творят полное беззаконие?

В руке я крепко сжимала меч, снова потерять который не имела права, а в груди разгорался праведный гнев на разожравшуюся тварь, что приближалась с садистской улыбочкой на губах. Вступить за меня некому, никто из гуляющих внизу посетителей не озаботился судьбой незнакомой девчонки. Хотя многие видели, что произошло, но предпочли не замечать чужие проблемы. Только дамочка стояла чуть поодаль и ожидала зрелища, когда ее дружок проучит неучтивую нахалку.

– Попалась? – глумливо усмехнулся стражник, нависнув громадной тушей. – Что ты там требовала? Уважения? И к кому, к какой-то оборванке, где-то укравшей чужое оружие? Сейчас я тебе научу, как надо ув...

Стражник захрипел, вытаращил водянистые зенки и рухнул на колени, придавив меня к стене. Он силился что-то сказать и не мог, потому что говорить со вспоротой глоткой проблематично. Но я целилась в сердце, чтобы уж наверняка. Пальцы до сих пор сжимали рукоять, торчавшую из широкой груди. Силенок, чтобы оттолкнуть тело или выдернуть оружие, не хватало. Мне помогли это сделать и отпихнули мертвую тушу. Только тогда я увидела бледного как полотно Игната. Он стоял, привалившись спиной к стене, и шумно дышал. В руках отступник держал здоровущий черный меч с зазубринами у основания. Где он его только прятал? Чуть поодаль валялся труп дамочки с застывшим на лице выражением крайнего изумления. Вряд ли она ожидала, что возмездие настигнет так скоро.

Я поднялась, растерянно переводя взгляд со стражника, что затих на полу, на дамочку и обратно. Только что эти люди мнили себя на вершине могущества, и вот уже лежат мертвые, а на моих руках кровь одного из них.

– Надо уходить! – отступник с трудом отлип от стены и подошел к трупу.

Срезал с пояса кошель, взял ключ, который болтался на запястье стражника, и открыл дверь номера, что парочка сняла для развлечений. После подхватил тело за ногу и втащил, аналогично поступил и с дамочкой, затем разбил фонари, освещающие эту часть коридора. В комнате тела подверглись тщательному досмотру, а ценности перекочевали в карманы родственника.

Я находилась в шоке от происходящего. На автомате сполоснула руки в тазике для умываний, что заблаговременно принесли слуги для платежеспособного клиента, почистила меч и насухо вытерла лезвие об чистые простыни разобранной кровати. После замыла пятна, что попали на одежду и слишком бросались в глаза.

– Зачем тебя понесло в зал, где маленьким девочкам появляться противопоказано? – поинтересовался Игнат, который закончил обыск, тоже сполоснул руки и присел на кровать передохнуть. – Этого добивалась? – кивнул он на трупы. – Мир без них только чище станет. Один брал взятки и насильничал, вторая содержала подпольный бордель, но ты ведь этого не знала? Думай, прежде чем что-то делать!

– Ты весь горел, я... – запнулась, подбирая слова.

Взгляд то и дело возвращался к распластанным полуголым телам на полу. Я понимала, что не испытываю ни малейшего сожаления по поводу безвременной кончины этих двоих, но в то же время ужасал факт, что убила человека. Наверное, решающий удар нанес Игнат, но я ведь тоже принимала участие. И спровоцировала стражника тоже я. Ну что мне стоило смолчать? Так гадко я себя еще не чувствовала, хотя смертей за последнее время видела достаточно.

– Я хотела раздобыть амулет, что используют для охлаждения кладовых. Служанка сказала, хозяйка внизу, вот и отправилась на поиски, – пролепетала в оправдание, но прозвучало это так жалко и нелепо, что отступник скривился.

– Глупо! – фыркнул он. – Такие амулеты стоят денег, а еще нужен маг, который их зарядит. Здесь не то место, чтобы хозяева шли на такие траты. Тем более, когда для хранения продуктов сгодится обычный погреб. И... спасибо. Не знаю, что ты сделала, но стало легче.

– Я ничего такого не сделала, – удивилась, с радостью меняя тему разговора. – Это тебе спасибо, что вытащил тогда. И что спрятал от дружинников князя, и выхаживал. Как ты меня нашел? Ну, там, в лесу... – к сожалению, до сих пор не знала, куда меня выкинул источник.

Отступник изумленно вскинул брови и горько усмехнулся.

– Так понимаю, дядя ничего не рассказал, раз ты даже не поняла, где оказалась? – он обхватил голову руками, поник. – Значит, ни единого шанса.

– О чем ты? Не понимаю! – не понравился мне пессимистичный настрой Игната, ох как не понравился.

И еще вдруг накрыло понимание, в Суздаль он приехал не за тем, чтобы провести ритуал инициации для Данияра. Как бы он сумел обуздать стихию, если сам не в состоянии с ней справиться? Только не с той печатью, что медленно его убивала! Я подошла к мужчине, запрыгнула на высокую кровать и устроилась рядышком.

– Не знаю, что пообещал отец, – задумчиво уставилась на носки сапог, что не доставали до пола, – но клянусь, сделаю все возможное, чтобы выполнить обещание. Кто-то сильно постарался, чтобы стереть род Забелиных с лица земли, но ничего еще не закончилось, пока мы живы.

– Не для меня, – хмыкнул Игнат с фатальной обреченностью в голосе. – А ты еще можешь спастись, если уедешь как можно дальше. Уходим, не стоит здесь задерживаться.

Отступник поднялся, слитным движением убрал меч в ножны, болтающиеся на поясе, и направился к выходу. Я молча спустилась с кровати и потопала следом. А что еще оставалось? Настроение упало ниже некуда. Я недавно потеряла родителей и тех людей, что входили в род или преданно служили на протяжении многих поколений. Только-только обрела брата, которым при других обстоятельствах гордилась бы и стремилась быть на него похожей. Он и сейчас вызывал уважение стойкостью духа и невероятной силой воли. Однако повторить судьбу изгоя я не готова. Трусливо сбежать, поджав хвост, когда враги празднуют победу? Когда у них младший брат, который никогда не узнает, какая судьба постигла его семью? И который усилит род убийц, преданно защищая их интересы?

Пальцы сжались в кулаки. Я не сделала ничего плохого ни в этой, ни в прошлой жизни, чтобы со мной так обошлись! Где же справедливость? На мгновение замешкалась у тел врагов, и по губам расползлась горькая усмешка. Если справедливость заключается в том, чтобы вершить ее собственными руками, так тому и быть!

Глава 4

Вещи моими стараниями уже были собраны. Правда, я прошляпила тайник, где хранилось оружие и деньги. Если бы Игнат не пришел в себя, а я увезла его на тот причал, пришлось бы возвращаться. Или он не рассчитывал, что выкарабкается на этот раз? Я видела, как брат страдал и как магия закипала в крови, но и подумать не могла, что в любой момент он может погибнуть. Не верю, чтобы прежде никто не додумался «охладить» мага огня. Так, почему он заранее не озаботился этим вопросом?

На побитую посуду и сломанный стол в номере Игнат никак не отреагировал. Подхватил чугунок с остывшей картошкой, плюхнулся на кровать и с жадностью набросился на еду. Как раз этот момент выбрал Егорка, чтобы притащить корзинку со снедью и сообщить, что договорился с Тувром.

– Видишь ли, тут такое дело, – мальчишку я встретила на пороге, не пустила внутрь, – помощь носильщика больше не требуется. И с извозчиком барин сам договорится. Сколько с меня за ущерб и... – заглянула в плетеный короб, – вчерашние пирожки?

– Ну, как же? – пацаненок хлюпнул носом, – договорился уже! Тувру плевать. Сдерет плату, раз подвязался помочь, и шкуру спустит за обман. Я работать не смогу, а тетка Степановна от харчей откажет. С голоду помру.

В этот момент в коридоре раздался пронзительный женский визг. Похоже, обнаружили тела стражника с дамочкой. Ойкнуть не успела, как за спиной вырос Игнат, втащил меня в комнату вместе со служкой и захлопнул дверь.

– Не сердайте, барин! – Егорка съежился, заскулил, закрывая голову руками, – только не калечьте, Христом богом прошу!

– Успокоился! – прикрикнул брат. – Никто тебя бить не собирается. Кто такой Тувр, и о чем вы договорились?

– Ну, дык, эта... – жадно сглотнув, мальчишка затараторил, – с этой вот сговорились, – ткнул он в меня пальцем, – что Тувр, значит, споможет вас вниз спустить и на извозчика посадить. Серебрушку обещала, если все устрою. А теперь в отказ идет, гангрена белобрыся!

Сказалась дворянкой, печать показывала, а на деле – беднота босоногая! Ножик ваш еще слямзила. Если в самом деле блаародная, чего ж стражник не признал?

– Что? – задохнулась я от возмущения. – Ты кого гангреной обозвал?

– Цыц! Оба! – пресек разгорающийся конфликт Игнат. – Молчать! – это дополнительно мне, потому что не я собиралась терпеть оскорбления. Зла не хватало, чтобы высказать, что думаю. Да и не собиралась выяснять отношения при посторонних, но на меня никто не обращал внимания. Отступник уже отдавал приказы пацаненку. – Мухой ищешь Тувра и отправляешь сюда. Затемловишь извозчика, и чтобы через пять минут ждал у черного входа. Получишь две серебряшки, если быстро обернешься.

– Так я побежал? – Егорка приосанился, бросая взгляды победителя. – Сделаю в лучшем виде.

– Беги, – отпустил Игнат, – и постарайся, чтобы тебя никто не видел. Ох, главное забыл, – лапища легла на плечо служки, отчего у бедолаги подогнулись коленки. – Как только Тувр спустится во двор, выведешь ее незаметно из дома.

– Да сдалась вам эта гангрена, барин! – скривился осмелевший Егорка. – Возьмите меня к себе! Я все-все умею и ем чуть-чуть, и места много не занимаю. Не пожалеете!

– Ах, ты, поганец мелкий! Я ж тебя покалечу! – едва не накинулась на гаденыша с кулаками, так возмутила его вопиющая наглость.

А этот нахаленок еще язык показал и рожицу скорчил.

– Ты слова-то выбирай, холоп! – давясь от смеха, осадил мальчишку Игнат. – Эта гангрена мне родственницей приходится.

– Сочувствую, барин, – на полном серьезе произнес охламон, за что схлопотал затрещину.

– Поговори еще! Бегом исполнять, что велено! И не болтай никому, что тут видел.

Заверив, что «ни в жисть» не проболтается, Егорка убежал, а я, скрестив руки на груди, ждала от родственничка объяснений. Но тот даже бровью не повел, прихватил с собой меч, расправил на кровати смятое одеяло и завернулся в него с головой. Почти сразу дверь прогнулась внутрь от удара и распахнулась. Засов вырвало с мясом, а в

номер ввалился здоровенный детина. Кулаки с мою голову, плечи широченные и рост такой, что до потолка достает. Он будто уже знал, что делать, подошел к кровати, где лежал Игнат, подхватил его и играючи закинул на плечо.

«Караул, грабят!» – хотелось крикнуть вслед. Этот Тувр меня даже не заметил. И, вообще... все настолько быстро произошло, что я только глазами хлопала и удивлялась.

– Эй, чего застыла? – через минуту вернулся Егорка. Кажется, мелькала в дверях вихрастая макушка, когда Тувр выносил Игната. – Кончай ворон ловить.

Спохватившись, я цапнула саквояж с вещами и вопросительно посмотрела на пацаненка. Тот пожал плечами и осторожно выглянул в коридор. Выждав, пока там не будет посторонних, поманил за собой пальцем. Ну, я и пошла, а куда деваться? Спустились мы по узкой лесенке для слуг, прошмыгнули через кухню, где всю кипела работа, и выскочили во двор. Темно. Я застыла, дожидаясь, пока глаза привыкнут, но меня схватили за рукав и поволокли за собой. Едва не пропахала носом землю, когда споткнулась и налетела на Егорку.

– Смотри, куда прешь, бестолочь! – огрызнулся он, потирая ушибленный бок.

– Так темно же!

– И что?

– То! Долго еще? – ох и бесил этот чертенок.

Одно радовало, больше его не увижу. И этот постоянный двор за километр обходить буду! В глухом проулке, куда выходил черный ход, дожидалась пролетка с поднятым верхом. Сразу не разглядеть, на месте Игнат или нет. Глаза уже привыкли к темноте, очертания предметов немного различались, но недостаточно, чтобы распознать опасность. Я невольно замедлила шаг, с подозрением оглядываясь. Саквояж перекинул в левую руку, правая легла на рукоять меча.

– Что так долго? – пробухтел знакомый голос из темноты экипажа. Тут же ко мне метнулась тень, вздернула в воздух и затянула внутрь, устроив рядом с собой. – Трогай! – приказал братец извозчику, и тот сорвался с места.

Меня крепко приложило об жесткую спинку. Я только скривилась. За день столько раз задевала рану, что та давно должна была вскрыться и закровить. Но я проверяла, на ощупь тряпки оставались сухими, да и

болело меньше. Будто бы не пара-тройка дней прошла, а целый месяц, и порез успел зарости.

Пролетка еще не успела свернуть на главную улицу, как в глубине постоянного двора прогремел взрыв. Тряхануло так, что кляцнули зубы, а лошади сорвались с места и понеслись, будто сумасшедшие. К счастью, возница попался опытный, быстро усмирил лошадок и выровнял ход. Я же вцепилась в Игната, опасаясь, что вылету на крутом повороте.

– Что там случилось? – робко поинтересовалась у брата.

– А это последствия неразумных действий, – равнодушно ответил Игнат. – Сиди теперь и думай, сколько невинных людей погибло из-за твоей якобы оскорбленной чести.

– Но я не хотела ничего такого, – к горлу подступил комок и затопило чувство вины.

Гибель не самых лучших представителей общества хоть как-то мирила с пугающей действительностью, но тот взрыв мог покалечить или унести десятки жизней. Тот же Егорка, к примеру, чем виноват? Я всхлипнула, размазывая по лицу слезы раскаяния.

– Вот только сырость здесь разводить не нужно, – строго предупредил Игнат. – Возможно, я немного преувеличил. На самом деле, пожар должен был лишь уничтожить тела, ну и наши номера прихватить заодно. Других постояльцев на втором этаже не было, я проверил, а те люди, что сидели внизу, наверняка успели выбраться. Но ты должна четко усвоить: нет больше Нины Забелиной, дворянки из медной книги родов. Есть просто девочка Нина, сирота без роду и племени.

Я кивнула, упрямо закусив губу. Урок, который я получила, говорил лишь о том, что следует быть осторожнее и думать о последствиях. Но забыть, кто я такая, не заставит никто и никогда!

– Где мы? – я огляделась, удивляясь фонарям на улице. Довольно широкой, чтобы разъехались пять таких экипажей, с мощеной мостовой и роскошными домами по обеим сторонам. – Что забыли в Белом городе?

Здесь располагалась резиденция князя Шумского, селились дворяне, купцы первой категории и зажиточные горожане. Собственно, в каждом городе высшее сословие строило дома в самой защищенной

части и старалось окружить себя комфортом. Это своеобразный показатель статуса и достатка семьи.

Между прочим, где-то здесь затерялся особняк Забелиных, куда родичи перебирались из поместья на зиму или же останавливались на время городских праздников или званых балов. Последние годы он пустовал, потому что из имения в Каменной пади мы никуда не выезжали. Здесь наше семейство не жаловали, и теперь понимаю, почему. Однако род не бедствовал. Белый камень для постройки домов и мощения улиц добывался в карьере, который принадлежал семье. Также у нас имелись искусные мастера резьбы по камню и собственный причал с торгом на реке Каменке, по ней сплавлялись купцы из соседних княжеств.

– До рассвета куча времени, хочу показать кое-что, – уклончиво ответил Игнат.

Впрочем, я уже догадывалась, куда мы держали путь. К роскошным хоромам князя Шумского, убийцы, который хладнокровно расправился с нашей семьей. На какой-то миг я даже поверила, что Игнат нашел способ, как спасти Данияра. Но пролетка остановилась поодаль от резных ворот, возле них несли почетный караул дружинники князя. Добротная броня, новенькие мушкеты, униформа с иголки и сверкающие в темноте магические амулеты защиты. Из-за высоких стен доносилась музыка, гомон людских голосов, смех, веселье. Его светлость устроил праздник по случаю первой инициации наследника Данияра Владимировича Шумского.

Я тоже сперва подумала, что Игнат ошибся, назвав брата другим отчеством. Однако по его просьбе извозчик подошел к служивым и спросил, по какому случаю торжество. Те и рады похвастать, что у Шумских, наконец-то появился сильный маг. Первенец Владимира Агнияровича, младшего среди детей старого князя, который унаследовал силу рода. Теперь никто не скажет, что Шумские вырождаются, раз уж детей Агнияра Святозаровича природа обделила дарами.

– Как же так? – полными слез глазами я посмотрела на брата, – он ведь Забелин! Это что же, Данияр вырастет и даже знать не будет, кто его родители и что с ними случилось? А как же настоящий сын Владимира Шумского?

– Не уверен, что такой вообще рождался. Последние годы младший Шумский провел вдали от семьи. Ни о женитьбе, ни о рождении сына никто не знал до недавнего времени. Но ты теперь понимаешь, что добраться до Данияра невозможно? Детей и внуков у князя Шумского полно, а вот одаренный наследник один. Охранять его будут похлеще императорской сокровищницы. Ни ты, ни я, ни сам император не приблизится к нему, чтобы об этом тут же не доложили старому пауку. У мальчишки будет все самое изысканное и дорогое, чего он только пожелает. Обучать его будут на совесть, развивать дар, тренировать и следить, чтобы крепко усвоил знания, положенные будущему главе рода.

– Зачем ты мне все это говоришь? – сердце болезненно сжалось от безысходности.

– Чтобы ты не наделала глупостей и не бросилась вызволять брата, – спокойно ответил Игнат, игнорируя ручьи слез, вновь бегущие по моим щекам, и зарождающуюся истерику. – Что, уже планировала, как сбежишь от неудобного родственника и героически спасешь Данияра из лап кровожадного убийцы? Думал, как очнешься, так сразу и кинешься в омут мести. Но ты осталась и проявила зачатки благоразумия. Поэтому и привез тебя сюда, чтобы развеять последние сомнения. Как по-твоему поступят дружинники, когда какая-то оборванка потребует пропустить ее в дом, утверждая, что она родная сестра Данияра Шумского? В лучшем случае, прогонят. В худшем они только и ждут, когда сама попадешь к ним в руки. Ну а дальше Нина Забелина просто исчезнет.

– Я бы не... – я разревелась, потому что Игнат во всем был прав.

Такие мысли частенько приходили в голову, но я отгоняла их подальше. Рассчитывала затаиться и выждать время, а потом объявить во всеуслышание, что жива. Рассказать, кто виноват в гибели нашей семьи.

Пока я хлюпала носом и успокаивалась, пролетка устремилась к южным окраинам Суздаля. Мы миновали мост через Каменку и повернули к устью реки Мжары, когда открылся величественный вид на золотые купола и белокаменные стены монастыря на холме. Христианство успело укорениться в этом мире до того, как в него пришла магия и наступили смутные времена. Прежде я не интересовалась религией, да и объяснять было некому, так что

подробности, как и что там развивалось, и на каком моменте пошло по другому пути, мне неизвестны. Здесь храмы так же влияли на жизнь обывателей. Как и в моем мире, люди приходили в монастыри за помощью, читали молитвы, верили в бога. За одним исключением, здесь бог олицетворялся как носитель чистой магии света. А еще он наделял верных последователей редким даром и те несли этот свет людям. Само понятие священник означало носитель света, светоч. В противовес светочам существовали темные силы. У нас бы их приверженцев заклеили дьяволопоклонниками, а тут называли темниками, принявшими в себя тьму.

Как бы там ни было, светочи приносили реальную пользу. В храмах они совершали обряды крещения, венчаний или похорон, а также присматривали за погостами, оберегая покой усопших. Особенно это касалось одаренных, в телах которых даже после смерти иной раз проявлялась сила. Ведь кто такие маги? Если обобщить, это люди, способные личной волей, мыслью влиять на окружающий мир. Бывает, одаренного давно уже нет в живых, а магия, воплощенная в амулете или охранном заклинании, работает долгие годы. А если такого человека убить, и он успеет направить посмертную энергию на месть обидчику? Неизвестно, во что это выльется. В проклятие, которое с легкостью развеет светоч? Или же переродится мстительным духом, а то и кровожадным упырем?

В Каменной пади, родовом имении Забелиных, для покинувших этот мир предков пару веков назад построили усыпальницу. Вот только само имение сторело и не осталось в живых никого, кто бы проводил родичей в последний путь. Поэтому я не удивилась, что погибших похоронили на территории монастыря светочей. Князь Шумский и тут подсуетился, чтобы не настигло наказание за истребление рода. Я, наверное, никогда не смирюсь с этой потерей, ведь даже попрощаться толком не успела. Не сказала, как сильно их всех люблю.

Я смотрела на унылые надгробные плиты с выбитыми именами и датами и ощущала невыносимую пустоту внутри. Собственная могила не вызвала эмоций. Наоборот, только она и была тут к месту, в отличие от остальных. Разве что взгляд коробила роковая дата, когда не стало целого рода. Настоящая хозяйка моего тела исчезла три года назад. Надеюсь, Нина не затерялась в неизвестности и обрела душевный покой.

Игнат не зря привез меня сюда. Серый камень с именем и неумолимыми цифрами стал жирной точкой в короткой и счастливой жизни Нины Константиновны Забелиной. Нет больше той наивной девочки, что верила в идеалы и стремилась сделать этот мир лучше. А кто придет ей на смену, об этом только боги знают, если они существуют на самом деле.

Я захватила по пригоршне земли с могилы отца и матери, ссыпала ее в платок и сунула за пазуху. Молча развернулась и направилась вдоль рядов похожих друг на друга могил к выходу.

На территорию монастыря мы проникли беспрепятственно, бесшумно миновали широкий двор и сразу свернули к погосту, обнесенному деревянной оградой. Однако на обратном пути нас поджидал слугитель в длиннополой рясе. Я невольно замедлила шаг, не зная, чего от него ожидать, и спряталась за спину Игната. Но брат не выказал удивления или страха, почтительно поклонился и замер со склоненной головой. Светоч долго смотрел на него, изредка кивая чему-то, понятному ему одному, а потом одарил благословением, вычерчивая прямо в воздухе крестообразный символ и наполняя его светом.

Я на миг зажмурилась, ослепленная сиянием необычной магии, но тут же распахнула глаза, чтобы рассмотреть, как она будет воздействовать на человека.

Это было необыкновенно красиво и завораживающе. Магия светоча теплой волной окатила Игната, проникая ему под кожу и успокаивая закипающую кровь. Наполнила клеточки тела чистым светом, от которого они будто бы родились заново. На этом фоне отчетливо стали заметны необратимые изменения в структуре магических каналов. Даже если убрать печать, прежние способности уже не вернутся в полном объеме. Игнат останется магом, но управлять сможет лишь стихией огня.

– Ты уже нашел, что искал, – негромкие слова светоча, нарушившие тишину, прозвучали как ответ на невысказанный вопрос.

Во всяком случае, не слышала, чтобы Игнат его задавал. Но сам он вдруг припал на колени, в порыве благодарности целуя руку слугителя. После чего поднялся и уверенной походкой отправился прочь.

Мы с незнакомцем остались одни. В голову невольно закрались подозрения, что этот человек каким-то образом читал мысли. Учитывая, что я не та, за кого себя выдаю, возникали некоторые опасения. Например, что меня разоблачат, или же посчитают злым демоном, захватившим чужое тело. Да мало ли! Как бы там ни было, моей вины в переселении душ нет никакой. Я просто хотела спасти свою семью и, если бы все повторилось, сделала бы это снова.

– Вот поэтому ты и получила второй шанс, Инга, – светоч подошел ближе и положил руку на лоб.

Меня окутало невероятным теплом и ощущением счастья, покоя. Как живые, перед глазами возникли образы родных из прошлой жизни. Любимого мужа Коленьки, серьезной не по годам дочки Иришки, повзрослевшего Олежека. Они сидели за столом и разговаривали. О чем именно, я не слышала, но по лицам видела, вопрос решался серьезный. Первым определился младший, до боли родным жестом взъерошив макушку и радостно просяив. Ира сомневалась, что-то выпрашивала у отца, а тот терпеливо ей отвечал. Наконец, она неуверенно кивнула, бросив грустный взгляд на нашу семейную фотографию, что стояла на столе. Коля приподнялся, кого-то позвал, и буквально через мгновение в комнату вошла смущенная донельзя Сонька, моя лучшая подруга. Он объявил ей об общем решении, а она просяила от счастья и кинулась обнимать моих пострелят. А там уже и Коля присоединился, целуя Софию в губы и крепко прижимая к себе детишек.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Я взмахнула рукой в надежде остановить мгновение, но схватила лишь пустоту. Из глаз ручьями лились слезы счастья, а на губах блуждала печальная улыбка. Лучшей мамы, чем Сонька, для моих не найти, да и с Колей они прежде неплохо ладили. Пусть я не могу быть с ними рядом, но на душе потеплело от понимания, что у них все будет хорошо.

– Спасибо! – схватила светоча за ладонь и прижала к лицу. – Вы даже представить себе не можете, что для меня сделали! Я никогда этого не забуду!

– Твоя жертва не была напрасной, – светоч провел пальцами по моим щекам, высушивая слезы. – Проживи новую жизнь так, чтобы их жертва, – он задумчиво посмотрел на погост, – тоже обрела смысл.

Я обернулась, выискивая взглядом ряд могил Забелиных, но среди одинаковых плит они неизбежно затерялись. Когда же захотела задать еще один вопрос и повернулась к светочу, тот уже исчез. Ничего не оставалось, как вернуться к пролетке, где меня заждался Игнат.

Возница сорвался с места, вновь подхлестывая лошадок и заставляя их мчаться во весь опор. Мы с Игнатом не разговаривали, думая каждый о своем, а я в подробностях вспоминала ту ночь, когда отвела беду от самых дорогих мне людей.

Глава 5

В ту ночь я проснулась, когда пожар уже всюду бушевал на кухне и перекинулся в прихожую. Мужа рядом не было, он сегодня работал в ночную смену, но в доме находилось достаточно живых, чтобы морозный холод пробрал до костей, несмотря на жар от занявшихся ставен. Удивительно, каким простым становится выбор, когда, казалось бы, выбора и нет. Ты без сомнений кидаешься к тому, кто дороже всех.

Выскочив в узкий коридор, я задрала подол ночной рубашки и закрыла им лицо. Детская находилась рядом, и я без раздумий бросилась туда. Наверное, я что-то кричала, пытаюсь предупредить об опасности. Не знаю, услышал ли кто-нибудь, просто на это надеялась. Схватила сонного Олежека в охапку, растолкала Иришку и волоком потащила ее к выходу.

– Прыгаем! – сиганула через тлеющие половики и рамку полыхающих занавесок, увлекая за собой дочь.

Меня опалило жаром. Я почувствовала, как оплывают ресницы и обгорают волоски на открытых участках кожи, но это мелочи по сравнению с нагрянувшей бедой. В прихожей я сдернула с вешалки зимние куртки, закутала ребятню в одежду и выбросила их на улицу. Вслед полетели теплые шапки, шарфы, которые смела с полки, обувь. Было очень страшно, причем за тех, кто так и не откликнулся на зов. Мои ребяташки уже были квелыми, виной тому едкий дым, расплзающийся по потолку.

Накануне засиделись за столом, пригубили спиртного, поэтому добудиться теперь родственников целая проблема. Замерев посреди коридора, я боролась с желанием спасти близких и пониманием того, что уже не выберусь из ревущей стены пламени, отделяющей первый этаж от второго. Но там, в гостевых спальнях, не подозревала о нависшей опасности беременная подруга, а еще родители мужа и его брат с женой. Они все – моя семья, и не мне решать, кому жить, а кому уснуть и не проснуться. Притоптала искры на тлеющем половичке, затем обернулась им на манер щита и прыгнула сквозь жуткую стену пламени.

Казалось, легкие выжгло огнем. Я упала на колени и закашлялась, глаза заслезились от едкого дыма, проникающего в уши, нос, рот. Из-за жаркого марева ничего не было видно. Я бросилась в спальню Соньки, которую любила как родную сестру. По пути нарочно барабанила по закрытым дверям в надежде, что кто-то проснется. Комнату уже заволокло дымом. Огонь с первого этажа быстро распространился по всему дому через технические пустоты внутри стен. Я схватила попавшийся под руку стул и с силой запульнула его в окно. Вместе со звоном битого стекла в помещение ворвался морозный воздух. Он сбил слабое пламя с окон и выдул скопившийся дым.

Подруга пришла в ужас, когда я приказала ей прыгать со второго этажа. Спросенок Сонька плохо соображала, но стоило напомнить, что под угрозой жизнь малыша, как она мигом собралась. Под окном как раз располагался козырек, а сбоку скопилась приличная гора снега, так что подруга ничем не рисковала. Похватав первые попавшие под руку вещи, она спешно оделась и выбралась наружу. Я же бросилась к остальным, перед этим обернувшись в простыни, на которые вылила воду из-под цветов. Даниил с женой услышали шум, оделись и жались к распахнутому окну. Им не повезло в том плане, что окна выходили на палисадник, и они рисковали упасть на заостренные колья забора или штыри, вкопанные для поддержки цветов. Зимой острые клинья в снегу выглядели угрожающе, и я понимала, почему Штормины замешкались и не желали рисковать.

– Идите к Софье, там можно безопасно спуститься! – крикнула им.

Но Лиза категорически отказывалась прыгать через огненную преграду. Какое-то время ушло, чтобы убедить ее, что гораздо опаснее оставаться на месте. Благо Миша нормально соображал и молча перекинул жену через пламя.

– Кто еще остался? – спросил он, прижимая к себе супругу.

– Родители, – я беспомощно оглянулась на бушующую стихию, поглотившую лестницу и отрезавшую путь на первый этаж. Прогоревшие ступени с грохотом обрушились, подтверждая худшие опасения.

– Лиза, иди! – Миша попытался спроводить супругу через единственный безопасный путь, но та клещом вцепилась в мужа и завывла раненой белугой.

– Идите оба! Позаботьтесь об Иришке и Олежке, скажите Коле, что люблю его! – я подтолкнула Михаила к комнате сестры.

– Ты что задумала? – Миша вцепился в мою руку. – У них нет шансов. Сама погибнешь и их не спасешь!

– Я должна попытаться!

– Сдурела? Уже крыша занялась, скоро все обрушится.

Я видела, что Михаил был готов идти со мной, не взирая на опасность. Но Лиза будто предчувствовала беду и цеплялась за мужа с дикой силой. Я бы тоже цеплялась за своего Колю, переложив ответственность за жизни родителей на него. Но в этот момент не могла соображать нормально. Я знала, случись что со мной, муж достойно воспитает наших детей. Но если развернусь и сбегу сейчас, до самой смерти между нами будет стоять немой вопрос, почему не спасла его родителей. Коля родился поздним ребенком. Анна Михайловна и Роберт Васильевич в нем души не чаяли. Для него они были центром жизни, и меня приняли как родную. Для сироты это многое значит, а потому я недолго раздумывала. Вдохнула поглубже, задержала дыхание и сиганула сквозь пелену огня. Что случилось дальше, я уже и не вспомню. Кажется, попала в огненный ад. Куда бы ни кинулась, отовсюду встречали языки пламени. Я сбивала его одеялом, попавшими под руку вещами, задыхалась, кашляла, но упорно пробиралась вперед. Кажется, добралась до окна и выбила стекла. Остальное происходило как в бреду, было очень жарко и больно. Каждая клетка пропиталась огнем. Горелыми шрамами в памяти запечатлелись родные лица, а следом пришла всепоглощающая боль.

Все-таки, мне не удалось выбраться из огненной ловушки, с тоскливой жалостью признала я неумолимый факт. Какая-то часть меня глупо надеялась на призрачный шанс, что я выбралась, но, к примеру, сильно пострадала и находилась в коме. А вся эта история с переселением душ и возрождением в детском теле – игра воображения. Однажды я проснусь, и жизнь вернется в прежнее русло. Может, поэтому никак не могла отпустить близких и горевала по ним каждый день? Теперь же я увидела кусочек другой реальности, в которой моя семья научилась жить без меня. Не думала, что обрадуюсь тому, как подруга сошлась с моим мужем. Она бы никогда себе такого не позволила, будь я жива. Это табу, которое ни одна из нас не нарушила

на протяжении долгой двадцатипятилетней дружбы. Из нас двоих Сонька всегда больше нравилась парням, задорная, смешливая, душа компании. А вот в личной жизни ей не везло, так и не встретила того самого, единственного. Последний ухажер сбежал, когда узнал о ее беременности. Помню, как она плакала тогда, расстраивалась, что ребенок вырастет без отца. О том, чтобы избавиться от плода, даже речи не шло. Тогда и поклялись друг другу, если вдруг что-то случится с одной из нас, вторая позаботится о детях. Мы с Колей собирались стать ребенку Соньки крестными родителями и заверили, что будем поддерживать, не оставим одну. А теперь судьба сложилась так, что на долю подруги выпало стать моим ребятишкам мамой.

– Что такого сказал светоч, что ты уже час молчишь, всхлипываешь и глупо улыбаешься? – отвлек Игнат от грустных воспоминаний.

– А тебе? – я посмотрела на мужчину с вызовом, – зачем вернулся на самом деле?

– Действительно хочешь знать? – он вопросительно изогнул бровь. Я кивнула, всем своим видом дав понять, что готова выслушать брата. – Хорошо, – Игнат поморщился, будто не желал ворошить прошлое, вздохнул. – Тебе известно, за что казнили отца, а меня вычеркнули из рода?

– Да... – я чуть подалась вперед и коснулась руки мужчины, – но я не верю, что кто-то из Забелиных мог так поступить. Это противно природе нашего дара.

– И никто из родичей не поверил, но наша уверенность – ничто против неумолимых фактов. Отца казнили, мать сгорела от горя за неделю, ну а меня принесли в жертву, чтобы спасти хотя бы младшую ветвь.

– Теперь ее тоже нет, – я поникла. – Выходит, все было напрасно?

– Ну, мы-то с тобой пока живы! – Игнат легонько толкнул меня кулаком в плечо, здоровое, к слову. – Константин связался со мной, чтобы узнать подробности одиннадцатилетней давности. Думаю, предчувствовал опасность. Официально вернуть меня в род он не имел права, зато мог подарить нормальную жизнь. Ты не задавалась вопросом, почему древний род, зародившийся еще в Смутные времена, записан всего лишь в медную книгу? Он по праву может и должен находиться в золотой.

– Нет, – я мотнула головой, – даже не задумывалась. А почему так?

– Потому что иначе мы не смогли бы служить тем, кто ниже по рангу. наших предков такое положение вещей устраивало, а после стало поздно что-либо менять. Но я не об этом. За верную службу и спасение жизни князя часто одаривали защитников золотом, землями, магическими артефактами. Сокровища постепенно накапливались, со временем только увеличиваясь в цене. Род у нас немногочисленный из-за специфики деятельности. Когда ты становишься тенью другого человека, на собственную семью не остается времени. Поздние браки, одна, максимум две жены, один-два ребенка, которого воспитывают в традициях рода. Естественная селекция, когда потомки вбирают от родителей лучшее, ведь в выборе партнера мы не руководствуемся выгодой. Только по любви и обоюдному согласию, пусть даже избранник не благородных кровей. Так вот, богатство многим застит глаза. Нашлись глупцы, позарившиеся на чужое добро. Лет триста назад род Забелиных чуть было не угас, когда новгородский князь под маской разбойника разорил наше имение. Выжил только глава и то, потому что отсутствовал в тот момент и прибыл слишком поздно, чтобы спасти своих. Люди погибли, а до золота враги так и не добрались. Но кому нужны богатства, когда потеряно главное достояние рода? Закарий перенес сокровищницу в потайную комнату, скрытую в глубинах Каменной пади, где велась выработка белого камня. Тоннели, ведущие к ней, обвалил, старые карты и чертежи шахт уничтожил. Единственный путь туда открыт лишь для наследников с особенным свойством дара.

– Каким же? – у меня мурашки побежали по коже от поразившей догадки.

– Некоторые из нас наделяются редким умением открывать тайные тропы и перемещаться на большие расстояния. Это умение передается через поколение старшему из детей, так как считается, первенец наследует силу рода. Например, им владел наш прадед Александр Закарьевич Забелин, а после него Александр Олегович, мой отец. Но с его смертью семья утратила доступ в сокровищницу. Насколько я знаю, Константин изучал семейные архивы, разыскивая способ вновь попасть туда. Единственное, что выяснил, первоначально тропу легче открыть в святилище. Он раскопал упоминание, что

однажды источник сам привел действующего главу, не унаследовавшего редкое умение, в тайное место и вернул обратно.

– И что это значит?

– Теперь уже ничего, – Игнат пожал плечами. – В последнем письме Константин намекнул, что нашел способ. Подробностей не сообщал, обещал рассказать при личной встрече, которая так и не состоялась.

– Кажется, я знаю, что это за способ, – я крепко стиснула руку Игната в ладошках, – нам нужно попасть в имение.

– Эй! – крикнул брат вознице, – сворачивай к Каменной пади! И поторапливайся! – я видела, что у Игната на языке вертится куча вопросов, но он сдерживался, будто боялся спугнуть удачу.

Может, и к лучшему, потому что меня опять накрыло воспоминаниями трехлетней давности.

– Солнышко, просыпайся! – на утро после пожара меня разбудил ласковый голос. – Как себя чувствуешь, моя хорошая?

– Пить, – пискнула не своим голосом, и к губам тут же приставили емкость с живительной влагой.

Такой вкусной воды я в жизни не пила, а потому проглотила содержимое кружки до капельки. Только после этого открыла глаза. Увиденное поразило настолько, что я резко зажмурилась. Откуда в моей жизни возьмется убеленная сединами женщина, лоб которой перетянут расшитым пояском на старинный манер? Да и антураж позади никак не напоминал родной дом или, на худой конец, казенные стены поселковой больницы.

– Боярышня очнулась! – тут же раздался звонкий голос, никак не принадлежащий особе, которую я увидела.

От любопытства широко распахнула глаза.

– Очнулась, Нинушка! – ласково улыбнулась женщина, обрадовавшаяся моему пробуждению.

Вот только я никакая не Нинушка! И место незнакомое. И тетенька абсолютно чужая! Хотя какая чужая, если чувствую тепло и ласку, от нее исходящую?

– Что со мной? – новый писк без сомнений раздался из моего горла, его даже ободрало от приложенных усилий. – Где я? – по привычке хотела потереть переносицу и замерла, увидев взметнувшуюся тщедушную ручку. – Я? – подскочила на кровати,

придирчиво оглядывая собственное тело. – Не я! – неловко завалилась набок, осознав, что увидела лишь слабого ребенка.

Дорогое, вышитое золотой нитью одеяло ничуть не скрывало худосочного тельца. И это тельце точно не Инга Симакина тридцати четырех лет от роду.

– Тише, деточка! – женщина подхватила меня и уложила на подушки, – не переживай. Ты в безопасности. Поверь, никто больше не посмеет тебе навредить.

А раньше посмели, что ли? Все еще не понимая, что происходит, я поднесла руку к глазам. Кожа белая и словно светится изнутри, да и размер такой, будто бы мне года три-четыре. Совсем как у Олежека ладошка.

– Где я? – повторила вопрос, и незнакомка соизволила ответить.

Не ожидала, если честно, уж больно сильно она причитала и сокрушалась о каком-то событии.

– Так дома вы, боярышня, в родовом поместье Забелиных. Скоро батюшка ваш пожалует, а матушка от переживаний слегла, доктор ей сонных капель прописал.

Я безвольно опустила руку и прикрыла глаза. Перед глазами еще стояло огненное марево, нос чутко улавливал запах гари, а по телу гуляли фантомные боли. Надо подумать и разобраться, что все-таки происходит.

– А кто я? – спросила умирающим голосом.

Это нетрудно на самом деле, когда внутри сил не осталось даже на то, чтобы пальцем пошевелить.

– Так, боярышня, Ниночка Константиновна Забелина, шести лет отроду. Неужто не помнишь, дитяtko?

Писец! Я крепко зажмурилась, переваривая новости. На память не жаловалась, и прекрасно помнила, как бросилась спасать маму Аню и папу Роберта. Стало быть, у меня не получилось? Сердце сдавило болезненным спазмом, а на глазах проступили слезы. Я умерла? Выходит, Иришка с Олежеком сиротками остались? Как же так? А Колюшка как там без меня?

– Ну-ну, поплачь, маленькая, – ощутила, как меня ласково погладили по голове, – чудом выжила. Чудом! Кто бы мог подумать, что амулет Забелиных такую силу имеет!

– Амулет? – я зацепилась за слова женщины, – какой амулет?

– Родовой, конечно! – охотно пояснила она, – вот же он! – женщина поддела пальцем кожаный шнурочек на моей шее.

Я потянула за него и выудила на свет круглую подвеску. По виду она напоминала циферблат, только вместо цифр непонятные закорючки.

Руны, услужливо подсказала память. Точно! Руны покрывали внешнюю часть подвески из черненого серебра, а центральную занимал фиолетовый камень. Красивый. Наверное, драгоценный был. Сейчас он покрылся черными трещинами, которые уродливой паутиной расползлись по поверхности. На обратной стороне амулета я с трудом разобрала надпись на старославянском, что-то о выборе пути и его бесконечности. На этом, собственно, силы закончились. Так и заснула, стиснув подвеску в ладошке.

В следующее пробуждение я познакомилась с маменькой Ниночки, боярыней Светланой Агнияровной. Молодая пышнотелая женщина прослезилась, крепко прижимая меня к груди. Сразу так тепло стало, хорошо и приятно, что я едва на заурчала как кошка.

– Сокровище мое! Радость моя. Солнышко! – осыпала она поцелуями моё лицо. – Как ты нас напугала. Расскажи, милая, что случилось? Зачем ты полезла в источник? Разве Константин Даниилович тебе не говорил этого не делать?

Вот даже как? Я полезла и чуть не умерла? В смысле, для дочери Забелиных как раз все печально закончилось.

– Я... я не помню, – в голове обрывками проскакивали чужие воспоминания.

Они накладывались на мои собственные, и от этого в голове царил хаос. Если бы я угодила в тело взрослого человека, наверное, сошла бы с ума. Но и трех сознательных лет из шести, сохранившихся в памяти храброй девочки, хватило, чтобы проникнуться трогательной заботой и сожалением, что ее жизнь оборвалась так рано. Через пару дней, когда информация улеглась, а я окрепла и поправилась, то научилась разделять свои и чужие воспоминания. И даже воспринимать последние как свои.

Например, при упоминании о святилище возникал образ просторного помещения без окон, зато с яркими фонариками на стенах и волшебным прудиком с серебристым зеркалом воды. В его отражении Нине виделись сундуки с золотыми монетами, шкатулками

с камнями, стеллажи с разложенными на них амулетами, статуэтками или фигурками животных. Впервые потайная комната проявилась в день инициации, когда на левом виске Нины появилась магическая печать рода. Но тогда девочка не поняла, что увидела, и не придала этому значения. Второй раз Нина попала в святилище через два года вместе с главой, который проводил там много времени, и видение повторилось. Конечно же, примерная дочь обо всем рассказала отцу, который так обрадовался, что повелел устроить праздничный ужин. После Константин Даниилович часто брал малышку с собой и подолгу расспрашивал, что она видит и может ли попасть в ту загадочную комнату в отражении.

А потом в семье Забелиных случилось радостное событие. На свет появился долгожданный наследник, Данияр Константинович, и внимание родителей переключилось на новорожденного. Он столько плакал из-за красных змеек, обвивающих его тельце, что никому не давал покоя. Нина тоже ждала братика, хотела с ним понычаться, поиграться и не понимала, почему им не разрешают видеться, и почему никто ему не поможет. Едва она заикнулась о тех самых красных змейках, как в доме случился переполох. К ним приезжали незнакомые люди, которые подолгу пропадали в детской. После их ухода мама много плакала, а отец допоздна засиживался в рабочем кабинете.

Из чужаков Нина особенно запомнила надменного старика, рослую фигуру которого опутывали красные сполохи. Встречали его всей семьей, а саму Нину принарядили в новое платье. Вот только гость едва удостоил их вниманием и сразу потребовал, чтобы его проводили к наследнику. Пробыл он там недолго, но маленький Данияр зашелся таким диким криком, что мать не выдержала и бросилась к нему. Разразился скандал, в результате которого девочка узнала, что этот черствый старик – князь Агнияр Шумский, и он приходится ей родным дедом.

Детская память избирательна, некоторые вещи ребенку не понять, однако Нина крепко запомнила, как старик назвал ее пустышкой и никчемной порослью.

– Ты такая же бесполезная, как и твоя мать! – заявил он в ответ на выходку Нины, которая потребовала, чтобы он не смел обижать маму и

папу, и не забирал братика. – А мальчишку сами привезете, когда не сумеете обуздать его силу.

– Убирайся! Ты плохой! – маленькая защитница топнула ногой и стиснула кулачки, – иначе я тебя уничтожу!

– Дурная кровь, – скривился дед и легким движением руки направил в малышку сноп искр.

Серьезного вреда они бы не причинили, но платье испортили. Нина, как учил отец, сосредоточилась на силе, что таилась внутри, и преобразовала ее в щит. К сожалению, слишком слабый, чтобы уберечь красивый наряд, но ведь она впервые создала его самостоятельно!

– Убирайтесь вон из моего дома! – вступился за любимицу Константин Даниилович, чаша терпения которого лопнула. – И сына вы не получите! Лучше я принесу вассальную клятву Пожарским, чем отдам Данияра на растерзание.

– Ты не посмеешь! – прошипел разъяренный старик, а его огненные всполохи сделались ослепительно яркими, – иначе горько пожалеешь об этом.

Именно тогда Нина увидела в действии родовой амулет Шумских, обуздавший готовую вырваться силу, и поняла, что похожий хранится в потайной комнате. Похожий тем, что держал под контролем всех красных змеек, что обвивали тело огненного мага. Поэтому она тайком сбежала от няньки и отправилась в святилище. Как ей удалось проникнуть в сокровищницу и что случилось после того, как Нина вынесла амулет, в памяти не сохранилось.

Глава 6

Каменная падь – живописный край, окруженный лесами, озерами и месторождениями белого камня. Если посмотреть на имение с высоты птичьего полета, оно раскинулось на плоской вершине горной пирамиды, пологими ступенями разбегающейся в стороны. Белый камень, что использовали для постройки дома, идеально вписывался в ландшафт, и вся территория казалась одним жилым комплексом, сооруженным гениальным архитектором.

Дорога, по которой пролетка мчала к поместью, постепенно забирала в гору, огибая естественные возвышенности. Растущие по обеим сторонам зеленые исполины затрудняли видимость, но я знала, скоро будет поворот, за которым откроется знакомый вид на приземистое здание с зубчатыми круглыми башенками, опоясанное забором из белого камня. Я помнила, какой была Каменная падь прежде, и боялась увидеть, во что она превратилась после нападения. И все же, сердце облилось кровью при виде пожара на месте родного дома. Черная копоть на стенах, провалы окон, выгоревший сад и ни единой живой души вокруг. Только воронье, с громким карканьем срывающееся с деревьев при нашем появлении.

Инстинктивно я схватилась за руку Игната, и тот сжал мою ладонь в молчаливой поддержке. Как бы там ни было, но это родовое имение, где жили поколения наших предков. Наших, потому что я тоже Забелина, пусть и пришла из другого мира. Никто не выбирает место, в котором суждено родиться, но прикипает к нему навсегда.

– Слишком тихо здесь, – брат первым нарушил неловкую тишину. – Не нравится мне это. Вот что, – он обратился к вознице, протягивая серебро, – вот плата за труды. Высадишь нас, а сам развернешься и поедешь обратно. У развилки свернешь на заброшенную тропу. Она заросла, но, думаю, налегке проскочишь. Дорога приведет к старым развалинам, жди там. Если не вернемся через два часа, значит, не судьба.

Я проводила пролетку тоскливым взглядом, вздохнула и молча потопала вслед за Игнатом. Он уже миновал обугленный пролом, где прежде стояли ворота, и скрылся во дворе. Страшновато оставаться

здесь одной, и тяжело. Но я понимала, почему брат ушел вперед. На случай, если внутри притаились враги, или же остались последствия недавней бойни. Едва я шагнула на территорию имения, как передо мной тенью вырос отступник.

– Здесь никого нет и... прибраться успели, – дрогнувшим голосом подтвердил он мои предположения. – Ты как, нормально?

Я сглотнула, чувствуя ком, подступивший к горлу.

«Ничего не нормально», – мотнула головой.

– Куда дальше? Ты сказала, что знаешь... – намекнул Игнат на причину, по которой мы прибыли сюда.

– В святилище. Но я не могу так сразу. Дай немного времени. Это тяжелее, чем я думала, – каждое слово давалось с трудом. Слез я уже столько выплакала за эти дни, что их запас иссяк, в глазах появилась неприятная сухость. – Нет, – остановила Игната, намеревающегося идти за мной, – мне нужно побыть одной. Пожалуйста. Я в порядке, просто...

– Я осмотрюсь тут, – мужчина кивнул. – Как будешь готова, зови.

Внутри дом изменился до неузнаваемости. Пожар вспыхнул в дальнем крыле, насколько я помнила, и не затронул хозяйской части. Очевидно, дружинники Шумского подожгли имение уже после того, как основательно его разграбили. Тут и гореть толком нечему, везде камень. Значит, маги постарались и прокоптили стены. Я поднялась на второй этаж и замерла перед дверью в свою комнату. Открыть ее так и не решилась. Пусть останется в памяти невредимой. Затем прошла тем же маршрутом, что двигался отряд Захара Платоновича. Открытый переход, каменные перила, колонны изрешечены пулями. На полу виднелись темные пятна, думать о происхождении которых не хотелось. Вот и выступ, об него я приложила голову. Здесь же убили Михея. А дальше меня чудом вытащили из-под обстрела и доставили отцу.

В покоях матери царил разруха. Стены, прежде украшенные картинами и зеркалами, белели пустыми просветами. Мебель отсутствовала, а ту, что не удалось вытащить, разломали и сожгли посреди комнаты. Детскую обобрали до нитки, только закоптившийся крюк на потолке напоминал, что когда-то здесь висела колыбелька. В кабинете отца отсутствовала дверь, ее вынесли магией, не желая возиться с замком. Стеллажи с книгами и семейным архивом исчезли,

даже неподъемный письменный стол из каменного дуба вынесли. У окна, где прежде стоял секретер, разобрали стену. Сволочи, даже камин раскурочили! Кому он мешал? Или дело не в этом? Что же здесь так упорно искали? Тайники?

Один схрон просмотрели! Я обратила внимание на слабые всполохи магического контура на стене. Порадовалась, что у Шумских нет одаренного с умением видеть магические потоки.

Отец редко пользовался старыми тайниками из-за слишком сложных ловушек, предпочитал держать необходимые документы под рукой, в сейфе. Старые охранные плетения подпитывались из родового источника, с гибелью которого истощились запасы силы. Сейчас тайник вскрыется голыми руками, а через пару недель я не обнаружила бы даже намека, что в каменной кладке есть пустоты.

Запас моей магической энергии еще не восстановился после полного истощения. Когда я угрожала Егорке спалить постоянный двор, на деле не сумела бы даже спичку поджечь. Меня едва хватило, чтобы заставить проявиться родовую печать. Однако посещение монастыря светочей будто пробудило внутренний источник от спячки. Я чувствовала потоки, разлитые в воздухе, и вытягивала из них силу, наполняя бездонный колодец. Сама не поняла, почему на ум вдруг пришло такое сравнение. Наверное, из-за сосущего чувства голода, от которого бурчал желудок. Или от ощущения, что резерв не восполнился даже на четверть?

Чутьочка магии, направленной в затухающую рамку тайника, активация особого зрения, и вот уже передо мной ожившая воронка со свойствами минипортала. Прежде я бы не сунулась туда, опасаясь лишиться руки, а сейчас рискнула. Надо же проверить, что будет, если войду в такую воронку целиком? Ладонь свободно прошла сквозь завихрения серебристых потоков, я ощутила легкое покалывание на коже и больше ничего такого. Нащупав продолговатый предмет, вцепилась в него и потянула обратно. В руках оказалась резная шкатулка из зеленого камня работы старых мастеров, которыми издревле славились наши края. У мамы в спальне стояла похожая, там хранились драгоценности с магическими свойствами. С волнением откинула крышечку и заглянула внутрь.

Самодельная записная книжка с пожелтевшими страницами и рассохшимся переплетом, амулет из черненого серебра и мешочек,

вышитый рунами. Осторожно вытряхнула содержимое на ладошку и скривилась. Какие-то черные камешки размером с горошину – даже не бриллианты, те прозрачные на вид. Ссыпала обратно. Затем покрутила в руках явно разряженный и не работающий амулет. Чем-то напомнил тот, что Нина вынесла из сокровищницы, только без камней. Характерные выемки в центре и по окружности намекали, что когда-то они тут стояли.

Хм, а что, если... Я выудила из мешочка черный камешек и приладила в предназначенное для него гнездо. Сел как влитой, назад не вытащить. Как и остальные семь, которые вставила следом. И что дальше? Я запоздало додумалась заглянуть в дневник. На пронумерованных листочках убористым почерком описывались магические плетения различных стихий с рисунками и пошаговой инструкцией их создания. Схема нужного амулета обнаружилась на последней странице. Жаль, тут не время и не место, чтобы ее изучить.

Снаружи послышался шум, и я заметалась, не зная, куда спрятать находку. Назад уже не вернуть, тайник разрушился, исчерпав последние ресурсы. Поэтому книжку крест-накрест обвязала тесемкой, что сдернула с собственной косички, и сунула за пазуху. Амулет, поколебавшись, подвесила на шнурок к другому амулету, с которым не расставалась с того дня, как появилась в этом мире. Шкатулку тоже не бросила, приладила за поясом. При случае переложу в общую поклажу.

Подобравшись к окошку, я осторожно выглянула во двор. Игната окружил десяток воинов, обвешанных защитными и атакующими амулетами. Нападавшие скрывали лица за темными повязками, но я узнала добротные доспехи дружинников Шумского. Кипучая ненависть мгновенно разлилась по венам. Эти твари уничтожили мою семью, а Игнат – единственный выживший мужчина из рода.

Ну уж нет! Я только нашла его и не позволю отнять! И всем своим существом захотела защитить брата. Каждой клеточкой пожелала оказаться рядом и сберечь, накрыть щитом. Перед глазами возник туннель из сплетения серебристых нитей, на другом конце которого находился последний Забелин. Я бросилась туда, не раздумывая, как такое возможно, и в ту же секунду очутилась во дворе за спиной Игната. Вокруг нас фиолетовыми всполохами вспыхнул магический щит.

– Уничтожь их! – процедила я внезапно севшим голосом. – Это они убили папу и остальных. Я – щит рода! Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью. Клянусь силой рода уничтожить врагов и восстановить справедливость!

Дружинники резко отшатнулись, когда напоролась на непробиваемую защиту. Игнат развернулся и посмотрел на меня таким взглядом, будто ему явился ангел. Ну или дьявол, сразу не разобралась. Единым движением он припал на одно колено, чтобы оказаться со мной лицом к лицу.

– Я – меч рода! Карающая длань, которая не узнает покоя, пока не уничтожит всех, на кого укажет щит рода. Я есть твердь. Неотвратимая гибель и ночной кошмар каждого, кто пролил хоть каплю нашей крови. Клянусь силой рода служить щиту рода, пока не умрет последний враг или не восстановится справедливость!

– Принимаю клятву! – я вытащила клинок и чиркнула им по ладони.

– Принимаю! – Игнат отзеркалил жест и прислонил порезанную руку к моей.

По его губам скользнула торжествующая ухмылка, когда нашу обоюдную клятву приняли боги, ну или кто там вместо них. Это выразилось в резком жжении на месте пореза и волне жара, прокатившейся по телу. В магическом зрении выглядело все так, будто два бурных магических потока ринулись навстречу и смешались, растворяясь друг в друге.

Щит полыхнул оранжевыми всполохами, демонстрируя преобладание огненной стихии в структуре плетения. Этим немедленно воспользовались дружинники, атаковав заклинанием из арсенала водников. Вот только удвоенная мощь природного дара Игната, печать которого после произнесения клятвы служения перестала блокировать силу, с легкостью поглотила удар. Брат будто обрел крылья, пружинистым прыжком сорвался с места и ринулся в атаку. Не прошло и десяти ударов сердца, как в живых остались только мы вдвоем.

– Приказ выполнен! – Игнат просиял белозубой улыбкой, вытянувшись передо мной по струнке.

– Вольно! – подыграла в тон и бросилась к нему, крепко обнимая за талию. – У меня получилось! У нас! Ты почувствовал печать? Она больше не будет тебя убивать!

– Ты еще и магические потоки видишь? – брат ласково погладил меня по макушке. – И как же мне сберечь такое сокровище, а? – он присел на корточки, – так это ты у нас теперь щит рода, глава и все остальное в одном лице?

– Нас двое, – я пожала плечами.

– Двое, – он кивнул, – но вместе мы – сила! – Игнат протянул раскрытую ладонь, порез на которой уже затянулся. Я осторожно вложила маленькую ладошку, и она тут же утопла в мужской ручище. Он пожал мою руку с осторожностью. – Тебе предстоит долгий путь в совершенствовании собственного дара. Я помогу, чем смогу. Вот только пользоваться тропами не сумею обучить. Это знание доступно лишь владеющим. А еще понадобится источник, чтобы пройти вторую инициацию и заявить во всеуслышание, что род Забелиных существует.

– Это ведь так долго, – в моём голосе прорезались тоскливые нотки. – Целых девять лет!

– Всего девять, – поправил Игнат, – и начинать обучение следовало лет с трех-четырёх. Сомневаюсь, что освоишь полный курс защитника.

Я уже хотела возмутиться, что зря сомневается, но потом догадалась – подначивает. Вот только какой смысл в учебе, если родовой источник разрушен? Озвучила мысли Игнату, на что тот усмехнулся:

– Нина, ты ведь понятия не имеешь, какими богатствами обладаешь? – я приосанилась, думая, что речь идет обо мне. Но следующий вопрос спустил с небес на землю. – Ты можешь открыть тропу в сокровищницу?

– Не уверена, – я вздохнула, – с тобой это получилось впервые. Тот раз, когда упала в источник, не считаю, потому что не помню ничего.

«И когда Нина достала амулет для брата – тоже», – добавила про себя.

– Ладно, сначала убедимся, что источник разрушен. Ты ведь не спускалась туда?

– Нет, – я мотнула головой и понурилась, – не смогла.

– Сделаем это вместе, только подожди немного, пока приберусь здесь, – он указал на обгоревшие ступеньки, куда я послушно присела.

Игнат сноровисто, будто уже не раз занимался подобным, снял с мертвых доспехи, по отдельным кучкам разложил оружие, амулеты и деньги. Тела оттащил в пристройку, от которой остались обугленные стены. Следы крови попросту спалил, закрутив по мостовой огненный смерчик.

– Поспешим! – он нагрузился чужим добром, а мне вручил саквояж, куда добавились деньги и амулеты.

В заплечном мешке одного из дружинников нашлись бутерброды и фляга с вином. Игнат по-братски поделился едой, и даже спиртное не побоялся предложить ребенку.

– Зачем это все? – я брезгливо поморщилась, не желая пользоваться тем, что принадлежало убийцам.

– Им это уже не понадобится. Так чего добру пропадать? Не знаю, как ты, а я жутко проголодался. Быка бы съел!

– Ешь, пожалуйста, – протянула свою порцию, мне совсем не хочется.

– Нин! – Игнат вздохнул, скинул поклажу и присел на крылечко. Похлопал ладонью по камню, чтобы устраивалась рядом. – Давай сразу договоримся. У каждого могут быть личные тайны. Но в том, что касается здоровья и безопасности, не молчим, говорим правду. Ты впервые воспользовалась тропой, держала щит и говоришь, не голодна? Не верю! У нас еще столько дел впереди, что физическое истощение никак туда не вписывается.

– Ладно, – в этом Игнат был прав, есть хотелось невероятно, поэтому я надкусила бутерброд и сама не заметила, как умяла его целиком под насмешливым взглядом брата. – Как думаешь, эти, – кивнула в сторону пристройки, – одни тут ошивались?

– Не уверен, – мужчина беззаботно пожал плечами, – но даже если сюда кто и сунется, это будет последнее, что он сделает в своей жизни.

Для убедительности Игнат сформировал огненный пульсар, поиграл им, покрутил на ладони и втянул обратно. Брат походил на ребенка, заполучившего желанную игрушку, или на человека, у которого неожиданно сбылась заветная мечта. В него будто вдохнули

новую жизнь. Я придвинулась ближе, прислонилась к мужскому плечу, взяла Игната за руку, затянутую перчаткой.

– Они должны ответить за все, что сделали. Каждый, кто пришел в наш дом с оружием, и каждый, кто направил это оружие против нас. Никакой пощады, Игнат. Никакой!

– Ты уверена? – он захватил второй рукой мой подбородок и задрал, вынуждая посмотреть в глаза. – Мечь разрушает жизнь, уж поверь мне на слово. Разве клинок виноват в том, куда направил его хозяин?

– Они убили няню, наших двоюродных братьев, беззащитных женщин, верных слуг и их семьи. Они уничтожили нас, и никто им не помешал. Так почему я должна жалеть их? – процедила я упрямо.

– Потому что не вижу чести в бессмысленных смертях. Даже у самых отъявленных негодяев есть семьи, дети, верные слуги. Их тоже захочешь уничтожить? Чем же ты будешь отличаться от убийц? Поднимется ли у тебя рука на ребенка? Если прикажешь, я сделаю это, но ответственность за невинную жизнь ляжет только на тебя. Не нравится, да? – он хмыкнул, когда я часто заморгала, чтобы унять наворачнувшиеся слезы. – Правда никому не нравится и прежде, чем отдать какой-либо приказ, хорошенько подумай, кто наш главный враг.

– Агнияр Шумский! – выплюнула я имя убийцы.

– Вот именно! Забыла добавить, князь Агнияр Шумский. И чтобы воевать с ним на равных, тебе нужно вырасти для начала, встать на ноги, занять надежную опору и заручиться поддержкой влиятельных союзников.

– Где же я их возьму? – вздохнула я. – Ты прав, конечно. Просто внутри все закипает, стоит представить, что эта тварь жирует и празднует победу, тогда как мама и папа...

– Ты справишься, – Игнат взлохматил мне на макушке волосы, которые расплелись без тесемки. – Идем, мы и так уже задержались, – он поднялся, вновь нагружаясь вещами. – Не исключено, что дружинники направили вестника князю, и сюда уже спешит усиленный отряд.

Глава 7

Воздух в святилище хранил тяжелый запах крови и смерти. Святилище осквернили, лишив жизни хозяев, но и этого показалось мало. Вандалы расколотили каменную чашу источника, испортили менгиры, что столетиями оберегали святое место и накапливали родовую силу. Битые осколки засыпали каменный пол, скрывая под собой бурые пятна. Но трагедия оставила рваный шрам в памяти. Где бы ни задерживался взгляд, я с дрожью вспоминала, кто и как здесь погиб. Вот у засыпанных ступеней осталась лежать Марьяна Никитична, чуть дальше расправились с мальчишками. Возле выжженного в полу следа от защитного круга встретил смерть верный дружинник Захар, рядом с ним вступил в последнюю схватку отец. А за его спиной укрывались мы с мамой. Когда ее ранили, я бросилась на убийцу. Дальше в плечо вошла чужая сталь, и меня отшвырнули к источнику. Это мог сделать только отец. Выходит, спас меня? Интересно, он знал, что источник защитит последнюю из рода? Или истово верил, что духи предков сэберегут наследие древней крови?

– Приберусь тут немного, – негромко произнес Игнат.

Он сложил вещи в углу, а сам спустился к разбитой чаше каменного бассейна и принялся доставать оттуда мусор. Я взялась оттаскивать его в сторону, попутно подбирая мелкие камешки, что валялась под ногами. За час нам удалось расчистить источник и понять, что восстановить его не удастся, по крайней мере, только нашими силами. Глубокая трещина расколола гладкое дно чаши на две части. Вода, что наполняла ее когда-то, ушла.

– Бесполезно, – брат опустил на колени, просовывая пальцы в трещину, будто мог там найти что-то.

Я вот среди обломков подобрала плюшевого мишку брата. Он не расставался с ним, засыпал только в обнимку с этой игрушкой и обронил, когда убийцы вырвали ребенка из рук матери.

– Совсем ничего нельзя сделать? – я прижала к себе мишку, чудом сохранившего едва различимый запах молока.

– Это ты мне скажи, – вымученно улыбнулся мужчина, – что происходит с магическими потоками? Издревле источники и

святилища обустроивали вокруг природных зон силы. Чаши и менгиры изготавливали из редкой породы камня, обладающего свойством накапливать энергию в больших количествах. Позже один из предков вывел сюда подземный родник. Наверное, из стратегических соображений, чтобы защитники в случае осады не умерли от жажды. Однако вода показала себя идеальным проводником силы и хранителем событий, что происходили вокруг на протяжении столетий. Если помнишь, при инициации ребенка погружают в источник. Так он запоминает нового члена семьи и дает защиту в виде печати. Во время второй инициации источник пробуждает память рода, что содержится в древней крови, раскрывает потенциал, делится накопленным опытом и открывает доступ к неистощимым запасам энергии. Поэтому родовые земли древнего клана редко удается захватить.

– Но как же тогда... – вопрос застрял комом в горле.

– Твой отец – глава младшей ветви, пусть и первенец, но от второго сына нашего общего прадеда. Кто-то одним ударом обескровил Забелиных, разом устранив представителей старшей ветви. Отца казнили, мой родной дед Олег погиб за год до печальных событий, твой дед Даниил собственными руками отлучил меня от рода. Я не держу на него зла. Это было тяжелым испытанием для обоих, но он не вынес чувства вины и умер от сердечного приступа. Бремя ответственности легло на Константина, и он всеми силами старался сохранить род. Ты – прямое доказательство тому, что его усилия не пропали даром.

Я отвела взгляд, не зная, что сказать на это. Настоящая Нина погибла три года назад, в ее теле поселилась душа из другого мира. Но ведь это случилось именно здесь, так почему источник допустил такое? Почему позволил чужой душе проникнуть в тело и не сохранил жизнь последней носительнице древнего дара? Или же... намеренно допустил этот обмен, заранее предчувствуя беду? К сожалению, никто не ответит на эти вопросы. А Игнат поймет ли меня, если расскажу правду? А нужно ли рассказывать, ведь я давно считаю себя частью семьи?

Помотала головой, чтобы избавиться от назойливых мыслей, и посмотрела на источник магическим зрением. Оно и проявилось здесь впервые, приоткрывая завесу тайных знаний. Прежде чашу наполняла

вода, в которой концентрировалось столько энергии, что она не давала рассмотреть магические потоки в камне. Теперь же я видела энергетические каналы, пронизывающие саму структуру каменной породы. Не знаю, какой гений создал подобное, но это выше моего понимания. Я могла лишь констатировать, что трещины разрушили единую сеть рисунка. Энергия больше не накапливалась, а рассеивалась в пространстве.

– Я вижу, как утекает сила, но не знаю, как это исправить, – я беспомощно развела руками.

– А если закрыть щель, это поможет?

– Сомневаюсь, но попробовать можно. Только вот эти места, – я указала на прежние точки выхода силы, – перекрывать не нужно. Чаша – один огромный артефакт, в котором каждый сантиметр покрыт рунами.

– Разве? – Игнат удивился, проводя рукой по гладкой поверхности.

– Этот рисунок как бы вплетен в кристаллическую решетку э... – запнулась, понимая, что вряд ли тут используется такое понятие, о котором знала только то, что оно есть. Учиться надо было лучше в школе. – Руны расположены внутри камня, – я исправилась, игнорируя подозрительный взгляд брата. – Будет ли артефакт работать, если склеить части, неизвестно.

– У нас все равно нет другого выхода. Попробуем? Я нагрею чашу и сплавлю расколотые части между собой. Только подсказывай, если вдруг что-то пойдет не так или затрону те узлы, о которых ты говорила.

Я молча кивнула и пристроилась за плечом Игната. Красные змейки, как их называла Нина, или силовые потоки, опутывающие тело мужчины, стали стремительно расти, вытягивая энергию из окружающей среды. Одно хорошо, ее тут скопилось в избытке, так что процедура не заняла много времени. Затем потоки устремились к ладони брата, которой тот накрыл часть трещины. Камень под рукой Игната накалился и сделался пластичным. Я вдруг поняла, что оборванные линии плетений сами стремятся воссоединиться, но слишком малы, чтобы преодолеть разделяющее их расстояние. Попыталась помочь им, влила чуточку энергии, чтобы подтолкнуть

потоки в нужном направлении. Но мои усилия сводила на нет магия огня.

– Когда скажу, убери руку, пожалуйста, – попросила я Игната. Тот угукнул в ответ и чуть отодвинулся, предоставляя место для манипуляций. Непросто было решиться на опасный эксперимент. Но если есть хоть малейший шанс восстановить чашу, я должна попробовать! – Давай! – отдала команду и опустила ладони на раскаленную часть трещины, как только брат выполнил просьбу.

Из глаз брызнули слезы, в нос ударил запах паленой кожи. Однако я успела подтолкнуть потоки друг к другу, прежде чем Игнат отшвырнул меня в сторону.

– С ума сошла? – закричал он, бешено вращая глазами. – Идиотка малолетняя! Руки – рабочий инструмент мага. Или хочешь обзавестись таким же украшением, как у меня? – Игнат стащил перчатку с правой ладони и продемонстрировал протез.

– Нет, – всхлипнула я. – Не кричи, пожалуйста. Ты меня пугаешь.

Игнат пробормотал что-то невнятное сквозь зубы и бросился к саквяжу. Вернулся быстро, с амулетом, снятым с дружинников, и банкой мази. Сначала активировал амулет, который опутал мои ладони зеленоватым свечением. Оно приглушило жжение и смягчило боль, от которой хотелось лезть на стенку. Затем настал черед мази, её Игнат жирным слоем нанес на обгоревшую плоть. Ощущения снизились до отметки «терпимо», и я шумно выдохнула от облегчения.

– Даже я не рискну совать руки в огонь, созданный другим магом, – похоже, наступил черед нотаций. Я понурилась, понимая, что заслужила упреки. – Ты чем думала? Могла бы объяснить, что нужно сделать. Или держишь меня за полного идиота? Если я не вижу потоки, это не значит, что не умею с ними работать!

– Прости, я не специально, – я хлюпнула носом, – увидела, что структура может восстановиться, если слегка подтолкнуть потоки друг к другу. Сам посмотри, у нас ведь получилось!

Действительно, в том месте, где Игнат воздействовал на камень магией, края трещины сомкнулись. А еще, на поверхности остались отпечатки детских ладошек, как напоминание о глупости. Ну или самопожертвовании, с какой стороны посмотреть.

– Так! – брат усадил меня на бортик чаши подальше от трещины. – Говори, что делать, и больше не суй руки, куда не следует.

Понятно?

– Угу, – я насупилась. – Когда скажу, постарайся соединить края между собой. Только не дави сильно, чтобы не повредить структуру рисунка.

Следуя подсказкам, Игнат прошелся по всей длине разлома и соединил расколотые части. Вернее, они сами соединились, а он лишь немного помог.

– И что дальше? – настроение заметно улучшилось после проделанной работы, только ладошки нестерпимо зудели под мазью.

Приходилось терпеть.

– Дальше? – мужчина озадаченно почесал макушку, – если бы я знал. Как насчет наведаться в сокровищницу? Сумеешь открыть тропу?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Попробую, но ничего обещать не могу. Меня другое беспокоит. А что, если в наше отсутствие сюда вновь наведаются чужаки и разрушат источник?

– Нда, я тоже об этом подумал. Но оставаться здесь небезопасно, мы уже задержались дольше, чем следовало. Сколько времени тебе понадобится?

– Хотела бы сама знать, – я вздохнула, – прежде я видела тайную комнату в зеркале источника. Сейчас вода ушла и неизвестно, вернется ли вообще. Никто из нас не владеет умением выводить подземные воды на поверхность.

– Ну, теоретически ты умеешь, – хмыкнул Игнат. – Полный родовой щит есть не что иное, как сетка из плетений разных стихий. Само знание передается по крови и впитывается с молоком матери. Мы практически не задумываемся над процессом, когда создаем идеальную защиту. Этот навык веками отрабатывался поколениями Забелиных, и даже в малом возрасте его создание не требует особенных умений. Разве что в силу неразвитого внутреннего источника у детей нет возможности поддерживать щит на протяжении длительного времени.

– Папа ничего такого не рассказывал, говорил, рано еще. Вот подрасту, тогда и начнется полноценное обучение магии, – пробурчала с толикой грусти.

Ладошка в этот момент так сильно зачесалась, что я не выдержала и удовлетворила желание.

– Ну-ка, дай гляну! – брат соскреб ногтем часть мази, что успела присохнуть к ране, хмыкнул. – А я не верил, что раны возле источника заживают втрое быстрее.

– Так ведь энергии здесь разлито море! – помнится, я удивлялась, что плечо быстро перестало болеть. Вот почему внутренний источник восстанавливался так медленно! Все силы организм бросил на заживление раны. – Помоги снять повязку, – попросила Игната.

Тот осторожно размотал тряпку, цокнул языком при виде уродливого красного шрама. Затем этой же тряпкой счистил мазь с ладоней.

– Ну, одной проблемой меньше, – он придирчиво ощупал розовую кожу, что выросла на месте ожогов. – Поразительная скорость восстановления, даже с учетом целительного амулета и заживляющей мази. Ладно, посиди пока тут, а я схожу осмотрюсь.

– Будь осторожен!

– Волнуешься? – он потрепал меня за щеку, – не стоит. Это раньше я тратил силы на борьбу с самим собой, а теперь пусть враги боятся! Ты даже представить не можешь, какая мощь бушует в теле. Хотя ты, наверное, как раз и можешь. Хорошо, рисковать без надобности не буду, – Игнат сдался под моим насупленным взглядом.

За одиннадцать лет огненная стихия расширила магические каналы Игната за счет поглощения каналов других стихий. За один раз брат мог бы пропустить через себя колоссальное количество энергии. Вот только тут и крылась проблема, что одновременно с врагом братец расплавил бы половину Каменной пади. Как бы не пришлось ему заново учиться дозировать силу и манипулировать малым количеством энергии.

Отдать должное, Игнат ответственно отнесся к просьбе. Он воспользовался трофейной экипировкой и повесил на шею парочку амулетов. Теперь не отличишь от дружинников Шумского. Одно это защитит от выстрела из засады и позволит смертельно удивить противника. А опознать брата я сумею с закрытыми глазами, так сильно он светился сейчас в магическом зрении. Собственной безопасностью я также пренебрегать не стала. Окружила себя щитом, для поддержания которого не требовалось прилагать усилий. Чаша источника снова собирала энергию и щедро делилась ею со мной. Вот только мысли крутились вокруг того, как защитить земли в наше

отсутствие, а не попасть в тайную комнату. Да, немного золота не помешало бы на обустройство, а вот светить редкими артефактами я бы поостереглась. В конце концов, деньги заработаем, Игнат теперь здоров, и я буду помогать по мере сил. Не так уж много надо двоим для сносного существования. А вот вернуться сюда лет через девяносто и обнаружить чужаков, хозяйничающих тут как у себя дома, очень не хотелось.

Наверное, я слишком погрузилась в себя, поэтому не сразу обратила внимание, что некоторые руны на менгирах вдруг засветились. Да и внутри чаши произошли изменения, в результате которых на первый план выступили цепочки плетений с идентичными руническими знаками. Что бы это значило? Неужели эти каменные столбы, расположенные по сторонам света, несли дополнительные функции помимо накопления энергии?

Я все еще сидела на краю чаши и, подобрав под себя ноги, с восторгом наблюдала за магическими преобразованиями в структуре источника. Вместе с этим чувствовала, что изменения происходят на территории имения и даже во всей Каменной пади. Вот только какие? Как бы узнать? Стоило только подумать, как из менгиров выстрелили тонкие золотые лучи, соединив четыре столба между собой. Затем такие же лучи устремились к центру чаши, а из нее навстречу потянулись золотые змейки, на ходу переплетаясь в сложные геометрические фигуры. У меня челюсть отвисла от удивления, когда в магической конструкции, выросшей за считанные минуты, образовался проход. Прямо от того места, где я сидела, и до центра чаши, где сходились золотые лучи. Таким приглашением грех не воспользоваться.

Я чувствовала себя Золушкой, к которой явилась фея-крестная, чтобы исполнить заветное желание. Что удивительно, никакого страха перед происходящим не испытывала, только непередаваемый восторг и восхищение талантливым магом или магами, что создали подобное чудо. Едва я заняла центральное место, как проход сомкнулся, а золотые лучи оплели тело с головы до ног. Нервно хихикнула, потому что прикосновения вызвали легкую щекотку. А потом замерла с открытым ртом, когда змейки проникли внутрь, и в голове замелькали яркие картинки.

– Это же... – я покрутилась, чтобы убедиться, – это же Каменная падь!

Мне по очереди показывали знакомые места, где проходила граница наших земель. Причем на каждой такой картинке фигурировал каменный столбик с рунами. Знаки на менгирах вспыхивали, стоило только сосредоточить на них внимание, и соединялись в единую сеть, опоясывающую родовые владения Забелиных.

– И что это значит? Неужели это какая-то древняя защита? Почему же прежде ею не пользовались? Каким образом она уберезет дом от чужаков?

Древний артефакт, или источник, или нечто большее – не берусь определить, что это такое. Может, разумная сила? На мой взгляд любое из этих определений подойдет. Так вот, он не отвечал на вопросы прямо, зато умело оперировал картинками. В качестве демонстрации показал паромобиль с гербом Шумских, несущийся к имению на всех парах. Вот он пересек невидимую линию, протянувшуюся между двумя соседними менгирами, и через десяток-другой метров вдруг заглох. Из недр металлического гиганта высыпали бойцы и быстро рассредоточились вокруг, ожидая нападения. Нападать-то там на них некому, но с каждой минутой ожидания дружинники нервничали сильнее и озирались по сторонам. Лиц, скрытых за масками, я не видела, но дерганные движения и неестественность в поведении бросались в глаза. У одного из бойцов, видимо, слетел предохранитель, раз он направил оружие против товарищей. Раздалась выстрелы, вскрики, дорогу заволокло дымом, кто-то сломя голову бросился бежать. В общем, когда дым развеялся, на дороге остался сиротливо стоящий паромобиль и тела, замершие в неестественных позах.

– О, да! Это то, что нужно! Так им и надо, убийцам! – я вспыхнула кровожадной радостью. – Кто к нам с мечом пожалует, тот от него и погибнет, ага.

Следующей картинкой источник показал нашего извозчика на пролетке, который гнал лошадей и неистово крестился. Судя по накатанной колее вокруг старых развалин, что-то водило мужичка по кругу и не давало выбраться на дорогу.

– Ну над простыми людьми зачем издеваться? Если ничего плохого не замыслили, пускай едут с миром. С другой стороны, всех

любопытных не отвадишь. Вот так поблуждают немного, второй раз на наши земли не сунутся.

Возница, наверное, отчаялся, раз бросил вожжи и забился в глубь пролетки. А вот лошадки умные, потихоньку пошли в нужном направлении и вскоре вывезли хозяина на главную дорогу. Ну а когда пролетка пересекла линию защиты, мужичок пришел в себя, пересел на козлы и погнал прочь.

– Вот и хорошо, – я выдохнула с облегчением. – Теперь я спокойна, что никто посторонний тут не появится в наше отсутствие. Когда-нибудь я вернусь и отстрою имение заново, и оно снова заживет полноценной жизнью. А пока мне нужно подрасти и набраться опыта, овладеть даром и обзавестись верными людьми, – поделилась я с источником планами. – Жаль, не осталось никого из родичей, кто бы обучил пользоваться тропами. Кстати, а это правда, что здесь обитают духи предков?

И зачем я это спросила? Тотчас вокруг чаши выросли призрачные фигуры, среди которых узнала деда Даниила Александровича, чей портрет висел в кабинете отца. Старшего брата моего деда Олега Александровича с супругой и прадеда Александра Закарьевича с двумя женами, Елизаветой и Еленой. Последняя ласково улыбнулась, когда я задержала на ней взгляд, и протянула руки, будто желала обнять. Она что же, не знает, что ее правнучки больше нет? И почему я не вижу Нины среди родственников? И мамы с папой, и остальных, кто погиб недавно? Ну да, чего спрашиваю? Их ведь не проводили по родовому обряду. Отца Игната и его мать я также не увидела среди ушедших.

Призрачные женщины в старинных нарядах, мужчины в сверкающих латных доспехах смотрели на меня с надеждой и сомнением. Все они уйдут в небытие, если не справлюсь. Это накладывало серьезную ответственность и осознание, что не имею права их подвести.

– Я не подведу! – я исполнилась искренней верой, что сделаю все возможное и выполню обещание.

Первой отреагировала Елена, которая никак не походила на прабабушку. Высокая, стройная, светловолосая, ее лица даже не коснулись морщинки, так молодо она выглядела. Женщина дотронулась до плеча Александра Закарьевича, с улыбкой заглянула ему в глаза, будто просила о чем-то. Следом к ней присоединилась и

старшая жена Елизавета. Под напором двух красавиц грозный глава сдался. Он пересек границу источника и будто растворился в нем. Однако я ощутила его незримое присутствие поблизости. Перед глазами новой картинкой показалась знакомая тайная комната. Казалось, только протяни руку, и прикоснешься к сундукам с золотом или же шкатулкам с украшениями из драгоценных камней. Наверное, в каждой женщине кроется желание обладать красивыми вещами. Если уж не владеть ими, то хотя бы пощупать, примерить. Вот и я невольно потянулась к сверкающей диадеме из бриллиантов и сапфиров, уж больно притягивала она взгляд. А потом вдруг поняла, что каким-то образом оказалась в сокровищнице. Это настолько выбило из колеи, что я едва не выронила диадему, которую сцапала загребущими лапками.

Полюбовалась на красоту некоторое время, даже примерила – великовата, а после положила на место. Возможно, однажды я с гордостью надену родовые драгоценности, а пока не заслужила. Со вздохом осмотрелась, понимая, что источник показал далеко не всю сокровищницу. Настоящим богатством были древние свитки и книги, что хранились на отдельном стеллаже. Уникальные знания по магии, история рода в личных дневниках и записях, которые вел каждый глава. Наверное, и мне стоит завести такой, чтобы уберечь уже моих потомков от повторений ошибок прошлого.

Я потянулась к ближайшему свитку и с удивлением поняла, что он окружен защитным заклинанием. Ни взять его, ни открыть невозможно. Странно! По очереди коснулась других свитков и даже книг, с которыми повторилась та же история. И только дневник с буквами «А.З.З.» на обложке дался в руки. Выходит, требовалось согласие самого предка, чтобы его записи стали доступны для прочтения? Интересно, почему так? Других мыслей, что это напрямую зависело от личностных качеств и силы дара, на ум не приходило. Хотя, логика в этом есть. Например, стимул развиваться самому и развивать способности, чтобы выйти на новый уровень владения даром.

Гм, а как же тот дневник, что я обнаружила в тайнике? Выудила его из-за пазухи и посмотрела инициалы на обложке. «Н.А.Б» – значилось там, чему я несказанно удивилась. Выходит, прежняя хозяйка или хозяин записей не принадлежал семье? Может, это кто-то

из младшей или побочной ветви? Странно, насколько мне известно, все предки Забелиных носили одну фамилию. Хм, но ведь девушки в замужестве переходили в род супруга? Хотя, бывало и такое, что мужа входили в род жены, если сами ниже по положению. Надо выяснить, кто же использовал старый тайник, чтобы сохранить знания.

– Могу я взять записи с собой? – поинтересовалась у невидимого спутника. Ответом послужило дуновение ветерка, пробежавшее по лицу. Гм, это да или нет? Скорее, да, вряд ли мне позволят задержаться, чтобы изучить содержание. – Большое спасибо! – приложив руку к сердцу, я почтительно поклонилась. – Наверное, пора возвращаться?

Тишину нарушил легкий звон монет, напомнивший о моей же просьбе. Нам потребуются деньги на первое время, а у Игната, насколько я поняла, сбережений не накопилось. С другой стороны, нищенствовать, имея в распоряжении сундуки с золотом, глупо. Какой смысл в сокровищах, если последний, кто по праву может ими распоряжаться, погибнет в нищете от голода или болезней? Утрирую, конечно, но главное богатство рода измеряется отнюдь не в деньгах.

– Я не знаю, сколько взять, – предупредила Александра Закарьевича, – не считите за труд, подскажите, есть ли здесь кошель или мешочек для денег?

Маленькая уловка, чтобы по размеру упаковочной тары определить приемлемое количество золота. Не знаю, уловил ли прадед скрытый смысл просьбы, но с полки, где лежали артефакты, вдруг спланировал на землю невзрачный кошель.

«Наверное, кто-то случайно здесь забыл, – подумалось мне. – Но это то, что нужно!» На такой даже воры не позарятся, он чуть ли не до дыр светится потертостями. Интересно, не прохудится, если положить в него золото?

Бережно подобрала мешочек и вернулась к сундуку. Зачерпнула монеток и осторожно пересыпала в узкое горлышко. Затем еще одну горсточку и еще.

– Э... это как? – я по-прежнему сжимала в руках тощий кошель, а вот веса золота не ощущала, и зрительно он оставался плоским. Запустила внутрь ладошку и вытащила парочку желтых кругляшей, повертела, даже на зуб попробовала, опустила обратно. – Нет ничего! Что за фокусы? – беспомощно огляделась. Называется, схитрила! Если

я правильно поняла, то это безразмерный артефакт, сколько ни насыпь туда денег, внешне никак не будет заметно. Кошель даже магией не светился, выглядел обычным предметом. – И как же теперь быть? А вдруг потеряю такое сокровище?

Видимо, меня решили поторопить, раз перед глазами возник образ источника. Я положила кошель на край сундука, чтобы сподручнее подгрести монетки, а сундук возьми и весь исчезни. Удивиться не успела, как вновь оказалась в святилище.

Глава 8

Я неловко переступила и смутилась под строгим взглядом Игната, ожидающего на ступенях перед чашей. С некоторым сожалением отметила, что конструкция из золотых лучей исчезла, менгиры больше не горели руническими знаками. Надеюсь, защита имени работает?

– Зачем ты забралась в источник? – хмурясь, спросил брат. – Это грозит перенасыщением магических каналов силой. Снаружи непонятное творится, нам давно пора уходить. Ты нашла способ попасть в сокровищницу?

– Пожалуйста, можно я ему покажу? – шепотом спросила разрешения у источника и духов предков.

Наверное, они постоянно тут присутствовали, но раньше я их не ощущала. Эх, если бы я только знала о древней защите! Скольких нелепых смертей удалось бы избежать.

– С кем ты разговариваешь? – Игнат резко крутанулся вокруг себя, выискивая посторонних.

Я же с улыбкой протянула руку, призывая подойти поближе. Вот странно, как вытаскивать мусор и заделывать трещину, брат даже не задумывался, где находится. А теперь откуда-то взялись сомнения, и даже робость перед священным для рода местом. Дождалась, пока Игнат встанет рядом, вложила правую ладонь в его руку, заговорщически подмигнула и прислонила указательный палец левой руки к губам.

– Покажи нам защиту, пожалуйста! – попросила вслух. Хватило бы и мысленной просьбы, но я нарочно предупредила Игната, чтобы не сильно удивлялся. Он крепко стиснул мою ладошку, когда засветились менгиры, а поверх чаши проступила конструкция из золотых лучей. – Ты видишь? – я задрала голову, чтобы посмотреть на реакцию брата.

Расширенные от удивления глаза, наивный восторг во взгляде, глупая улыбка на губах – Игната крепко накрыло, раз он минут десять молча пялился на открывшееся зрелище. Интересно, а как мужчин выводят из шока? Я уже и за руку дергала, и щипала его, и толкала кулаком в бок, только костяшки отбила – бесполезно. И это он еще

родственничков не видел! Пожалуй, нельзя столько потрясений сразу вываливать на тонкую душевную мужскую организацию. Тьфу! Тоже мне, карающий меч!

И как прикажете его через тропу вести? Кажется, основной принцип я поняла. В мельчайших подробностях представить место перехода, не забыть, что потребуется уйма энергии, и сильно захотеть попасть в это место.

Ой! Я внезапно оказалась в углу святилища, где оставили вещи. Еще одно важное правило! В момент переноса не думать ни о чем постороннем, а то попадешь вовсе не туда, куда нужно.

Я вот мимоходом представила, что неплохо было бы переместиться к границам наших земель. Вот только вещи не забыть, пригодятся в дороге. О саквояже, выходит, беспокоилась сильнее, если вышла прямо к нему. Раз уж так получилось, прихватила наше добро и посмотрела на брата, истуканом замершего в центре источника. Со стороны действительно смотрелось странно, будто человек застыл соляным столбом, увидев нечто необычайное. И только в магическом зрении открывалась иная картина. Фигуру мужчины оплетали золотые лучи, и весь он светился, находясь в столбе силы, бьющем из-под земли. Вот кто по праву должен стать следующим главой! Это Игнат – будущее и надежда рода, а я щит, который всегда будет рядом. Не успела подумать, как снова переместилась, на этот раз к брату, куда и хотела.

Все! Теперь точно пора! Взяла родича за руку и нашла взглядом дорогу, где стоял брошенный паромобиль князя Шумского. Надеюсь, Игнат умеет им управлять?

Реальность бросилась навстречу всполохами серебристых потоков силы. Они пронзили пространство, образовав круглый тоннель, по дну которого переливалась серебром узкая тропинка. В области солнечного сплетения образовалось сосущее чувство пустоты из-за резкого оттока силы. Но я уже видела точку выхода, поэтому ринулась вперед, увлекая за собой и Игната. Тоннель выбросил в полуметре над землей и схлопнулся, едва мы из него вывалились. Никто из нас не был к этому готов, а потому оба плюхнулись в пыль, взметнувшуюся при открытии перехода. Я еще и проехала на четвереньках, обдирая коленки и кожу на ладонях.

– Что это? Где мы?

Ну, хоть какая-то польза! Игнат вышел из ступора, раз вон даже не испачкался и ловко удержал равновесие. Рефлексы у него отработаны до автоматизма. Еще не понял толком, где оказался, а уже бросился к телу дружинника с мечом наперевес. Вот только сражаться тут уже не с кем, вояки сами поубивали друг друга. Постанывая, я поднялась на ноги и поковыляла к саквояжу, отлетевшему в сторону при падении. Где-то там лежал амулет исцеления и заживляющая мазь. А еще я бы съела чего-нибудь, причем срочно. Внутренний источник опустел, хотя в святилище резерв был полным. Но сначала раны! Активировала амулет легким импульсом силы, помазала ссадины, которые затягивались прямо на глазах, и голодным взглядом уставилась на паромобиль. Внутри обязательно найдется что-нибудь съестное!

Не знаю, что спасло меня. Наверное, судьба смирилась с непроходимой глупостью и не позволила умереть в начале пути. Я не подумала, что в паромобиле кто-то остался. Распахнула дверцу и увидела дуло мушкета, направленное в лицо. В ту же секунду раздался звонкий щелчок – осечка! Затем уже сработал щит, а через мгновение грохнул выстрел, отбросивший меня на десяток метров. Падая, я слышала глухой вскрик, звон стали и чавкающий звук входящего в плоть меча. Потом от удара о землю из меня вышибло сознание.

Очнулась от потока воздуха, хлынувшего в легкие через рот. Затем что-то надавило на грудную клетку, и он со свистом вырвался обратно. Я закашлялась, и в этот момент голова закружилась, так резко верх и низ вдруг поменялись местами. Как оказалось, меня перегнули через колено, чтобы похлопать по спине. Этого издевательства не выдержал уже желудок, так что я одним махом избавилась от его содержимого.

– Воды? – в поле зрения возникла фляжка, к которой я немедленно припала, обливаясь и жадно глотая жидкость. – Ты как, жива?

– Вроде бы, – прошептала в ответ. Меня тут же крепко стиснули в объятиях то ли от радости, то ли от желания расплющить. Я жалобно пискнула, сил не осталось сопротивляться бурным проявлениям чувств. – Раздавишь!

– Извини, – хватка ослабла, – я так испугался, что потерял тебя... ты же ходячее бедствие какое-то!

– Прости, я больше так не буду, – я обняла Игната за шею и заглянула ему в глаза. – Правда-правда!

– Вот зачем ты туда полезла? – он горько вздохнул. – Сердце из груди чуть не выпрыгнуло, когда услышал выстрел и увидел, как ты падаешь.

– Я укрылась щитом, меня просто отбросило, – пробурчала виновато.

– Укрылась она! До или после осечки?

– После, – призналась с неохотой, – и я тоже испугалась, между прочим.

– Вот тебе первый урок: никогда не переть напролом! Не лезть в закрытые помещения, не убедившись, что там нет врага или ловушек. Неужели Константин этому не учил?

– Учил, но я не думала, что в паромобиле кто-то остался. Я же видела, как люди разбежались в панике, как перестреляли друг друга.

– Не думала она! Вот именно, ты сначала делаешь, а потом думаешь. Надо поступать наоборот, – поучительно произнес Игнат.

И сказать-то на это нечего, он прав. Самое грустное, что прежняя я точно такими же словами втолковывала Иришке прописные истины. Казалось бы, я ведь все это знаю, прекрасно понимаю, как и что нужно делать, но уже после того, как совершу очередную глупость! Где спрятан переключатель, претворяющий в жизнь собственные умные советы?

– Я научусь этому, честно. А сейчас давай поищем что-нибудь съестное? Пожа-алуйста, – желудок заурчал в унисон, вызвав на лице Игната улыбку.

– Проголодалась? Наверное, и в паромобиль за едой полезла?

– Угу, – я шмыгнула носом. – Открытие тропы опустошило резерв. В святилище перед этим я перемещалась за саквояжем и обратно, и даже не почувствовала оттока силы. А когда сюда пришли, показалось, будто неделю голодала.

– Так, а вот это уже серьезно! – Игнат поднялся, подхватил меня на руки и направился к машине.

С момента нападения прошло минут пять, не больше. Распахнутая дверца паромобилия покачивалась от легкого ветерка. Вместе с мечом, проткнувшим ее насквозь, и насаженным на лезвие дружинником. На землю под ним уже натекла приличная лужа крови.

– Гнида! – Игнат сплюнул в сторону мертвого противника. – Чтобы стрелять в беззащитного ребенка из мушкета в упор, надо быть

конченным отморожком. Где только Шумский таких уродов находит?

Я считала, воин не видел в кого стрелял, потому что у него крыша поехала на почве страха. Теперь это уже не имело значения, обошлось, поэтому не стала ничего говорить брату. Он и так переволновался.

В салоне, тесноватом для перевозки десятка бойцов, из съестного обнаружили только сухари, припрятанные под сиденьем водителя. Наверное, их там забыли очень давно, раз они превратились в камень. Но я бы сгрызла и камень, лишь бы заполнить сосущую пустоту в желудке. Игнат налил в кружку воды и опустил туда сухарик, чтобы размочить. Минуты, пока размягчалась плотная структура спрессованного хлеба, показались неимоверно длинными.

Брат оставил меня наедине с вожделенной добычей, а сам отправился прогуляться по окрестностям. Заодно намеревался убрать тела с дороги и снять с них все, что представляло ценность. Поглощенная мыслями о еде, я забыла сказать, что в деньгах мы теперь не нуждаемся, поэтому мародерствовать нет необходимости.

– Зачем? – удивился мужчина, когда я заявила, что экипировку дружинников, оружие и другие вещи нужно оставить.

– У нас же есть золото, – продемонстрировала кошель, из которого высыпала горсть желтых кругляшей. – Его там много, не смотри на неказистый вид.

– Что в бою взято, то свято! – поведал Игнат негласное воинское правило. – Мы этих тварей в гости не звали, так что трофеи принадлежат нам на законных основаниях. А золото еще пригодится, нечего раскидываться тем, что предки накапливали веками. Часть его точно так же собрана с трупов врагов. В качестве трофеев иной раз такие редкости попадают, что диву даешься. Между прочим, я не зря время потратил. Смотри, – он показал свиток, обагренный кровью. – Видишь, чья печать здесь стоит?

Меня аж перекошило, когда узнала герб Шумских и увидела размашистую подпись самого Агнияра Святозаровича.

– «Подателю сего препятствий не чинить и оказывать всяческое содействие», – прочитала текст свитка. – И что?

– То! – фыркнул мужчина. – Не понимаешь? Нам нужно выбираться отсюда, а машина с гербом князя и бумага с личной подписью станут нашим пропуском. Наш транспорт того, улетел с рассветом. Буранский предупредил, что ждать никого не будет. Князь

уже знает, что в имении появились наследники. Иначе откуда тут усиленный отряд из личной охраны Шумского и его доверенный человек? Вот эта штука, – он постучал по стенке паромобиля, – кучу денег стоит. Не будут ее гонять ради мелких поручений, так что нам сильно повезло, что эти ребята нас не нашли.

– И какой план? – я уважительно кивнула, признавая бесспорную правоту Игната.

– Вернемся в Суздаль, разузнаем обстановку. Что в народе говорят, сильно ли нас ищут? Попробуем нанять воздушное судно или же поднимемся по реке до Владимира, а уже оттуда зафрахтуем корабль. Можно уйти пешком, придерживаться тракта и избегать поселений, постоянных дворов, где окопались соглядатаи князя. Но это потеря времени, да и ты не выдержишь длительных маршей. Железку не рассматриваю. Не исключено, что поезда проверяют на каждой станции, а наши портреты разосланы по соседним городам и княжествам.

– А разве воздушные суда не подвергаются досмотру?

– Ну, ты не сравнивай, – за разговором Игнат завел паромобиль, развернул его и покатил по дороге. – Имперская железная дорога находится под патронажем императора, а он ревностно относится к детищу и неукоснительно следит за порядком. Воздушные перевозки – прерогатива частных компаний, за которыми стоят несколько влиятельных родов. Без магов воздуха корабли не летают, сама понимаешь. Отдавать в одни руки власть над небом император тоже не дурак, так что любой гражданин империи вправе купить патент на перевозки, при условии, что у него есть корабль, маг-воздушник и обученная команда. И не забывай об одной мелочи, на борту воздушного судна, как и на морском, действуют законы того княжества или даже страны, к которому оно приписано. Если ты не государственный преступник, местные власти не имеют права тебя задерживать, пока ты не покинул борт. Поэтому всегда уточняй, какой семье принадлежит корабль, прежде чем купить на него билеты.

– Почему-то мне кажется, Шумского этого не остановит, – я хмыкнула с сомнением.

– Согласен, от него жди чего угодно. Поэтому нам лучше убраться до того, как он поймет, что Каменная падь перешла на осадное положение. Хочу посмотреть на его холеную рожу, когда князь

сообразит, что поставок белого камня больше не будет, – Игнат мстительно усмехнулся. – Интересно даже, как он объяснит императору, что в роду Забелиных, который Шумский так поспешно объявил погибшим, выжил законный наследник.

– Выкрутится, сволочь!

– Это вряд ли, – брат притормозил у дома старосты деревеньки Булыгино, через которую проходила дорога на Суздаль.

Он дождался, пока к нему выбежит мужик и согнется пополам в приветствии. Судя по красной рубахе, крошкам в бороде и нависающему над кушаком животику, сам староста пожаловал. Причем прямо из-за стола, вон жирные пальцы украдкой об штаны вытирает.

– Чего изволите, барин? Что привело вас в мой скромный дом?

«Ага, скромный! – я фыркнула мысленно. – Самый добротный в деревне. Больше, наверное, только постоянный двор на въезде. Но и тот, скорее всего, ему же принадлежит».

– Собери покушать в дорогу. Спешу вот, по личному поручению Его сиятельства князя Агния Святозаровича.

– Так это... – мужик согнулся еще ниже, едва заслышав, с кем имеет дело, – сейчас жинка соберет. Извольте подождать, а то и к столу прошу, не побрезгуйте, ваш бла-ародие!

– Некогда мне! Лучше поторопись! – нервно прикрикнул Игнат.

Мужик попятился, кланяясь и не смея повернуться спиной, потом как гаркнет:

– Лидка, где ты ходишь? Вашбродь ждать не будет! Живо сюда!

За окном, выходящим на улицу, что-то грохнулось, послышался звон посуды, причитания, топот. Наше появление навело суету в доме старосты. Тем не менее через десять минут мужик с поклоном передал корзину с припасами. Игнат молча принял ее, кивнул, что доволен и кинул старосте кошель с мелочью, срезанный с дружинника. Если не ошибаюсь, там было монет десять серебром и горсть медяков.

Как мы покинули деревню и что происходило в течение получаса, пока я набивала желудок, выпало из поля зрения. Когда пришла в себя, поняла, что мы свернули с дороги в лесок и остановились на полянке. Игнат перебрался в салон, уселся напротив и, подперев голову кулаком, наблюдал за тем, как я ем.

– Накушалась, деточка? – язвительно поинтересовался он.

– Ну я... это... да! – утерла рот тыльной стороной ладони и потупилась, – будешь? – протянула надкусанную куриную ножку.

Учитывая, что это все, что осталось от целой вареной курицы, мне сделалось стыдно.

– Нда-а, и куда только влезло? Хорошо, я еще пирогов прикупил, а не то остался бы голодным. – Брат выставил пакет с выпечкой. В кружку налил молочка из кувшина, который достал следом. Ножку забрал, а вместо нее вложил в руку теплый еще и одуряюще пахнущий пирожок. Я чуть не застонала от удовольствия, когда впилась в мягкую сдобу зубами и проглотила ее в один присест. – Троглодит! Удивляюсь, как еще меня не сожрала? – с насмешкой констатировал Игнат.

– А можно было? – я окинула мужчину взглядом, облизнулась.

– Ладно, – вздохнув, брат посерьезнел. – Если без шуток, нельзя доводить себя до такого состояния. Опасно для здоровья, и вообще. Я тут подумал по дороге, прикинул, какое расстояние сократили, воспользовавшись тропой. Выходит, твой предел – две-три версты. Это, если перемещаться с попутчиком, одна, вероятно, уйдешь дальше. Но я бы не рисковал так, чтобы не оказаться непонятно, где и совершенно без сил.

– Непонятно, где и не получится, – ответила я, сыто икнув. – Нужно знать конечную точку или хотя бы видеть ее.

– Ага, – Игнат кивнул, – тогда запоминай место, на случай если придется срочно уходить.

Я вышла из машины, обошла полянку, впитывая как можно больше деталей. Для верности вырезала ножом инициалы «Н.З.» на дереве. Теперь точно не обозначаюсь!

Воспользовавшись моментом, я еще прогулялась до кустиков, после чего вернулась к машине и забралась внутрь. Игнат завел паромобиль и вырулил на дорогу. На въезде в город нас пропустили без досмотра и дальше народ шарахался в стороны, завидев гербы на дверцах. Проскочив Похвалынскую слободу, пересекли мост и устремились к причальным башням Бамбурихи. Они возвышались над городом будто зубья короны, соперничая с белокаменными башнями княжеского кремля.

– Странно, я думал «Буран» улетел на рассвете, – Игнат притормозил перед седьмым причалом возле билетной кассы, где кишел людской муравейник. Подобная суeta – привычное состояние

любого порта, будь он воздушный, речной или морской. – Пойду узнаю, в чем причина задержки. Из машины ни ногой, поняла?

Брат смешался с толпой, а я заперлась изнутри и занялась тем, что глазела на прохожих.

– Эй! Как там тебя? – кто-то поскребся в дверь паромобилия. Я отшатнулась в глубь салона, опасаясь, что меня узнали. Вроде бы никого из знакомых не увидела, но мало ли! – Пс-сть! – стук раздался с другой стороны.

Я осторожно подобралась к окошку и прилипла к стеклу, разглядывая, кто же это такой настырный.

– Ты чего тут забыл? – узнала вихрастую макушку Егорки. На чумазой мордахе добавилось синяков. Один глаз заплыл, отчего лицо мальчонки казалось перекошенным. – Иди отсюда! – жестом показала убираться подальше. Но пацаненок помотал головой и провел ладонью по шее, давая понять, что ему голову оторвут. – Можно подумать! – я фыркнула, но сжалилась, открыла дверцу и запустила нахаленка внутрь. – Чего хотел?

– Я эта... предупредить. Ждут тама барина в засаде.

– Где? Кто? – внутри похолодело.

– Ну, эта... – он шмыгнул носом, – как вы ушли, как рванет тама, крик, шум, стража набегла. Тетка Степановна и сдала, что меня засылала. С порученьями, значит. Старшой из стражей вызвал меня на энтот, допрос, да как-то так хитро выпытал все. Сам не понял, как рассказал и про стговор с Тувром, и про извозчика, и про причал. Меня избили после и в холодную кинули. Я слыхал, как главный наказал живьем убивца брать. Засаду, значит, посадить. Ну а я че подумал? Тетка Степановна теперь со свету сживет, все одно пропадать. Сбег, значит, из холодной. Там подкоп хитрый есть, пес хозяйский нарыл, когда его в подвале заперли. Сбег я и в Бамбурки бегом. Возьмите меня с собой, а я скажу, куда капитана с лентучего корабля увели. Видел, как стражи его в возок запиховали.

– А где засада эта прячется, случайно, не видел?

– Тама в кассе один засел, и тута среди людев крутятся переодетые. Еще на башне четверо. С магом! К нему вашбродь, с почтением, значит, обращаются.

– Я-ясно, – процедила я сквозь зубы. – А куда, говоришь, капитана увезли?

– Щаз, так и сдал! Барину скажу, – нахохлился Егорка.

Я бы еще поспорила с пацаненком, но вернулся взволнованный Игнат. Узнав последние новости, крепко выругался, попросив меня заткнуть уши.

– Думаешь, это из-за того стражника? – спросила, морщась от накатившего чувства вины.

Одна ошибка, а сколько последствий!

– Не только! Пришел княжеский приказ задержать воздушные суда, а дружки убитого стражника воспользовались случаем, чтобы отомстить. Так, куда Буранского увезли? – спросил Игнат у Егорки, появлению которого не удивился.

– Эта... – нахаленок прищурился здоровым глазом, – скажу, коль возьмете с собой.

– Взять-то, возьму, – брат покосился на меня, а я, вздохнув, кивнула, – но учти, с нами быстрее в беду попадешь, чем без нас. Сам-то, может, и выживешь. Вон какой ушлый растешь!

– А мне что так, что так погибать. Кому я нужен? С вами хучь какой, да шанс.

– Хорошо, ты принят. Серебрушка в месяц устроит?

– Две! – расплылся Егор в щербатой улыбке.

– Одной пока хватит, – осадил Игнат, – а там посмотрим. Плюс харчи с нашего стола. И слушаться ее! —

он невежливо ткнул в меня пальцем.

– Согласен, чего уж там. А этого, лентучего капитана к городовому повезли, он туточки, недалече. Я проследил за возком.

– Игнат, что ты задумал? – пристала я к брату, который завел паромобиль и, давя на клаксон, пробивался через толпу к выезду.

– А что тут думать? Бумага от князя есть. Заявлюсь в городской приказ и потребу выдать Буранского. Потом так же нахрапом прорвемся на корабль. И пусть только попробуют остановить!

– Вон энто место, куда вашего Буранского увезли! И возок туточки! – радостно вскричал Егорка.

Мы дружно уставились на здание управы, кишевшее стражниками.

– Одного я тебя туда не пущу! – сказала я тоном, не терпящим возражений. – Поехали в магазин готового платья, есть у меня одна идея.

Собственно, идея ненамного отличалась от той, что озвучил брат. Только в качестве главного действующего лица буду я, а Игнат сыграет роль сопровождающего. Переодеться же нам всем не помешало бы и прикупить продуктов в дорогу тоже.

В салоне, расположенном на соседней улице, я приобрела дорожное платье из дорогой ткани, сшитое по западной моде, четыре комплекта нижнего белья, сорочки, костюм для верховой езды и еще пару платьев на выход. Игната также приодели, превратив его в щеголеватого франта. И даже Егорку отмыли и упаковали в добротную одежду слуги, чему он несказанно обрадовался. Пока я ожидала, когда дорожное платье подгонят под мои размеры, Игнат прокатился до конторы наемников и вернулся с конным отрядом сопровождения в десятку человек. Для вещей еще пришлось покупать дорожный сундук, а также отдельный короб для провизии, за которой Егорку послали в ближайшую таверну.

Представление в городской управе прошло, как по маслу. Во-первых, народ впечатлился гербами на паромобиле и вооруженным отрядом. Во-вторых, мне легко удалась роль спесивой аристократки, когда я затопала ногами и потребовала немедленно отпустить капитана! Игнат, как взрослый и рассудительный человек, развел руками, за моей спиной выказывая искреннее сочувствие чиновнику. Потом показал соответствующую бумагу городскому секретарю и шепнул, что я возвращаюсь домой после торжественного приема у Шумских. И что мой отец влиятельный человек, раз сам Агнияр Святозарович распорядился проводить меня с почестями и не чинить никаких препятствий.

Казимир Буранский оторопел, когда его срочно вытащили из стражницкой, где он ничуть не страдал, распивая пиво со стражниками.

– Как вы можете себя так вести, прекрасно зная, что я не терплю задержек? – накинулась я на капитана, не дав тому рта раскрыть. Он уже опрометчиво собирался признать во всеуслышание знакомство с Игнатом. – Разве вы не предупредили, что заказчик – серьезный человек?

– А? Я? Да-а-а, – быстро сообразив, в чем дело, протянул Буранский. – Как же не сказал? Но кто бы меня слушал? Вот, насильно удерживали, против доброй воли, ага.

– Идемте же! Вы теперь свободны! И мы немедленно улетаем! Не хочу и минуты задерживаться в этом месте!

Подобная сцена повторилась и в порту, когда мы с помпой подкатили к причалу, а наемники оттеснили толпу в сторону. За те деньги, что отвалил Игнат, они чуть ли не на руках внесли нас на корабль. Единственная заминка вышла на причальной башне, где засела четверка людей князя.

– По какому праву? – возмутился маг, когда мы внаглую протопали к сходням. – Приказано задержать вылет до особого распоряжения Его сиятельства!

– Считайте, оно у вас уже есть! – Игнат сунул ему под нос пропуск.

– Это не совсем то, что я ожидал увидеть, – пробормотал мужчина, разглядев герб и подпись князя. – Ваше лицо кажется знакомым. Можно взглянуть на родовую печать? – дотошно допытывался он до Игната.

– Вот тебе печать! – влез Казимир, приложив мага кулаком в лоб, отчего тот кулем осел на пол.

– Вяжите их, быстро! – приказал брат наемникам, что те проделали с невероятной скоростью и мастерством. – Держи остаток, – он кинул старшему мешочек с золотом. – И прощай! Вам еще полчаса продержаться, пока не закончится время найма. Удачи!

Игнат последним зашел на корабль, который спешно готовился к взлету. Мы с Егором затаились на палубе и с неподдельным интересом наблюдали за суетой матросов, с нетерпением ожидая первого полета.

Глава 9

Удивительное дело – магия! «Буран» – двухмачтовый шлюп, издали напоминал своего морского собрата. Высокая мачта по центру и две небольшие на носу и корме, устремленный вперед бушприт с косыми парусами. Однако вблизи в глаза сразу бросалось главное отличие – магический накопитель в виде гигантского кристалла, впаянного в корпус. Он располагался на палубе. Частично в рубке, где за штурвалом стоял сейчас сам Казимир Буранский, и частично выдавался вперед, укрытый силовым полем и полукруглой металлической решеткой. Под кормой, в той ее части, что у морских кораблей скрыта под водой, располагались два огромных гребных винта. Чуть выше над ними угадывались скрытые за металлическими кожухами двигатели, вибрация от работы которых расходилась по всему корпусу. Над кормой возвышалась надстройка – полуют, где нам выделили двухместную комфортабельную каюту. К обоим бортам крепко прижимались сложенные крылья, необходимые для маневрирования на высоте. Двойной страховкой, а также дополнительной системой для спуска и набора высоты, служил пузырь как на воздушном шаре или дирижабле, в который сейчас спешно нагнетали горячий воздух. Конструкция крепилась к фок- и бизань-мачтам, а средняя – грот-мачта, будто пронзала ее насквозь. Но это обманчивое впечатление, она также служила крепкой опорой для воздушной конструкции.

Во все глаза мы с Егоркой наблюдали, как слаженно действует команда, как постепенно отдаляется земля и открывается необыкновенный вид на раскинувшийся внизу город. На высоте примерно с километр-полтора шлюп расправил боковые крылья, парусами на них служили металлические пластины, расположенные одна над другой и способные менять угол наклона. Затем взревели двигатели и, выпустив через сопла мощную струю пара, шлюп резво устремилась вперед.

Казимира Буранского сменил за штурвалом его помощник-маг, он не без помощи Игната вдвое быстрее наполнил шар горячим воздухом. Капитан крепко обнял брата, отпустив пару шуток на тему

непотопляемости некоторых личностей и умения моего родственничка выпутываться из паршивых ситуаций.

– Смотрю, ты больше не изгнанник? – он одобрительно похлопал Игната по спине. – Выходит, успел-таки, якорь тебе в за... хм, а это что за довесок? – Казимир кивнул в мою сторону. – Неужели кто-то из младших отпрысков выжил? Не из-за этой ли занозы князь лютует? Слух прошел, некий род вырезали под корень. Мало кто верит в официальную версию, да и слишком уж вовремя у Шумских появился одаренный наследник.

– Казя, не здесь, – Игнат стрельнул глазами в сторону развесившей уши команды.

– Фу, Игнат, – скривился Буранский, – сколько раз просил, чтобы не называл детским прозвищем!

– Да ладно тебе! Лучше скажи, у тебя еще хранится в трюмах ганзейское красное?

– А то! Для лучшего друга всегда найдется, чем промочить горло. Идем в мою каюту! Думаю, есть пара часов в запасе, прежде чем эти олухи опомнятся и ринутся в погоню.

Отдать должное, про меня брат не забыл. Минут через пятнадцать ко мне заявился матрос, которого капитан отрядил для присмотра и выполнения поручений.

Багаж у нас небольшой, там и раскладывать нечего. Я лишь переделалась в нарядный костюм для верховой езды, оставив платья для официальных случаев. К сожалению, брючные комплекты для дам шились только на заказ, ничего подходящего на тот момент в лавке больше не было. Попросила провести для нас экскурсию по кораблю и ни капли не пожалела. Матрос Василий Прокопьевич оказался словоохотливым дядькой. Помимо общего осмотра верхней палубы, трюма и машинного отделения, рассказал множество удивительных историй, так или иначе связанных с «Бураном» и его авантюрным капитаном. Надо было видеть горящие глаза Егорки и священный восторг, с которым он впитывал каждое слово. Похоже, мальчишка заболел небом и кораблями.

– Дядька Прокопич, а шо нужно сделать, штоб летать на корабле? – созрел пацаненок для главного вопроса.

Егорка и без того, засыпал матроса бесконечными «что, как и почему?». А тот, видимо, только и ждал чего-то подобного.

– Так учиться нужно, малек, – потрепал он мальчишку по вихрастой макушке, – сильным быть и бесстрашным. Читать-писать умеешь хоть?

– Не-а, – шмыгнул Егорка носом и понурился, – откуда?

– Ну, какие твои годы, научишься еще, – снисходительно ответил Василий. – Боярышня, вон, умеет, поди, читать и другим наукам обучена? – с хитрецей посмотрел на меня.

– Умею, – ответила без особой гордости.

Я много чего знала и умела, о чем распространяться не собиралась. Вот только в реалиях нового мира выходило так, что нужно заново учиться многим вещам.

– Вот попросишь боярышню, чтобы и тебя научила, – ловко перевел на меня стрелки хитрый жук.

Я поймала на себе задумчивый взгляд пацаненка и поежилась. Этот ведь упертый охламон теперь не отвяжется. Однако высказать возмущение не успела, сверху раздался крик сигнальщика:

– Корабль по правому борту!

– Так, дети, – вмиг посерьезнел Прокопъич, – марш в каюту и нос не высовывать, пока тут все не утихнет.

Я вскинулась было сказать, что не ему указывать, что мне делать. Но в этот момент шлюп тряхнуло от удара, который тот принял на воздушный щит. От неожиданности я потеряла равновесие и плюхнулась на пол, больно прикусив язык. Неимоверным усилием удалось сдержать слезы, готовые брызнуть из глаз. В таком состоянии спорить бесполезно, да и не обращали уже на нас внимания. Прокопъич подхватил меня с пола одной ручищей, второй поймал Егорку, который от второго толчка чуть не улетел в открытый люк на нижнюю палубу, и бегом помчался к нашей каюте. Запихнув обоих внутрь, прикрыл дверь снаружи и оставил одних. В этот момент шлюп накренился, выполняя маневр, и нас снесло на левый борт.

– Держись! – я ухватилась за ножку стола, прикрученного к полу.

Вовремя! Корабль накренился на правый борт, и я повисла в воздухе, вцепившись в опору руками и ногами. Егорка не успел среагировать, и его отнесло к противоположной стене. По вытаращенным от испуга глазам и той скорости, с которой мелкий забрался в рундук, я поняла, что мечты о кораблях и небе разбились в

пух и прах. Мне и самой было страшно до чертиков. Если «Буран» собьют, и мы упадем, никто ведь не выживет.

Будто специально корпус содрогнулся от очередного попадания. На этот раз удар достиг цели, в глубине корабля что-то мерзко заскрежетало, резанув по ушам металлическим лязгом.

Но как? Неужели щит не выдержал? Слабоват наш маг оказался. А какого лешего я здесь трясусь от страха, когда могу помочь? С трудом отлепилась от ножки стола и поползла к выходу. Пол накрылся градусов на тридцать, я три раза скатывалась обратно.

– Ты куда? – раздался позади отчаянный вопль Егорки. – Подожди, я с тобой!

Вот блин! Сидел бы себе в рундуке и дальше боялся, я же только добралась до двери.

– Нигде не видел веревку? – я подумала о простейшей страховке, иначе запросто выкинет за борт на очередном вираже.

А под нами километровая высота, если уж приложит об землю, то в лепешку.

– Здесь! Нашел! – радостно ответил мальчишка, выудив моток из глубин временного убежища.

– Обвяжи один конец вокруг талии, а другой кидай сюда, – приказала Егору.

Когда он справился с десятой попыткой, я подтянула часть веревки к себе и крепко привязала к дверной ручке. Имея опору, мальчишка быстро преодолел расстояние и вцепился в меня клещом.

– Так, – посмотрела строго, – слушай внимательно. Выходим и передвигаемся по одному. Первый идет вперед, второй в это время страхует и крепко держится за опору.

– Мы умрем? – спросил пацаненок со всхлипом.

– Нет! Если успеем выбраться и помочь команде. Идем же скорее! – распахнув дверь, я вывалилась наружу.

На палубе, которую больше не закрывал щит, гулял сильный ветер. Как вовремя мы обвязались страховкой! Казалось, вокруг воцарился хаос. Мага-помощника не видно, Игнат суетится возле установки, нагнетающей воздух в баллон. Капитан крутит штурвал и матерится в голос, комментируя действия противника и отдавая приказы команде одновременно. Матросы кричат в ответ, но голоса теряются в завихрениях воздуха.

Темные воронки смерчей закручивают вокруг корабля сильнейший торнадо. Воздушными потоками управляет маг с другого корабля. Это он пытался задержать нас на причальной башне.

– Лезем наверх! – я сообразила, что до грот-мачты не доберусь при всем желании.

Оставалось только закрепиться у бизань-мачты, а уже оттуда прикрывать наиболее уязвимые места. Надстройка над кормой изобиловала всевозможными выступами, за которые можно зацепиться и взобраться наверх. Но когда корабль болтает из стороны в сторону, а потоки воздуха так и норовят снести за борт, преодолеть несчастный десяток метров непросто. Наконец, мы добрались до мачты. Егорка храбро держался и не отставал. Не знаю, что им двигало? Нежелание остаться в одиночестве или же упрямство, не позволяющее трусить перед девчонкой?

– Ну, держитесь теперь, уроды! Сейчас покажем вам кузькину мать! – я кулаком погрозила невидимому за пеленой ветра противнику. Слова полились изнутри вместе с магией, раскрывающей вокруг надежную защиту. – Я – щит рода! Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью.

Максимальный радиус, на который я растягивала защиту – три метра. Но шлюп гораздо больше по площади. Необходимо закрыть хотя бы ту сторону, куда прилетали удары с другого корабля.

– Так ты взаправду магичка? – ахнул Егорка, когда вокруг нас стих ветер и замерцали фиолетовые всполохи.

Я ухмыльнулась и не стала ничего отвечать. Мысли сосредоточились на защите. Магический резерв после открытия тропы пополнился на треть. Мало. Но ведь и родовое умение не требовало усилий. Энергия расходовалась медленно, магические атаки не причиняли вреда, однако физический урон отражать вдвое сложнее.

Когда дотянулась щитом до Игната, тот вскинулся, выискивая меня взглядом. Заприметив нас на полуяте, покачал головой. Затем предупредил Буранского, но тот и сам сообразил, что в моем лице пришла подмога. Жестами капитан спросил, смогу ли накрыть щитом правый борт. Но я развела руками и покачала головой, показывая, что часть шлюпа от бизани до грот-мачты – предел. Тогда он уточнил, возможно ли защитить корму и двигатели, на что я радостно закивала. Буранский хищно усмехнулся, потирая ладони в предвкушении, и

разразился бурной речью. На расстоянии не расслышать, но некоторые непечатные слова угадывались по губам и жестам. Матросики засуетились, подготавливая судно к маневрам. Игнат тоже что-то задумал, его магические каналы расширились от резкого притока энергии. Наверняка ударит заклинанием. Ко мне перебежками, цепляясь за канаты и поручни фальшборта, направился Прокопьяч.

– Жива, боярышня? Малек цел? Сколько продержишься? – с ходу задал он кучу вопросов.

– В порядке. До получаса, если отражать только магические атаки. Огнестрельное оружие быстро просаживает защиту, – я вздохнула, припомнив печальный опыт.

Матрос жестами передал информацию капитану, который яростно зажестикულიровал в ответ. Перевод звучал следующим образом:

– Сможешь по сигналу переместить щит с борта на корму? Как только развернемся, получим удар прямой наводкой, и не один. Если продержишься минуту-две, выиграем время, чтобы жахнуть в обратку. После им уже не до нас будет.

Я гулко сглотнула, представив, что будет, если не удержу щит. Но ведь и выбора другого нет. «Буран» поврежден, воздушный пузырь пробит в нескольких местах. Игнат без усталости подкачивает воздух, который уходит через прорехи. Без двигателей далеко не улетим, а оставлять живых свидетелей, похоже, никто не собирается.

– Смогу! – я твердо взглянула в глаза мужчине.

Он кивнул и дал отмашку капитану, чтобы готовил маневр.

– Егор, спустись в каюту, – я повернулась к мальчишке, который молча таращился по сторонам и стучал зубами от страха. Однако на мое предложение он яростно замотал головой. – Василий Прокопьяч! – прибегла к тяжелой артиллерии, – ну хоть вы скажите!

– Не забоишься, быть тебе юнгой на «Буране»? – вместо этого выдал матрос. – Лично перед Казимиром Богдановичем просить буду.

– Не забоюсь! – вскинулся нахаленок, – туточки буду! До последнего!

Я одарила мужчину мрачным взглядом. Помог, называется! Сосредоточилась на предстоящем деле. Скорее всего, удар придется на переднюю часть щита. Если сделать его односторонним и выгнутым как линза, расход энергии станет меньше и удерживать проще. Осталось только воплотить идею в жизнь. О подобных

преобразованиях я знала лишь в теории. На практике не приходилось использовать. А времени как назло в обрез, придется учиться на ходу.

– Приготовься! – продублировал команду капитана Прокопьяч. – Как только почувствуешь крен, сдвигай щит.

Я кивнула и чуть сместилась относительно мачты, чтобы встретить опасность лицом к лицу.

– Давай! – резанул по ушам крик матроса.

Корабль накренился, ныряя вниз и задирая корму кверху, отчего меня швырнуло в сторону, а веревка впилась в живот. Выставив руки вперед, я рывком переместила фиолетовую сферу, которая угрожающе замерцала, грозя рассыпаться от резкого движения. Внезапно взгляд выхватил нос вражеского корабля и огненную вспышку, отделившуюся от корпуса. Время будто замедлилось, растягивая жуткий момент до бесконечности. В голове билась мысль, что нужно сделать линзу, поставить заслон на пути заряда. А глаза видели бешено вращающееся в огненном ореоле пушечное ядро, которое летело прямо на меня.

– А-а-а! – истошно заорал Егорка.

– Ста-авь щи-ит! – отчаянный вопль Прокопьяча унесло вместе с ним порывом ветра.

В последний момент мужчина зацепился за поручень и чудом не сорвался вниз. С ужасом осознала, что защита рассыпалась из-за потери концентрации и... сама не поняла, как выставила стену, по которой растеклись оранжево-красные брызги. Следом ухнул второй заряд, третий, пятый, прежде чем «Буран» огрызнулся слаженным залпом из всех орудий. На десяток ударов сердца щит, закрывающий вражеский бриг, пропал. Тут уже в дело вступил брат, метнувший убийственно-мощное плетение. Хищный силуэт корабля исчез в ревущем огне, взметнувшись до небес. С оглушающим хлопком взорвался воздушный баллон, раздались жуткие крики, посыпались за борт объятые красными всполохами фигуры. Казалось, само судно вот-вот рухнет. Но из глубин корабля вдруг вырвался ураганный вихрь и вмиг сдул разбушевавшееся пламя с корпуса.

Противник теперь не представлял угрозы. Переднюю часть брига выжгло магическим ударом, оболочка для горячего воздуха сторела, часть экипажа погибла. И ради чего?

Моя защита истаяла вместе с последними крохами энергии, что я потратила на отражение атаки. Желудок жалобно заурчал, требуя

немедленного восполнения сил, которых не осталось даже на то, чтобы отвязаться от мачты.

– Мы победили? – шепотом спросил Егорка.

Я кивнула, не в состоянии лишнего слова сказать. А мальчонка выдохнул с облегчением и потерял сознание.

– Эй, вы как тут? – подбежал Игнат и засуетился, высвобождая из веревочного плена.

Обмотались мы с Егоркой на совесть. Пока корабль болтало из стороны в сторону, узлы затянулись насмерть. Недолго думая брат разрубил путы мечом.

Лишенная опоры, я медленно сползла на пол, рядом плюхнулся помощник.

– Умаялась? – брат подхватил на руки, прижал к груди. – Молодец! Справилась. Спасла всех. Как только сообразила поставить многослойный щит? Беру назад слова, что Константин ничему не научил. Даже я ставил три щита подряд только после второй инициации. Что? – он заметил, как округлились мои глаза.

– Не. Учил, – пискнула я на выдохе, а Игнат судорожно сглотнул.

– Только Буранскому не говори.

– О чем не говорить? – вспомни о капитане, и он появится, – где тут наши герои?

Как назло, в этот момент желудок выдал громкую тираду, и я густо покраснела.

– Вы оба чокнутые! – фыркнул Казимир и ткнул в меня пальцем, – только попробуй скажи, что исчезновение щита, когда мы подставили зад под пушки, случилось не по плану. Да у меня враз седых волос прибавилось! Эх! – он потрепал за щечку, – сразу видно – Забелинская порода.

– А героев тут кормят? – сосущее чувство пустоты в желудке стало невыносимым, еще немного, и он съест самого себя.

– Сейчас, деточка! – Казимир взял мою руку, которая утонула в лапище капитана, бережно пожал, – и накормим, и напоим, и спать уложим. Эй, олухи, а ну, шевелите мослами! Якорь вам в зад! – гаркнул он так, что я оглохла. – У нас тут спасительница с голоду погибает.

Тут же мне передали фляжку с водой и даже с вином, но от последней я отказалась. Прокопъич, прихрамывающий после падения,

и тот доковылял, чтобы вручить завернутый в тряпицу медовый пряник. С жадностью вгрызлась в него зубами и проглотила не жуя. Другой матрос поделился куском солонины, третий протянул леденец на палочке. Откуда только достали? Постепенно на полуюте собралась половина команды, желая отблагодарить за спасение. Даже Егорке, которого привели в чувство, перепало похвалы.

– Ну, что, малец, пойдешь на «Буран» юнгой? – спросил Василий Прокопич и хитро посмотрел на капитана, отслеживая реакцию, – нам нужны смелые парни.

– Не, – замотал головой пацаненок, – ну энти ваши лентучие корабли к лешему. Я боярышне служить обещался, а вы туточки сами как-нибудь, – он шмыгнул носом и утерся тыльной стороной ладони, отчего на мордахе остался чумазый след.

– О-о! – простонав, я закатила глаза. – Только этого не хватало. Я уж думала, избавлюсь от этого охламона.

– Это вряд ли, – хохотнул Игнат, – он теперь повсюду хвостом таскаться будет.

– Вот так и утекают перспективные кадры, – хмыкнул Буранский, – ладно, хватит прохлаждаться. Корабль сам себя не починит. А ну марш...

Окончание фразы утонуло в грохоте пушечного выстрела. Зря мы посчитали, что вражеский бриг выведен из строя. Руки сами взметнулись, прикрывая людей щитом от стремительно приближающейся огненной смерти. Вот только сил у меня не осталось, защиту смело, разметав людей. Впрочем, об этом узнала позже, когда очнулась в каюте «Бурана».

Глава 10

– Как я здесь... – я подскочила в кровати и тут же рухнула обратно из-за накотившей слабости.

– Очнулась? – раздался рядом мужской голос, – вот и славно. Вот и хорошо, а то уж подумали, погибла наша спасительница.

Я с трудом повернула голову и в полумраке помещения разглядела мужскую фигуру в матросской робе.

– Вы кто?

– Так Корней Алексеич, коком на "Буране" служу. Капитан отрядил присмотреть за вами, как очнетесь, да накормить хорошенько, – он засуетился, метнувшись к столу, загремел посудой. – Я вам, боярышня, супчику жиденького сготовил на курином бульоне.

Кок вернулся ко мне, приподнял, подсунув подушки под спину, после принес плошку с варевом и присел на краешек кровати. Зачерпнул ложечку, подул на содержимое и поднес к моему рту. Машинально его открыла и послушно проглотила предложенное. Никогда не ела ничего вкуснее. Сама не заметила, как умяла всю порцию.

– Еще! – кушать хотелось неимоверно, супчик только растравил аппетит, пробуждая голодного зверя.

– Нельзя сразу наедаться, Нина Константиновна. Вот, отварчику попейте, – Корней принес кружку и приставил к губам. Выпила, поморщившись от горького привкуса трав.

– Что это?

– Укрепляющий сбор. Вы не подумайте, проверенный, мы таким давно пользуемся. Сон крепкий дает и силы восстанавливает. Наш маг ведрами пьет этот отвар после схваток, – успокоил кок.

– Корней Алексеевич, а что случилось после того как... щит ведь не выдержал, я знаю.

– Эта вражеская морда много бед натворила, – он тяжело вздохнул, – но вы отдыхайте лучше, успокойтесь, не думайте о плохом.

– А где Игнат? – какое там успокоиться! Да у меня внутри похолодело от дурного предчувствия. Я вновь подскочила и замерла, борясь с головокружением. – Что с ним? Он пострадал?

– Барин-то ваш? Нет. Что ему сделается? За вас только перепугался сильно и так жажнул по «Стреле», что та в щепки разлетелась. Сейчас на палубе хлопочет, подкачивает газ в оболочку. Пробили ее ироды в трех местах. Ползем со скоростью черепахи. Правого двигателя теперь нет, рулевые винты начисто срезало. Только и держимся за счет воздушного пузыря.

– Ясно, – я выдохнула с облегчением и откинулась на подушки. – А что остальные? Егорка, Василий Прокопьяч?

– Нету больше Прокопьяча, – понурился мужчина, – осколком убило. Мальца вашего прикрыл собой. Эта скотина прямой наводкой по людям ударила. Мы тоже хороши – расслабились. Еще двоих насмерть зашибло, остальных посекло, полный лазарет теперь народу. Надеюсь, этот ирод в лепешку разбился, а то ведь маги живучие и мстительные сво... мда. Где обычный человек загнется, одаренный только отряхнется.

– Мне очень жаль, – я расстроилась до слез, – это из-за меня все. За нами с братом погнались ведь, а пострадали ни в чем не повинные люди.

– Вот даже думать так не смейте! – погрозил пальцем Корней Алексеевич. – Мы – люди служилые, к смерти привыкшие, знали, на что шли. За нашего капитана и в огонь, и в воду, что называется. А он вашего брата уважает шибко и не простил бы себе, если бы отказал в помощи. Жизнью он ему обязан, а теперь и вам тоже. Такие долги только так и возвращаются. Ну а что погибли наши матросы, так это судьба, значит, такая. Отдыхайте, боярышня, сил набирайтесь. Часов через шесть доползем до Горбатова, встанем на ремонт, а вы дальше на перекладных отправитесь.

Сонливость и так уже паутиной опутывала сознание, а на последних словах кока сморила окончательно. Я провалилась в сны без сновидений, как в омут, изредка выныривая из которого видела силуэты людей вокруг, снова пила отвар и засыпала. Кажется, Игнат приходил навещать, Егорка, Казимир Богданович справлялся о самочувствии. Что-то такое добавляли в питье, отчего разум затуманивался и воспринимал действительность как нечто нереальное. Пересадку на другой корабль запомнила смутно и лишь потому, что потревожили, вытащив из теплой постели на улицу, где дул промозглый ветер. Перед этим меня в последний раз напоили

лечебным зельем, так что окончательно я пришла в себя только через сутки.

Незнакомая тесная каюта, узкая кровать, рундук и плывущие небеса за круглым окошком подсказывали, что нахожусь на другом корабле. В ногах, свернувшись калачиком, сопел Егорка. Игнат отсутствовал, но на пустой стене висел его камзол, а в углу притулился меч, который брат никогда не бросил бы. Впрочем, как и меня. Хотя, с чего ему нас бросать? Это спросонок в голову лезут разные глупости.

Никакой другой мебели в помещении не было, поднос с едой стоял прямо на полу. Осторожно, чтобы не разбудить мальчонку, спустилась вниз и босиком прошлепала к подносу. Еще теплая краюшка хлеба, кувшин с молоком, горшочек с похлебкой.

– М-м-м, вкуснотища! – я причмокнула языком в предвкушении и вдохнула ароматные запахи. Хотела уже вонзить зубы в краюшку и замерла. А вдруг это на троих рассчитано? – Эй! – вернулась к кровати и тронула Егорку за плечо.

Охламон подорвался, как ужаленный. Еле увернулась, чтобы не встретиться лбом с вихрастой макушкой.

– Боярышня? Вы чегось вскочили? Дохтур наказал не беспокоить и кушать много. Вы эта, ложитесь, а я подам, чего нужна.

– Сам-то давно ел? – хмыкнув, я присела рядышком, разломилла краюху надвое и протянула половину пацану.

– Не хочу! – мотнул головой Егор, – дядька Игнат наказал, вам нужнее.

– Держи, говорю! – вложила хлеб в детскую ладошку, – там еще похлебка, и молоко. Нам обоим хватит. Я уже не так голодна, иду на поправку. Давно здесь караулишь?

– Ну, энта, с ночи, как на диринжабль пересели.

– А Игнат где?

– Он, как же ее, вахту несет, во! Наказал никуда не выходить, пока на место не прибудем. Сговорился с тутошним магом, что подменит его на время.

– Я-асно. А сколько лететь, не сказал?

– Кто ж ево знает? – пожал плечами Егорка, – только вы взаправду не ходите никуда, штоб никто из попутчиков не увидал.

– Не пойду, не переживай! – заверила мальчонку.

За глаза хватило наглядного примера, к чему приводит непослушание и самодеятельность. К тому же, у меня было, чем занять свободное время.

Я перекусила, честно поделившись едой с мальчишкой, и отправила его спать, раз уж дежурил всю ночь. Сама же села поближе к окошку и достала дневник прадеда. Поначалу шли бессвязные записи, вроде распорядка дня или же перечислений блюд на торжественном обеде в честь именин. Молодой наследник рос тем еще шалопаем, а всерьез воспринимал только военное ремесло. Точные науки постигал с неохотой, еще меньше нравилось чистописание и устные предметы. Ведение дневника – задание учителя, которого Александр прозвал деспотом. Однако же записи велись регулярно, что говорило о твердом характере и бесспорном авторитете главы, угодить которому стремился единственный сын. Постепенно Александр втянулся и научился выкладывать мысли на бумагу. Это прослеживалось в связных предложениях и умении выделять главные моменты. Повезло, что совпало это с первыми шагами в освоении родового дара. Александр долго не мог открыть магическое зрение, и как следствие, понять принцип создания тайных троп. Упражнения на медитацию, погружение в себя и взаимодействие с источником – ушел год, прежде чем появились первые результаты. Большая удача, что у Нины магическое зрение открылось в раннем детстве. В смысле, для меня, а вот для бывшей хозяйки тела первый эксперимент по перемещению закончился печально.

Ближе к вечеру в каюту заглянул Игнат. Выглядел он уставшим, но виду не подавал. Принес запеченного цыпленка, десяток вареных картофелин, хлеба и кувшин белого кваса.

– Поужинаешь с нами? – я поставила поднос на кровать и разделила еду на порции. – Я уже в норме и ем теперь, как обычный ребенок, – заранее пресекла отговорки. – Вижу, ты потратил магический резерв. Тебе еда нужнее сейчас, и не спорь! У нас есть деньги, купим, сколько потребуется.

– Дело не в этом, – Игнат приобнял меня за плечи и поцеловал в макушку, – мне и так выдают двойную порцию, а вас тут как бы нет. Нельзя привлекать внимание, нельзя выходить на палубу или как-то еще обнаружить себя. Сюда нас провели ночью, и так же ночью, тайком, покинем дирижабль в Галиче. Там уже купим билеты на рейс

до Белозерска, но сойдем раньше на пару остановок и доберемся до Глушина на перекладных.

– А что в Глушине? Ты жил там эти годы?

– Захолустный городок, ничего примечательного, даже причальной станции нет, – мужчина вымученно улыбнулся, – зато места глухие, леса вокруг, болота, озера. То, что нужно для беглеца. Ну и дом, доставшийся в наследство ближнику отца. Я назвался его приемным сыном, показал выправленные бумаги, мне поверили, никто лишних вопросов не задавал.

– Как же ты объяснишь наше появление? Новые люди привлекают внимание.

– Я открыл школу мечников, давал частные уроки, надо же на что-то жить, – он развел руками. – Надеюсь, ученики не разбежались за время моего отсутствия. Ко мне приезжали иногда парни из соседних деревень, платили продуктами и собственным трудом. Кто-то в дружину хотел наняться, кто-то мастерство повысить, а кто-то просто поддерживал форму. Бывало, что и жили такие ученики при школе по несколько месяцев. Места много, мне одному не нужно столько.

– Гм, – я задумалась – Возвращаться туда – не лучшая идея. Наверняка твое место жительства давным-давно известно заинтересованным лицам. Лучше перебраться в какой-нибудь большой город, там и затеряться проще, и с учителями проблем не будет. Мне нужно учиться, получить образование. Заметь, хорошее образование, чтобы соответствовать уровню наших врагов.

– Знаю, – согласился Игнат, – я и сам об этом думал. В Глушине надолго не задержимся. Завершу некоторые дела, выправлю новые документы, есть нужный человек в поместном приказе, и рванем за Урал. Там нас ни одна собака не достанет.

– Как скажешь, – кивнула, не желая спорить.

Я бы сразу отправилась за Урал, чтобы сбить возможную погоню со следа. Однако брат наглядно показал тщетность попыток вытащить Данияра из лап Шумского, дал попрощаться с родителями, похороненными при монастыре светочей, отвез в имение, и это в итоге позволило защитить земли от чужаков. Отказывать Игнату в праве навестить место, которое стало для него домом на одиннадцать лет, я не имела права.

– Игнат, приляг пока, отдохни, – я взглядом показала Егорке, чтобы освободил кровать. Мальчишка переместился на рундук и оттуда показал мне язык. Охламон! – Сколько еще лететь до Галича?

– Завтра к ночи прибудем, – брат не стал отказываться от предложения, зевнул и растянулся во весь рост, едва не спихнув ногами нахапенка с рундука. Маловаты тут кровати будут. – Вздремну пару часиков. Разбуди меня, ладно?

– Обязательно, – я заботливо накрыла мужчину одеялом, после чего подошла к окошку, за которым сгущались сумерки.

Для чтения темновато, а зажигать светильник, пока брат отдыхает, не стала. Пяти минут любования облаками хватило, чтобы это занятие надоело. Посмотрела на Егорку, умудрившегося пристроиться на крохотном пяточке рундука и задремать, прислонившись к стене, позавидовала его умению засыпать в любом месте и при любых обстоятельствах. А потом вдруг услышала легкий стук-скрежет снаружи. Обернувшись, увидела за стеклом черного ворона. Он пристроился на карнизе, повернул голову и рассматривал меня блестящими круглыми глазами-бусинами. Я опешила, не зная, как реагировать на птицу. Какое-то время мы смотрели друг на друга, а потом ворон вдруг расправил крылья, на миг закрывая единственный источник света. Показалось, будто живая тьма сгустилась в каюте и опутала липкими щупальцами. Но нет, ворон вспорхнул и улетел, и все успокоилось, вернулось на места. Кроме бешено бьющегося сердца.

«Что это было? – прислонившись к стене, я тихонько сползла на пол. Ни разу еще не сталкивалась с этими птицами ни в этой, ни в прошлой жизни. Оттого чувствовала себя не в своей тарелке. В некоторые приметы, вроде черных кошек или пустых ведер, я верила. А ворон, если не ошибаюсь, – вестник. – Вестник чего? Зачем прилетал? Что хотел?»

Еле высидела эти два часа, пока не настала пора будить Игната. Он всполошился спросонок, резко засобирился и убежал, так что я не успела ничего рассказать. Беспомощно всплеснув руками, тоскливо проводила взглядом брата, который бросил на прощание: «позже поговорим».

– Позже, – пробурчала я ворчливо, – позже, может, и не понадобится.

Растолкала Егорку, чтобы перебирался на кровать, и сама устроилась там же, нагло оттяпав себе подушку. Малец только укрылся краем одеяла и тут же засопел, а я еще долго ворочалась, прежде чем сморило.

День пролетел в учебе и попытках освоить простейшие заклинания вроде светляка, нагрева или охлаждения воды. Это родовое умение заложено в крови, как простейшие рефлексy у младенца, а другие магические действия требовали усилий. Вот я и тренировалась, осваивая новые грани дара.

Игнат приходил дважды, приносил завтрак и обед, а к вечеру наказал не ложиться спать, а быть готовыми покинуть дирижабль в любой момент. Готовиться особенно и не требовалось, ценное имущество находилось при себе. Обновки, прикупленные еще в Суздале, дожидались своего часа в сундуке в багажном отделении.

Уже за полночь я услышала, как зарокотали двигатели и плавный ход летательного аппарата сменился на рваные движения. Дирижабль стыковался с пассажирской платформой, и команда провела маневры с ювелирной точностью, не оставив зазоров между трапом и напольным покрытием бокового выхода. Профессионалы, что тут скажешь!

Галич – промежуточный город на маршруте, так что большая часть пассажиров отдыхала, тогда как в трюмах и на нижней палубе вовсю кипела работа.

Брат вывел нас по грузовому трапу. Дальше полутемными проулками проводил к вокзалу в зал ожидания, где на жесткой лавке мы кемарили до рассвета. Уже утром навели лоск, умылись в туалетных комнатах для господ и проследовали на рейс до Белозерска. Игнат купил билеты на имя мещанина Чернецкого, путешествующего с племянницей и слугой, и мы ступили на борт летающего галеона Ветровских воздушных авиалиний.

Три пассажирские палубы, вежливый персонал, надежность и показная помпезность впечатляли. Каюта нам досталась просторная, с кроватью и подвесными гамаками, широкими окнами, натуральной мебелью. Помимо рундука для вещей имелся шкаф и вешалка, порадовали своим наличием обеденный стол, секретер с письменными принадлежностями и стулья. Принимать пищу полагалось в общей столовой. Культурно отдохнуть можно было в кают-компании, ресторане или же на прогулочной палубе. Цены на билеты, конечно,

кусались, но оно того стоило, чтобы путешествовать с комфортом. Представляю, какая роскошь царила на палубе первого и второго класса. Собственно, при желании можно взглянуть одним глазочком. Игнат пообещал провести экскурсию, как только убедится, что это безопасно для нас. В том смысле, что в попутчиках не окажутся случайные знакомые, которые ненароком выдадут наше инкогнито.

Егорка расстроился из-за кучи запретов, посыпавшихся на него как из рога изобилия. Это на «Буране» к нему относились снисходительно и не обращали внимания на вольности. Однако же вести себя в обществе мальчишка не умел, вот и отсиживался в каюте, когда мы с Игнатом отправлялись на ужин или на прогулку. В другом месте и другом времени я бы не кичилась происхождением и не делила людей на сословия. Однако в этом мире щепетильно относились к происхождению, и на панибратские отношения со слугами смотрели предосудительно. За закрытыми дверями и вне посторонних глаз – пожалуйста, веди себя как угодно, делай, что хочешь. Но на людях будь добр соответствовать положению. Впрочем, обид за это Егорка не таил, знал, на что подписывался.

На третий день полета состоялось странное знакомство с аристократкой, зачем-то спустившейся на нашу палубу. Публика в третьем классе собралась порядочная, большей частью семейные пары с детьми, реже – одинокие путешественники. С некоторыми мы перекинулись парой слов, поговорили о погоде или о надежности Ветровских галеонов. Особенную симпатию проявила благообразная старушка, направляющаяся в Белозерск навестить внуков. Регина Андреевна Разумовская относилась к той породе женщин, которые с первого взгляда располагали и внушали доверие. Сухонькая, с морщинистым лицом, она лучилась радостью и внутренним теплом, норовила потрепать за щеки, угостить вкусеньким. Отторжения подобные действия не вызывали. Чувствовалось, женщина любит детей и всегда готова выслушать их или рассказать что-нибудь интересное.

Другое дело – надменная красотка с налетом презрения во взгляде, которым она с порога брезгливо окинула публику. Что удивительно, мужчины сделали стойку на дамочку, будто коты на валерьянку. Даже Игнат отвлекся, мазнув по ладной фигурке, затянутой в бежевое вечернее платье, заинтересованным взглядом.

Отдать должное, выглядела женщина эффектно. Черные волосы уложены в строгую прическу, в ушах длинные бриллиантовые серьги, покачивающиеся при каждом шаге. В смелом разрезе юбки мелькает изящная лодыжка. Ноги визуально кажутся длиннее из-за высоких каблучков. Карие глаза в приглушенном освещении притягивают внимание колдовским сиянием, как и пухлые губы перламутровым блеском. Следом за дамочкой появился ее кавалер, лощеный аристократ с зализанными волосами и тоненькими усиками, закрученными кверху.

– Ma chère, что вы здесь забыли? – протянул он гнусавым голосом.

Меня передернуло, как от кислющего незрелого яблока, сорванного в школьном саду.

– Антуан, зря вы за мной увязались. Боюсь, местное общество оскорбит ваш изысканный вкус. Ступайте же! Я скоро к вам присоединюсь.

– Ах, ma chère, вы как всегда правы! Этот сброд не достоин нашего внимания. Понимаю вашу страсть к экспериментам, но это... – хлыщ вытащил из кармана надушенный платок, приложил к лицу, – фи!

Дамочка бросила на молодого человека скучающий взгляд и ступила на полукруглую лестницу. Создалось впечатление, будто сцена разыграна на публику, чтобы привлечь внимание. Что ж, определенного эффекта незнакомка достигла. Впрочем, я тут же забыла о ней, так как официант принес чай и десерт. Тем более аристократку окружили горячие поклонники, которых ничуть не смутило ее поведение. Каково же было мое удивление, когда возле нашего стола возникла эта наглая особа, а Игнат вдруг кинулся поднимать упавший платок.

– Вы обронили, – он подал его аристократке с грациозным полупоклоном.

– Благодарю, – женщина приняла потерю и улыбнулась брату, – а вы не похожи на мещанина. Путешествуете инкогнито?

– Вы проницательны, – Игнат не стал отрицать очевидного, приложился губами к изящной ручке, затянутой в кружевную перчатку, – надеюсь, вы сохраните мою маленькую тайну?

– Обожаю тайны! – аристократка игриво стрельнула глазками и закусила нижнюю губу. – Это так увлекательно. Неужели путешествие обещает быть интересным? Надеюсь, вы не откажете в своем обществе? А то эти снобы наверху навевают непроходимую скуку. Видите, я даже сбежала от них, и не прогадала. Как же зовут моего спасителя?

– Игнат Захарович Чернецкий, к вашим слугам, госпожа... – он вопросительно вздернул бровь.

– Анна Карловна Далиани, – промурлыкала дамочка. – Игнат Захарович, значит. А кто это прелестное дитя? – она вперилась в меня изучающим взглядом.

– Дальняя родственница, Нина Павловна, – представил меня брат, не дав и рта раскрыть. – Прошу, Анна Карловна, присаживайтесь. Разрешите угостить вас чаем?

Таким любезным и резко поглупевшим Игната я еще не видела. Поведение брата и наглость некоторых вертихвосток настолько ошеломили, что я просидела молча весь вечер. С одной стороны, у взрослого мужчины периодически возникают потребности и желания, с которыми в будущем придется считаться. С другой, бесил сам факт, что первая встречная юбка вертит родичем, как хочет. Лезть в личную жизнь Игната я не собиралась, но дамочка искала развлечений и явно соблазняла мужчину, который не сильно-то сопротивлялся. Все бы ничего, но сам факт появления этой Анны настораживал. Не нашла любовника своего круга? Захотела новых впечатлений? Или специально явилась вынюхивать тут информацию? Вряд ли аристократку подослал князь Шумский, не ее уровень. Но и внезапно вспыхнувшей страстью тут не пахнет. Больше смахивает на лотерею, призом в которой стал Игнат.

Следующий вечер я провела в номере. До чертиков надоели заигрывания Анны Карловны и еще больше достали ее провокационные вопросы. Вздумалось ей узнать, отчего путешествую с дальним родственником и где мои родители, ага. Как назло, Регина Андреевна куда-то запропастилась, когда я так на нее рассчитывала. Уж она бы поставила нахалку на место.

Совместный обед совсем доконал, от милого воркования голубков пропал аппетит. В присутствии ребенка общение незамужней аристократки с мужчиной выглядит пристойным и удерживает

неудачливых соперников от активных действий. Стоит мне исчезнуть с горизонта, как коршуны слетятся на добычу. Неужели Игнат не понимает, что сомнительное знакомство выльется в неприятности? Видимо, нет, раз не прогнал дамочку обратно в первый класс. Под предлогом, что собираюсь учить Егорку грамоте, отказалась от вечернего моциона и запросила ужин в номер.

Мальчишку я посадила за стол рисовать палочки и наклонные черточки. Прибудем в Глушин, куплю ему букварь, а пока и этого достаточно. У самой же мысли так и крутились вокруг сладкой парочки. Поймала себя на том, что ревную брата к этой вертихвостке. Мы неплохо проводили время, пока не заявила дамочка и не украла его внимание. Если бы там серьезные отношения завязались, я бы еще поняла. Будь Анна Карловна женщиной легкого поведения, продающей себя за деньги, с трудом, но тоже приняла бы. Однако аристократка от скуки лезла в нашу жизнь, вынюхивала что-то, дразнила полунамеками на грани приличий, которые запросто можно вывернуть как в одну, так и в другую сторону. Как бы там ни было, я решила серьезно поговорить с Игнатом, как только он вернется. Он поклялся служить роду, защищать наши интересы, значит, нужно быть разборчивее в связях. Мы едва ушли от погони, не хватало из-за случайного знакомства огрести проблем на ровном месте.

Однако ночью Игнат так и не вернулся. Я прождала до полуночи, а после легла спать, вздрагивая от каждого шороха. Проснувшись в дурном настроении, которое упало еще ниже, когда столкнулась в каюте с братом. По радостному лицу сразу поняла, дорвался кот до сметаны. Я, между прочим, не выспалась, ворочалась долго, отчего на голове образовалось воронье гнездо. Расчесывай теперь колтуны! А этот сияет, только что не облизывается, раздражая свежим видом и бодрым настроением.

– Доброе утро, Нинончик! Ты чего такая взъерошенная? Собирайся, я заказал завтрак, – мурлыкая под нос песенку, он завалился в гамак и принялся раскачиваться. – Ну, чего застыла? Бегом умываться и приводить себя в порядок.

Нарочито медленно развернулась, молча взяла гребень, забралась на кровать и занялась волосами. Поняла вдруг, как глупо буду выглядеть со своими нотациями. Взрослый ведь мужчина, а тут сопливая девчонка будет указывать, с кем ему встречаться, а с кем нет.

– У-у, как все запущено! – выбравшись из гамака, Игнат подошел ко мне и присел рядом, – злишься, что не предупредил? – я демонстративно отвернулась, скрестив руки на груди. – Мы с Анной засиделись в ресторане, а потом отправились гулять на верхнюю палубу. Было поздно, подумал, вы уже легли спать, и не стал беспокоить. Опасность вам не грозила, вот я и не спешил. Нин, ты же понимаешь, у взрослых могут быть свои дела. Ну? Хочешь, пообещаю, что впредь буду предупреждать, если задержусь?

– Она вынюхивала о нашем прошлом, – я с укором посмотрела брату в глаза, – вела себя вызывающе и привлекала ненужное внимание.

– Ах, ты об этом? – он понимающе кивнул. – Поверь, Анна не узнала ничего лишнего. Ты еще не вращалась в высшем обществе, поэтому так остро отреагировала на игру. Я сам так давно был лишен этого, что не удержался от соблазна.

– Какую еще игру? – я насупилась, понимая, что ничего не понимаю.

– К сожалению, искренность в высшем обществе не в чести, – он вздохнул, – в ходу игра слов, полунамеки, аллегории и пространные размышления ни о чем. На вопросы не принято давать прямых ответов. Однако мысли выражают так, что умный собеседник поймет, а невежа посчитает болтовню пустым трепом.

– И все равно, она мне не нравится! – пробурчала я упрямо. – Фальшивая какая-то, себе на уме. Если эта Анна так тебе нужна, то и проваливай к ней.

– Иди сюда, – брат распахнул объятия и, не дожидаясь моей реакции, сгреб в охапку, – какой же ты еще ребенок! Я ни на кого тебя не променяю. Мы же связаны клятвой, помнишь? Анна еще ночью сошла на промежуточной станции, а я воспользовался случаем, чтобы побывать на палубе первого класса. Так что, собирайся уже, и пойдем завтракать. Кажется, я видел госпожу Разумовскую на ранней прогулке.

– Правда? – шмыгнув носом, переспросила Игната.

– Ну, может, это и не Регина Андреевна, издавека мог и ошибиться, – пошел Игнат на попятную.

Вот только я спрашивала о другом и уточнять не стала. Настроение заметно улучшилось, и дальше я уже заметалась по каюте,

собираясь к завтраку.

Глава 11

– Ниночка, Игнат Захарович, доброе утро! – старушка помахала рукой, подзывая к себе. – Я заняла нам места в столовой. Не возражаете против моего общества?

– Доброе! – я расплылась в радостной улыбке.

– Ни в коем случае, – заверил Игнат, раскланиваясь с другими знакомыми попутчиками, – наоборот, мы уже заволновались, куда это вы запропастились? Что-то случилось?

– Мигрень разыгралась, – отмахнулась Регина Андреевна. – В моем возрасте это частое явление. Ну-ка, красавица, иди сюда, – поманила она меня пальцем, – смотри, что я для тебя приготовила!

Я подошла, тепло обнялась со старушкой, после устроилась на стуле рядом. Она выудила из кармана коробочку с алым бантом.

– Что это? – я загорелась любопытством.

– Открой, и увидишь, – улыбнулась госпожа Разумовская, – завтра к обеду прибудем в Белозерск. Как знать, может, и не встретимся больше. Это подарок на память.

Вскрыв упаковку, обнаружила внутри кольцо с изумрудом. Простое в исполнении, оно состояло из камня овальной формы и оправы из черненого серебра. По ободку металла вилась рунная вязь, а слабое свечение указывало, что украшение с магической составляющей. Подобное обрамление характерно для древних артефактов, уж я насмотрелась на такие вещички в родовой сокровищнице.

– Это... дорогой подарок, – начала с осторожностью, лихорадочно подбирая слова, чтобы не обидеть отказом. – Полагаю, что семейная реликвия, которую лучше сохранить для потомков. Кто я такая, чтобы лишать ваших внуков законного права на обладание этим кольцом? Не подумайте ничего такого, но я ничем не заслужила подобную щедрость.

– Поверь, Нина, я знаю цену этой вещи. И только я решаю, кому она будет принадлежать, – старушка печально улыбнулась. – Я бесконечно люблю внуков и с радостью передам им все, чем владею,

но это, – она вытащила украшение из коробочки и вложила в мою ладонь, – пусть останется у тебя.

Я беспомощно посмотрела на Игната, которого так же поразила щедрость случайно знакомой. На немой вопрос в глазах «что делать?» брат только пожал плечами. И как поступить?

– Хорошо, с удовольствием приму подарок. Большое спасибо! – ничего не оставалось, как рассыпаться в благодарностях, – но с одним условием. В ответ вы также примете что-нибудь в дар. Вот только вряд ли найду равноценный подарок. Может, я могу что-нибудь сделать для вас?

– Справедливая просьба, – Регина Андреевна прижала меня к себе и поцеловала в макушку, – знаешь, пожалуй, есть одна такая.

– Какая же? – я задрала голову и доверчиво посмотрела старушке в глаза.

– Когда меня не станет, позаботься о моем питомце. Гектор самостоятелен и не доставит хлопот, но, как и любому живому существу, ему требуется дом и место, где ему будут рады.

– У вас есть питомец? Кто же? Он здесь? Путешествует с вами? Почему я его не видела? – от удивления я засыпала Разумовскую вопросами. – Конечно, я позабочусь о нем, если потребуется. Для этого не нужно дарить дорогие подарки, достаточно попросить. Но вы еще полны сил! Уверена, Гектор будет радовать вас еще долгие годы.

– Увы, моя дорогая, – старушка вздохнула, отводя задумчивый взгляд, – я ни в чем не могу быть уверенной. Давай-ка воздадим должное корабельному кондитеру, отведаем вон тех пирожных, а потом я познакомлю тебя с Гектором. Сегодня как раз тот редкий день, когда он порадовал своим присутствием.

Заинтригованная до невозможности, я шустро расправилась с овсянкой. После целиком проглотила пирожные и недовольно уставилась на взрослых, которые наслаждались едой и, кажется, никуда не спешили. В ожидании занялась кольцом, выудив его из коробочки, в которую положила перед завтраком. Сейчас оно было безнадежно велико и соскакивало, даже если просунуть в него сразу два пальца. Дорогую вещь следовало держать при себе, поэтому я вытащила из-за пазухи шнурок, где уже болтались два амулета, и добавила к ним третью подвеску. Свои сокровища прикрыла руками, чтобы не демонстрировать окружающим. Однако от Регины

Андреевны действия не укрылись. Старушка равнодушно мазнула взглядом по старинным вещицам и улыбнулась каким-то мыслям, витающим в ее голове.

– Ну, что, готова? – с хитрецей в голосе спросила Разумовская, чуть замешкавшись у порога каюты.

Я закивала китайским болванчиком, сгорая от любопытства и предвкушения чего-то особенного. Откуда у Регины Андреевны взялся питомец? Где прятался, ведь мы уже бывали в гостях у старушки? Почему именно меня она попросила присмотреть за зверем? Ступив на порог, я обмерла, увидев ту самую птицу, что прилетала во время полета на дирижабле.

– Нина, позволь представить тебе Гектора, моего ручного ворона!

– Оч-чень приятно! – выдавила из себя, рассматривая пернатое создание.

Оно в свою очередь так же внимательно изучало меня, склонив голову.

– Госпожа Разумовская, а вы полны сюрпризов, – прокомментировал Игнат за спиной, – это ведь редкая порода воронов, если не ошибаюсь? Говорят, такие птицы прежде служили магам разума. Неужели...

– В каждой семье есть тайны, не правда ли, Игнат Александрович? – перебила старушка, выдавая осведомленность о нашем происхождении. – Не переживайте, ваша тайна умрет вместе со мной.

– Но... как вам удалось скрываться на протяжении стольких лет? – между взрослыми завязался разговор, который я пропустила мимо ушей.

Все внимание сосредоточилось на Гекторе. Он будто гипнотизировал, отсекая лишние мысли и проникая в сознание. Я приблизилась и протянула руку, чтобы коснуться питомца. Шелковистые черные перья без единого цветного пятнышка, мощные лапы с цепкими коготочками, массивный клюв, крылья. Если припомнить, размах впечатлял. Раньше я не интересовалась птицами и ничего не знала об их повадках или особенностях. Так, имела общее представление о названиях и видах.

– Будем друзьями? – раскрыла перед Гектором ладошку, ничуть не сомневаясь, что меня понимают.

Собственно, когда ворон протянул лапу в ответ и впился когтями в кожу, развеялись последние сомнения. Я поморщилась от боли и обиженно уставилась на набухающие пятнышки крови.

– Зачем? – вместо ответа птица ткнулась клювом в ладонь, растирая алые капли, и наклонила голову, разрешая себя погладить в качестве извинения.

Отчего-то я именно так расшифровала действия Гектора. Осторожно коснулась пальчиками лобастой головы, покрытой мягкими перышками. Распахнула глаза в изумлении, когда нащупала посередине лба уплотнение. Какая-то шишка, нарост? Раздвинула перышки и уставилась на открывшийся третий глаз. В ту же секунду увидела себя в тесной каюте дирижабля, перепуганную неожиданной встречей. На единственной кровати спал Игнат, на рундуке калачиком свернулся Егорка. Потом вокруг сгустилась тьма, а из темных углов потянулись липкие щупальца. Я охнула, когда осознала, что они стремились вонзиться в грудь и проникнуть внутрь меня, но соскальзывали, натываясь на незримый щит. Отшатнувшись, невольно разорвала контакт с Гектором, и видение исчезло.

– Ну вот, – рядом оказалась Регина Андреевна, которая отвела меня к столу и всунула в руки кружку со сладким чаем, – выпей, полегчает. – Я машинально сделала глоток, чувствуя, как внутри разливается блаженное тепло. – Рада, что вы подружились с Гектором. Он не каждого примет в круг общения, лишь тех, кто этого достоин.

– Это невероятно! – я посмотрела на чистую ладонь, на которой не осталось следа от когтей и крови. – Он показал...

– Ш-ш, – Разумовская приложила палец к моим губам, – ни слова больше. Увиденное предназначено только для тебя. Никому, даже самым близким людям, не доверяй этой тайны. И не потому, что они могут предать. К сожалению, за вещунами охотятся и любой намек, упоминание, случайно брошенное слово приведут к трагическим последствиям.

Я поджала губы, не зная, как реагировать на сомнительные откровения. Если даже знание о существовании вещего ворона несет опасность, что тогда говорить о владельце такого питомца? Хотя питомцем Гектора вряд ли назовешь, скорее, магическим созданием, вроде фамильяра. Будто своих проблем было мало!

– Мне жаль, дитя, что взваливаю это на тебя в таком юном возрасте, – с сочувствием произнесла Регина Андреевна, – но это не мой выбор. Цепь событий уже запущена. Надеюсь, ты успеешь вырасти, чтобы справиться с этим.

– Справиться с чем? Какие события? Ничего не понимаю, – я растерянно захлопала глазами.

– Тайны древних опасны и не предназначены для непосвященных. Но когда это останавливало алчущих власти и силы людей? Маги прошлого берегли родовые секреты, однако временами они все же всплывали, и тогда за ними начиналась охота. Недавно ты активировала артефакт, который считали утерянным. Это всколыхнуло такие силы, о существовании которых этот мир уже позабыл.

Я гулко сглотнула, невольно коснувшись магических предметов, спрятанных под одеждой. Один достался от прежней хозяйки, но камень в нем разрушился в момент гибели Нины и моего переноса в это тело. Другой появился не больше часа назад и не подходил под описание. А вот третий, что нашла в старом тайнике Забелиных, как раз и был тем самым артефактом.

Я сорвала шнурок с шеи, схватила злополучный диск с камнями и направилась к окошку, намереваясь выкинуть и избавиться от проблемы.

– Это не поможет, – остановил печальный голос, – а только ускорит неизбежное. Рано или поздно тебя найдут. Выпытают, что стало с артефактом, поднимут его хоть с болота, хоть со дна морского, а тебя или твоих потомков принесут в жертву.

– Но... я же не знала! Что теперь делать? – я со злостью швырнула амулет на пол.

У меня не возникло ни малейших сомнений, что Регина Андреевна говорила правду. Тьма из видения, что тянулась ко мне липкими щупальцами, она же пыталась добраться до артефакта! Теперь понятно, почему Гектор напомнил о нашей первой встрече. Выходит, он и нашел меня по этой проклятой вещи?

– Бежать! Прятаться. Становиться сильнее, – Разумовская тяжело вздохнула, подняла кулон и вложила мне в руки. – Сейчас артефакт не заряжен. Если соберешь в него необходимую энергию и найдешь недостающую центральную часть, то подчинишь себе. Это долгий и

невероятно опасный путь, но только он – единственный шанс к выживанию.

– Бежать? Мы и так в бегах. Игнат, что думаешь об этом? – только сейчас обратила внимание на брата, который с задумчивым видом переставлял шахматы на игровом столе и не вмешивался в разговор. – Игнат! – позвала громче, когда он не откликнулся.

– Не старайся, он тебя не слышит, – «обрадовала» Разумовская, – увлекся игрой и раздумывает над следующим ходом.

– Как это? – я оторопела, – что вы сделали? Игнат ведь не ошибся, вы маг разума? Получается, и меня заморочили? – кольнула неприятная догадка.

– Разве что чуть-чуть, но это действие ментального амулета иллюзии, – Регина Андреевна сняла неприметное колечко с мизинца, и тут же образ благообразной старушки поплыл, открывая облик молодой женщины.

Это была все та же госпожа Разумовская, только без сеточки морщин на лице и седины в волосах. На вид от тридцати пяти до пятидесяти, сложно сказать, ведь маги за счет энергетических потоков, напитывающих тело, выглядят моложе истинного возраста.

– А зачем вы... – я осеклась, подбирая правильные слова, – так состарили себя? – в голове не укладывалось, чтобы женщина добровольно превратилась в старуху.

– При первой инициации магия разума никак себя не проявляет, но каждого ребенка в такой семье берут под контроль. Родители долгое время скрывали мою силу, ссылаясь на то, что сами не унаследовали родовое умение. В пять лет меня нашел Гектор, а следом в доме появилась дальняя родственница. Последняя носительница дара, которая и занялась моим обучением втайне ото всех. Но тайное всегда становится явным, обо мне прознали и открыли охоту. В первую очередь избавились от родителей, затем исчез старший брат и две сестры. Когда пришли за мной, Регина инсценировала мою смерть и защитила ценой собственной жизни. Она взяла клятву сохранить знание и передать его только наследнице с такими же способностями. В тот день официально наша семья перестала существовать. Я под личиной бедной родственницы исчезла так же тихо и незаметно, как она и появилась. С тех пор мой удел – скитание по миру и

одинокое. Семьи не сложилось, детей нет – магический дар стал моим проклятием.

– Значит, в Белозерске вас никто не ждет? – стало до слез жаль эту бедную женщину. Я подошла к ней и обняла крепко-крепко. – Вы могли бы остаться с нами.

– Это слишком опасно, для тебя в первую очередь, – Регина ласково погладила меня по волосам, – но я буду присматривать. Издалека.

– А как же клятва? – я сообразила вдруг, что Гектора она завещала именно мне, – мы же не родственники?

– К сожалению, – Разумовская тяжело вздохнула, – когда нет прямых наследников, выбирают подходящего среди других одаренных со схожими способностями и передают знания ему. Гектор нашел тебя, а я следовала его подсказкам. В твоих жилах течет кровь древних магов, и при желании ты могла бы освоить магию разума. Но это тяжкое бремя, которое никому не пожелаю взваливать на плечи. Не представляешь, как тяжело знать мысли любимого человека, слышать, что он о тебе думает. Люди редко говорят правду, и привыкнуть к этому невозможно. Я уж не говорю, что за разумниками охотятся тайные службы всего мира. Вряд ли ты захочешь себе или своим детям такой судьбы. Я вела дневник, в котором описала этапы обучения и сохранила бесценные знания, которые мой род собирал на протяжении столетий. Рука не поднялась его уничтожить. После моей смерти ты сумеешь его отыскать, Гектор поможет. Но прежде сто раз подумай, действительно ли это тебе нужно. Кольцо, что я подарила, защитит от ментальных воздействий, не позволит задурманить голову или внушить чужие мысли. Носи постоянно и не снимай. И еще... не забывай, Гектор сам выбирает, кому служить. Глупцы те, кто считает, будто его можно подарить, украсть или забрать силой. Связь между вами постепенно окрепнет, и он будет передавать видения на расстоянии.

– Вы так говорите, словно прощаетесь навсегда, – на сердце стало тяжело от недобрых предчувствий.

– Нам опасно находиться рядом. Я кожей чувствую, как сгущаются тучи. Есть враг, которого стоит опасаться всегда и везде – темники! Они знают об артефакте и ищут его столетиями. Теперь понимаю, почему до сих пор до него не добрались. Дар твоего рода –

защита, и даже сейчас она укрывает артефакт. Держись подальше от темных храмов и тех, кто поклоняется тьме. Учти, местонахождение артефакта легко обнаружить в момент активации или насыщения камней силой. Поэтому будь осторожна и сразу покидай место, где это случилось, тщательно заметай следы.

– Хорошо, – я кивнула с некоторым облегчением.

Вовремя мы с Игнатом активировали защиту имения и ушли оттуда. Злополучную вещицу вновь подвесила на шнурок, попрощалась с Гектором, скормив ему пирожные, которые Регина Андреевна специально приготовила для угощения. Затем мы подсели за игровой столик к Игнату, для которого время нашего разговора пролетело в раздумьях над следующим ходом. Разумовская позволила брату выиграть партию, после чего мы тепло попрощались и вернулись к себе. Галеон прибыл на промежуточную станцию, где сходила часть пассажиров. На следующей уже нам предстояло покинуть корабль.

Глава 12

В Коровино галеон пришвартовался после полудня. На этой станции с корабля сходил коммивояжер Суконников и пожилая пара Порядиных с нашей палубы, из первого класса благородная дама с приживалкой и десятком слуг. Встречающие на причальной башне если и были, то их внимание заняла аристократка, которая первой покинула судно. Спокойно спустившись вниз по винтовой лестнице, мы дождались, пока носильщики спустят багаж. Затем Игнат отправился на поиски извозчика, а я бросила прощальный взгляд на галеон. Он уже отчалил и набирал высоту, расправляя боковые паруса для совершения маневра.

– Представляешь, в этой дыре совершенно нет транспорта, – вскоре вернулся возмущенный брат. – Безобразие! Управляющий сказал, на станции дежурят два экипажа, но сегодня оба заняла госпожа Крошинская. А нам придется вызывать кого-то из города, а это займет пару часов, либо ждать, пока штатные извозчики обернутся, что выйдет еще дольше. В любом случае, придется задержаться. Пешком идти – не вариант, до соседнего Карминска путь не близкий.

– Так, давай вызовем экипаж и подождем эти пару часов, – я не увидела проблемы.

– Не нравится мне здесь, – поделился сомнениями брат. – Какие-то личности подозрительные поблизости отираются. Предлагаю отправиться на постоянный двор, он отсюда в паре кварталов. Поспрашиваем, может, повезет и какая-нибудь оказия подвернется.

Вещи мы сдали в камеру хранения, заедем за ними позже, а сами пешком отправились на прогулку. Единственной достопримечательностью в Коровино была причальная станция для летающих кораблей, состоящая из посадочной башни и административного здания. Стоило только свернуть на соседнюю улочку, как в глаза бросалась неухоженность и нищета. Одно-двухэтажные домишки тесно жались друг к другу. На мощеной дороге после дождя остались следы грязных колес, тротуары отсутствовали как вид. Если возле станции и на близлежащей территории поддерживался хоть какой-то порядок, то дальше о нем, похоже, не

подозревали. Прямо посередине дороги в луже развалился крупный хряк, над которым вились мухи, поодаль лениво бродили тощие куры. В прибитой дождем пыли играла малышня. За соседним забором надрывалась лаем собака.

Осторожно ступая, чтобы не испачкать обувь, мы растянулись гуськом, выискивая островки без луж и грязи. Наконец, добрались до двухэтажного строения с мансардой и линялой вывеской, на которой еще можно разобрать чугунок, ложку и стол с короткими ножками. Или последнее – это кровать? В общем, так себе местечко, которое переживало не лучшие времена. От мостовой до двери заведения вел настил из подгнивших досок, которые угрожающе скрипели и грозили в любой момент подломиться. Внутри полутемного помещения витал запах скисшего пива и жареного лука. Очевидно, вечерами постоянный двор служим местом для посиделок и пользовался популярностью среди местных забулдыг. Интерьер соответствовал: грубо сколоченные столы с липкими на вид столешницами, тяжелые лавки, заплывшие восковым нагаром подсвечники. Похоже, электричество и магию, его поддерживающую, здесь отродясь не видели. Так же, как номера не знали нормальной уборки, а постели – чистого белья. Впрочем, на пару часов сгодится и это, не в нашем положении привередничать.

Вот только задержаться пришлось до утра, потому что экипаж из Карминска так и не прибыл, а местные возницы остались в имении Крошинских. У хозяина постоянного двора мерин сдох еще в прошлом месяце, чему я ничуть не удивилась. Правда, за медную монету он подсказал, у кого из местных имеется лошадь с телегой.

Отправили Егорку договориться насчет найма, а сами заселились в номер. Пожалуй, лучше было остаться на станции, там хотя бы комната ожидания соответствовала принятым стандартам. Однако не хотелось объясняться с бывшими попутчиками, по какой такой надобности мы сошли в Коровино. Они относились к той категория людей, которым до всего есть дело.

Мальчишка вернулся через час и обрадовал, что хозяин лошади подрядился отвезти дрова на дальний хутор и вернется только к вечеру. Лошадка старая, ей отдых потребуется, стало быть, нас отвезет уже завтра, куда скажем.

Рисковать и пробовать кухню местного повара мы не стали. Заказали отварную курицу, картошку и десяток яиц, их точно ничем не

испортишь. Хлеб, свежую зелень и овощи, крынку молока Егорка купил у чистоплотной хозяйки в соседнем дворе. Пронырливый пацаненок живо разузнал, с кем стоит иметь дело, и обеспечил нас сытным ужином. Егор изо всех сил старался быть полезным.

Спать легли одетыми, а перед этим Игнат обдал матрас и подушки жарким воздухом, чтобы уничтожить живность, предположительно обитающую в них. Наверное, подсознательно мы ожидали неприятных сюрпризов, поэтому незваных гостей встретили во всеоружии. Заслышав скрип ключа в замочной скважине, брат растолкал меня и жестом показал спрятаться под кровать. Сам накидал сверху подушек, прикрыл одеялом и притаился возле двери. Та открывалась внутрь, поэтому ночные визитеры не заметили спрятавшегося в тени человека.

– Маги! – я мысленно ахнула, увидев всполохи атакующих заклинаний, окутавшие темные фигуры убийц.

Притянула Егорку поближе и укрылась щитом. В ту же секунду жахнуло так, что стало светло, как днем. Кровать разломилась пополам и едва не придавила, осыпав градом щепок и ворохом паленой соломы. Игнат атаковал следом, сшибая противника с ног огненным смерчем и добивая тех, кто уцелел, сталью.

– Сюда, – я потянула мальчишку в сторону, выбираясь из-под тяжелой деревянной конструкции.

Щит не давал нас расплющить, но и держать его против физического воздействия в десять раз сложнее. Плюс налетчики попались на редкость предусмотрительные и экипированные. Защитный амулет у каждого и по десятку атакующих заклинаний в свитках. Такие использовали даже неодаренные: достаточно разорвать пергамент и направить высвободившуюся разрушительную силу в противника. Значит, без сомнений, явились по нашу душу. Гадать, кто и когда нас выследил и сдал людям князя – а я даже капли сомнения не допускала, что нападение спланировано, – бесполезно. Тут бы просто вырваться живыми из ловушки. Как чувствовала, нельзя Игнату возвращаться в те места, где он прожил в изгнании одиннадцать лет.

– Бегите! – крикнул брат, отбивающийся сразу от четверки убийц.

Трое из десятка уже распрощались с жизнью, еще один пока дышал, но с распоротым животом много не навоюешь. Еще двое зажали меня в угол, изматывая постоянными атаками. Только щит отделял от неминуемой смерти. Лиц врагов, скрытых за темными

масками, я не видела, лишь холодные глаза убийц, которые стремились выполнить заказ. Просить таких, умолять о пощаде бесполезно. На крайний случай я обнажила меч, собираясь продать жизнь подороже. И откуда у них столько энергии, без усталости долбить затратными заклинаниями? Судя по потокам силы в телах мужчин, их нельзя назвать архимагами или даже магистрами. Так где они черпают силы, если их резервы еще не истощились? Накопители? Дорогое удовольствие, что еще раз подтверждает, что за нападением стоит могущественный враг.

Помощь подоспела в облике смертоносной фурии с развивающимися смоляными волосами. Затянутая в кожу гибкая фигурка несла смерть на острие полыхающих магией мечей. На тонких лезвиях зловеще светились алые рунные цепочки. Оружие без труда пробивало защиту, обращая в пыль амулеты и собирая кровавую жатву. За пару минут Анна Далиани расправилась с двумя магами, которые зажали меня в угол, а потом занялась той четверкой, что окружила Игната. Впрочем, он и сам справился, воодушевленный такой поддержкой.

Выглядела старая знакомая эффектно. Узкие брючки из мягкой кожи обтягивали стройные ножки и не оставляли простора для фантазии. Приталенная курточка цвета горького шоколада сидела, как влитая, высокие сапоги со шнуровкой, перевязь для мечей, белоснежный воротничок и кружевные манжеты на удлиненных рукавах довершали элегантный образ воительницы. В глубоком вырезе заманчиво мелькала ложбинка между упругими полушариями.

– Анна, какими судьбами? – отдать должное, Игнат хоть и повелся на соблазнительный вид аристократки, но бдительности не утратил.

Своевременное появление пассажирки, сошедшей с галеона еще вчера, настораживало. Как и ее специфичное умение работать парными мечами, и сами мечи-артефакты.

– Проезжала мимо, вижу, недобрые дела происходят. Дай, думаю, помогу. Разве ты не рад меня видеть? – мило проворковала женщина.

– Ты удивительно вовремя подоспела, Анна, – Игнат улыбнулся краешками губ, в то время как пальцы, сжимающие рукоять меча, побелели от напряжения. – Не верится, что ради меня ты забралась в эту глушь.

– О, нет! Конечно же, нет! Не ради тебя, – звонко рассмеялась аристократка, – в этот коровник меня привели дела иного рода. Нина, – она развернулась ко мне, – ты ведь уже поняла, зачем я здесь? Отдай артефакт по-хорошему, и никто не пострадает.

– О чем ты? Какой еще артефакт? – Игнат нахмурился. – У девочки нет ничего такого, что могло бы привлечь твое внимание. Нина, скажи ей!

Я побледнела, одернув себя в последний момент, чтобы не проверить, на месте ли злополучный диск. На вопрос брата неуверенно пожала плечами. Выходит, эта дамочка неспроста объявилась на палубе второго класса. Единственное, чего она не знала, у кого из нас двоих хранится ценная вещь. Поэтому и ринулась охмурять Игната, что надеялась выведать у него местонахождение артефакта.

– Нина? – мужчина бросил на меня вопросительный взгляд, потом перевел его на женщину., – Анна, о каком артефакте идет речь?

– Хо`шен первого императора, – женщина усмехнулась, довольная произведенным эффектом.

А у брата, надо признать, отвисла челюсть. Видимо, наслышан об этой редкой и опасной вещице.

– Ты что-то путаешь, – Игнат не поверил. – Откуда утерянная императорская реликвия возьмется у... – он осекся и уставился на меня с укором.

Наверняка подумал, что я стащила этот Хо`шен из родовой сокровищницы. Там столько редкостей собрано, можно что угодно отыскать. Не объяснять же при посторонних, что это не так?

– Нина?

– Да, мы ждем ответа, – поддержала Анна.

– Не понимаю, о чем идет речь, – я нервно улыбнулась, переминаясь с ноги на ногу.

– А, по-моему, ты врешь, – дамочка хищно оскалилась. – Отдай сама, иначе...

– Иначе что? – я вздернула подбородок и скрестила руки на груди. – Убьете нас? Но вы и так не собирались оставлять никого в живых, разве нет?

– Я же сказала, – в голосе женщины зазвенело раздражение, – никто не пострадает, – хищной кошкой Анна скользнула ко мне.

Я отшатнулась, а Егорка бросился дамочке под ноги, отчего она споткнулась и не сумела меня схватить.

– Ах, ты мелкий гаденыш! Получи! – прошипела аристократка и пнула мальчишку так, что он отлетел к стенке, ударился крепко, пискнул и затих.

Я не сразу поняла, что случилось. И только когда увидела капли крови на коротком лезвии, торчащем из потайного отделения в подошве сапога, сообразила, что произошло. Я перехватила покрепче меч, окуталась щитом и с громким воплем «убью гадину!» кинулась на дамочку. Игнат опередил на несколько секунд, и на него обрушился град ответных ударов. Как бы я ни хотела добраться до этой твари, но лезть в драку двух профессионалов глупо и опасно. Держась поодаль от мелькающих в воздухе мечей и звона стали, подобралась к пацаненку.

– Егор, ты как тут? – ответить он не ответил, но жалобно замычал, когда я его пошевелила. – Живой! – испытала невероятное облегчение. Однако бок у мальчишки уже окрасился алым. – Потерпи немного. Сейчас Игнат добьет эту мерзкую падаль, и мы тебя подлечим. Все будет хорошо. Слышишь?

– Gehorchest! – вдруг выкрикнула дамочка, и Игнат застыл соляным столбом, – как вы мне уже надоели, – выплюнула она, убирая мечи в ножны. – Что? – расхохоталась, глядя, как бешено вращаются у брата глаза, и как он силится вырваться из ловушки. – Не старайся, – она провела коготками по его небритой щеке и схватилась за горло, – ты в моей власти и, может, еще послужишь, пока не надоешь. О, неужели вижу ненависть в глазах? Хочешь меня убить? А еще недавно желал совсем другого, был таким страстным и ненасытным. Знаешь, я не прочь повторить, – Анна похотливо облизнулась, провела ладонью по мужской груди и замерла, добравшись до пояса. – Но сначала разберусь с дерзкой мерзавкой. Уверена, она даже не подозревает о ценности вещи, что к ней попала. Ну же, отдай мне Хо`шен! – она требовательно протянула руку.

– Пошла ты лесом! – я огрызнулась, не собираясь идти на поводу у двуличной стервы.

Скучно ей стало, ага! Я так и думала, что приперлась на нашу палубу вынюхивать. И Игнат – тоже хорош! В кафе они засиделись, ну-ну. Анна терпением не отличалась, и в ответ на мой выпад выхватила

мечи и принялась кромсать щит. Силы таяли с каждой секундой. Я бы даже решилась открыть тропу и сбежать, но никогда бы не оставила в лапах Далиани брата и Егорку. Убьет ведь или замучает до смерти. Я бы и артефакт этот проклятый отдала не задумываясь, если бы не понимала простую истину: свидетели дамочке не нужны. Ее слова и обещания – пшик, очередная уловка на случай, если артефакта у нас при себе нет. Мертвые мы уже ничего не расскажем, а вот у живых все можно выпытать.

– Скоро доберусь до тебя, паршивка! На лоскуты порежу! Кожу сниму, а тело отдам на растерзание псам, – Анна Карловна сыпала угрозами и красочными описаниями пыток, которым меня подвергнет.

Со знанием дела, с подробностями, не оставляющими сомнений, что дамочке нравится мучить людей. И такая злость взяла, что нечего противопоставить этой породистой твари, что тропа за ее спину открылась сама собой. Оставалось только шагнуть и всадить меч под ребра по самую рукоять, что я и сделала с нескрываемым удовольствием.

– Это за Егора, падаль! – Анна взвизгнула и ударила меня наотмашь.

Я отлетела на пол, а женщина завертелась, тщетно пытаясь вытащить меч. Она хваталась за маленькую рукоять пальцами, но те постоянно соскальзывали. Самостоятельно избавиться от куска стали у дамочки вряд ли получится, силы уходили, но она была еще очень опасна. Признав тщетность попыток, аристократка со звериным рыком кинулась на меня. Обрушив оба артефактных меча на хлипкий щит, выставленный на голом упрямстве, ведь на открытие тропы я потратила последние силы, Анна издала победный вопль. Защита рассыпалась, оставляя меня беззащитной перед ополоумевшей гадиной. Я сжалась в ожидании смертельного удара, но вместо этого увидела мелькнувшее в воздухе полено, которое четко прилетело злой фурии в висок. Анна рухнула к моим ногам, как подкошенная. Не мешкая я выбила мечи у нее из рук и отшвырнула подальше. Затем развернулась к новому действующему лицу, появившемуся на пороге. Возникло такое чувство, что на захудалом постоялом дворе собрались все пассажиры летучего галеона.

– Госпожа Разумовская? – уточнила с осторожностью, не зная уже, что ожидать.

Анна Карловна вначале тоже помогла расправиться с ночными визитерами, а потом напала сама. Конечно, у Регины Андреевны не было причин для нападения, но я ведь могла и не знать чего-то.

– Как вы, живы? – женщина подлетела ко мне и осмотрела на предмет повреждений.

Кроме пары царапин и многочисленных синяков, я не пострадала.

– Егорка ранен и Игнат под магическим воздействием. Вы можете помочь?

– Конечно, для этого я здесь. Спешила из последних сил. Думала уже, не успею, а ты сама справилась, – она указала взглядом на аристократку, из спины которой торчала рукоять меча.

– Так чего же вы ждете? – я поторопила Разумовскую, которая почему-то медлила.

– Сейчас, милая, я должна убедиться, – она подошла к Анне, перевернула ее на спину и вспорола ножом куртку вместе с рубашкой. Сноровисто обыскала, отбрасывая подальше амулеты, украшения и припрятанные в одежде остро заточенные предметы вроде звездочек, игл или тонких лезвий. – Есть! Нина, подойди сюда, пожалуйста, – подозвала она, когда обнаружила что-то на теле аристократки. – Запомни этот знак, – Регина Андреевна ткнула ножом в середину круглой метки, где на фоне черной спирали отчетливо виднелась когтистая трехпалая лапа. В крошечной ранке набухла черная капля и растеклась по контуру рисунка. – Эта женщина посвятила жизнь Тьме и достигла определенных высот в иерархии ордена. Темники знают о тебе, раз послали мастера темных искусств.

– И что же делать?

– Начать нелегкий путь в освоении новой силы уже сейчас, – с этими словами Разумовская достала из-за пазухи кинжал, завернутый в старый шелковый платок.

Он поистрепался от времени, а вышитая по краю рунная вязь выцвела, сливаясь с тканью. Изогнутый кинжал походил на незавершенный знак бесконечности и веяло от него какой-то жутью.

– Что это? Не пойму, из какого материала его изготовили? На металл не похоже.

– А это и не металл. Кость. Человеческая. А кинжал прежде использовали в кровавых обрядах поклонники Тьмы, пока он не попал в руки одному талантливому артефактору. Я хранила его все эти годы,

а теперь настала пора передать кинжал тебе. Он неразрывно связан с императорским Хо`шеном, а значит, и с тобой. Нельзя допустить, чтобы оба предмета попали темникам.

– Ничего не понимаю. Я ведь еще ребенок. Меня только что едва не убили. Так почему вы отдаете еще одну вещь, за которой охотится орден Тьмы?

– Лучше я покажу, и тогда поймешь сама. Достань артефакт, пожалуйста, – попросила Регина Андреевна.

Я выполнила просьбу, выудила шнурок из-за пазухи, сняла с него злополучный диск и протянула старушке. Та покачала головой, давая понять, что Хо`шен останется у меня. Затем взяла мою правую руку и вложила в нее кинжал. Стиснула мою ладонь в своей и без предупреждения всадила костяной клинок в тело Анны. Аристократка захрипела, забилась в судорогах, напугав до полусмерти, а я не могла даже отстраниться, крепко удерживаемая Разумовской.

– Да что же вы делаете? Так нельзя!

– Ш-ш-ш, – шикнула старушка, – смотри, что происходит в магическом спектре.

Я машинально перешла на магическое зрение и уставилась на черную воронку в собственной ладони. Кинжал будто пылесос втягивал в себя магию, жизненные силы и энергию молодого организма магички. Рубиново-красные всполохи затягивались в бездонную пустоту кинжала, а Анна прямо на глазах старела и усыхала, пока от нее не остался один скелет. Да и тот рассыпался в прах от неосторожного движения. Вместе с предсмертным хрипом взметнулась ожившая когтистая лапа на метке. Она впиалась в руку Регины Андреевны, что по-прежнему удерживала мою ладонь, и истаяла черным облаком.

– Ну, вот и все, – выдохнула резко побледневшая женщина и отпустила меня. – Обрати внимание на артефакт.

Я перевела взгляд на диск, зажатый в левой ладони, и обнаружила, что один камень из восьми налился кроваво-красным цветом, внутри которого пульсировала темная точка. Не сразу, но до меня дошло, каким образом заряжаются камни в императорском артефакте.

– Не-ет! Только не это! Я не смогу! Пожалуйста...

– Да, Нина, этот артефакт требует жертв. У всего есть цена: по одному магу каждой из стихий, плюс маг разума, целитель, светоч и

темник. Могущество древнего артефакта измеряется человеческими жизнями, – женщина тяжело вздохнула. – Вот эти невзрачные камешки, – она коснулась одного из них, – заготовки под камни душ. Представь, какое могущество обретет человек, забравший себе силу восьми магов. Уже сейчас тебе будет доступно родовое умение Далиани. В определенных кругах эта семья знаменита лучшими наемными убийцами. Им достаточно капли крови, чтобы найти человека, наслать проклятие, подчинить или даже убить.

– По-моему, мерзкий дар, – я скривилась. – Меня не интересует сила, полученная такой ценой. Я не хочу никого убивать.

– Увы, – Регина Андреевна вдруг закашлялась, а на платке, которым она спешно прикрыла рот, остались кровавые следы. – Мы не вольны в выборе, наследуя дар, которым владели родители.

– Что с вами? – я насторожилась, заметив неестественную бледность старушки и испарину на лбу. – Вы больны?

– Нужно спешить, – Разумовская сняла целительский амулет с шеи, и тот рассыпался у нее в руках. – Там, в сумке у входа, еще один. Принеси, пожалуйста.

Я бросилась к выходу, спотыкаясь об тела убитых, нашла приметный саквояж и вернулась с ним к старушке. Той становилось хуже прямо на глазах. Я зарылась в содержимое, выискивая нужную вещь. Амулет лежал в отдельном кармашке и был полон энергии. Схватила его и поднесла к Регине Андреевне, чтобы облегчить ее состояние. На пергаментном лице уже проступили капли кровавого пота. Выглядело так жутко, что пробрало до мурашек. Промокнула влагу платком, что выпал из ослабевших рук Разумовской.

– Нет, – остановила она каркающим голосом, не давая активировать амулет, – это для мальчика. Мне уже ничего не поможет.

– Как это? – я оторопела. – Не понимаю, что происходит? Вы ведь прекрасно себя чувствовали еще пять минут назад.

– Посмертное проклятие темников, – старушка скривила кровавленными губами в подобие улыбки. А мне сразу вспомнился призрачный облик когтистой лапы, впившийся в руку Регины Андреевны. Глаза наполнились слезами от осознания, что женщина нарочно подставилась вместо меня. Выходит, она знала, что так случится? – Не вини себя, – помутневшие глаза Разумовской по-прежнему светились теплом, – это только мой выбор. Я устала жить в

одинокости, именно оно – настоящая пытка. Надеюсь, хотя бы моя смерть не будет напрасной. Найти мага разума непросто, уж поверь на слово. Сделай это, пока еще не стало поздно.

– Сделай что? – я похолодела и с ужасом посмотрела на костяной нож, который еще сжимала в руке. – Нет, умоляю! Только не это! Я не смогу.

– Ниночка, прошу, – Разумовская зашла в очередном приступе кашля, а когда он прошел, поманила к себе. – Я все равно умру, но уйти будет легче, зная, что частичка моей души останется рядом с тобой.

– Нет, – прошептала, чувствуя, как слезы ручьями бегут по щекам.

Я понимала, Регина Андреевна права, но собственными руками вонзить нож в человека – не врага! – ставшего таким близким за эти дни, не могла.

– Ты обещала позаботиться о Гекторе, помнишь? – не забыла старушка и о любимом питомце. – Обними же меня на прощание, – она распахнула объятия, и в этом я не посмела отказать.

– Я позабочусь о вороне, даже не сомневайтесь! – с жаром заверила в ответ и крепко обняла Разумовскую.

– Забирай Игната, мальчонку и беги отсюда! – прошептала она и отстранилась.

А потом вдруг перехватила мою ладонь с ножом, как в случае с Анной, и вонзила кинжал себе в грудь. Я закричала, когда тело Регины Андреевны обратилось в прах прямо в моих руках. Прощальный взгляд умирающей вьелся под кожу и навсегда отпечатался в памяти, как и лица родных, которых утратила недавно.

Сколько же еще тяжелых потерь предстоит пережить? Выдержу ли я? Не сломаюсь? Нет! В душе загорелся неистовый протест, у меня уже нет на это права. Я должна жить ради тех, кто принял преждевременную смерть. Ради тех, кто добровольно пожертвовал собой. Ради тех, для кого я стала последней надеждой.

Глава 13

Из ступора вывел Гектор, залетевший в открытое окно. Приземлившись на подоконник, ворон склонил голову и осмотрел комнату. Затем вспорхнул и подлетел ко мне, разметаив крыльями горстку праха, что остался от бывшей хозяйки. Я протянула руку и погладила птицу, искренне сожалея, что невольно стала причиной смерти Регины Андреевны. В ответ меня посетило ощущение легкой тоски. Птица подобралась поближе и ткнулась головой в грудь, где висел злополучный амулет.

– Да, ты прав, – я вымученно улыбнулась. – Частичка души навсегда останется с нами, а память о ней сохранится в сердце.

Гектор с умным видом кивнул, соглашаясь, а после посмотрел в сторону моих спутников. В этот момент в голове промелькнул образ экипажа, брошенного у входа на постоянный двор. Затем картинка переместилась в лес, где по заросшей дороге мчался вооруженный отряд наемников. Загнанные лошади уже хрипели, готовые рухнуть замертво. Однако окутывающая их темная дымка не давала упасть, щедро расходуя на это жизненные силы самих животных.

– Темники! – вырвалось на выдохе с холодящим ощущением, и волоски на коже встали дыбом. – Спасибо, что предупредил! – поблагодарила Гектора. – Я сейчас... я все сделаю.

Прежде я завернула страшный кинжал в платок с рунной вязью и сунула за пазуху. Затем подхватила целительный амулет и бросилась к Егору. Жив! Это мне показалось, что прошла вечность, на деле – полчаса максимум. Рана в боку на вид неглубокая и крови немного, но это еще ни о чем не говорит. Активировала амулет, убедилась, что магия приступила к лечению, после чего подошла к Игнату. В момент гибели Анны Карловны оцепенение с брата слетело, и он рухнул на пол там же, где стоял. Однако мертвенная бледность и едва ощутимый пульс не предвещали ничего хорошего. Что-то такое проклятая магичка с ним сотворила, раз даже после ее смерти Игнат не пришел в себя. Как бы там ни было, а следовало убираться с постоянного двора, да и из самого Коровино куда подальше.

Самостоятельно перенести брата в экипаж я не могла, поэтому отправилась на поиски хозяев. Перед этим проверила Егора. У него на щеках уже появился румянец, а порез больше не кровил. Между тем, амулет израсходовал львиный запас энергии. Предположу, что она ушла на устранение внутреннего кровотечения и исцеление поврежденных органов. Тварь знала, куда бить. Сдохла, так ей и надо!

– Потерпи немного, – я пригладила непослушные вихры мальчишки, – скоро будешь, как новенький.

Как бы ни было противно, а я пересилила себя, чтобы обыскать тела убитых. Хотя бы поверхностно, чтобы снять те же целительные амулеты. Да и защитные не повредят. Егорку уберегут от беды при случае, и мне дополнительная страховка. Как показала практика, родовой щит не панацея от внезапного нападения, и не способен долго сдерживать противника. Припомнив, как активно работали маги, зажавшие меня в угол, обыскала их более тщательно. Наградой стали дымчатые кристаллы в серебряной оправе.

Так я скоро обзаведусь ожерельем из амулетов и обвешаюсь ими как елка. Однако и расставаться с ценными вещичками не хотелось, вот и придумала маленькую хитрость. В моем чудо-кошелечке для денег уже хранился сундук с золотом. Неужели не хватит места для парочки-другой подвесок? Амулет Нины, кольцо Разумовской, Хо`шен, два накопителя, защитный и целительный амулеты по очереди опустила в кошель и плотно затянула его у горловины. На виду остались две кожаные веревочки, которые я обвязала вокруг шеи. Со стороны выглядело убого. Никому и в голову не придет, что в потертом кошеле хранятся такие ценности. Чуть подумав, и кинжал отправила туда же.

Теперь пора и с хозяевами пообщаться. Спустилась на первый этаж обезлюдевшего постоянного двора, обошла кухню, зал, другие жилые комнаты – ни души. Вышла во двор, где ожидал приятный сюрприз. Десяток скакунов, брошенных без присмотра, а за воротами крытый экипаж, запряженный двойкой взмыленных лошадок. Пустующее место возницы натолкнуло на мысль, что Регина Андреевна вряд ли сама сидела на козлах.

– Эй, ты чего сюда забрался? – я обнаружила перепуганного возницу внутри экипажа.

– Так боярыня приказала, чтобы спрятался, – настороженно выглянул наружу мужик со светлой кучерявой бородкой. – А где она сама?

– Велела передать, что останется тут, пока обернешься до Белозерска, – придумала с ходу, не желая говорить, что боярыни больше нет. – Раненый у нас, собирайся живее.

– А чего так далеко? Карминск ближе выходит. Там доктора найдем, – возница осмелел, сообразив, что одинокая девчонка опасности не представляет.

– В Белозерск поедem! – припечатала тоном, не терпящим возражений.

А чтобы не расслаблялся и не сомневался в моем праве распоряжаться, проявила родовую печать. Другое дело, что сама не уверена, нужно ли нам в этот город? Однако мне даже совета спросить не у кого. Кроме того, что надо убираться поскорее, никаких мыслей не возникало.

– В Белозерск, так в Белозерск, – стушевался мужик. – Как скажете, боярышня. Только лошади не выдержат длинного пути, обиходить надо бы, как следует, накормить и отдыху дать.

– Вот из этих выбери, – кивнула на слоняющихся по двору животных. – Прежним хозяевам они уже не понадобятся.

– А чего так? Не шутите, боярышня? – насторожился возница.

– Идем, поможешь раненого перенести. Там и увидишь, что правду говорю, – позвала его за собой, направляясь обратно к дому.

Погром, кровища и десять трупов произвели на мужика неизгладимое впечатление. Позеленел весь и опрометью бросился из комнаты опорожнить желудок.

Мда, а я привыкла уже, что ли?

За время моего отсутствия Егорка пришел в себя. Подполз к Игнату и тщетно пытался привести его в чувство. Завидев меня, просиял щербатой улыбкой.

– Боярышня! Я уж спугался, шо энти супостаты победили. А энто вы змеюку порешили? У, тварь подлючая! Думал, убила насовсем. Я вот ни на минуточку не сумлевался, что вы с гангреной понколодной управитесь. Барин наш только плох, не отзывается совсем.

– Ничего, Игнат скоро поправится, – заверила я мальчонку. – Ты пока пройдишь, собери съестного в дорогу. Хозяева разбежались,

никого в доме нет. А мы с... – обернулась на мужичка, который смотрел на меня огромными как блюдца глазами. Неужели решил, что трупы моих рук дело? – как вас зовут, уважаемый?

– Гаврила Силантьевич я, – промямлил тот, гулко сглотнув, – а что тут случилось-то?

– Да вот, остановились на постой. А ночью тати лихие явились, пришлось защищаться. Нам лучше убраться отсюда побыстрее, пока их дружки не спохватились, – поторопила я возницу.

Тот закивал яростно и, сторонясь мертвых, подошел к Игнату. Взгромоздил его на плечо, крикнул, согнувшись чуть не вдвое, однако же потащил брата к выходу.

В дорогу я прихватила парочку одеял, матрас, который расстелила на широкой скамье экипажа. Сложно было втащить Игната внутрь, а дальше я уже занялась тем, чтобы расположить его поудобнее. Возница спешно перепрягал лошадей. Убедившись, что у них теперь нет хозяев, он испросил разрешения забрать животных с собой на подмену.

Егорка, как настоящий хомяк, собрал полный дорожный короб припасов. Насыпал пару мешков овса для прокорма лошадок, еще десяток набил свежим сеном. Благо было куда это добро впихнуть, багажное отделение пустовало.

Небо едва порозовело рассветом, в соседних домах постепенно просыпались люди, кричали первые петухи. За багажом решила не возвращаться, чтобы не терять времени и исчезнуть, пока никто не спохватился. Самое ценное при себе, едой обеспечены, необходимое купим при случае. Промчавшись кавалькадой по пустынным улочкам, мы покинули поселение и свернули на Белозерский тракт.

Целый день пути вымотал невероятно. Раз пять или шесть мы сворачивали с дороги и пережидали в лесочке, пропуская встречные караваны и одиноких всадников. О них заранее предупреждал Гектор, давая время укрыться от посторонних глаз. Пусть в большинстве это мирные граждане, но они непременно расскажут, кого встретили по дороге, чего нам категорически не нужно.

На ночевку расположились на живописной полянке, укрытой поросшими лесом холмами. Для этого сделали приличный крюк в сторону. Зато можно разжечь костер и не переживать, что кто-то заметит дым, или же сюда забредет случайный путник. Метрах в

пятидесяти от стоянки из земли бил родник с вкуснейшей чистой водой. Сами напились вдоволь, и лошадок напоили, когда те остыли с дороги. Единственное, кого стоило опасаться, ночных хищников. Не хотелось бы потерять лошадей, если те вдруг нападут. Решили дежурить по очереди, чтобы поддерживать огонь или разбудить остальных в случае необходимости. Мне досталась последняя смена, так что я наелась горячей похлебки, наскоро приготовленной в походном котелке, и легла спать.

В сон провалилась моментально, стоило только устроиться на мешках с соломой, которые Егор затащил в экипаж. Игнат так и не приходил в себя, не пошевелился даже за время пути. Мы с пацаненком периодически переворачивали его с одного бока на другой, чтобы кровь не застаивалась в теле.

Уже перед рассветом, когда надлежало заступить на вахту, приснился странный сон. Я стояла посреди необъятного грота на берегу озера с черной водой. Через отверстие в скале внутрь заглядывала серебристая луна, освещая пространство мягким светом. Казалось, темное озеро поглощало этот свет, как ненасытное чудовище.

Опустив взгляд, я увидела белый подол льняной сорочки, собственные босые ступни с поджатыми пальцами, худые лодыжки. Отнюдь не детские, а те, что принадлежали мне прежней. Поднесла к глазам руки, чтобы убедиться в этом, затем ощупала лицо, волосы. Да, это действительно я, Инга Симакина.

И что я здесь делаю? Огляделась, примечая особенности необычного места.

Озеро, судя по идеальной круглой форме и каменным бортикам, создано искусственно. В полумраке этого не заметить, но на камне выбиты древние руны. В магическом зрении они светятся кровавыми всполохами. Да и сама чернота внутри магического барьера густая, клубящаяся бордовыми змеями.

– Источник! – догадалась я, – но какой же странный! Неужели так выглядит тьма? Зачем я здесь?

Вместо ответа из густой черноты взметнулись щупальца, которые свились в воздухе в женскую фигуру. Узнала в ней Анну Далиани и отшатнулась, когда та посмотрела на меня. Что удивительно, злоба во взгляде отсутствовала, впрочем, как и любые другие эмоции. Женщина

протянула руку, зазывая меня в источник. Я замерла, не зная, как поступить. Не совершу ли величайшую глупость, поддавшись этому зову? Регина Андреевна говорила, что мне откроются родовые секреты семьи Далиани. Однако нужны ли мне ТАКИЕ знания?

Решение сейчас принимала не девочка Нина, а взрослая женщина. Недаром в собственном подсознании я оставалась собой прежней. Как бы ни было противно, но своего врага нужно знать в лицо, быть готовой к подлым атакам. И главный аргумент – это Игнат, жизнь которого зависела от этих знаний. Что-то подсказывало, ни один целитель не излечит брата от странной болезни, насланной мастером темных искусств.

Я робко коснулась черной ладони Анны, тело которой было соткано из самой тьмы. На миг обожгло кожу, будто схватилась за куст крапивы. Я отдернула руку, и жжение скоро исчезло. По телу же прошла вибрирующая волна чужой силы, средоточием которой стал древний артефакт на груди. Одновременно с этим грот озарился серебряным светом, будто сама луна заинтересовалась происходящим таинством. Невольно обернулась, чтобы убедиться в этом, и замерла с открытым ртом. Картина за спиной разительно поменялась. Вместо темного каменного грота сияли серебристо-белые кристаллы, свисающие с потолка, или же растущие из земли на манер сталагмитов и образующие причудливые пейзажи. В шаге от меня слепил радужными гранями красивейший лотос, созданный из россыпи чистейших кристаллов. Капли росы, как жидкое серебро, стекали по влажным граням и скапливались в сердцевине.

– Неужели это чудо – источник силы магов разума? – я искренне восхитилась дивной красотой. – Регина Андреевна? – позвала хозяйку этого великолепия, и она появилась в виде фигуры, сотканной из воздуха и частичек серебра.

Невесомая, легкая и безмятежно спокойная. Желая соприкоснуться с удивительной силой, я сама потянулась к женщине. Но ей хватило одного взгляда, чтобы напомнить о предупреждении и той судьбе, что уготована магам с таким редким даром. Рука повисла безвольной плетью. У меня и так проблем выше крыши, зачем же добровольно обрекать себя на одиночество? Разумовская кивнула с одобрением и медленно истаяла, серебряными брызгами осыпавшись на лепестки. В последний момент одна из таких брызг попала на лицо

и впиталась в кожу. По телу разлилась невероятная легкость, и я отчетливо ощутила злорадство, исходящее с темной стороны.

– Анна? – повернулась к другому источнику.

Нет, сама Тьма смотрела ее глазами. Женщина вновь протянула руку, зазывая к себе.

– Мне нужно знание, как помочь Игнату, и только! – предупредила на всякий случай и вновь коснулась жгучей ладони госпожи Далиани.

На этот раз я была готова и даже не поморщилась, когда внутрь хлынула темная энергия. В магическом зрении она распространялась как какой-нибудь опасный вирус, наполняя чернотой разветвленную систему энергетических каналов. Тьма, наверное, расползлась бы по всему телу, но ее сдерживал самый надежный барьер – моя родовая сила. Я отчетливо почувствовала недовольство, исходящее из темного источника, и губы сами собой расплылись в самодовольной ухмылке. Разумовская, если я правильно поняла, поделилась толикой дара, открыв доступ к чужим эмоциям. Уже этого достаточно, чтобы понимать, кто перед тобой, друг или враг. Тьма сама по себе не источала враждебность, как это показалось вначале, но ее стремление властвовать и покорять ощущалось каждой клеточкой. Обещание невероятного могущества затрагивало потаенные струны души, разжигало алчность, раздувало самооценку и ощущение собственной исключительности, превосходства над смертными.

Искушение тьмой оказалось так велико, что я едва не поддалась ему. Вовремя отрезвило вмешательство Гектора, который умудрился проникнуть в сон и отвлечь громким хлопаньем крыльев. С усилием, преодолевая себя, я отдернула руку и с негодованием посмотрела на птицу.

– И зачем помешал? – я насупилась. – Тьма одарила бы таким могуществом, что мы расправились бы с любыми врагами.

– Кар-р! – зазвенело в ушах так громко, что я проснулась.

Оглядевшись по сторонам, поняла, что нахожусь внутри экипажа, рядом лежит Игнат, а снаружи мерцают отблески догорающего костра. Закутавшись в одеяло, выбралась и направилась к вознице, сидящему на стволе поваленного дерева.

– Идите спать, я подежурю, – толкнула мужичка за плечо, отчего тот всполошился спросонок.

Узнав меня, пробормотал что-то в оправдание, а после, пошатываясь, побрел к охапке сена, накиданной между широких колес нашего транспорта. Потеснив Егорку, он завалился спать.

Я подкинула сухих веток в костер, присела на бревнышко и задумалась над тем, что увидела во сне. Оба источника олицетворяли внутренний мир магов, служили отражением душ, заточенных в артефакте. Что будет, если окунуться в такой источник? Это ведь чистая сила, справиться с которой дано не каждому. Если бы не Разумовская и Гектор, я бы не удержалась от соблазна. Вот что пугало по-настоящему! Регина Андреевна поделилась малой частью дара, и он, несомненно, пошел на пользу. Анна же намеренно заманивала в темные сети щедрыми обещаниями, польстившись на которые легко потерять себя. Отсюда следовал главный вывод: никогда не брать больше того, с чем способна совладать.

Тьма все-таки поделилась знанием, хоть в этом не обманула. Игнат загибался от банального темного приворота, которым Анна привязала его во время близости. Для излечения требовался темный алтарь и жертва, на которую переносился приворот, и та погибала вместо привороженного. Облегчить состояние брата я могла уже сейчас, надо только поискать нужные травы в лесу и приготовить отвар. Марьяна Никитична, няня Нины, рассказывала девочке о травах, учила понемногу премудростям зельеварения. Да и собственных скудных познаний хватило, чтобы отыскать мухомор, найти древесного червя, поймать ящерку и позаимствовать у нее хвост. Календула в избытке росла на полянке, а родниковую воду мы набрали накануне. Пришлось повозиться, чтобы растереть ингредиенты в порошок, а потом еще поломать голову, припоминая количественное соотношение компонентов на одну порцию. В общем, получилось нечто дико пахучее и, подозреваю, противное на вкус.

– Надеюсь, я ничего не напутала? – обратилась к ворону, который сидел на ветке ближайшего дерева и наблюдал за экспериментом. – Эх, лишь бы хуже не сделала!

Я перелила получившийся отвар в кружку, промыла и прокалила над огнем котелок, в котором еще завтрак готовить, и направилась к брату. С осторожностью влила пару ложечек ему в рот и с нетерпением стала ожидать результата.

Глава 14

Мгновенного эффекта отвар не оказал, я даже расстроилась, что ничего не получилось. Занялась кашей, которая точно удалась, раз на ее запах пришел полусонный Егорка. За ним и Гаврила Силантьевич пожаловал. Как раз уже рассвело и следовало отправляться в путь. Мы увлеченно стучали ложками, опустошая котелок, когда тишину нарушил возмущенный голос.

– И чем это так вкусно пахнет? Вы что же, решили меня голодом уморить? – Игнат стоял у экипажа, опираясь на открытую дверцу и щурясь от яркого солнца. – Списали, значит, с довольствия?

– Очнулся! – радостно взвизгнув, я бросилась к брату и повисла у него на шее. – Проголодался? Как себя чувствуешь? Ничего не болит? Я еще каши наварю и побольше, ты ж почти двое суток без сознания был. Или супчика легкого сделать? Есть лепешки, сыр, зелень, окорок копченый. Чего хочешь?

– Всего и побольше, – Игнат гулко сглотнул, а его желудок издал голодную трель. – Живот уже к спине прилип. Быка бы съел!

– Я сейчас, мигом. Егорка, подай барину умыться и тащи, что есть из припасов.

Сама же ухватила мужчину за руку и потянула к костру.

– Знакомься, это Гаврила Силантьевич, подрядился доставить нас в Белозерск, – я представила мужичка, который подскочил с места и поклонился, с опаской поглядывая на моего родственника. – Это Игнат Александрович, – назвала брата.

Он кивнул и присел у костра, первым делом пододвинув к себе котелок. Каши там на самом дне осталось, пара ложек, которые Игнат проглотил практически не жуя.

– Я это, пойду дровишек еще насобираю, – ретировался возница, – прогорели за ночь.

– Рассказывай, – проводив мужика взглядом, потребовал Игнат и с сожалением вернул пустую тару.

Котелок я вручила Егору с наказанием помыть и наполнить водой, а сама занялась нарезкой сыра, хлеба и овощей.

– Что рассказывать? Вернее, с какого момента? – я поникла, понимая, что разговор предстоит серьезный.

– А начни с того, как к тебе древний артефакт попал, – Игнат с аппетитом впился зубами в наспех сооруженный бутерброд.

– Ну, это... – я шмыгнула носом, отвела виноватый взгляд. – В кабинете отца нашла, в старом тайнике. Сказать не успела, потому как на тебя напали, а после подходящего случая не нашлось. Если б знала, что от него столько проблем, пальцем бы не притронулась. Правда, я не специально утаила, забыла о нем, пока Регина Андреевна глаза не раскрыла.

– Старушка Разумовская? – у мужчины взметнулись брови от удивления. – А она тут при чем?

– Какая она старушка! – я фыркнула возмущенно. – Может, на пару лет тебя постарше. Иллюзию носила, чтобы никто не узнал и... – опустила голову, сожалея о безвременной потере. – Нет ее больше, так что не имеет значения.

– Как нет? – брат поперхнулся. – Ничего не понимаю. Она же сошла раньше нас с галеона.

– Разве не помнишь, что сделала твоя ненаглядная Анна? Мы в кафе допоздна засиделись, – передразнила я противным голоском. – Угу, в кафе. И на звезды так засмотрелись, что эта подлюка темный приворот навела.

– Я... – встрепенулся Игнат в возмущении и стушевался под моим укоряющим взглядом, горько вздохнул. – Твоя правда, виноват. Больше такого не повторится, обещаю. Я же с того дня будто во сне был, везде она мерещилась. Думал, встретил ту самую, хотел даже на поиски отправиться. В Коровино будто леший попутал, так захотелось задержаться. Как знал, что скоро ее увижу, но и представить не мог, чем наша встреча обернется. Нин, прости дурака, что поддался слабости и подвел тебя. Не злись на меня, ладно?

– Да я и не злюсь, – я взяла у Егорки чистый котелок с водой и поставила на огонь. – Испугалась за тебя сильно. И за этого охламона, – кивнула в сторону мальчишки, – тоже. Не представляю, что бы с нами было, если бы Регина Андреевна не подросла, – я вкратце пересказала события, произошедшие после того, как Анна накинула на Игната оцепенение. Тот хоть и стоял с раскрытыми глазами, но ничего не запомнил. Собственно, как и то, что последовало

после злополучной ночи с темной магичкой. – Теперь понимаешь, почему бежать надо как можно дальше отсюда?

– Темники, императорский хо`шен, сиятельный князь Шумский, – уважительно перечислил Игнат. – А ты знаешь толк в проблемах. Вот только нам все равно нужно в Глушин, – он тяжело вздохнул, – я ведь сорвался, получив весточку от Забелина, никого не предупредил. Остались у меня там незавершенные дела. Я же не отшельником жил эти годы. Есть люди, за которых несу ответственность. Душа не на месте, стоит подумать, что навлек на них неприятности.

– Скорее всего, нас там ждут, – теперь уже вздохнула я. – Нужно быть очень осторожными.

– Будем! – яростно закивал мужчина. – Вы в лесочке подождете, а я ночью к себе наведуясь. Дом-то на окраине города, третий по левой стороне. Там и соседей практически нет, старик Ждан, что живет через дорогу, глух как пробка. Ковычиха хоть и стервозная баба, крови столько попила из-за межевой земли, что прибить по-тихому собирался, но чужаков терпеть не может. А с тех пор, как ее старшая дочка замуж вышла за моего бывшего ученика, так вообще чуть не родней считает. Как же, у нее еще две зазнобы подрастают. Так что она зорко бдит, когда ко мне гости пожалуют. Я ведь говорил, что открыл частную школу мечников? Полигон во дворе обустроил, тренировочный зал оборудовал. Ребятишки там остались, надо бы их по домам отправить и деньги за обучение вернуть.

– Как же ты их одних бросил?

– Почему одних? Пелагея Ильинична за ними приглядывает, и за домом тоже. А на старшего ученика я уже не раз младших оставлял, способный малый.

– Оу! – я понятливо кивнула. Как-то подозрительно заблестели глаза у брата при упоминании об этой Пелагее. – А чего раньше о них не рассказывал?

– Да подходящего момента не было, – Игнат небрежно пожал плечами. – Ну что там, скоро? – он повел носом в сторону котелка, в котором булькала каша.

– Скоро, – я усмехнулась, помешивая жидкое варево, – минут десять-пятнадцать подождать. А что после Глушина, куда дальше?

– Хорошо бы за Урал махнуть, остались там старые связи. Но я уж теперь не уверен в их надежности. В любом случае, уедем от греха

подальше. Кстати, возницу надо бы предупредить, что опасно в родные места возвращаться. Позже поговорим, мужик вроде неплохой, с понятиями.

Покинули стоянку только к обеду. Пока Игнат себя в порядок привел, пока собрались и к тракту выехали, время и пролетело. Мы уже миновали развилку на Глушин, поэтому пришлось возвращаться и сворачивать на нужную дорогу.

Гаврила Силантьевич на новости отреагировал на удивление спокойно, будто что-то такое и предполагал. А, может, Регина Андреевна с ним поработала, потому как мужик изъявил желание отправиться с нами.

– А чего мне одному теперь делать? Жинка в прошлом году померла от лихорадки. Дочку в Кустов к родне отправил, вроде ей там жениха нашли. Сладится, так и замуж выйдет. Кому я, бобыль, нужен? Собирался возницей в караваны наняться, да тут боярыня подрядила на работу. Деньгу, что с ее заказа поднял, теперь дочери переправлю. Подарок к свадьбе будет. Думал, как вас до Белозерска довезу, продам лошадок и куплю кибитку добротную, да крепких тяжеловозов.

– Насчет кибитки и тяжеловозов – отличная идея, – оживился Игнат, – но от скакунов избавляться нужно. Приметные, вычислят нас по ним только так. Вот как поступим: Гаврила проедет по дальним хуторам и деревенькам, обменяет животных на шкурки или какой-нибудь еще товар, после чего в Кустов отправится. А мы купим телегу попроще, в Глушин наведаемся и следом за ним поедем. А он к нашему приезду с кибиткой вопрос порешает и с караваном договорится, который в сторону Чердыня или Соликамска идет. Учти, только, – он строго посмотрел на мужичка, – нас пятеро будет. Меня смело в охрану каравана записывай. Стол общий, есть кому кашеварить, – Игнат хитро мне подмигнул.

– Пятеро? – я вытаращилась на брата.

– Иван еще не закончил обучение, да и Пелагея Ильинична с нами все эти годы. Мальчишка – сирота, а я обещал отцу присмотреть за ним.

– Я-ясно! – я скрестила руки на груди и смерила мужчину подозрительным взглядом. Что за тайны вокруг этой парочки? – А почему сразу не сказал, что они с нами поедут?

– Так разве ты против чего имеешь? – он изумленно вскинул бровь. Я машинально мотнула головой. – Вот и я так подумал. Пелагея Ильинична такие пироги печет, ум один. А Ванька смысленый малый, будет спарринг-партнером. Не для красоты же меч с собой носишь?

– Э... но я хотела бы совершенствовать родовое умение.

– Кто ж запрещает? Но в пути надо чем-то заниматься. Магию лучше скрывать, чтобы лишнего внимания не привлекать, а владение мечом и физические тренировки пригодятся. Заодно и обтешешься по дороге, чтобы из мещан не выделяться.

На том и порешили. Свернули к ближайшей деревеньке, что располагалась чуть в стороне от тракта. Отправили возницу с Егоркой, которые сменяли одну лошадь на добротную телегу, свежие продукты и крестьянскую одежду для меня и Игната. Хотели мальчонку с Гаврилой Силантьевичем отослать, но тот уперся и ни в какую не захотел уходить от нас. Пришлось мужичку одному в дальний путь пускаться, а мы по объездной дороге направились к Глушину.

Единственное, чего не предусмотрели, что действие лечебного отвара не бесконечное. Ближе к вечеру Игнат начал клевал носом, отчего Егорке пришлось взять управление телегой на себя. А как сгустились сумерки, вновь впал в глубокий сон, из которого не добудиться. Если бы не Гектор, усевшийся на борт телеги и привлекший внимание громким карканьем, то и не поняла бы, что случилось.

– Что же делать? – я крепко задумалась.

С темными приворотами шутки плохи, особенно, если объекта привязки уже нет в живых. Тянет он за собой привороженного, высасывает силы, тоску наводит, от которой жить не хочется. Если первое время после пробуждения Игнат выглядел нормальным, то дальше с каждым часом все больше грустнел и уходил в себя.

– Алтарь темный нужен, – я горестно вздохнула и посмотрела на Гектора. – Ты ведь знаешь, где такой найти в этих краях?

Ворон подобрался поближе и привычно склонил голову. Я погладила его и угостила последним медовым пряником, что оставался в запасах. В голове мелькнуло видение, как мы под покровом ночи въезжаем в город и стучимся в закрытые ворота незнакомого дома.

– Думаешь, в Глушине нам помогут? – почему-то и мысли не возникло, что это какое-то другое место. – А это не опасно? Вдруг нас

там ждут?

На эти вопросы ответов я так и не дождалась. Ворон предупреждал лишь о серьезной угрозе, а на бытовые неурядицы или незначительные проблемы внимания не обращал. С другой стороны, если бы там ждали убийцы, Гектор не завел бы нас в ловушку.

– Едем в город, – оповестила Егорку, который давно высматривал по сторонам поляну для стоянки.

– Так барин наказал туточки ждать?

– Нельзя ждать, видишь, поплохело ему. Поспешим, пока еще дорогу различить можно.

– Дык, эта, мож каросинку зажжем? Впотьмах лошадь спотыкнется еще, охromeет, далеко не уедем. Я ить, это, лучше сам поведу лошаденку, чтобы не заблукать.

Мальчонка споро поджег фонарь, спустился, взял лошадь под уздцы и повел, освещая перед собой дорогу. Город встретил тишиной и редкими огнями неспящих окон. Третий дом с краю, как упоминал Игнат, оказался тем самым, из видения, что показал Гектор. Уже легче, значит, помощь придет из проверенного источника, от которого не стоит ждать подвоха. Пока я раздумывала, как оповестить жильцов о нашем прибытии и не перебудить соседей, Егор ухватился за колотушку над воротами и со всей дури замолотил по железному навесу для замка. Вот только ворота оказались незапертыми и подались внутрь под нажимом.

Я только подумала, что это неспроста и следовало бы проверить, а Егорка уже повел лошадь с телегой во двор. В доме не зажглось ни единого огонька, и на шум никто не вышел. Попросила мальчишку запереть ворота на засов и подождать на улице, а сама создала магический светлячок и вошла.

Интересно, где все? Я прошлась по первому этажу, состоящему из прихожей, гостиной и кухни.

Стол с остатками еды, перевернутый стул, диван у камина и кресло-качалка. Светляк освещал узкое пространство вокруг и не давал увидеть картину целиком, но отчего-то казалось, будто здесь царит запустение. На втором этаже располагались спальни и рабочий кабинет, куда заглянула в первую очередь. Комнаты пустовали, а неубранные постели намекали, что покидали их впопыхах. Дверь в одно помещение оказалась заперта изнутри.

– Эй, есть там кто? – я вежливо постучала. – Мне нужна Пелагея Ильинична. Я...

Договорить не успела, створка резко ушла вперед, а я едва удержала равновесие, напорвшись на холодное лезвие клинка, замершее у шеи.

– Ты кто? Чего надо? – раздался незнакомый голос из темноты. Я направила в ту сторону светляк, но его наглým образом погасили. – Отвечай!

– Нина я! А ты кто?

– Не знаю никакой Нины! Проваливай! – незнакомец усилил нажим на горло, отчего я вынужденно отступила.

– Вот еще! Это дом моего родственника, и я не уйду, пока не узнаю, что тут происходит, – я разозлилась на столь «радушный» прием, начиная подозревать, что в дом забрались посторонние.

– У Игната нет родственников! Они от него отказались, – проявил осведомленность незнакомый голос, – и его самого, наверное, уже нет в живых.

– Если ему немедленно не помочь, то так и будет! – я огрызнулась, догадываясь уже, с кем имею дело. – Ты Иван, старший ученик? А где остальные?

– Нету никого, – пробурчал парень, и я почувствовала, как кожу перестало холодить лезвие меча. – Где Игнат Захарович? Что с ним?

– Во дворе. На телеге. Без сознания, – ответила отрывистыми фразами, поспешая вслед за темной фигурой, метнувшейся в коридор.

Парень оказался плечистым и пропорционально сложенным, двигался легко и бесшумно, как опытный боец. Егорка и не заметил его сразу, когда незнакомец кинулся к брату, осматривая на предмет ран и повреждений.

– Что с ним? – бросил он нервно, стоило мне подойти.

Егорка вскрикнул от неожиданности и запустил в незнакомца поленом, видимо, подобранным неподалеку. Отдать должное, парень с легкостью перехватил снаряд и отшвырнул в сторону.

– В следующий раз прилетит в лоб, – сказал он угрожающе тихо, отчего мальчонка икнул и понятливо закивал.

– А я чо? Я ничо, испужался сильно! Боярышня, что энто за хмырь тут у нашего барина карманы выворачивает? – обрадовался Егорка моему появлению. – Можно, я в него из ружья пальну?

– Так, стоп! – жестом остановила нахаленка, который из-под сена уже вытаскивал мушкет. – Ни в кого стрелять не нужно. Ты ведь Иван, да? – я обратилась к парнишке, который хоть и сидел на коленях возле тела Игната, но после угрозы сразу перетек в боевую стойку.

Подошла к фонарю, который Егор подвесил у крылечка, сняла его и вернулась к телеге. Скорее всего, тут произошло несчастье, иначе парень не вел бы себя так настороженно.

– Игнат ничего не рассказывал, кроме того, что у него есть старший ученик, которого зовут Иваном. Не знаю, можно ли тебе доверять, брат не успел предупредить. Но он под воздействием темного приворота, и нам срочно нужен темный алтарь, чтобы снять привязку. И еще, если в доме кто-то прячется, лучше бы им уйти отсюда. Оставаться здесь опасно.

– Приворот? – удивился парень, проигнорировав предупреждение. – Хочешь сказать, учитель погибает из-за приворота, а не из-за...

– Печати отречения? – продолжила за Ивана. – Она больше не убивает его. А вот темная магия очень даже.

– Откуда знаешь? Или... – лицо парня исказилось неприкрытой ненавистью, – ты одна из них? Это очередная уловка? А ну, пошла прочь, мерзкое отродье, пока голова на месте!

– Нда, по-моему, Игнат ошибся, назвав тебя смышленным малым. Сам подумай, зачем бы мы сюда пришли, как не за помощью? Где Пелагея Ильинична? Может, она сохранила трезвый рассудок?

– Да ты... Убью! – парень взбеленился и прыгнул на меня с мечом.

Иван полыхал такой злобой, что не возникло и капли сомнений, что он считает меня отродьем темных, которое следует уничтожить. Я окуталась щитом и встретила нападавшего с оружием в руке. Понятно, что противостоять на равных не смогла, а потому ушла в глухую оборону, принимая смертельные удары на щит. Похоже, у этого ученичка крыша поехала, раз он так встречал родственников учителя. Постепенно сместилась поближе к брату, чтобы этот сумасшедший ненароком его не зацепил. Егорка не внял предупреждению и пару раз метнул в разбушевавшегося мечника поленцем. Первое Иван не глядя разрубил на лету. Второе поймал и швырнул обратно. Спас защитный амулет, который я повесила на пацаненка.

– Ты совершаешь большую ошибку! – попыталась достучаться до парня. – Игнат не простит моей смерти, он поклялся меня защищать.

– Тварь! Вынудила его служить себе! – ученик взбесился еще сильнее и удвоил напор.

– Да посмотри же сюда! – заставила проявиться родовую печать, – я не враг. И к темным не имею отношения. Наоборот, это они охотятся за нами! – сама не поняла, как это получилось, но родовая печать засветилась и у Игната.

– Так ты из рода предателей? – бросил он с таким презрением, что стало не по себе. Иван как-то сразу остыл, опустил меч, вот только язвительности и недоверия не убавилось. – И чего здесь забыла? Что, у Забелиных настали плохие времена, раз пошли против воли великого князя и приняли отшельника обратно?

– Можно и так сказать, – я плюхнулась на попу, переводя дух. Обсуждать личные дела семьи с посторонними не собиралась, как и афишировать принадлежность к роду. Но этот полоумный вынудил... нет, выбесил до крайности ослиным упрямством. – Я не темная, но насчет Игната не обманывала. Магичка, сделавшая привязку, убита, и теперь тянет его за собой.

– Еще скажи, что ты ее убила! – фыркнул Иван.

Я пожалала плечами, не собираясь хвастаться или в чем-то убеждать. Но тут влез нахаленок, в красках описывая, как напали наемники, а потом заявила эта дамочка. Вот кто его за язык тянул?

– Ха, чтобы вот эта босоногая мелочь справилась с мастером темных искусств? – ученичок расхохотался. – Ничего смешнее в жизни не слышал. Ну и горазд ты врать, щегол! Зашиб я тебя все-таки поленом-то! Ладно, – вдруг резко посерьезнел Иван и посмотрел на меня. – Есть тут верстах в десяти к северу Черная топь. Места гиблые, болотистые, люди там часто пропадают. Но опытные охотники, что исходили глушинские леса вдоль и поперек, утверждают, где-то в глубине топи на островке суши живет ведьма. Изредка она выходит к людям, выменивая редкие травы на вещи, продукты либо мелкий скот.

– Кто-то может проводить к ней?

– Дураков нет, – Иван скривился. – Кто без ее ведома в топь сунется, назад уже не вернется. Говорят, можно подношение оставить в специальном месте, коль сильно нужна припрет. Но если уж пришел просителем, за помощь отдашь то, что черная ведьма попросит.

– Едем скорее! Покажешь дорогу или и дальше будешь в пустом доме отсиживаться?

– Да я!.. – мгновенно вскипел Иван, сверкая пронзительной синевой в глазах. Хотел, видимо, сказать что-то обидное, но сдержался. Отвернулся, пряча полыхающий магией взгляд, и принялся рассказывать глухим голосом. – Уже вторую ночь караулю тех тварей, что напали на дом. Накануне мы с ребятами с ночевкой в лес ушли. В стрельбе тренировались, ловушки там ставить, силки. Попутно грибы-ягоды собирали. Денег совсем не осталось, а кушать что-то надо. Вернулись, ворота нараспашку, а в доме Пелагея, мертвая. Она мне как мать была, с малых лет растила, а эти сволочи...

– Ох! – я зажала рот. – Не успели мы. Значит, и сюда добрались.

– Кто? Ты знаешь? – резко развернулся он и навис надо мной коршуном.

Я невольно отшатнулась, столкнувшись так близко с болью, плещущейся в потемневших глазах. Правильные черты и бледная кожа выдавали в парне аристократическое происхождение, да и магические всполохи не почудились. Вот только родовой печати будто и не было никогда, энергетические каналы атрофированы, как у недаренных. Однако веяло от Ивана настоящей силой, будто сама его аура распространяла вокруг ореол могущества, свойственный лишь избранным.

– Не знаю точно, но догадываюсь.

– Кто? Имя?

– Князь Агния Шумский, – выплюнула с ненавистью.

– Шумский? Это который в Суздали?

– Он самый.

– А какое ему дело до богом забытого городишки? Пелагея Ильинична – добрейшей души человек, мухи не обидела и ничем не заслужила лютой участи. Что такого она знала, чтобы ее пытали?

– Меня искали, наверное, – я понурилась. – И Игната тоже, – добавила уже в пустоту, потому что Иван окатил таким взглядом, будто убить хотел, а затем сорвался с места и скрылся в доме.

Не решилась сразу идти за ним, чтобы не нагнетать обстановку. Я понимала парня, как никто другой. Сама в одночасье потеряла семью. Однако глупо винить в смерти близкого человека ребенка. Что-то,

видимо, у Ивана не в порядке с головой. Может, гормоны играют? Возраст-то подходящий для неразумных поступков.

– Боярышня, может, сами эту ведьму разыщем? – Егорка шмыгнул носом и почесал затылок. – Людев поспрошаем, авось подскажут. Совсем Ванька у барины дурачком с горя сделался. Ну его, пусть и дальше как сыч в доме сидит. А то ж ить всю кровь по дороге попьет свой кислой рожей.

– Нельзя так, – я покачала головой. – Игнат об ученике первым делом спросит, как очнется. Что скажем? И нам какой-никакой проводник нужен, который эти места знает. Да и не по-человечески это бросать в трудную минуту того, кто нуждается в помощи. Ты пока лошадку напои-накорми, фляги водой наполни. До рассвета лучше покинуть город.

Парня нашла в спальне. Он лежал поперек кровати на боку, крепко прижимая к себе белую пуховую шаль, и не шевелился. На прикроватном столике тускло чадили свечные огарки. Заглядывающая в окошко серебристая луна, отбрасывала на пол причудливые тени. На подоконнике в маленькой вазочке стояли свежие полевые цветы, распространяя неуловимый пряный аромат. На круглом столике, покрытом ажурной скатертью, лежала раскрытая книга, у кресла в корзинке небрежно брошены пяльцы с незаконченной вышивкой.

Я подошла и присела на кровать, положила Ивану на плечо руку, которую он скинул нервным движением. Ершистый какой! И ранимый.

– Мне очень жаль, что ее больше нет, правда. Но Игнату нужна помощь, время уходит. Нельзя здесь оставаться. Возьми что-нибудь на память и... мы подождем во дворе, чтобы ты попрощался, – вздохнув, я вышла из комнаты, притворив за собой дверь.

Иван вышел через полчаса, одетый в дорожную одежду и с вещевым мешком, из которого торчали рукояти мечей. Молча распахнул ворота, куда Егорка направил лошадку, а после прикрыл их за нами и забрался к пацаненку на козлы. Небо уже посветлело, знаменуя новый день, когда мы промчались по пустынным улочкам через весь Глушин и свернули на накатанную колею, петляющую по полям и теряющуюся в густой зелени леса.

Глава 15

Вековые ели, устремленные к небу будто мачты кораблей, поросшие мхом стволы, коряги и вывороченные с корнем сгнившие деревца рисовали унылый пейзаж. Дорога петляла, огибая болотистые островки, заросшие густой ряской. Над нами кружили полчища комаров, а тишину разбавлял нестройный хор лягушек и пронзительные крики невидимых глазу птиц. Казалось, солнце в глубь леса не пробивается никогда, запутываясь в разлапистых кронах сосен и лиственниц. Оттого внизу постоянно царил полумрак, властвовала сырость и кишмя кишели ползуче-кусачие гады. Иван загодя достал из заплечного мешка вонючую мазь и велел намазать открытые участки тела. Если поначалу неприятный запах доставлял неудобства, то вскоре мы перестали обращать на него внимание и по достоинству оценили отпугивающие свойства походного средства. Алчущие крови насекомые роились вокруг черными тучами, но ни одна тварь не приблизилась и не впилась в кожу.

Ближе к Черной топи окружающий пейзаж стал еще более зловещим. Уже не слышались трели птиц, воздух загустел, отдавая сыростью и приторно-сладкими ароматами. То тут, то там из земли торчали выбеленные кости животных, чаще попадались облепленные паутиной заросли. Ну, точно антураж для фильма ужасов. Того и гляди из чащи выскочит болотная тварь, которая сожрет тебя и косточек не оставит.

Неужели кто-то согласился бы жить в таком мрачном месте? Волей-неволей начинаешь оглядываться по сторонам и жаться поближе к спутникам так, будто специально кто-то нагонял страху. Даже ворон, и тот притих, устроившись у меня под боком.

– Жутко здесь, – я поежилась. – Далеко еще?

Как нарочно в этот момент из чащи раздался леденящий душу вой. Непроизвольно создала вокруг себя и брата щит, который затем растянула на мальчишек и взбрыкнувшую лошаденку.

– Немного осталось, – обернулся бледный как полотно парень. – Где-то тут должно быть разбитое молнией дерево. Смотри по сторонам. Если увидишь первой, скажи.

Я кивнула в ответ и завертела головой. Время близилось к обеду, однако в эту часть леса солнечные лучи вообще не доходили. Вокруг царили вечные сумерки, в которых притаилась тьма, готовая выпустить на охоту ненасытных чудовищ. Казалось, это не деревья поскрипывают в вышине, а трещат кости в пасти огромного монстра.

– Это оно? – прошептала я севшим голосом, увидев чуть в стороне от дороги разломленный у основания ствол гигантской сосны.

Голые ветви почернели от времени, иголки давно осыпались, а в радиусе пяти метров не выросло ни травинки. Особенно «радовали» черепа животных, насаженные на острые сучья, и пестрые ленточки, колыхающиеся на ветру.

– Оно, – подтвердил Иван и свернул на заросшую травой тропку.

Лошадь остановилась у зримой границы мертвой земли и ни в какую не желала идти дальше. Я ее понимала, у самой поджилки тряслись, а в душе крепло желание сбежать отсюда. Это темная магия пропитала здесь каждую пядь и угнетающе действовала на все живое.

– И что дальше? – шепотом спросила у Ивана.

– Нужно оставить для ведьмы знак и подношение. Какую-нибудь личную вещь, сойдет даже лоскут одежды, ну и монетку на откуп.

– Откуда ты это знаешь?

– В наших краях черной ведьмой детей пугают, рассказывая, как в уплату она забирает человеческие души, – зловещим голосом произнес ученик. – Ты готова расстаться с самым ценным, что у тебя есть?

– Готова! – ответила с вызовом, вытаскивая из косички шнурочек, которым перевязывала волосы. – У меня никого не осталось кроме Игната, и я пойду на все, чтобы его спасти.

Не дожидаясь ответной реакции, спрыгнула с телеги и решительно направилась к дереву. Концентрация тьмы вокруг него казалась запредельной. Меня будто голой бросили в заросли крапивы, отчего все тело жгло и горело, так неприятно было находиться в этом месте. Но я стиснула зубы и упрямо преодолела эти несколько метров. Повязала шнурок на ближайший сук и, выудив из кошелочка золотой, бросила его в черный разлом ствола. Монетка блеснула и исчезла в его недрах, даже не звякнув.

– Мне нужна помощь, ведьма! И я готова заплатить твою цену, – сказала для верности и присела на выпирающий из земли толстый корень.

Ожидание надолго не затянулось. Не прошло и получаса, как рассыпавшиеся по плечам волосы взметнуло порывом ветра. Мотнула головой и постаралась собрать непослушные пряди, как вдруг наткнулась взглядом на темную фигуру в длинном плаще. Еще секунду назад рядом никого не было, и вот уже передо мной стоит ведьма. Женщина откинула капюшон, давая рассмотреть ее получше. Темноволосая, с хищными чертами и обескровленными губами. Такую встретишь и пройдешь мимо, не обратив внимания, если она того не захочет. Вот только не стоит смотреть ведьме в глаза, потому как в них плещется живая тьма, и с каждым мгновением она затягивает неосторожную жертву в свои сети.

– Так это ты искала встречи со мной? – грудным голосом спросила женщина и развернулась в сторону моих спутников. – Твой родич погибает от темного приворота, – с ходу определила она, – почему же сама не спасешь? Для этого всего лишь нужно принять покровительство тьмы. С твоими талантами ты достигнешь небывалых высот.

– Чтобы спасти Игната, нужен темный алтарь, поэтому я пришла к тебе.

– Алтарь! – ведьма расхохоталась. – Ни один темник не допустит к алтарю посторонних, разве что в качестве жертвы. Но ты ведь не за этим здесь? Я сама сниму приворот, но взамен ты отдашь мне ворона.

– Но это невозможно!

– Я назвала цену, – хмыкнула ведьма, – думай. Ты щедро оплатила мое время, так что у тебя есть целых пять минут.

Скрипнув зубами, я поднялась и направилась к телеге. Наверное, Гектор уже знал, что потребует ведьма в уплату за услуги, поэтому и проделал этот путь вместе со мной.

– Что она сказала? – чуть ли не в один голос спросили мальчишки.

Однако я проигнорировала вопросы, не желая терять драгоценные минуты на бесполезные объяснения. Егорка знал лишь то, что ворон – питомец старушки Разумовской с летучего галеона. А Иван отгородился стеной молчания и за дорогу едва перекинулся парой слов, отвечая коротко и по делу. Он и Гектора только сейчас заметил.

– Я обещала бывшей хозяйке заботиться о тебе, – начала виновато, а в голове явственно прозвучали слова Регины Адреевны: «... не

забывай, Гектор сам выбирает, кому служить. Глупцы те, кто считает, будто его можно подарить, украсть или забрать силой».

Закусив губу, чтобы никто не увидел торжествующей улыбки, я погладила ворона. Наклонилась к его голове и прижалась к ней лбом.

– Я буду скучать, – прошептала еле слышно и мысленно добавила. – Возвращайся ко мне поскорее. Вот, держи, это все, что у меня есть, – я протянула Гектору кусочек сыра на ладони.

Птица приняла подношение и ткнулась в руку острым клювом, оставляя на коже кровоточащую ранку. Вместе с алыми каплями молочно-белый брусочек исчез во рту ворона. Меня же накрыло новое видение, в котором властвовала зима, землю укрыли сугробы, а природа застыла, закованная в искристый лед. Если я правильно разгадала подсказку, то Гектор вернется с наступлением холодов. Нужно подождать несколько месяцев, и он снова будет со мной.

– Я согласна, – развернулась к ведьме, что замерла у мертвого дерева в ожидании ответа. – Отдаю ворона в обмен на снятие темного приворота с моего родича.

– Ворона? – негромко фыркнул Иван. – Мы бы этих ворон с десяток по дороге наловили. Что в нем такого ценного?

– Лучше помолчи! – шикнула я на парня.

Подождала, пока Гектор переберется ко мне на плечо, и вместе с ним ступила на мертвую землю. Остановилась в полуметре от ведьмы, после чего ворон сам перелетел к ней, усевшись на подставленное предплечье. Маска невозмутимости треснула под напором эмоций от обладания столь редким существом, черные глаза заблестели от радости, а губы женщины растянулись в довольной ухмылке. Ведьма развернулась к телеге и беззвучно зашептала какое-то заклинание. У меня мурашки пошли по коже, когда Игнат вдруг зашевелился и сел. Неловким движением брат спустился с телеги и пошел к нам, подволакивая левую ногу. Неестественно прямой, бледный, Игнат походил на упыря, выбравшегося из могилы. Застывший, ничего не видящий взгляд только усугублял это впечатление.

– А... – я указала на брата и жестом попыталась выразить вопрос, который никак не формулировался.

– Приезжайте завтра, – с усмешкой заявила ведьма, – на рассвете. Ну не на себе же его тащить! – снизошла она до разъяснений, почуяв, что мое терпение на исходе.

Развернувшись, женщина направилась в противоположную от дороги сторону. Игнат, как привязанный потопал следом.

Казалось бы, где в хвойном лесу затеряться? Да, в сумерках или в тумане видимость ухудшалась, но как можно исчезнуть из поля зрения, углубившись в лес всего на пару метров, я так и не поняла. Только что смотрела вслед уходящей паре, моргнула, и вот уже никого нет. Судя по ошеломленным лицам Ивана с Егоркой, они так же не поняли, куда вдруг подевалась ведьма с нашим спутником.

– Слышали? Она сказала, времени у нас до рассвета, – я вернулась к ребятам и забралась на телегу. – Нужно запастись продуктами в дорогу и найти место для ночлега. Или кто-то хочет остаться до утра?

– Нет, – оба мальчишки, большой и маленький, замотали головами.

– Страшно здесь, мочи нет терпеть! – выдал пацаненок. – Я на «Буране» так не спужался, как туточки. Боярышня, а энта ведьма нашего барина кудыть увела? Сожрет ведь!

– Не сожрет! – заверила я Егорку, – а подлечит и завтра вернет, будет как новенький. Ну что, едем?

– Не доверяю я ей, – высказал сомнения Иван. – А вдруг ведьма еще какую хворь на учителя подсадит?

– Не подсадит! Я об этом позабочусь! Что скажешь, поблизости есть деревенька, чтобы закупить продуктов и переночевать?

– Хутор Гнилой в двух часах пути к северо-востоку. Там все останавливаются на постой, кто к ведьме за помощью пришел. Но я бы рискнул вернуться в Глушин. Младшие ученики сейчас живут по соседям, нужно предупредить, чтобы возвращались по домам.

Что-то зацепило в том, каким тоном Иван сказал об учениках и возвращении в Глушин. Еще и взгляд тоскливый бросил на рукояти своих мечей в походной сумке, а потом лошадку подстегнул, чтобы бежала резвее. Не сразу, но я догадалась о причинах такого настроения. Еще в Суздали подметила, что Игнат стеснен в средствах. Да и потом он говорил, что придется возвращать плату родителям, которые внесли деньги за обучение вперед. Брат ведь уехал и никого не предупредил, куда и насколько. Финансовые трудности легли на плечи старшего ученика и экономки, если я правильно поняла статус Пелагеи Ильиничны в доме Игната.

– Эм-м, ты прав! Нам надо в Глушин, я ведь чуть не позабыла о задании, которое поручил Игнат. Только совершенно не представляю, как его выполнить. Может, ты поможешь?

– И что же он тебе поручил? – прежде поинтересовался парень.

– Сейчас! – я отвернулась и зарылась в вещах, делая вид, что что-то ищу. Сама же выудила из кошелька десяток золотых монет. Я понятия не имела, сколько и кому задолжал брат. Надеялась, что этого хватит. – Вот, Игнат наказал расплатиться с долгами! – протянула деньги Ивану.

Парень вытаращился на золото так, будто впервые его увидел. Столько эмоций сразу отразилось на лице, что даже смешно стало. Хотя, не до смеха, конечно, в этой ситуации.

– Здесь, – Иван судорожно сглотнул, – слишком много. Хватит половины, чтобы с лихвой оплатить расходы, и на продукты еще останется.

Я молча отсчитала пять монет. Подумав, добавила еще две сверху и протянула ученику. Тот не притронулся к деньгам, ожидая пояснений.

– Мы не скоро вернемся в эти края. Ты наверняка знаешь надежных людей, которые присмотрели бы за домом и... за могилой Пелагеи Ильиничны поухаживали. Игнат расстроится и будет переживать, что спешно уехал и не попрощался с ней. Он ведь даже предположить не мог, чем обернется поездка в родные края.

– Это большие деньги для Глушина, возникнут вопросы, – Иван неожиданно проявил осмотрительность. – Если я просто исчезну, никто не удивится. Но когда засвечу такие деньжищи, непременно поинтересуются, откуда взял.

– И что? Скажи, учитель прислал вместе с наказом явиться к нему, например, в Новгородское княжество, а то и за границу куда-нибудь. Пустим ложный след, авось и выиграем время, чтобы беспрепятственно покинуть эти места.

– Хм, в этом есть резон, – Иван сгрэб золото с моей ладошки и сыпал в тощий кошель, болтающийся на поясе. – Тебе с мальцом лучше не показываться в городе, – парень сразу как-то подобрел, и голова в процесс общения включилась. Не то что при первой встрече, когда действовал на эмоциях. – У нас с младшими учениками найдется пара скрытных мест, где мы устраивались на время вылазок в лес. Переждете там с Егором, пока я смогаюсь в город. Одному проще быть

незаметным. Куплю продуктов на первое время и найму неболтливую извозчика, чтобы добросил до места встречи. А вы к вечеру туда и подъедете. Заночуем на границе Черной топи, а с рассветом двинемся в путь, как раз успеем к назначенному часу.

– Может, лучше сразу на телеге ехать? Нас ищут и обязательно заинтересуются, куда это ты спешно засобираешься. Найдут извозчика и церемониться ведь не станут.

– Нет, на телеге – не вариант, потом ее по всем дорогам выискивать начнут, – решительно отмел он мое предложение, – но насчет того, что люди пострадают, верно заметила. Тогда сделаем так: куплю лошадь, запас продуктов и зерна. Сделаю вид, что отправился в Коровино на причальную станцию. Крюк сделать придется, конечно, но так ни у кого лишних вопросов не возникнет. Нам только из гиблого леса выбраться, а там не пропадем. Что мы, не охотники? Только вот, – Иван замялся, – хорошая лошадь дорого стоит. Но ее можно продать, как доберемся до крупного населенного пункта!

– На, – я всунула ему в руку оставшиеся монетки, которые не успела прибрать обратно. – Бери самое лучшее и не переживай, деньги есть.

– Ладно, если так, – с облегчением выдохнул Иван, припрятал золотые к остальным деньгам и уставился на дорогу.

Дальше до самого места, где нам надлежало провести остаток дня, парень не проронил ни слова. Всплеск общительности прошел, и он снова превратился в угрюмого молчуна. Возможно, что знакомые с детства места навевали на него грустные воспоминания. Помню, как сама не желала ни с кем общаться после резни в родном доме, так что помалкивала и не лезла в душу. Я для Ивана чужой человек, как и он для меня. Пока нас объединяла общая беда, что случилась с Игнатом, а как дальше сложатся отношения, время покажет.

В лесочке, на неприметной полянке, скрытой с трех сторон густыми зарослями кустарника, мы с Егоркой прохлаждались до заката. Мальчишка распряг лошадку и пустил ее пастись неподалеку, а сам забрался в телегу и проспал до самого вечера. Я тоже подремала пару часиков, а потом занялась дневником, что нашла при артефакте.

Загадочная «Н.А.Б.» не отличалась словоохотливостью, лишней информации, кроме описания заклинаний, не делилась, так что я даже имени не узнала. Судя по сложности и разнообразию плетений,

хозяйка дневника развивала несколько направлений магии. Вдобавок, сам характер заклинаний намекал на специфический род деятельности магички. Например, «Слух» из раздела магии воздуха, который я решила освоить в виду простоты и очевидной полезности. Суть его заключалась в том, чтобы запустить воздушный щуп в соседнее помещение и подслушать, что там говорят. Воздух ведь неосязаем, ему хватит малейшей щели, чтобы проникнуть куда угодно. Только магический барьер молчания ограждал от такого вмешательства. Зато в общении с неодаренными «Слух» поможет избежать многих неприятностей. Благодаря тому, что я видела магические потоки, выделить нужный и запустить его в ход научилась за пару часов.

Дальше я замахнулась на заклинание стихии воды. По исполнению «Поиск» на порядок сложнее и за один раз его не освоишь. Однако, если это удастся, оно будет незаменимым в походах. Смысл заклинания в том, чтобы обнаружить ближайший подземный источник и притянуть на поверхность родничок. Первым этапом я училась чувствовать стихию. Для этого следовало вычленить в себе нужный магический поток, сплести сеть и развернуть ее в нужном направлении. Там, где текла вода, сеть обязательно отреагирует и подаст сигнал. Таким же способом определялось наличие рядом живых существ, ведь в каждом человеке или животном есть кровь, в состав которой входит вода.

Как оказалось, вода – капризная стихия. На то, чтобы сплести сеть и удержать ее хотя бы пять минут, я израсходовала половину резерва. Половину! Слишком затратно и нерезультативно, учитывая тот десяток метров, на который удалось раскинуть сеть. Что толку направлять ее горизонтально, когда и так видно, есть рядом вода или нет? Если же задать вертикальное направление, сколько таких попыток потребуется, чтобы наткнуться на водяной пласт? Никакого резерва не хватит. Расстроилась, когда осознала эту простую истину.

Однако я ничуть не жалела о потраченном времени и силах. Отсутствие результата – это тоже опыт и лишнее подтверждение, что невозможно объять необъятное. Универсальные маги, способные одинаково оперировать всеми стихиями, учились всю жизнь. Чаще одаренные отдавали предпочтение тому направлению, которое давалось легче и соответствовало будущей профессии. Когда одна и та же стихия развивалась в семье в течении нескольких поколений, то она

и закреплялась со временем в качестве основной. К примеру, отец Игната тяготел к огню, и даже супругу выбрал из огненного рода. Так что нет ничего удивительного, что сын у них родился сильным огневиком. Вкупе с родовым даром защитника, владением мечом на уровне мастера и оперированием боевыми плетениями стихии огня, брат становился сильным противником на поле боя. Жаль, что печать отречения разрушила энергетические узлы воды, воздуха и земли. Это в разы ослабило магическую защиту Игната. В схватке с тем же боевым магом водной стихии еще неизвестно, кто выйдет победителем. Я же не отказалась от желания освоить заклинания из раздела магии воды, но отложила до лучших времен.

Глава 16

Солнце клонилось к закату, когда мы с Егором покинули убежище и направились к месту встречи. Я переживала за Ивана, что он столкнется где-нибудь с наемниками князя Шумского или с отрядом темников. Против десятка-двух матерых волков даже опытному воину не выстоять, о парнишке и говорить нечего. Как бы не сорвался, столкнувшись с теми, кто причастен к гибели Пелагеи. Испытала невероятное облегчение, издали заметив знакомую фигуру, несущуюся к нам во весь опор. Вот только зачем две лошади? Вторую ученик крепко привязал к седлу своего животного, так что та вынуждена была бежать следом.

– Скорее уходим! – вместо приветствия бросил Иван.

– Что случилось? – я встревожилась не на шутку.

– Ты была права, не стоило возвращаться. Кто-то видел, как вы приезжали ночью, и сдал нас. Глушин наводнили чужаки, перекрыли входы и выходы, выставили патрули на дорогах. Если бы не уехали ночью, утром уже не смогли бы покинуть город, – парень спешился и сноровисто принялся распрягать нашу лошадку.

– Как же ты вырвался? И лошадей умудрился раздобыть? И продукты? – я обратила внимание на седельные сумки, притороченные к седлам.

– Ха, я эти места как свои пять пальцев знаю, – небрежно хмыкнул Иван, приосанившись. – Проскочил у них под носом, даже не заметили. Главное, что успел предупредить младших. Часть и так уже разъехалась по домам, другие затаились по укромным местам, пока шум не утихнет. Я оставил знаки, которые подскажут, чтобы уходили при первой возможности. Долги большей частью раздал. Тем, кого не оказалось дома, передадут восточку, чтобы заглянули к одному надежному товарищу, так что переживать не стоит. Продуктов то тут, то там закупил понемногу. Вот, пирожки еще теплые, ешьте, – он протянул туесок, накрытый чистой тряпицей. – А лошадей я украл. Наемники тщательно следили за всеми, кто выезжает из города, никого не пропустили без досмотра. Думал, пешком придется возвращаться, но в лесу наткнулся на патруль. Они даже не поняли, что их обокрали,

пока я в галоп не припустил. Бросились в погоню, да я постромки подрезал и остальных лошадей отвязал. Так что ушел, пока эти олухи орали и метались, отлавливая разбежавшихся животных. Я попетлял по лесу, крюк в сторону Коровино дал, а потом по мелководу, есть тут речушка верстах в десяти отсюда, вернулся к развилке и уже по дороге сюда махнул.

– Лихо ты, молодец! – похвалила я парня. – Так может, и волноваться не стоит? Зачем телегу бросать? Искать нас будут в другом направлении и сроду не подумают, что мы в топь полезли.

– Я бы не рассчитывал на такую удачу. Что им стоит следопытов нанять и пройти по следу? Верхом быстрее от погони уйдем. В седле-то, надеюсь, держаться умеешь?

– Умею, – пробурчала, представив прелести такого способа передвижения.

Телегу откатали в сторону от дороги и замаскировали ветками, чтобы подольше не нашли. Вещи распределили поровну, крепко привязав веревками к седлам, и отправились в путь. К границе гиблого леса подошли уже в полной темноте, хорошо, при себе был фонарь и запас керосина.

Место для ночлега присмотрели заранее, когда еще только возвращались в Глушин. Разлапистая ель, под тяжелыми ветками которой легко нашлось место для нас троих. Разжигать огонь мы поостереглись. Закутались в походные одеяла и уселись спиной к смолянистому стволу. Перекусили оставшимися пирожками и принялись ждать назначенного часа.

Засыпать в таком месте было страшновато, гиблый лес и днем наводил жути, а уж ночью подавно. Даже родовой щит не избавлял от страхов, что какой-нибудь хищник решит нами поужинать. Я снова позавидовала Егорке, который уже сладко сопел, прислонившись к моему плечу. Иван же хоть и прикрыл глаза, дышал размеренно, но не спал. А мне как назло в голову лезли всякие глупости, так что я дергалась от каждого громкого звука, ерзала и вертелась, никак не находя удобную позу. Все время что-то мешало: то камешек в ногу вопьется, то сучок в спину. И сама не спала, и другим не давала, но ничего не могла с этим поделать. Когда заснула, сама не поняла, а только сомкнула глаза, как меня легонько тронули за плечо. Спросонок не сообразила сразу, отчего мне так тепло и мягко. Но когда подняла

глаза и наткнулась на насмешливый взгляд голубых глаз, отпрянула как ужаленная. Ага, забралась к Ивану на коленки и пригрелась на груди как кошка. Неудобно-то как! Еще и Егорка сбоку подобрался, свернувшись у ног калачиком.

– Э... извини, – пробормотала в растерянности. – Не понимаю, как так получилось. Все ноги тебе отсидела, наверное.

– Вовсе нет. Собираться нужно, а то опоздаем, – Иван пожал плечами, сделав вид, что ничего странного не произошло.

Собственно, так и было, поэтому я занялась завтраком, отослав Егорку проверить животных. Перекусили мы уже по дороге, так спешили на встречу с Игнатом. Каково же было наше удивление, когда он сам, живой и здоровый, вышел навстречу, стоило только углубиться в гиблый лес.

– Игна-ат! – я кубарем скатилась с лошади и бросилась на шею брату. Он подхватил меня на руки, а я, как маленькая повисла на нем обезьянкой. – С тобой все хорошо? Как себя чувствуешь?

– Ура, барин живой вернулся! – завопил Егорка, отчего с деревьев заполошно взлетели птицы. Иван шикнул на него, чтобы не шумел, разразившись отповедью, что опытный охотник сразу поймет, спугнули птиц неспроста. – Да я чо? Я ниче! – нахохлился пацаненок. – Обрадовалси, что ведьма нашего барина не сожрала. Стал быть, вороной наелась.

– Какая ведьма? О чем он? – Игнат нахмурился. – Я очнулся недавно в лесу, а рядом никого. Смотрю, места знакомые, на дорогу вышел, а тут вы. Вижу, с Иваном подружились уже, – он кивнул парню, приветствуя. – Ну, так что случилось? Как я здесь оказался?

Не вдаваясь в подробности, рассказала, как он потерял сознание, и мы отправились в Глушин за помощью и нашли Ивана. Он привел нас к ведьме, и та избавила его от темного приворота.

– Ведьма? Та самая, из Гнилой топи? Но ведь... – поразился Игнат. – Ничего не помню. Погоди, а что она потребовала в уплату за услугу?

– Гектора, – ответила, отводя взгляд.

– Нина! Как ты могла? – брат едва не задохнулся от возмущения. – Ты хоть понимаешь, что сделала?

– Тебя спасла, – прошептала, уткнувшись лицом в мужское плечо.

О том, что ворон скоро вернется, говорить не стала. Гиблый лес не то место, где стоит вести такие разговоры.

– Ох, ты ж... защитница моя маленькая, – Игнат так крепко обнял, что косточки хрустнули. – Я перед тобой в неоплатном долгу, – он бережно погладил меня по растрепанным волосам.

С утра так спешила, что не успела привести их в порядок.

– Учитель! – позвал Иван, – уезжать нужно. Глушин наводнен чужаками, дороги перекрыты, а этот... – он запнулся, одарив Егорку выразительным взглядом, – щегол своими воплями наверняка привлёк их внимание.

– Но я... – поморщившись, мужчина посмотрел в сторону города, – так и не завершил кое-какие дела.

– Если беспокоишься о младших учениках, то они в безопасности и разъедутся, как только появится такая возможность, – отчитался ученик. – С долгами я расплатился, как ты и просил, так что можно спокойно уходить.

– Я всегда знал, что на тебя можно положиться, – брат кивнул с одобрением. – А где же ты взял денег, чтобы... – он осекся, глядя, как парень резко поменялся в лице.

А я втянула голову в плечи, стараясь сделаться как можно более незаметной под испепеляющим взглядом Ивана.

– Ты... – глотая ртом воздух, будто рыба, выброшенная на сушу, парень готов был порвать меня на кусочки, – обманула?! Учитель не давал никаких заданий, а ты...

– Что это с ним? – почему-то Игнат обратился с этим вопросом именно ко мне.

– Эм-м... ну... опасалась, что не возьмет деньги, – и добавила еле слышно, – у меня.

– И что в этом такого? Это то же самое, как если бы я сам их ему дал.

У Ивана щеки загорелись румянцем, а на лице заходили желваки. Пробормотав что-то невнятное, он отвернулся и отошёл, ему вдруг резко понадобилось проверить упряжь у лошадей и как крепко закреплены седельные сумки.

– Какая кошка между вами пробежала? – вслух удивился брат, но тут же махнул рукой. – Ладно, позже разберемся.

Игнат осторожно усадил меня в седло, затем пальцем поманил Егорку. Когда пацаненок подбежал, то подхватил его под мышки и устроил рядом, попутно проверяя крепления седла. В этот момент мужчину будто что-то осенило, он огляделся по сторонам.

– Я так и не понял, а где Пелагея?

Сразу захотелось исчезнуть куда-нибудь, провалиться, чтобы не быть вестником, принесшим дурные вести. Бросила затравленный взгляд на Ивана, который закаменел весь и будто бы стал ниже ростом.

– Нина? – брат нахмурился и развернулся к ученику, – Иван?

– Нету ее больше, – глухим голосом ответил парень, – убили.

– Кто? Когда? – в воцарившейся тишине можно было услышать, как гулко бьется моё сердце.

Подо мной всхрапнул конь, потому что Игнат слишком туго затянул подпругу, которую проверял в этот момент.

– Тебе лучше знать, – бросил Иван с обидой. – Это ведь тебя искали у нас в доме? Они пытали ее, замучили до смерти, пытаясь узнать то, что она не знала.

– А где в это время был ты? – процедил Игнат, раздавленный ужасной новостью.

– Повел младших в лес на охоту, их ведь нужно чем-то кормить. Я понятия не имел, когда ты вернешься и вернешься ли вообще, – слова ученика прозвучали горьким упреком.

– Я... я навредил бы вам. Печать отречения разрушала изнутри. Огонь в любой момент мог вырваться из-под контроля и уничтожить всех, кто оказался бы поблизости. Когда появился шанс это исправить, ухватился за него как за соломинку. Откуда мне было знать, чем это обернется? – стискивая руки в кулаки, опустил голову брат.

– Мне очень жаль, – всхлипнув, я участливо коснулась мужского плеча. – Теперь уже ничего нельзя поделать. Мертвых не воскресить, что толку корить себя? Или обвинять друг друга? В наших силах только отомстить за их гибель тем, кто действительно виновен. Мой счет к Шумскому растет.

– Думаешь, его рук дело? Может, это темники?

– Не знаю. Не уверена. Но именно он открыл охоту на нашу семью.

– Сюда скачет отряд, – всполошился Иван, всматриваясь в клубы пыли на горизонте.

– В лес быстро! – скомандовал Игнат, сбрасывая оцепенение. Одним прыжком он взлетел в седло, объехал нас по кругу, как бы подгоняя. – Вань, едешь впереди, показываешь дорогу. Нина с Егором в центре, а я замыкаю.

– Куда вести? – уточнил парень, который оказался на лошади быстрее учителя.

– Двигай на северо-запад. Пройдем по краю гиблого леса к Белозеру, а там найдем лодку или построим плот, чтобы переправиться на другой берег. Нам нужно в Кустов, и как можно быстрее. Наш человек позаботится о местах в караване, времени у нас неделя, максимум – полторы.

Передвигаться по лесному бездорожью то еще удовольствие. Нас спасало, что Иван отлично знал эти места и уверенно выбирал путь, проходя по краю опасных топей и заболоченных оврагов. Иной раз приходилось спешиваться и вести лошадей в поводу, чтобы не сойти с узкой тропы. Шаг в сторону, и угодишь в глубокую трясику. Однако и преследователи попались упорные. Видимо, наняли проводника, раз не отставали и постоянно дышали в затылок. А, может, сами были достаточно опытными, чтобы не потерять след и не сгинуть в болотах.

– Примерно через сутки выйдем к Белозеру, – Игнат устроил военный совет на коротком привале. – Если сразу не найдем лодку, возникнут проблемы. На открытой воде мы будем как на ладони. Маги легко нас уничтожат, а уж если это будут маги воды...

Я плюхнулась на наспех расстеленный плащ, раскинула руки-ноги в стороны и просто смотрела на верхушки деревьев и редкие просветы голубого неба в густых кронах. Егорка тоже устал, но сначала обиходил лошадей, и только потом повалился рядом на траву. Ванька с братом более привычные к таким вылазкам и не выказывали признаков усталости, а для меня двое суток в седле уже подвиг. Мы всего третий день блуждали в заболоченном лесу, но эти дни растянулись в вечность. Моя исстрадавшаяся филейная часть превратилась в сплошную мозоль, внутренняя поверхность бедер за день покрывалась волдырями. Спасала лишь ускоренная регенерация, которая за ночь подлечивала раны, и специальная мазь от потертостей. Но с раннего утра пытка начиналась вновь!

– Может, тогда не будем убегать, как последние трусы? – резко ответил Иван.

– Нет трусости в том, чтобы отступить и сохранить жизни членов команды, – спокойно ответил брат. – Сейчас наши враги измотаны и отрезаны от помощи. Надеюсь, те сюрпризы, что мы оставили, сильно проредили их отряд.

Игнат иногда отлучался на пару часов, растворяясь в лесной чаще, но обычно возвращался с распотрошенной тушкой какого-нибудь зверька или птицы. Так что я думала, он охотился, добывая свежее мясо, которое зажаривал с помощью огненной магии. Оказывается, попутно брат ставил ловушки на двуногих тварей, идущих по нашему следу.

– Спрячем лошадей и детишек? – хищно оскалился ученик, – а сами займемся делом?

– Именно! – подтвердил учитель. – Думаю, вон тот островок идеально подойдет, – он взглядом указал на заросли камыша чуть в стороне от места привала.

Ага, туда еще пока доберешься, преодолев метров двести-триста по воде. Плавать я умела, но никакого желания лезть в мутную воду не испытывала. Кто бы меня спрашивал? Пришлось раздеться до исподнего и плыть вслед за братом, который еще и лошадей тащил за собой. Егорке вот повезло прокатиться на шее Игната. Сомнительное везение, конечно, все равно ведь искупался в болотной жиже. Я потом еще два часа дрожала на ветру, пока обсохла. Побрезговала надеть чистую одежду на грязное тело.

Зато эта ситуация побудила спешно изучить заклинание чистоты из разряда бытовых. Не зря оно значилось в особом списке заклинаний, необходимых каждому магу. Ими следовало овладеть в первую очередь, чтобы в дальнейшем маг обеспечивал себе комфорт и не отвлекался по мелочам. Не боевые плетения, сокрушающие врагов и требующие невероятной мощи, а простые в действии и назначении, которые под силу даже слабенькому одаренному. Помимо этого, бытовые плетения требовали минимального вливания силы, что отлично тренировало контроль. А это очень важно для развития будущего мага. Попробуйте дозировать силу по капле, когда она готова извергнуться вулканом по одному только зову. Тогда, к примеру, намереваясь высушить влажную одежду, легко спалить ее вместе с тем, что случайно попадет по руку. Та еще задачка, если вдуматься. Особенно для тех, кто не видит магические потоки и развивает их

посредством проб и ошибок. Мне в этом плане было гораздо проще, поэтому проблем в изучении заклинаний не испытывала.

Егорка какое-то время пытался понять, чем я занимаюсь, донимал расспросами, а потом махнул рукой и отдался излюбленному делу – завалился спать. Ближе к вечеру, когда над лесом сгустились сумерки, донеслись первые крики и хлопки выстрелов. Далеко среди деревьев замерцали вспышки огненных шаров и отблески магической защиты. Затем громко ухнуло – подозреваю, Игнат запустил чем-то убойным, – после чего все стихло. Нам оставалось только гадать, что там происходило, и надеяться, что брат с учеником избавились от преследователей.

Островок, где мы расположились, издалека смотрелся крохотным клочком суши, от силы пара метров в диаметре. На самом деле чуть больше – около пяти, что позволяло разместиться небольшому отряду. Корни деревьев сплелись между собой, образуя прочный настил над водой и тем самым увеличивая площадь суши. Подозреваю, здесь не обошлось без умелого мага земли с уклоном к взаимодействию с растительным миром. Слишком уж правильную форму приняла внутренняя площадка, и как-то предусмотрительно много зелени и веток укрывало убежище от посторонних. Видимо, это и привлекло внимание недобитка, который сумел вырваться из ловушки.

Я с нетерпением ожидала возвращения брата, а потому тщательно следила за окружающей обстановкой. Увидев, как кто-то уверенно плывет к острову, обрадовалась поначалу. Но только до тех пор, пока человек не приблизился, воровато озираясь по сторонам. Игнат не стал бы себя так вести, да и Иван – тоже. Они бы подали условный знак и предупредили, чтобы я не натворила глупостей. Тщательно перебирая в уме те заклинания, что успела выучить, поняла, что ничего из этого мне не поможет. Под рукой был короткий меч, но, чтобы сражаться им, нужно подпустить врага близко к себе. А тут и дураку понятно, что в ближнем бою против взрослого мужчины не выстоять.

– Егор, у нас есть мушкет? – шепотом поинтересовалась у пацаненка.

– Так, эта, нетути, – так же шепотом ответил он, – барин забрал. А пошто вам?

– Смотри, – я осторожно отодвинула веточку и указала на черную поверхность, где едва слышались всплески и мелькала голова.

Внезапно в темноте вспыхнули и тут же погасли два оранжево-коричневых огонька. Я немедленно активировала магическое зрение, проверяя местность на опасности, и едва не застонала в голос. К нам плыл маг! Судя по отблеску магии в глазах, владел стихией земли. Если же он доберется до суши, – теперь понятно, каким образом нашел наш островок в темноте, – то нам несдобровать. Возможно, враг уже обнаружил нас, ведь я понятия не имела, на что он способен.

– Стоит ему добраться сюда, и нам конец, – пробормотала вслух. – Надо предупредить Игната и задержать мага. Не дать ему достичь берега. Седельные сумки! – я бросилась к лошадям в надежде, что там найдется хоть что-то, что поможет продержаться до прихода помощи.

Да, я могла укрыться щитом, и сделаю это, когда придет время. Однако противостоять магу, когда он в родной стихии, невероятно сложно.

Обыск принес свои плоды. Иван ведь угнал лошадей у наемников вместе с тем добром, что на них в тот момент было навьючено. Неудивительно, что я нашла пистоль и пачку патронов к нему. А еще зажигательные шашки, которые применялись наемниками для поджогов. То, что нужно, чтобы подать сигнал!

– Умеешь пользоваться? – спросила у Егорки.

– Не-а! – тот мотнул головой.

Я и не рассчитывала, что мальчонка сталкивался с такими вещами. Это меня отец с малых лет обучал премудростям военного дела. Правда, упор велся на холодное оружие и физическую подготовку, но и об огнестрельном я имела полное представление и знала, с какой стороны за него братья.

– А кинуть сможешь так, чтобы попасть в цель?

– Эт запросто! – пацан расплылся в щербатой улыбке.

– Тогда я сейчас подожгу первую шашку, а ты метнешь ее во-он туда, – я указала примерное направление. – Ну а я попробую достать гада из пистоля.

Плохо, что оружие рассчитано всего на два патрона, а после требовало перезарядки. Я не обольщалась, что маг даст себя расстрелять. Вероятно, тут же ударит в ответ чем-нибудь ядреным и магическим. На этот счет можно не волноваться, родовой щит уже закрывал нас с Егором.

– Не бойся, маг не причинит вреда, – подбодрила я Егорку. – Нам только продержаться до прихода Игната, а там уже ему не поздоровится. Ну... давай!

Вспышка огня и треск, с которым загорелась шашка от легкого магического импульса, сразу привлекли внимание. Я подметила, как противник мгновенно окутался щитом и ускорился. Шашка плавно описала дугу в воздухе и упала в воду неподалеку от мага. Прицелившись, я выстрелила один, второй раз. Теперь даже надобность в освещении отпала, так как я видела врага в магическом зрении. С секундной задержкой в щит врезался каменный таран, способный оставить от нас лишь мокрое место. Защита выдержала, и даже не прогнулась под ударом, а я уже спешно вставила патроны и вновь прицелилась. Мужчина как раз достиг острова и ухватился за корни деревьев. Я выстрелила в упор, однако маг мерзко расхохотался, потому что перед ним мгновенно взметнулась каменная стена, в которой увязли пули. Более того, сам остров вдруг содрогнулся, а деревья ожили, оцетинившись веером острых иголок. Сплетение корней под ногами внезапно превратилось в клубок змей, которые поползли к нам, намереваясь спеленать и обездвижить. Лошади, перепуганные такими метаморфозами, с пронзительным ржанием попрыгали в воду. Маг не стал их удерживать, явно задавшись целью добраться до нас.

Егорка завопил от ужаса, когда гибкие ветки потянули его в болото. Мой щит прикрывал отовсюду, кроме земли под ногами. И опасность проникла именно с той стороны, где обнаружила лазейку. Взвизгнув, я подпрыгнула, когда холодные корни-змеи вцепились в лодыжки. На автомате создала плоский щит под ногами, который прошел сквозь дерево, как горячий нож через масло. Отрезанные от влияния мага, живые путы перестали меня удерживать и осыпались трухой. Сообразив, как бороться с вездесущими корнями, я принялась создавать острые пластины щитов, вырубая для себя и Егора свободное пространство.

Маг озверел в жажде добраться до мелкоты, посмевавшейся оказать сопротивление. Родовой щит полностью покрылся коричневым клубком копошащихся корней. Мерзкие щупальца постоянно пробовали защиту на прочность и попутно тащили нас под воду. У меня только так резерв расходовался, сопротивляясь физическому

воздействию. Этот маг черпал силу земли и ничуть не уставал, опосредованно ломая мою защиту. Я же держалась за счет собственного источника и рассчитывала только на помощь извне.

Щит постепенно сжимался, уменьшая внутреннее пространство. Дышать стало тяжелее из-за нехватки воздуха. Враг попался опытный и перекрыл доступ кислорода. Где же помощь? Игнат уже давно должен был расправиться с этим гадом, но как назло я не видела, что творилось снаружи. Поэтому и решилась на отчаянный шаг: на остатках магического резерва открыть тропу к месту нашей стоянки. Наверное, надо было сразу так поступить, но я понадеялась, что справлюсь с проблемой.

– Держись крепче и закрой глаза, – попросила Егорку, который и так вцепился в мою ногу мертвой хваткой.

Мальчонка уткнулся, приподнялся и крепко прижался всем телом. А я в подробностях представила себе полянку у дороги и активировала поток серебряных нитей, свивающихся в узкую тропу. Затем обняла Егора и бросилась в открывшийся проход. За спиной с хлопком лопнул щит, а корни с чавкающим звуком впились друг в друга. Часть из них устремилась вслед за нами, но их обрезало, стоило нам вывалиться из тропы на полпути. С громким плюхом мы ушли под воду, и я из последних сил устремилась вверх, чтобы сделать глоток воздуха. Будь я одна, легко бы выбралась, но на шее висел мальчишка, который тянул вниз. Мне удалось всплыть ненадолго и сделать пару вдохов, прежде чем бьющийся в истерике пацаненок снова утянул на дно. Я уж думала, потонем вместе, как вдруг кто-то схватил за волосы и потащил вверх. Мы проплыли десяток метров, когда я нащупала ногами твердое дно. Дальше уже выбралась самостоятельно. Ну, как самостоятельно? Вместе с довеском, которого никакими силами теперь не оторвать от меня.

– Вы в порядке? Живы? – перед глазами возникла перепачканная физиономия Ивана.

Говорить я не могла, мерзкая жижа попала внутрь и меня раздирало от рвотных позывов. Вдобавок, сказывалась нехватка воздуха, который я вбирала жадными глотками. Сумела только кивнуть и указать на Егора, висящего на шее и не дающего нормально дышать.

Парень скрипнул зубами и отвернулся, подавая знак учителю. В этот момент я ощутила гигантский выброс магии, а после лес

содрогнулся от жуткого взрыва. Я зажмурилась в ожидании яркой вспышки и успела отвернуться, прежде чем нас подбросило в воздух, а потом еще грязью окатило вперемешку с землей и щепками.

Из-под завала я выбралась самостоятельно, мальчонку Иван сумел перехватить перед незапланированным полетом. Нахаленок не пострадал, только воды наглотался и теперь выворачивал желудок. Игнат устало доковылял к нам, убедился, что все относительно целы, и обессиленно опустился на землю. Однако его плечи, а потом и тело вдруг мелко затряслись в каком-то припадке.

– Чего это он? – хмуро уточнила у Ивана, а тот вдруг посмотрел на меня, на всех нас, и заржал, повалившись на спину.

Я даже растерялась на мгновение, предположив, что это болезнь заразная или проклятие, а потом до меня дошло. Они же просто угорают со смеху!

– Чего это они? – повторил мой вопрос Егорка, кулачком размазав черноту по лицу.

Горящие вокруг деревца давали достаточно освещения, чтобы разглядеть, что все мы улиты отборной грязью, которую взрывом подняло со дна болотца. В полумраке только и видно, что белки глаз и белозубые рты. Волосы слипшимися сосульками застыли в самых причудливых причёсках, и сами мы словно черти из табакерки. Или даже семейство чертей, выбравшееся на прогулку. В итоге мы трое чуть не надорвали животы, тогда как недоумевающий нахаленок, пытался выяснить, в чем тут дело.

Быть может, это временное помешательство случилось как реакция на стресс, но оно помогло принять факт, что мы вновь пошли по самому краю, чудом избежав смерти.

Глава 17

Схватка с отрядом наемников выжала последние силы. Я снова израсходовала резерв и, едва утолила голод, благополучно провалилась в сон. За что и поплатилась позже, когда озадачилась, как смыть с себя засохшую грязь. Другого источника воды, кроме злополучного болотца, поблизости не было, вот и пришлось снова туда лезть и отмокать. Утешало только то, что не одной мне досталось это нелегкое испытание. Мои спутники оказались в аналогичном положении и точно так же плескались в мутной жиже. Как же я расстроилась, когда увидела, во что превратились дневники предков. Одежда, конечно, защитила от грязи, но купание не прошло даром. Мокрые страницы слиплись, чернила кое-где расплылись. Как представила себе сурового родича, который доверил мне труд всей жизни, так слезы сами потекли по щекам.

– Нин, не реви, – Игнату хватило одного взгляда, чтобы понять, в чем дело. – Мы что-нибудь придумаем. Просушим, почистим, восстановим, что еще возможно восстановить. Повезло еще, что эти тетради ты держала при себе. Куда хуже, если бы они сгнули вместе с нашими лошадьми.

«Ну вот зачем напомнил?» – я разревелась еще сильнее.

После того, как напал маг, а лошади бросились в воду, мы их больше не увидели. Животные не сумели выбраться на сушу и утонули или же попали под удар, которым Игнат уничтожил врага. Уничтожил вместе с островком и всем нашим добром. Ну кто в такой момент думает о каких-то вещах? Со слов брата маг земли, защищаясь, сотворил что-то невообразимое, поэтому пришлось бить «драконьим пламенем». Это самое затратное и убойное плетение из арсенала боевых огненных магов, которое плавит камни и уничтожает все живое в радиусе поражения. Достаточно взглянуть, во что превратилось наше убежище, как к горлу подкатывала тошнота. Враг до последнего сопротивлялся, окружив себя живым щитом из корней деревьев и монолитной каменной стеной. Теперь обломки этой стены торчали из воды уродливыми глыбами, уцелела только задняя часть. В центре же зловеще поблескивал диковинный бутон из черного стекла.

Под воздействием высоких температур и магии кокон из корней деревьев кристаллизировался, превратившись в памятник магу, заживо погребенному в его утробе.

На фоне этого расправа с рядовыми членами отряда наемников выглядела детской забавой. Игнат с Иваном выбрали место для засады и понаставили вокруг ловушек, чтобы никто не ускользнул. После дождались момента, пока враг сам не пожалует к ним в руки, и нанесли сокрушительный удар. Противник попался опытный, недаром мы их опасались. Под магическую атаку угодила половина отряда, остальные бросились врассыпную. Брату с учеником пришлось отлавливать врагов и уничтожать по одному. Поэтому, когда раздались выстрелы, наши защитники находились далеко от убежища. Конечно, они сразу рванули обратно и едва не опоздали. Увидев копошащийся клубок корней, который изнутри озарялся фиолетовыми всполохами, Игнат чуть не поседел во второй раз. Особенно, когда кокон схлопнулся, с хрустом перемалывая содержимое. Ну а потом мы вывалились буквально из воздуха и рухнули в воду. Иван бросился нас вытаскивать, а взбешенный брат принялся плести «драконье пламя», которым поставил точку в сражении.

Пока я приводила себя в порядок и горевала над испорченными дневниками, мужская часть отряда озаботилась поисками трофеев и всего того, что уцелело после схватки. Наши вещи пропали вместе с лошадьми, поэтому ценность представляла любая мелочь, способная облегчить дальнейший путь. Особенно пригодились походные мешки наемников, снабженные наборами для выживания, относительно чистой одеждой и остатками продуктов. С обновками Игнату с учеником повезло больше, а мне и Егору в них впору было утонуть. Пришлось братья за нитки с иглой и спешно перешивать вещи под себя.

На поиски добычи, отдых и прочие приготовления ушли сутки, а на рассвете следующего дня мы выдвинулись к Белозеру. Помнится, я жаловалась, как тяжело трястись целый день на лошади? Беру слова обратно. Сейчас я бы отдала сундук с золотом, чтобы вернуть все, как было. Идти по жаре, продираясь сквозь заросли, которые ближе к воде становились гуще, да еще и в обуви размеров на десять больше – вот настоящая пытка. Игнат пытался смастерить нам обувку из кусков кожи, которые обматывал вокруг ступней и привязывал веревкой, но

она разваливалась уже через пару часов. В общем, когда из-за очередных зарослей вдруг открылась бескрайняя гладь озера, я испытала невероятное облегчение.

Вода! Чистая! Какое же это наслаждение смыть трехдневную грязь, под которой тело невероятно чесалось и горело. Никакие заклинания чистоты не подарят такого удовольствия.

Мужчины озаботились поисками лодки и хвороста для костра, а я вдоволь наплескалась в укромной заводи. Затем отправила мыться Егора, а сама занялась готовкой. Так что к возвращению старших членов команды их ждала горячая наваристая похлебка из мяса и горстки крупы. Запасов у нас не осталось, к сожалению, поэтому питались тем, что Игнат или Иван добывали на охоте. Хорошо, хоть соли в мешках наемников хватало, ну и я собирала по дороге знакомые травы, чтобы разнообразить вкус пищи.

– Лодку мы не нашли, – заявил брат по возвращении, – так что будем строить плот. Перекусим и займемся этим, время поджидает.

Несмотря на усталость, после обеда все принялись за работу. К сожалению, специального инструмента для рубки деревьев у нас при себе не было. Только мечи и огненная магия, не очень-то сочетающаяся с профессией лесорубов, в которых мы временно переквалифицировались. По лицам мужчин я видела, как непросто им использовать боевое оружие не по назначению. Они с таким трепетом к нему относились, чистили регулярно, точили специальным камнем, ревностно следили, чтобы к нему не прикасались посторонние. А тут пришлось рубить толстые стволы, которые с неохотой поддавались грубой силе.

– Подожди, – я остановила Игната, когда осенила одна идея. Вспомнила вдруг, как во время схватки с магом земли плоским щитом обрубила корни деревьев. – Хочу кое-что проверить.

Резерв за эти дни потихоньку восстановился, так что рискнула потратить его на эксперимент. Отчего-то плоская форма щита требовала больших усилий, нежели привычная полусфера. Сосредоточившись, я создала щит и направила его на ствол сосны со следами рубящих ударов. Он прошел сквозь дерево и будто бы истаял в воздухе.

– Пф-ф, тоже мне! – фыркнул Иван, отношения с которым не заладились и вылились в негласное противостояние.

В условиях опасного похода парень помогал и делал, что от него требовалось, но и только. Дружеского доверия не сложилось. Не то чтобы я страдала от этого, просто обидно, ведь ничего плохого ему не сделала.

Брат тоже не увидел результата, однако оценил желание помочь, участливо похлопал меня по плечу, взъерошил волосы на макушке. Затем снова схватился за меч, размахнулся и застыл, глядя, как дерево вдруг натужно закрипело и начало заваливаться набок.

– Берегись! – он бросился к ученику и вытолкнул его из зоны падения.

Оба успели выскочить, прежде чем громадина рухнула на землю. Каким же злющим взглядом меня одарил Иван, будто хлыстом полоснул. Но я ведь не специально! Помочь хотела, и помогла, между прочим!

– Мда, – Игнат придирчиво осмотрел гладкий срез. – Никогда бы не подумал, что защиту можно использовать как оружие. Сама догадалась или в дневнике деда вычитала?

– Сама, – я гулко сглотнула, представив, что такой щит сделает с человеком. – Когда маг напал, – вкратце пересказала предысторию. – Вот только энергии на такой щит расходуется много, меня из-за этого с тропы раньше времени э... – осеклась, зыркнув на парня, наострившего уши.

Пусть он и ученик Игната, но ведь не родственник. И даже близким людям иной раз лучше ничего не знать. Опасно раскрывать такие секреты кому попало. Вот только Иван своими глазами видел, как мы с Егором вырвались из ловушки. Какие уж теперь тайны?

Брат заметил наши переглядывания и только покачал головой, когда отчего-то покрасневший парень подхватил мечи и яростно принялся обрубать сучья с упавшего дерева.

– погоди, – нахмурившись, Игнат вдруг сообразил, что я ему сказала. – Как это выкинуло раньше? Ты открыла тропу, зная, что на переход не хватит сил? А если бы вас по частям... ты хоть понимаешь, как рисковала?

– У нас не было другого выхода, – пробормотала я виновато. – Щит долго не продержался бы, а вы... ты не приходил, – обидно так стало, будто я нарочно истратила резерв, чтобы его не хватило на последний рывок.

– Эй, Нинончик, ты чего, расстроилась? – Игнат подошел ко мне и присел на колени. – Я ж не ругаю, просто до сих пор содрогаюсь от мысли, что едва не потерял тебя, – он привычно уже сгреб в охапку и прижал к себе. – И поэтому немедленно займусь твоим обучением. Хватит уже глупых ошибок. Каждый из вас, – это уже предназначалось всем троим, – должен знать собственные возможности, а в критической ситуации сохранять холодную голову и действовать эффективно. Вот ты, например, – Игнат чуть отстранился, заглядывая мне в глаза, – когда при помощи щитов предотвратила атаку мага, почему не использовала их против него? Даже одаренные не живут без головы. Впереди у нас еще не одна схватка, невозможно быть готовыми ко всему. Однако нужно развивать в себе умение думать и использовать малейшие преимущества для победы.

Эх, если бы я знала, чем обернется желание помочь брату с рубкой деревьев, никогда бы не полезла с инициативой. Это ж прописная истина, что инициатива любит инициаторов. Вот и пришлось до темных кругов перед глазами создавать щиты, менять их размер и контролировать область воздействия. Само собой, я отработывала эти навыки на деревьях, выполняя тяжелую работу, пока некоторые прохлаждались в тенечке. Ничего, Игнат живо восстановил справедливость, отправив ученика на охоту, а Егорку нагрузил хозяйственными хлопотами.

Плот получился добротный, крепкий, с навесом и шалашом, где можно укрыться от непогоды. Отплыли в ночь, чтобы не терять времени и не искушать судьбу. Пусть мы уничтожили отряд наемников, но следом за ними могли ведь появиться другие? К счастью, путешествие по воде выдалось спокойным. Большую часть пути преодолели играючи, благодаря течению, которое несло нас в нужном направлении. Потом мужчины поработали веслами, а где-то и шестами, прежде чем на горизонте показался противоположный берег.

Никогда еще вживую не видела такого огромного озера и тем более, не пересекала его на самодельном плоту. Красота вокруг такая, что дух захватывало. Получила массу положительных впечатлений, если не брать во внимание некоторые бытовые моменты. К вечеру следующего дня мы, наконец, причалили, выбрав для этого укромную заводь.

– Переночуем здесь, – распорядился Игнат, – Егор – марш за хворостом. Вань, ты знаешь, что делать.

Ученик кивнул, подхватил мечи и растворился в лесу. Егор исчез в ближайших зарослях, собирая хворост. Я тоже знала, чем заняться. Поэтому без напоминаний вытащила из воды мешок, в котором держали пойманную рыбу, и принялась ее потрошить. В вещах наемников мы обнаружили рыболовные крючки, так что уже второй день подряд питались исключительно дарами озера. Перед отплытием Иван набил дичи, а в силки попала парочка русаков, так что и без рыбы голодными не остались бы. Однако никто не отказался разнообразить рацион. Жареные карасики – чудо, как хороши! А такой наваристой и вкусной ухи из щуки я в жизни не ела. Конечно, в рыбном супчике не хватало овощей, которых неоткуда было взять, но на свежем воздухе горячий ароматный бульон с кусочками рыбы пошел на ура.

Ночь прошла без происшествий. Чтобы обезопаситься от неожиданностей, брат распределил между нами дежурство. Меня разбудили уже на рассвете, чтобы сменила Ивана и заодно занялась завтраком. Игнат тоже поднялся, намереваясь сходить на разведку. Вечером его ученик заметил нахоженную тропку, и это значило, что где-то поблизости живут люди. Брат прихватил с собой немного денег, чтобы прикупить продуктов и, если повезет, разжиться транспортом.

Вернулся Игнат через четыре часа, когда мы уже начали за него волноваться. К счастью, повода для беспокойства не было. Рыбачий хутор на десяток дворов располагался верстах в пяти от места нашей стоянки. Лошаденка у них имелась одна и продавать ее наотрез отказались. Зато с радостью согласились подбросить до деревни, куда рыбаки свозили улов. Несколько часов тряски в пропахшей рыбой телеге, и мы достигли цивилизации. Остановились в доме старосты, который за щедрую плату расстарался: специально натопил баньку, накрыл праздничный стол.

Семья у Авдея Никитича большая, дружная. Пятеро сыновей, два из которых уже обзавелись собственными семьями. Третий вот тоже собрался жениться, поэтому лишняя копеечка как раз пригодилась. Авдей сам вызвался отвезти нас в Кустов, раз уж такая оказия случилась, заодно собирался подарков молодым прикупить и гостинцев жене и внучатам.

До Кустова мы добрались, можно сказать, с комфортом. Дорога накатанная, телега набита сеном, которое смягчает тряску. Лежи себе, балдей, хочешь – спи, хочешь – по сторонам смотри. Мила, жена Авдея, выручила нас чистой одеждой и снабдила запасом провизии. Ночевать решили на постоялом дворе, где условия всяко лучше, чем в лесу под открытым небом.

За все время пути мы подзагорели и пообтесались, так что теперь не сильно-то отличались от деревенских. Разве что в Игнате издалека видна воинская выправка, но одежда наемника как бы намекала на род занятий, никого этим не удивишь. Главное – родовую печать не показывать и избегать магов, которых чаще встретишь в крупных караванах или отрядах. Одинокие путники сами обходили нас стороной. Крестьяне же на встречных подводах или телегах, как правило, знали в лицо только старосту, а нас принимали за членов семьи.

В Кустове мы распрощались с Авдеем, накинув сверх оговоренной платы золотой, чтобы держал язык за зубами, и отправились на поиски таверны, где условились встретиться с Гаврилой Силантьевичем. За медную монетку узнали у уличного мальчишки адрес, а после прокатились на конке, домчавшей в нужный район города.

– Наконец-то! – обрадовался нашему появлению мужчина. – Я уж и не чаял, что вы вернетесь. Сделал, как велели: повозку прикупил, лошадей выносливых, а вас все нет и нет.

– Обстоятельства так сложились, – Игнат не стал распространяться о наших приключениях. – Тебе удалось договориться насчет места в караване?

– Удалось, – Гаврила понурился, – да толку? Третьего дня как караван ушел. Начальник подходил, спрашивал, где, мол, твои друзья? Сколько ждать? А что я отвечу, когда сам не знаю? Следующий караван теперь через неделю пойдет, да и то, доверия к его хозяину нету. Тот, что ушел, охрану добрую нанял, фуража да продуктов свежих закупил, амулетов защитных. А этот норовит сэкономить. Не наемников, а сброд какой-то собрал. Ну чисто разбойничьи морды!

– Может, еще не поздно догнать тот караван? Три дня не такой уж большой срок, – озадаченный такими новостями, уточнил брат.

– Так ведь можно! – обрадовался Гаврила. – Если по старой дороге в обход Сухинского тракта, то аккурат вперед них до Устюга доберемся. Одна беда – тати лихие на той дороге шалят, опасно одним-то ехать. Говорят, пропадают путники, а то и целые обозы, что без должной охраны на ту дорогу сунулись.

– Тати, говоришь? – брат, хрустнув позвонками, медленно наклонил голову вправо, потом влево. – А мы рискнем, пожалуй. Пусть попробуют напасть, они сильно об этом пожалеют. Решено, выезжаем на рассвете, как только откроют городские ворота.

– Барин, – мужик замялся в нерешительности, но все же спросил. – Ты вроде говорил, пятеро вас будет?

– Говорил, – Игнат посмурнел. – Сам видишь, четверо теперь. А что вдруг интересуешься?

– Да тут дело такое... помните, я рассказывал, дочка у меня в Кустове у родни живет, замуж собирается?

– Помню, как не помнить. На свадьбу-то успел?

– Какое там, – Гаврила скрипнул зубами, по его лицу заходили желваки. – Обманул, стервец. Девку испортил, а в жены брать не захотел, еще и ославил на всю улицу. Лизка со стыда и горя в петлю полезла, еле успел вытащить. Если б хоть на минутку задержался...

– А куда ж родичи твои смотрели? Раз нашли жениха, да ответственность на себя взяли, как допустили подобное? – брат взорвался от возмущения. – Ну-ка, давай присядем, – он потянул Гаврилу к свободному столу в обеденном зале, жестом давая понять хозяину, что пока ничего не будем заказывать. – Расскажешь подробности.

История вышла на редкость банальная. Лиза – милая, порядочная девушка и бедная, как храмовая мышь. Родственнички присваивали деньги, что присылал ей отец, и заставляли работать с утра до ночи. А парень из купеческой семьи, выгодная партия. Он хоть и клялся в любви, и даже жениться пообещал, но как только получил желаемое, дал отворот-поворот. Выяснилось, что родители давно уже невесту ему подыскали с приданым. А Лизка – так, для души, в любовницы сгодится. Родичи специально глаза на непотребство закрывали, чтобы потом облагодетельствовать сиротку, оставив при себе как бесплатную прислугу.

– Барин, дозвожь дочку с собой взять? Пропадет ведь одна, да и не брошу ее теперь. Только знаю, если останусь, порешу и родов. Лизка у меня работающая, стготовить, убрать, постирать – все может. Для родственницы вашей служанка все одно нужна. Зачем кого-то со стороны брать? Надежнее человека не найдете. И я вам по гроб жизни благодарен буду, верной службой отработаю.

– Я уже давно понял, к чему ты ведешь, – Игнат похлопал мужчину по плечу, – и не возражаю. Приводи, посмотрим на нее, а насчет службы рано пока говорить, сам понимаешь.

– Так я немедля и позову. Она тут, в номере, от людей прячется, – Гаврила подорвался с лавки и поспешил на второй этаж, где сдавались недорогие номера постояльцам.

Минут через десять мужчина вернулся, волоча за руку хрупкое создание лет шестнадцати-семнадцати на вид. Девушка отчаянно кусала губы и вела себя, как испуганная лань, шарахаясь от каждого громкого звука. Несмотря на припухлости и красные пятна под глазами, она оказалась хорошенькой. Я бы усомнилась, что Лиза приходится дочерью Гавриле, если бы не пронзительные серые глаза, как у отца, и одинаковые родинки над верхней губой.

– Вот, знакомьтесь, моя дочь Елизавета Гавриловна, – он чуть подтолкнул девушку вперед, – а это барин Игнат Захарович, – затем по очереди назвал каждого из нас. – Они не возражают, если ты поедешь с нами.

– Благодарствую, – тонким голосочком ответила Лиза, – рада знакомству, ваши благородия.

– Ну какие же мы сейчас благородия, – я хихикнула и чуть подвинулась, освобождая место. – Присаживайся, пообедаем.

Робея под пристальными взглядами, девушка опустилась на краешек скамьи. За столом Лиза больше помалкивала и почти ничего не съела. У меня бы тоже кусок в горло не полез, когда так откровенно пялятся и заглядывают в рот. Ванька чуть дырку не просверлил своими глазищами, еще и Игнат нет-нет да зыркнет в ее сторону. Брат обсуждал с Гаврилой, сколько провизии закупить, фуража, каких товаров взять и нужны ли они вообще. Скучно.

– Игнат, не возражаешь, если мы с Лизой пройдемся по лавкам? – я вдруг вспомнила, что одежда у меня с чужого плеча, и на смену ничего нет.

Да и специй не мешало прикупить, без них у блюд совершенно не тот вкус. И всяческие женские мелочи, что понадобятся в дороге.

– Вместе и сходим, – отозвался брат. – Мне как раз в торговые ряды надобно.

Расплатившись за обед, мы с Игнатом и новой знакомой отправились на рынок. Мальчишек оставили в помощь Гавриле, которому поручили проверить повозку перед дорогой и навесить на нее дополнительную защиту в виде металлических пластин. Как раз всем до вечера работы найдется.

Рынок встретил привычной суетой, криками уличных зазывал и разнообразием запахов. Для начала посетили оружейную лавку, где Игнат купил себе меч, каким пользуются наемники. Его собственный слишком приметный, чтобы светить им без лишней надобности. Также мы приобрели два ружья, четыре пистоля и десяток коробок с патронами. В магической лавке запаслись целительскими амулетами и восстанавливающими зельями.

Не забыл брат и об обещании помочь с восстановлением записей. Потратился из личных средств на новенький зачарованный дневник и магическое перо с чернилами, которые не растекались и не выцветали от времени. Вечером, когда мы остались наедине, вручил подарок с наказом, что пора уже вести собственные записи, раз я нашла такое неординарное применение родовым способностям.

Следующей стала лавка готовой одежды, где застряли на пару часов, пока удовлетворили все запросы. Игнат настоял, чтобы я путешествовала под видом мальчишки. Кто ж против, если это поможет сбить врагов со следа? Так что обзавелась брюками, рубашками и картузом, под который спрятала волосы. Самым сложным было уговорить Лизу примерить костюм для верховой езды, а потом еще принять пару платьев в подарок. Ну как в подарок? В счет будущего жалованья.

В обувной лавке ситуация повторилась, но там брат поступил умнее. Посмотрел на те сапоги, что выбрала Лиза в дорогу, молча убрал их в сторону и попросил продавца принести самые лучшие. Причем, это была не попытка заигрывания или надуманного оскорбления, как успела вообразить себе девушка, судя по ее алым щекам и возмущенному сопению. Обычная забота и расчет, что дешевая обувь не развалится в неподходящий момент.

Дальше брат завернул в цирюльню, а мы в магазинчик нижнего белья, соседствующий с салоном красоты. Затащила туда Лизу угрозами, что мне нужна служанка, а не запуганная храмовая мышь.

– Но я... недостойна всего этого, – пробормотала она в оправдание.

– Кто тебе сказал такую глупость? Я так не считаю и вообще, не смей ставить на себе крест из-за какого-то уroda.

Потихоньку выпытывая у Лизы подробности, я поняла, что свидетелей грехопадению нет. Случилось все быстро в ее же комнатке, куда она по наивности тайком впустила жениха. После чего он сбежал, опасаясь, что их застукают родственники. И только потом, когда Лиза заговорила о свадьбе, рассмеялся в лицо, заявив, что не нужна ему порченная невеста. Раздавленная подлым коварством, бедняжка не нашлась, что ответить. Ну а добрые люди тут же разнесли эту новость по всему кварталу. Вот пусть кто-нибудь попробует косо посмотреть на девушку, живо на место поставлю! Да, она ошиблась, влюбилась в урода, а теперь что, должна до конца жизни расплачиваться? Видно же, нет в человеке гнили, бескорыстное и доверчивое существо. Даже удивительно, как Гаврила Силантьевич умудрился вырастить дочь в стороне от грязи и жестокости окружающего мира. Видимо, смерть жены сильно его подкосила, раз поручил судьбу единственного родного человека посторонним.

Глава 18

Благодаря уговорам, а кое-где и приказам, Лиза преобразилась до неузнаваемости. Ее красота заиграла, стоило только устранить последствия бессонных ночей и перебороть упрямое желание сделаться незаметной и спрятаться в раковину от посторонних. Бледно-голубое платье очень шло девушке, добавляя глубины выразительному взгляду. Темно-русые волосы, прежде спрятанные под старушечьим платком, теперь уложены в прическу. Если не знать, что Елизавета – дочь конюха, ни за что не поверишь, что в ее жилах нет благородной крови. Единственное, что портило картину, уродливый след от веревки – жуткое напоминание о непоправимой ошибке, которую девушка едва не совершила. Но мы решили эту проблему ниткой речного жемчуга, обмотав ее в несколько рядов вокруг шеи.

Каким же наивным детским восторгом засветились глаза Лизы, когда она увидела себя в зеркале! С какой горячностью принялась благодарить меня и тех мастериц, что приложили руку к ее перевоплощению. С удивлением поймала себя на мысли порадовать девушку чем-нибудь еще. Будто из нас двоих ребенок – это она. Хотя на самом деле Лизе уже исполнилось восемнадцать, просто выглядела она моложе.

– Идем в кондитерскую! – я потащила новую подругу в заведение, которое так и манило аппетитными пирожными на витрине.

– Но барин ведь сказал никуда не уходить без него, – разнервничалась Лиза.

– А мы предупредим, куда отправились, – я поманила пальцем босоного мальчугана, прогуливающегося неподалеку. – Отнесешь записку господину, что в цирюльне, – черкнула пару строк на клочке бумаги, который любезно предоставили в салоне, и отдала посыльному вместе с медной монеткой.

– Нина, может, не пойдем? – наклонившись, прошептала Лиза мне на ухо. – Пожалуйста, давай вернемся в салон и там подождем Игната Захаровича, – похоже, прежние страхи вернулись, стоило девушке оказаться среди незнакомых людей. А если к этому добавить оживленный интерес прохожих, особенно мужского пола, становилось

понятным стремление Лизы сбежать, спрятаться ото всех. – Мне так неловко и стыдно, – призналась она, – со мной что-то не так. Они будто знают, что произошло.

– Глупости! – так же шепотом ответила я. – Никто ничего не знает. Вспомни, кого ты увидела в зеркале? Вот! И они видят красавицу, в которую легко влюбиться. Ты просто не привыкла к мужскому вниманию. Идем же, грех не попробовать все те вкусности, что есть в кондитерской.

– Но это же дорого, наверное!

– А мы можем себе это позволить, – я хитро подмигнула. – Когда еще такой случай представится? Пока есть возможность, надо ею воспользоваться, тем более, что мы обе это заслужили.

С последним утверждением Лиза не согласилась, но я уже решительно направилась к цели. Девушке ничего не оставалось, как последовать за мной. В кондитерской царила особенная атмосфера домашнего уюта и тепла, сразу видно надежную хозяйскую руку и любовное отношение к делу. На пороге нас встретил официант и предложил присесть за столик, принес меню.

Я выбрала место у окошка, чтобы не пропустить брата, и заказала всего, что душа пожелала. С ароматным чаем да с пирожными, которые таяли во рту, время будто замерло. Казалось, и не было тех ужасных событий, что случились недавно, бесконечных скитаний по лесу и смертельных опасностей. Как же мне не хватало этого ощущения спокойного течения жизни и маленьких радостей, делающих ее приятной.

– Надо ребят побаловать, – я вспомнила о мальчишках и подозвала официанта, чтобы расплатиться и прикупить пирожных на вынос.

Отвлеклась немного и не сразу заметила, как Лиза вдруг подскочила и выбежала на улицу.

– Лиз, а какие пирожные взять... – осеклась, не обнаружив девушку на месте.

Удивленно посмотрела на официанта, который взглядом указал на выход, намекая, куда делась моя спутница. Ясно, без причины Лиза бы так не поступила. Я быстро договорилась, что заказ доставят на постоянный двор, где Гаврила Силантьевич снял комнаты, и поспешила на улицу. А там, судя по всему, назревал скандал. Лиза громко спорила с девушкой, с которой явно была знакома, а рядом стоял смазливый

хлыщ, ухмыляясь и ожидая развязки. Мне хватило пары фраз, чтобы вникнуть в суть претензий. Вот это раскормленное чудо в нелепом лиловом камзоле и болотного цвета штанах – коварный жених-соблазнитель. Ну, может, кому и нравятся такие слащавые женоподобные типы, но как-то не верится, что Лиза на него повелась. С другой стороны, если лучшая подруга, а это с ней прогуливался несостоявшийся женишок, ежедневно капает на мозги, то невольно начнешь смотреть на человека иначе. Самое мерзкое в этом, что Настасья еще и родственницей Лизе приходится, дочерью двоюродной тетки Гаврилы Силантьевича. Она же соперница и невеста с приданым, из-за которой бывшей пассии дали от ворот поворот. А приданое это как раз из Лизкиных денег образовалось, что ей отец пересылал.

– Жалкая подстилка! Шлюха! – верещала на всю улицу мнимая подруга, – уже нашла себе нового любовника и растрясла его на подарки?

– Елизавета Гавриловна, – неожиданно раздался голос брата, когда я уже набрала в рот воздуха, чтобы осадить обнаглевшую тварь, – простите великодушно, задержался немного.

Игнат после цирюльни преобразился из обросшего охотника в привлекательного мужчину. Еще и приоделся в добротный новый костюм, что прикупили недавно, и держался с достоинством, как умеют только аристократы, впитавшие эту способность с молоком матери. Брат наверняка слышал, что кричала девка, и решил поставить ее на место. Одно то, как Игнат с поклоном поцеловал руку ошеломленной Лизе, а после положил ее ладошку на сгиб своего локтя, доказывало особенное отношение к девушке.

– Итак, сударь, сударыня, не имею чести быть знакомым с вами. По какому праву вы порочите мою невесту? Немедленно извинитесь, если не хотите получить вызов на дуэль, – он недвусмысленно коснулся меча, притороченного к поясу.

При слове «дуэль» женишок мгновенно вспотел и испуганно заозирался в поисках поддержки. Бывшая подруга заткнулась, как воды в рот набрала, водянистые глазенки забегали. Похоже, разлучница была бы не прочь куда-нибудь сбежать, вот только своими воплями сама же привлекла любопытных прохожих.

– Брат, – я вмешалась, – зачем руки марать? Достаточно обратиться в суд и потребовать, чтобы за оскорбление дворянина их высекли плетью на площади. Хотя... там же еще воровство вскрылось, на каторге им самое место.

– Пожалуй, ты права, – задумавшись на мгновение, кивнул Игнат, – слишком много чести, да и с женщинами я не воюю.

– Помилуйте! – взвыла Настасья.

Прямо в пышном платье бухнулась в дорожную пыль, подползла на коленях к брату, целуя ему сапоги. Меня чуть не стошнило, и Игнат брезгливо отодвинулся. Тогда девица ринулась к Лизе, хватая ее за ноги.

– Христа ради, простите дуру несчастную. Лизонька, пощади кровь родную. Нечистый попутал, затмение нашло, я сама не своя была. Матушка с горя ведь зачахнет, и батюшку удар хватит. Вспомни, сколько добра тебе сделали, кормили-поили, как родную привечали, – голосила эта дура, старательно давя на жалость и родственные чувства.

Видно, от этого добра Лизка в петлю и полезла. А то, что работала без выходных и света белого не видела, это такая забота о сиротке была, ага.

– Ваше благородие, – как по волшебству рядом возник городской. Козырнул, представившись по форме, – жандарм-ефрейтор Куشناков Петр Савельевич, к вашим услугам. Стало быть, на лицо факт оскорбления дворянского сословия. Пройдемте-с в участок, там и напишете жалобу.

Вот этого категорически не хотелось, ведь в жалобе нужно указать имя, фамилию, к какому сословию принадлежим. Я уж голову сломала, как отвадить нехоти появившегося городничего, как Лиза, охнув, осела в обмороке.

Это она вовремя сообразила, я обрадовалась возникшей суете и тому, что появился предлог разрулить дело без привлечения властей.

– Петр Савельевич, не извольте беспокоиться, – Игнат с легкостью подхватил хрупкое тело на руки, – моя невеста близко к сердцу приняла возникшее недоразумение, и я не желаю беспокоить ее разбирательствами. Однако ж конфликт имеет место быть, и его можно разрешить денежной компенсацией и пожертвованиями в пользу города.

– Воистину это мудрое решение, ваше благородие, – городской расцвел и уже потирал руки в предвкушении поживы. – Позвольте-с, я немедленно займусь этим вопросом.

Конечно же мы позволили, а куда деваться? Тем более жандарм-ефрейтор развел бурную деятельность. Пока Лиза приходила в себя в кондитерской, куда Игнат занес девушку от любопытных взглядов подальше, Кушнаков опросил свидетелей и самих обвиняемых. Одновременно он отправил гонцов, чтобы семьи приготовили золото, раз уж барин согласился на мировую.

Увидела я мать Настасьи, склочную тетку, отчаянно торгующуюся за каждую копейку и жалующуюся на жизнь. Дескать, ее дочь не так поняли, что они себя не жалели, голодали, тогда как Лизоньке доставалось самое лучшее. Вот только глядя на лоснящиеся лица и сдобные формы этой семейки, слабо верилось, что они голодали. А уж родители женишка как взбеленились! За что им платить? Их сыночек слова не сказал, только рядом стоял.

– Так ведь это его невеста оскорбления наносила, отчего ж не остановил? – с ехидцей поинтересовался Петр Савельевич, который уже выяснил, что молодой человек по уши завяз в этом деле.

Люди живо донесли слухи, как он оклеветал бывшую пассию, когда узнал, что за ней приданого нет.

– Да какая невеста? – взбеленилась несостоявшая свекровь. – Еще нам воровки в семье не хватало! Свадьбы не будет!

– Что-о? – тетка Гаврилы Силантьевича чуть дар речи не потеряла. – Да как ты смеешь говорить такое про мою доченьку ненаглядную! Я ж тебе патлы повыдергиваю, образина болотная! – накинулась она на женщину с кулаками с таким напором, что мужья еле разняли.

Городовой посмотрел на это дело, покачал головой, да и впаял дамочкам нарушение городского порядка. Скрипя зубами, обе подлые семейки раскошелились по тридцать золотых, половина из которых ушла в казну города, и принесли Елизавете публичные извинения. Бывший женишок красными пятнами пошел, когда признал, что оговорил Лизу, и как сильно сожалеет об этом. Попробовал бы он сказать что-то другое, когда Игнат демонстративно поигрывал в ладони огненным пульсаром. Это ли не доказательство, что с ним

шутки плохи? Бедная Лиза, которую напоили успокоительным отваром, только охала и хлопала глазками от удивления.

Мы даже удалились с помпой, вызвав наемный паромобиль и заплатив золотой за поездку. Но оно того стоило! Кожаная обивка, удобные сиденья, отделка натурального дерева, плавный ход, за которым не чувствуется тряски, как в конном экипаже. Мини-бар с прохладительными напитками и конфиденциальность, обеспечиваемая толстой стеклянной перегородкой, отделяющей водителя от пассажирского салона.

– Елизавета Гавриловна, держите, это принадлежит вам, – вручил ей Игнат мешочек с золотом. – И прошу прощения, что вынудил участвовать в этом фарсе. Надеюсь, не затаили обиду, что назвал вас невестой? Иначе я просто не смог бы поставить этих выскочек на место.

– Я? – Лиза вспыхнула румянцем. – Нет! Что вы? Как вы могли такое подумать? Наоборот, это мы с батюшкой теперь в неоплатном долгу. Заберите эти деньги, все зло от них, – она протянула мешочек обратно. – Если бы я только знала, что так выйдет, сдержалась бы. Мне безумно жаль, что вам пришлось пожертвовать репутацией, скомпрометировав себя связью с простолюдинкой. Если нужно будет, я все-все объясню вашей невесте... или супруге, если она есть.

– Пф-ф, какая жертва, Елизавета Гавриловна? – брат небрежно отмахнулся, и от денег в том числе. – Мою репутацию уже ничего не испортит. Имени я настоящего не называл, так что забудьте! И насчет жены не переживайте, потому как нет ее и не было. Невесты тоже нет и, наверное, никогда уже не будет, – добавил он со вздохом, при этом взлохматил волосы на моей макушке и прижал к себе. – Нина – вот моя семья, и никого нам больше не нужно.

На этом разговор затух сам собой, а по возвращении в таверну решили не дожидаться утра и покинуть Кустов до закрытия городских ворот. Слишком уж много внимания привлекли к себе сегодня, лучше не искушать судьбу ради одной ночи в мягкой постели. Так что мы плотно поужинали, переоделись в дорожные костюмы и поспешили убраться из города.

Гаврила Силантьевич преобразился, увидев, как изменилась дочь. А уж когда узнал подробности нашего похода по магазинам, благодарил Игната со слезами на глазах. Даже в ноги хотел упасть, но

брат вовремя предотвратил этот порыв, заверив, что заступился бы за любую другую девушку, если бы на его глазах происходило нечто подобное. Мальчишки недоумевали, что это такое случилось, пока мы отсутствовали, однако спросить не решились. Егорка в силу того, что ему не было никакого дела до каких-то там разговоров, ведь он впервые попробовал пирожных, что прислали из кондитерской. Ну а Ивану гордость не позволяла спрашивать. Или гонор. Кто знает, на что парень постоянно обижался?

Привычный к дальним переездам, да еще с магическими фонарями, да по пустынному тракту, Гаврила всю ночь гнал лошадей, чтобы покрыть как можно большее расстояние до рассвета. Кто знает, вдруг с открытием городских ворот за нами двинется погоня? Быть может, это паранойя, но она имела под собой веское основание: нас никогда не оставят в покое. Поэтому следовало исчезнуть так, чтобы не оставить следов. Теперь уже и караван не был тем самым надежным способом. Если только свяжут происшествие в городе со мной и Игнатом, то без труда выявят связь с новыми членами нашей команды. Значит, раскопают информацию о приобретении повозки и встречах с караванщиками. Пока что мы решили придерживаться прежнего плана и срезать путь по старой дороге, чтобы добраться до Устюга. А дальше уже будем действовать по обстоятельствам, которые, как показала практика, меняются по несколько раз в день.

Завтракали мы практически на ходу, остановившись только для отправления естественных надобностей. Лошади, конечно, подустали за ночь, им не помешало бы отдохнуть. Однако смутное чувство тревоги гнало вперед, будто мы куда-то опаздывали. Причем признаки тревожности проявляли только Игнат с учеником и я, потому что научилась уже распознавать эмоции брата по настроению и деталям поведения.

Егорка обустроил себе лежанку в глубине повозки и беспробудно дрых, пользуясь моментом. Лиза тоже затаилась, как мышка, и почему-то старательно избегала Игната. Хотя сделать это в пределах замкнутого пространства повозки непросто. Я же маялась со скуки, не зная, чем себя занять. С удовольствием попрактиковала бы магические плетения, но они требовали тишины и концентрации. Читать или писать в условиях постоянной тряски невозможно. Оставалось только слушать Гаврилины байки, которые он пересказывал с нескрываемым

удовольствием. Ванька тоже страдал от безделья, но у него лучше получалось делать вид, что ему интересно.

На привал остановились только к обеду, присмотрев подходящую полянку в стороне от дороги. Чего я не ожидала, так это того, что Игнат вдруг возьмется за наше обучение, раз уж появился человек, взявший на себя хозяйственные хлопоты. Брат заставил бегать кругами возле поляны, приседать, отжиматься и выполнять упражнения на растяжку. Пока мы шумным стадом вытаптывали траву, учитель – а теперь и мне следовало так к нему обращаться, – насобирал хвороста для костра и раздобыл палки, из которых выстругал учебные мечи. Жутко неудобная штука, норовящая вывалиться из рук от каждого удара, тем более, когда ты уже уверенно пользуешься боевым оружием. Но разве ж с этим монстром в овечьей шкуре поспоришь? А как еще назвать родственничка, если он поручил Ивану гонять нас с Егоркой? Малец сам изъявил желание научиться драться, как барин, оттого и упорно пыхтел, выполняя несложные, но изматывающие упражнения. За пару часов я успела так устать, что на обед приползла еле живая. Брат запретил использовать магию, чтобы восстановиться.

– Тело должно привыкнуть к нагрузкам! – поучительно заявил он и пригрозил надеть ограничители, перекрывающие доступ к энергетическим потокам.

Откуда взялись они, оставалось только гадать. Предположу, что достались в качестве трофея от наемников, сгинувших в Глушинских лесах. Если эти люди охотились на магов, то им нужен был способ заблокировать их силу. Насколько я знала, ограничительные браслеты изготавливались из небесного металла и применялись только отделом Тайной канцелярии, занимающейся расследованием преступлений, совершенных магами. Достать такие артефакты проблематично из-за редкости метеоритного железа – оно больше всего подходило под определение небесного металла, – и императорского указа, запрещающего владеть редким металлом частным лицам. Одно это говорило, насколько могущественные личности объявили на нас охоту, и подводило к мысли, что преследовали нас именно темники. Шумский не настолько богат, чтобы рисковать дорогими артефактами ради нашей поимки.

После обеда мы продолжили путь, и я уже не жаловалась на скуку, предвкушая отдых и возможность полежать. Игнат обрадовал, что

такие тренировки теперь будут регулярными, пока мы с Егором не укрепим физически для серьезных занятий. Старшим над нами поставил Ивана, который так многообещающе ухмыльнулся при этом, что стало не по себе. Почему-то верилось, что парень с особым усердием примется выполнять поручение учителя. Однако моим страхам не суждено было сбыться. Солнце уже клонилось к закату, когда из-за очередного поворота послышались выстрелы и крики о помощи.

Повозка остановилась, и первым делом Игнат приказал активировать защитные амулеты и вооружиться. Неизвестно, что там впереди, дорога как раз делала очередную петлю. Я сжала в руках пистоль и проверила наличие патронов. Иван с ружьем забрался на крышу, откуда удобнее вести огонь. Конечно, парень рисковал и сам оказаться мишенью, но я страховала, готовая прикрыть родовым щитом, если вдруг начнется стрельба. Гаврила с мушкетом и пистолем также приготовился к отражению атаки, а вот Лиза забилась под лавку и так испугалась, что от нее слова внятного нельзя было добиться.

Жаль, лишняя пара рук не помешала бы.

Егорка у нас бывалый вояка. На сосредоточенной мордахе горела решимость навалить любому противнику. Уж он-то знал, мы в обиду не дадим! Но для надежности и собственного успокоения цепко сжимал в ручонках тяжелый пистоль.

Игнат растворился в лесочке, намереваясь подкрасться с тыла и разузнать обстановку.

Предсмертные хрипы, пальба и яростный звон металла говорили, что схватка в самом разгаре. Однако глупо ввязываться в драку, не узнав расстановку сил. Может статься, людям не поможем и сами сгинем. Раздавшиеся вдруг взрывы с треском и вспышками пламени ясно дали понять, брат вмешался в бой. Боевая огненная магия безжалостна к врагам. Чей-то пронзительный вой и яростные крики боли ознаменовали, что удар достиг цели.

– Держись крепче! – проорал Гаврила, срывая лошадей в галоп.

Понимая, что зря возница не стал бы предупреждать, ухватилась за борт обеими руками. Повозка, набрав ход, вылетела из-за поворота и понеслась вперед. Затем послышалось громкое «тпру-у!», и нас занесло. Если бы заранее не ухватилась за борт, снесло бы, как Лизу,

которую приложило об стенку. Девушка тихо пискнула и отключилась. Вот ведь, кисейная барышня!

– Вы как, целы? – внутрь с беспокойством заглянул Гаврила Силантьевич.

– Частично, – я указала ему на дочь, на что мужик цокнул языком и покачал головой.

– Все в порядке? – следом в дверной проем свесился Иван. Вот кого на крутом заносе могло бы скинуть с крыши! Удержался ведь, шельмец. – Сидите здесь и не высовывайтесь без надобности, – бросил он свысока, на что я презрительно хмыкнула.

Нашелся командир!

– Гаврила, проследи, чтобы не наделали глупостей, – проигнорировав хмык, распорядился парень и тут же сбежал, будто опасался, что врагов на его долю не достанется.

Как оказалось, шайка разбойников, хозяйничающая в этих лесах, напала на кортеж дворянина. Дорожная карета, настоящий дом на колесах, лежала на боку. Телеги и две кареты попроще стояли вдоль обочины. Повсюду валялись тела людей и животных. Бедные лошадки всегда первыми попадали под удар. Людей было жалче еще больше, ведь их перерезали, как скот на бойне. В основной массе погибли слуги, которых бросили на произвол судьбы. Конный отряд дружины из двадцати человек защищал только хозяина и его семью. Вероятно, тати хотели захватить ценных пленников живыми. Кроме первого магического удара, опрокинувшего карету, дальше использовались только мечи и ружья, они не пробивали бы укрепленные стены дома на колесах.

К моменту, когда мы вступили в схватку, выжили лишь четверо израненных дружинников. Разбойников тоже проредили, но это заслуга магов охранения, которые погибли на поле боя. У татей же свой одаренный имелся, он держался позади и бил исподтишка. Игнат и прихлопнул гада магическим ударом. Дальше уже дружинники бросились в самоубийственную атаку, а брат поддержал их, вдосталь напоив кровью родовой меч. Ванька уже к концу боя подоспел, учитель оставил парочку душегубов ему для разминки. На этот раз я осталась в стороне и ничуть об этом не жалела. Все-таки, мое призвание защищать, а не лишать жизни, пусть даже отъявленных негодяев.

– Проверь, не осталось ли живых, – приказал Игнат ученику, затем развернулся ко мне. – Нина, достань амулеты! – а сам запрыгнул на поваленную карету и вежливо постучал в запертую дверцу. – Господа, битва закончилась. Разбойники уничтожены, вам ничего не угрожает.

– С кем имею честь? – раздался изнутри взволнованный мужской голос. – Откуда мне знать, что это не хитрость такая, чтобы выманить нас из укрытия?

– Гм, вы правы, – признал брат, помедлив. – Но я тоже не знаю, с кем имею дело, поэтому хотел бы сохранить инкогнито. Почти вся ваша дружина полегла здесь, а выжившие нуждаются в помощи целителя. Я поделюсь лечебными амулетами, возьму положенные мне трофеи и уеду. Так что можете не переживать на этот счет. Как только ваши люди придут в себя, подтвердят, что снаружи безопасно. Счастливо оставаться!

В карете разгорелся яростный спор. Внутри что-то загремело, кто-то сдавленно зашипел, а после женский голос потребовал:

– Сударь, поклянитесь честью, что нам ничего не угрожает!

– Сударыня, откуда же мне знать, угрожают вам или нет? Я за это не в ответе. Зато могу поклясться, что тати, напавшие на обоз, убиты. Простите, но я путешествую с племянниками, поэтому не хотел бы задерживаться и подвергать их опасности.

«Племянниками? – я насупилась, исподлобья взглянув на Ивана. – Тоже мне, родственничек выискался!»

Парень далеко отошел и не слышал разговора, а тут будто почувствовал и резко обернулся. С минуту мы сверлили друг друга взглядами, соперничая, кто кого переглядит. Но у меня раненый пришел в сознание и застонал, так что я оборвала гляделки.

– Ш-ш-ш, все будет хорошо, – я приставила к губам мужчины флакончик с укрепляющим зельем. – Выпейте, полегче станет.

– Разбойники? – дернувшись, прохрипел воин.

Он категорически отказывался принимать лекарство, пока не отвечу.

– Нету их больше, – я настойчиво поднесла флакон еще раз. – Кончились.

Глава 19

– Мы выходим! – видимо, путникам ничего не оставалось, как довериться незнакомым людям.

А какой смысл запереться? Тати и без этих разговоров выковырнули бы добычу из скорлупы.

Первым нос из кареты высунул плотный суетливый мужичок лет сорока. С крючковатым носом, залысинами и чрезвычайно умным, хоть и пугливым взглядом. Осмотревшись и придя в ужас от увиденного, он с надеждой уставился на Игната, который уважительно наклонил голову в знак приветствия.

– Сударь, вам помочь? – предложил брат.

Человеку столь упитанной комплекции самостоятельно не выбраться из перевернутой громадины.

– Будьте так любезны, – выдавил измученную улыбку мужчина, старательно сдерживая приступы дурноты.

Судя по зеленому цвету лица, бойня дворянчика впечатлила. Лизка вон тоже вывернула желудок и теперь носа из повозки не высывала. Я же притерпелась за последнее время, хотя неприятно видеть смерть в самых неприглядных ее проявлениях.

– Дорогой, ну, что там? – раздался из недр кареты нетерпеливый женский голос.

– Мусечка, тебе лучше этого не видеть, – мужчина вытащил из нагрудного кармана белоснежный платок и промокнул пот со лба.

– Но я настаиваю! Немедленно вытащите меня!

Похоже, Мусечка держала мужа в ежовых рукавицах, потому что тот горько вздохнул и обратил тоскливый взор на Игната.

– Сударь, проявите любезность еще раз и помогите моей дражайшей супруге выбраться.

Игнат согласился и, ухмыляясь, направился к открытому зеву кареты. Предупредив, чтобы не пугалась, он одним рывком вытащил женщину. Она только ахнуть успела и повисла на моем родственнике. Силен, братец! Вон как Мусечка впечатлилась, что и по сторонам не посмотрела, и при родном муже к незнакомому мужчине прижалась.

– Сударыня, – зато Игнат не забыл о манерах. Чуть отстранившись, галантно поцеловал даме ручку, – несказанно рад, что вы не пострадали. Позвольте помогу вам спуститься?

Женщина ошарашенно кивнула и даже не зажмурилась, когда брат подхватил ее на руки, лихо спрыгнул на землю и доставил прямиком в объятия мужа. Выше его на пол головы, дворянка обладала аппетитными формами. Чувствовалась порода! Царственная осанка, горделиво вздернутый нос с горбинкой, густая копна кучерявых волос и невероятная выдержка. Даже не поморщилась от вида растерзанных тел и тяжелого запаха крови, витавшего над дорогой.

– Мусечка, ты цела? Тебе не дурно? Нигде не болит? – тут же засуетился мужичок, стряхивая с платья жены невидимые пылинки.

– Все в порядке, дорогой, – дамочка, наконец, отмерла, сообразив, что ее поведение привлекает внимание. – Ты уже узнал, как зовут нашего спасителя? Как это нет? – всплеснула она руками. – Ося, где твои манеры?

– Ну Мусечка! Ситуация крайне чрезвычайная, я совершенно растерялся, – под испепеляющим взглядом жены мужичок развернулся к брату и, раскланиваясь, как на официальном приеме, представился. – Барон Осип Ааронович Зельман, ваш большой должник, сударь. Моя супруга, баронесса Мирьям Нава Юсуф-Сииновна Зельман. С этого дня двери нашего дома открыты для вас и вашей семьи.

– Чернецкий Игнат Захарович, – в ответ назвал себя брат, изображая светский поклон. – Сама судьба привела нас в этот лес, чтобы спасти вас от нелегкой участи. Знакомьтесь, мои племянники, Нина и Иван.

Я подскочила с колен, старательно вытирая окровавленные руки об штанины, и изобразила книксен. В дорожном брючном костюме и по уши в чужой крови я никак не походила на обычного ребенка. Иван же в этот момент наткнулся на еще живого разбойника и с размаху всадил меч ему в сердце.

Осип Ааронович не выдержал и опорожнил желудок, баронесса побледнела.

– Очаровательные дети, – выдавила улыбку госпожа Зельман, – такие милые и... воспитанные.

Ага, прямиком с выпускного бала пансиона благородных девиц едем. Ванька как раз принялся обшаривать карманы мертвеца,

бесцеремонно ворочая его тело. Глаза у дамочки расширились, и она с трудом перевела взгляд на Игната.

– А вы что же, втроем путешествуете? Где родители ваших племянников?

– Увы! Они слишком рано покинули этот мир. Теперь мой долг позаботиться о сиротах, – ничуть не покривил душой брат.

– Это так благородно с вашей стороны! – восхитилась Мирьям. – Бедным деткам, наверное, так не хватает материнской любви. Вы женаты, сударь?

– Кхе-кхем, – тактично кашлянул барон. – Мусечка, это слишком личные вопросы. И сейчас не лучшее время для подобных бесед. Нам нужно побыстрее убраться отсюда, пока другие разбойники не пожаловали.

– Ох, извините, сударь. Я совершенно не думаю, что говорю, – женщина изобразила искреннее раскаяние, которое тут же исчезло, когда она шикнула на мужа. – Ося, ну? Видишь, нам действительно ничего не угрожает, – она выразительно указала на перевернутую карету и перевела взгляд на Игната.

– Игнат Захарович, мы и так вам обязаны. Не сочтите за наглость еще одну просьбу? – тут же отреагировал барон. Брат кивнул, демонстрируя полное внимание и желание помочь. – Не могли бы вы сопроводить нас до Кречетова? Разумеется, мы щедро отблагодарим.

– С радостью принимаю ваше предложение, – ответил брат, – тем более, нам по пути.

В это время из перевернутой кареты раздался болезненный стон, сопровождаемый мычанием и каким-то непонятным бормотанием.

– Там кто-то остался? – удивился Игнат. – Что же вы сразу не сказали? – он вновь забрался наверх и запрыгнул в темное нутро дорожной громадины.

Барон с баронессой странно переглянулись, отчего я насторожилась и переместилась поближе к брату, чтобы развернуть щит, если вдруг что-то пойдет не так. Но все обошлось, Игнат вернулся уже через минуту, смерил супругов тяжелым взглядом и направился к нашей повозке.

– Гаврила, распряги лошадей, попробуем перевернуть карету. Боюсь, своими силами не справимся, слишком тяжелая.

Понимая, что расспрашивать сейчас бесполезно, да и бестактно, я занялась другими ранеными. Амулеты уже выработали резерв, устранив угрозу жизни. Однако следовало промыть раны, чтобы избежать банального заражения, и наложить повязки.хлопотное дело, которое лучше не откладывать на потом. Жаль, с помощниками не повезло, Лиза сознание теряла от одного вида крови. Барон с супругой, кажется, не от мира сего. Игнат с Гаврилой Силантьевичем заняты, Ванька тоже при деле.

– Егор! – позвала мальчонку, чей любопытный нос торчал из-под навеса повозки. Малец мигом прибежал, успевая при этом глазеть по сторонам. – Нужна чистая вода, спирт и корпии, и еще те бутылки с отваром, что мы прикупили в аптекарской лавке.

Как только мальчонка принес требуемое, я выдала следующее задание: отвести Лизу в сторону от побоища и заняться ужином. Сколько провозимся с каретой, неизвестно. Еще трофеи с разбойников и уцелевшие вещи собрать-рассортировать нужно, так что нечего отсиживаться по углам, когда другие работают. Скоро стемнеет и лучше бы отъехать на пару верст. Ночевать возле трупов, думаю, ни у кого желания не возникнет. Тела по-хорошему предать земле надо, чтобы хищники не нагрянули. Запах крови они давно учуяли, и только люди мешали им устроить пиршество.

К тому моменту, когда я закончила с ранеными, брату удалось поставить карету на колеса. С натужным скрипом и грохотом мебели громадина приняла вертикальное положение. Игнат с молчаливого согласия барона забрался внутрь и через некоторое время вынес оттуда человека. Мирьям, всплеснув руками, бросилась к ним, наводя ненужную суету, чтобы пристроить пострадавшего с комфортом.

Я подхватила склянки с зельем, корпии и подошла поближе, предполагая, что раненому потребуется помощь. Вот только физических повреждений у молодого человека не обнаружилось. Так, несколько ушибов и ссадин, которые пройдут сами. Проблема крылась в другом, лекарскими амулетами ее не решить. У парня оказались парализованы ноги, и он не мог самостоятельно передвигаться. Я впервые видела инвалида в этом мире и испытывала те же смешанные чувства, что и остальные. Магия устраняла любые недуги, вплоть до выращивания утерянных конечностей. Это, конечно, стоило огромных денег, простым смертным не попасть на прием к целителям такого

уровня, но ведь существовали и другие способы. Достаточно посмотреть на руку Игната, у которого поврежденную кисть заменял механический протез. А Зельманы, судя по дорогой карете, не бедствовали. Теперь понятно, почему брат так отреагировал.

– Это Алим Самон Осипович Зельман, – запоздало представил молодого человека барон. У меня сложилось впечатление, будто он стыдился собственного ребенка. А может, так и было? – Прошу прощения, что сразу не рассказал. Мы привыкли к уединенному образу жизни. Алим тоже не любит новых знакомств. Вот и тянули до последнего, надеясь, что ситуация разрешится.

Молодой человек не выказывал никаких эмоций, будто отрешился, ушел в себя и не обращал внимания, что происходит вокруг. Спрашивать о причинах, побудивших Зельманов спрятать сына и не желающих облегчить его положение, брат не стал. Я тем более не полезла с вопросами. Это посторонние люди, которые сами знают, что лучше для их ребенка. Впрочем, ребенком Алима я бы не назвала. Ему на вид около двадцати лет, телосложением в отца пошел, такой же упитанный и рыхлый. Курчавые черные волосы и тонкие черты достались от матери. Возможно, при других обстоятельствах парень вел бы активный образ жизни, тогда и рыхлость исчезла. А так, лишенный подвижности, Алим практически не занимался собой.

Посмотрев на молодого человека магическим зрением, я невольно отметила, что у него ярко проявлены энергетические узлы, характерные для магов. Однако же ни родовой печати, ни какого-либо развития дара не наблюдалось. А не в этом ли причина недуга, сковавшего тело парня? Проверила на наличие способностей чету Зельман – абсолютно безмагические создания. Но при этом на их телах присутствуют магические печати как раз в тех местах, где обычно формируются главные энергетические узлы. Предположу, это особенности обряда по принятию в род, с которым я прежде не сталкивалась. Кто знает, какие обычаи существуют у народов, живущих за пределами Российской империи?

Поставив дорожную карету баронов на ход, Гаврила откатил ее подальше от места сражения и оставил прямо на дороге. Туда же перегнал нашу повозку и телеги с добром. Одну телегу мы использовали, чтобы уложить раненых, которые пока не могли самостоятельно передвигаться. Расставленные в круг телеги и кареты

служили естественным барьером и образовывали защищенное пространство. Мало ли, кто в гости ночью пожалует?

Ванька, как собрал трофеи, отправился ловить разбежавшихся лошадей верховой охраны. К сожалению, остальные животные погибли, а на наших двух тяжеловозах далеко с таким обозом не уедешь.

Игнат с Гаврилой занялись тяжелым, но необходимым делом. Стащили тела погибших в две кучи, после чего брат сжег их магическим пламенем. Личные вещи слуг и охранников Игнат передал Осипу Аароновичу, чтобы вернул родственникам. А вот разбойников обобрали до нитки, не брезгуя добротной одеждой, оружием, амулетами или деньгами. Добычу с татей, убитых до нашего появления, оставили для выживших охранников. Остальное справедливо забрали себе. До Кречетова путь неблизкий, мало ли, с кем еще столкнемся? И оружие может понадобится, и вещи пригодятся.

Уже стемнело, когда мы собрались у костра за ужином. Грибной супчик с овощами, бутерброды с солониной и сыром, лепешки – никто не захотел мяса. После того, как Игнат уничтожил тела, в воздухе витал удушливый горелый запах. Но что поделать? Нам не нужны толпы голодных хищников под боком.

– Нин, – брат отозвал меня в сторонку, чтобы поговорить. – Ну как ты? Сильно устала?

– Бывало и хуже, – я пожала плечами. – А что?

– Подежуришь ночью?

– Ну, – я шумно втянула носом воздух. – Подежурю. Что ты задумал?

– Понимаешь, Иван, когда лошадей отлавливал, наткнулся на след раненого разбойника. Естественно, пошел за ним, намереваясь добить, а набрел на лагерь, где эти сволочи окопались. Людей там немного, с десяток, может, два – основные силы здесь полегли. Вот мы с учеником и наведемся в гости, уничтожим заразу.

– Что? – вскрикнула и тут же огляделась по сторонам, не привлекла ли лишнего внимания. Но нет, бароны сразу после ужина в карете заперлись, Лизка с Егором котелки чистили, Гаврила лошадей обихаживал. – Ты хоть понимаешь, как это опасно? – продолжила я

гневым шепотом. – Что мы будем делать, если с вами что-то случится?

– Ничего не случится, – принялся с жаром убеждать Игнат. – Наоборот, тати не ждут нападения, зализывают раны. Кто знает, может, это не единственный лагерь? Незачем оставлять свидетелей. Наверняка у них есть сообщники в ближайших городах. Откуда-то ведь они знают, на кого нападать. И представь, сколько добычи у разбойников скопилось! Тати ведь не вчера на большую дорогу вышли. А тут мы накроем их разом, обещаю – никто не уйдет живым. Ванька уже все разведal и даже часть ловушек расставил.

– Ты ему так доверяешь? – вырвалось у меня невольно. – Мне его что, братом теперь называть?

– Так ты из-за этого на парня взъелась? – хмыкнул Игнат, привычно взъерошив мне волосы на макушке пятерней.

– И ничего не взъелась! Это он ведет себя как...

– Ох, ну что с вами делать? – Игнат тяжело вздохнул. – Мальчишка с малых лет со мной. Я научил его всему, что сам умею, привязался и люблю, как сына. Но и ты теперь часть моей жизни. Безусловно, важная часть, ведь мы последние в роду. Не говорю уже о клятве служения и о том, сколько раз ты спасала меня от неминуемой смерти. Иван – сильный боец и как вырастет, станет еще сильнее. Пожалуйста, постарайся поладить с ним. Я ему доверяю. Как знать, быть может, это будущий начальник нашей дружины?

– Пф-ф, тоже мне, начальник! Вот когда станет Виртуозом, тогда и подумаю, брать его в дружину или нет.

– Когда парень достигнет ранга Виртуоза, будет поздно, – менторским тоном заявил брат. – Бойцы высшего ранга как правило повязаны клятвами и служат какому-нибудь роду. А Ванька уже сейчас сдаст экзамен на Воина. Вспомни, у твоего отца тех, кто выдерживал такое испытание, сразу переводили в старшую дружину. По-настоящему преданных и верных роду воинов воспитывают чуть ли не с пеленок. Бойцу на контракте никто не доверит семейных тайн, так что будь выше мелких разногласий.

– Ладно, я поняла, сдаюсь, – я в шутку подняла руки. – Уверен, что справишься с разбойниками? – вернулась к волнующему вопросу.

– На девяносто девять процентов, – авторитетно заявил Игнат. – Однако я не исключаю непредвиденных ситуаций. Поэтому прошу

прикрыть людей, если вдруг возникнет необходимость. Гаврилу я предупредил, сменил тебя через четыре часа. Пусть отдохнет первым, ему потом еще повозкой управлять. Надеюсь, люди барона к утру оклемаются, иначе придется задержаться тут еще на сутки.

Я тоже на это надеялась, потому что не испытывала желания общаться со спасенными. Помогать они отказывались, невместно благородным утруждаться и пачкать руки. Даже собственного сына обиходить не смогли, требуя одолжить им нашу служанку. Лизе после пережитых унижений только постороннего парня обмывать не хватало. Нет, если приказать, девушка подчинится. Но у меня язык не повернулся потребовать такое. Хорошо, Гаврила вызвался помочь, все равно ворочать тяжелую тушу молодой девушке не под силу. Наш возничий и без того работал не покладая рук, а тут еще и это. Невольно закрадывались мысли, что зря в бойню вмешались. Нет, чтобы дожидаться, пока их всех перебьют. Теперь возись с этими баронами!

Ночь прошла относительно спокойно, я сидела у костра, подкладывая дрова по мере прогорания, и занималась тем, что аккуратно разлепляла страницы дневников. К моему горькому сожалению, треть заклиний оказалась безвозвратно утеряна. Очевидно, предок вел записи на протяжении жизни, и не всегда под рукой имелись магические чернила. Обычные выцветали со временем или же растекались от попадания влаги. Однако я не отчаивалась, возможно, их еще удастся восстановить.

Уже под утро ко мне присоединился Егорка, он привык вставать до зари. Гаврилу я будить не стала, понимая, что сама отдохну днем, а ему нужно хорошенько выспаться. Наказав мальчонке присматривать тут за всем, сбегала к ручью, умыться. Заодно воды в котелок набрала.

– Давай-ка, натаскай еще сухих веток, – вернувшись, я припахала мальчонку к делу. – Потом еще воды принесешь, а то мало будет.

Сама же проверила раненых, с неудовольствием отмечая, что им бы пару суток еще полежать. Все-таки у неодаренных регенерация идет медленнее, чем у магов. Значит, нам еще день тут куковать. Эх, а я так надеялась побыстрее добраться до Кречетова и избавиться от навязанных попутчиков.

Светало. Скоро Игнат с учеником вернутся, следовало подумать о завтраке. Но я теперь нарочно не притронусь к готовке, для этого есть

Лиза. Нырнула в повозку, чтобы разбудить девушку. Гаврила спал тут же, на дощатом настиле, и проснулся, стоило ему услышать шорохи.

– Чего это вы, боярышня, меня раньше не подняли? – всплеснул он руками. – Барин ведь наказал заступить на смену.

– Не спалось, – я невинно захлопала глазками, – за брата переживала.

– А что, его до сих пор нет? – Гаврила нахмурился.

– Что значит, нет? – всполошилась Елизавета. – Куда Игнат Захарович делся?

– Осмотреться пошел. Вдруг не всех разбойников перебили, и они снова нападут? – зыркнув на Гаврилу, чтобы помалкивал, выдумала я ответ.

Мужик медленно сомкнул и разомкнул веки, давая понять, что не стоит озвучивать лишнюю информацию. По большому счету, я ведь и не врала, просто не договаривала. Обсудив с Гаврилой перспективы задержаться тут еще на сутки, приуныла. До Кречетова и так путь неблизкий, а тут еще обуза в виде семейства баронов. Отдать должное, мужчина спокойно относился к таким поворотам судьбы, как и Лиза, и Егорка. Им-то что? Барину теперь служат, значит, он и позаботится о безопасности и пропитании.

Ночью, пока возилась с дневниками, осознала одну неприятную вещь: сколько я уже изучила заклинаний, а толком не использовала их на практике. Упущение! Да еще какое! Прадед в записях рекомендовал регулярно опустошать резерв и закреплять полученные знания. Чем чаще это делать, тем быстрее увеличится объем внутреннего источника, а применение простейших заклинаний не будет вызывать усилий. Поскольку все уже разошлось, а в повозке никто не мешал, то начала с себя. Сперва подвесила световой шар – простейшее заклинание стихии огня. Элементарное в исполнении, но требует навыка, чтобы не отвлекаться на него, занимаясь другими делами, и в то же время постоянно поддерживать над собой. Затем применила бытовое заклинание чистоты, приводя испачканную одежду в первозданный вид. Заодно навела порядок в повозке и вокруг прибралась. Следом настал черед мальчонки, который умудрялся найти грязь там, где ее нет. Отвела его в сторонку да и бахнула заклинанием.

– Ух ты-ы! – восхищенно засверкал он глазенками. – Рубаха как новая сделалася! И портки таперича стирать не нада. А энто, боярышня, котелки вы тоже так сможете? – он мигом смекнул, куда можно применить мои умения.

– Смогу! – усмехнулась довольная я. – Только чур, чтобы никто не знал. Понятно? Нужно будет, сама расскажу, а ты чтоб помалкивал.

– Дык, эта. Я – могила! Зуб даю! – закивал Егорка болванчиком.

– Ну вот и хорошо, беги, – я отпустила пацана, – и позови Лизу.

Девушка пришла в полный восторг, когда увидела собственное чистое платье и руки, которыми как раз чистила картошку. О волосах и говорить нечего – извечная проблема, где достать необходимое количество воды, а потом еще найти время просушить их.

– Ниночка Павловна, волшебница! Так вы магичка? Я и не знала, чудо-то какое! Надо же! А что вы еще умеете?

– Да так, разное, – пожала я плечами. – Я еще только учусь. Только никому не говори, чужакам особенно. Не доверяю я этим баронам.

– Как прикажете, боярышня. Слова не скажу, даже если пытаться будут и лютой смертью грозить, – заверила Лиза со всей серьезностью, чем вызвала у меня недоверчивую улыбку.

Лизка от вида крови в обморок бухалась, а тут пытки – мерзкое, чрезвычайно болезненное и кровавое действие.

– Ну, это не та тайна, за которую следует умирать, лучше просто держи язык за зубами, – предупредила я на всякий случай. – Идем, кажется, наши попутчики проснулись, – расслышала голосок Мусечки, которая с утра уже отчитывала мужа.

– Ося, я требую, чтобы мне предоставили горячей воды. Я хочу умыться. Ты же мужчина, найди служанку, пусть почистит одежду.

– Мусечка, да где же я посреди леса ее найду? – отозвался изумленный барон.

– Как где? Вчера же нашел!

– Так это спасителей наших личная служанка, не могу я ей приказывать.

– Ося, меня не волнуют такие мелочи, в самом деле! – возмутилась баронесса. – Они ведь даже не дворяне и должны быть счастливы, что оказали нам услугу. Ох, и зачем я только согласилась на это путешествие. Алим, сыночек, мамочка ради тебя на такие жертвы

пошла! – дамочка вернулась в карету, а муж остался снаружи решать возникшую проблему.

Я бы предпочла держаться от них подальше. Но лагерь-то общий, куда тут скроешься? Выбрались мы с Лизой из-за кустов и неспешно пошли обратно.

– Доброго утра, Нина Павловна, – завидев меня, обрадованно кинулся навстречу Зельман.

Я внутренне поморщилась, так царапало чужое отчество, да и разговор предстоящий.

– Доброе, Осип Ааронович, – вежливо поздоровалась. – Как спалось? Как самочувствие?

– Бог миловал, – мужчина осенил себя крестом. – Не подскажите, куда ваш дядя запропастился? И брата вашего что-то не видно.

– Так на охоту ушли, – не моргнув глазом, соврала я, – и хищников заодно погонять. Ночью совсем близко к лагерю подходили. А зачем они вам понадобились? Может, я помогу?

– А и поможете, Нина Павловна, – расплылся барон в улыбке. – Супруга моя тяжело переносит походные тяготы. С нами штат слуг ехал, чтобы обеспечить комфортом, к которому она привыкла. Теперь же, сами видите, не осталось никого. Не могли бы вы одолжить служанку на некоторое время? А то и перекупили бы мы ее насовсем, что скажете? Девушка, вижу, работающая. Вон, с завтраком хлопочет и одежду вашу успела привести в порядок. Хорошую цену дам.

– Вот что, – я завела руки за спину и впила ногтями в ладони, чтобы не сорваться. – Лиза – не наша собственность, чтобы торговать ею как вещью. Захочет уйти, неволить не будем, но и в обиду никому не дадим. Разумеется, мы постараемся облегчить для вас походную жизнь. Одежду постирать-починить, еду приготовить. Если госпоже Зельман понадобится камеристка, Лиза с удовольствием поможет. Но уж простите, менять исподнее и обмывать взрослого парня она не будет. Я понимаю, Алим не виноват в своем немощем состоянии, и этот вопрос надо как-то решать, поэтому предлагаю приемлемый выход: вы договариваетесь с Гаврилой, если потребуются переодеть Алима, перенести или еще что-либо сделать. Ну а гигиенические вопросы решаете сами.

Ошарашенный ответом, барон растерянно кивнул и направился к себе. Видно не привык, чтобы ему отказывали.

Глава 20

Раздираемая любопытством, как бы новые попутчики каких-нибудь гадостей не удумали, я нашла укромное местечко неподалеку от кареты и запустила заклинание «слух». Часть разговора пропустила, но вряд ли что-то важное. Мусечка сдавленно шипела, высказывая, что думает о нас.

– Да как эта невоспитанная девчонка посмела говорить с тобой в подобном тоне! – бушевала дамочка. – Ося, и ты позволил? Они же обязаны обеспечить нас всем необходимым по первому требованию. Нет, это ни в какие ворота! Розги по этой выскочке плачут! Уверена, как только ты попросишь Игната Захаровича, он тут же накажет племянницу и продаст эту девку. Тройную цену заплатим, десяток таких себе купит.

– Ох, Мусечка, я бы на это не рассчитывал. Ты видела? Они в одной повозке ночевали, стало быть, доверяют. А нам негоже быть неблагодарными, ведь эти люди спасли нам жизни. Потерпим несколько дней, справимся, а в Кречетове новых слуг найдем.

– И что, мне теперь страдать, пока эта чернь наслаждается комфортом? – послышалось шумное сопение.

– О каком комфорте ты говоришь? – фыркнул мужчина. – У них одна повозка на шестерых, и даже сам Игнат Захарович не чурается грязной работы.

– Это-то и странно, – баронесса успокоилась и принялась рассуждать. – Вот только манерам светским обучен так, будто с малых лет среди знати вращался. Сила чувствуется и порода видна. Не пойму только, отчего мещанским именем назвался? Неужели скрывается от кого? А не разбойник ли он? Откуда нам знать, что это не по его указке напали? Вдруг это такой умысел злой, чтобы мы поверили, будто долг жизни на нас висит? Вот потребует клятву служения, и что ты сделаешь?

– Что и должно, Мусечка, – ответил барон.

– Но это же унижительно, служить какому-то простолюдину! – взвизгнула Мирьям, а я подпрыгнула и затрясла головой, чтобы унять звон в ушах.

Вот ведь сирена пожарная, блин! Однако ж интересно было дослушать, так что я снова запустила заклинание.

– ... ошибаешься, мама, – с удивлением расслышала новый голос, который, судя по всему, принадлежал Алимю. – Эти люди не врут и сдержат слово, если и мы не нарушим своего. И насчет благородства ты снова ошиблась. Заметила, как правильно строит фразы девочка? Такое возможно, если с ней занимались учителя.

– Подумаешь! Учителей может нанять каждый, у кого есть деньги, – недовольным тоном заметила Мирьям.

– Верно, купцы и зажиточные мещане не экономят на обучении наследников. Вот только кто станет тратиться на девчонку, которая выйдет замуж и покинет семью? А манеры? А уважение к высшему сословию? Она держалась с отцом на равных и даже не задумалась, вправе ли выставлять условия дворянину. Уверен, дядя подтвердит каждое слово, ведь девочка говорила от лица всей семьи.

Какой наблюдательный молодой человек!

– Ося, а ты что скажешь? – не унималась дамочка. – Если они действительно дворяне, то и золотом не откупимся? Бог отвернется от нас, коль магу в услужение пойдём. Это темничьи происки!

– Значит, так, жена моя, – раздался стук ладони по деревянной поверхности. – Темничьи ли это происки или испытание, посланное Богом, а мы должны свято следовать заветам предков. Раз уж так случилось, что задолжали Чернецким три жизни, нам и ответ держать. Я поговорю с Игнатом сегодня же и расскажу, как есть. Отчего ты решила, что им служба наша потребуется? Иная услуга дороже денег стоит, а мы не последние люди в клане.

Полезная вещь, оказывается, мое заклинание. Столько интересного узнала. Радовало, что благодарность человеческая нашим попутчикам не чужда, а то я уж засомневалась. Развеяв плетение, отправилась к Лизе, которая колдовала над завтраком. Только присела на поваленное деревце, как раздался радостный Егоркин вопль:

– Ура, барин с охоты вернулся! С добычей едет.

Понятно, что мы побросали дела и бросились встречать Игната. Интересно же, чего он там раздобыл? Далеко бежать не пришлось, лес вплотную подходил к дороге, обильно зарос кустами и травой, так что уже через десяток метров не разглядеть ничего. Егор и сам углядел путников, когда они уже вышли из леса. Перемахнув через телегу, я

резко затормозила, с удивлением рассматривая незнакомых людей. Четыре девицы потрепанного вида, две женщины постарше, худющий обросший мужичок и мальчишка лет шести-семи, Егорке нашему ровесник. Позади топал Ванька, ведя в поводу трех навьюченных мешками лошадей, а возглавлял процессию брат, у которого на руках сидела малолетняя кроха.

– Принимайте пополнение, – ухмыльнулся Игнат, глядя на наши оторопевшие лица. – Вот, у разбойников отбили, с нами до Кречетова поедут.

Не было заботы, купила баба поросю!

Посмотрела я на этот курятник и поняла, спокойной дороги нам не видать. Эти люди наверняка пропали на старом тракте. Вот вернутся домой, начнут их расспрашивать, где пропадали, тут и всплывет имя спасителя. А оно нам надо?

– Егор, – я поманила мальчонку к себе. – Следи в оба, чтобы никто в нашу повозку не забрался. Глаз не спускай, понял? Лизу и Гаврилу я предупрежу. Если один вдруг отошел по делу, другой в это время смотрит. Увидишь, если кто поблизости крутится или вынюхивает, сразу Игнату или мне говори, а уж мы разберемся.

Нахаленок надулся от важности, свысока поглядывая на чужого мальчика. Вот, мол, какие хозяева поручения мне дают!

В умениях проныры я не сомневалась, теперь стоило разобраться с остальными проблемами.

– Лиза, – я подошла к девушке, – принимай пополнение. Ты за старшую, поняла? Отправь кого покрепче к ручью за водой, завтрака на всех не хватит. Хворостом еще надо запастись, овощей начистить. В общем, сама разберешься, а мне надо с братом поговорить.

Я выразительно посмотрела на Игната, дождалась, пока он обратит на меня внимание, затем молча направилась в лес. Недалеко, как раз, чтобы никто посторонний не подслушал. Вскоре позади раздались тяжелые шаги. Надо же, сообразил!

– Рассказывай! – я развернулась и вопросительно уставилась на охотничка, – что там произошло? Будем думать, что дальше делать.

– Ух, суровая какая! – хмыкнул мужчина, – видела бы себя со стороны! – подначка не удалась, я даже бровью не дернула, поэтому Игнат перешел к делу. – Лагерь захватили без лишней крови. Разбойников повязали, ретивых показательно успокоили, ну а

остальные с радостью рассказали, где хранят награбленное, кто в том же Глушине наводчиком сидит и многое другое.

– Прямо так и с радостью? – засомневалась я.

– А то! Знаешь, как повизгивали, когда им пятки в огне поджаривали? – зло усмехнулся Игнат. – Во всех грехах сознались. Этим тварям за то, что творили, одной смерти недостаточно. Столько народу загубили! Целыми семьями убивали, оставляли лишь молодых девушек на потеху, да и те надолго не задерживались. В общем, подробности ни к чему. Пленников держали в землянках, кормили через раз, издевались. Люди уже и не надеялись живыми выбраться.

– Если тати убивали семьи, дети тогда откуда?

– Действительно хочешь знать? – брат поморщился. – Грязная история.

– Не уверена. Но как я по-другому узнаю, куда еще мы вляпались? Ты подумал, что эти пленники расскажут властям?

– Молчать будут и крепко. Мы некоторых разбойников без сферы молчания допрашивали...

– Мы? – вытаращилась я на Игната. – Иван тоже участвовал?

– Ну, не то чтобы я это поощрял, – мужчина шаркнул ногой, отбрасывая сухую ветку. – В пытках нет ничего благородного. Однако бывают случаи, когда срочно требуется раздобыть у врага информацию, и тогда в ход идут все средства. Иногда от этого зависят жизни хороших людей.

– Допустим, и что?

– А вот что: грабили тати большей частью купцов да дворян безземельных, за которыми никто не стоял. Лет пять уже на старом тракте промышляли, начинали с шайки в десяток голов. Пару раз повезло, сорвали куш, затем к ним примкнули беглые каторжники, а потом покровитель появился, причем, явно из благородных и со связями, раз уж темные делишки от властей прикрывал. Этот покровитель магическими амулетами банду снабжал, наводки жирные подкидывал, посредником выступал, когда дело до шантажа доходило. Рядовые члены в серьезных делах не участвовали, но пленников доводилось караулить. Мальчишка как раз из таких будет, за него уже выкуп назначили. Насчет мужика я пока не выяснил, чего от него татам понадобилось. А вот девочка в разбойничьем логове с самого рождения. Так вышло, что у молодой женщины на сносях в момент

нападения отошли воды. Карета без гербов, охрану перебили, а мать умерла сразу после родов. Только и успела, что на дочку взглянуть да именем наречь. Малышка одаренная, потому и жива до сих пор. Видно, у главаря на девочку планы, раз держал ее вдали от людских глаз.

– А нам-то теперь что с ней делать? И с остальными?

– Как я уже сказал, доведем до города, а там дадим денег, что у разбойников раздобыли, и отпустим на все четыре стороны. Мальчонку вот надо бы родителям вернуть, да с мужичком побеседовать. Подозрительно, что его в землянке держали. Может, тать лихой проштрафился? По дороге разберемся, не стал покамест зазря человека жизни лишать. Я вот ума не приложу, как пацана отправить и при этом самим не засветиться. Может, баронов к делу привлечь?

– Может, и привлечь, – я пересказала, что подслушала в разговорах спасенной семейки.

– Вон, значит, как! – удивился Игнат. – А ты времени даром не теряла, молодец!

– Ладно, чего уж там, – я смутилась от похвалы. – Пленники ведь еще не знают, кто их спас и кому они обязаны жизнью? Может, представить дело так, будто по приказу барона ты выследил сбежавших разбойников? Если у властей возникнут вопросы, то Осип Ааронович на них и ответит. Отряд у него большой был, могли же они одолеть татей собственными силами?

– Тут я бы поспорил, но идея здравая. Посмотрим, что господин Зельман предложит в уплату долга. Идем, людей без присмотра оставлять нельзя, да и за каретами придется вернуться, что на дороге бросили. Дел еще много предстоит.

– Игнат, – я окликнула брата, когда тот уже направился к лагерю, – ты ничего не сказал о девочке.

– Разве? – он напрягся, будто приготовился к удару. – Юленька останется с нами. Если не найдем родственников, удочерю, – Игнат медленно развернулся и посмотрел мне в глаза. – Ты против?

– Я? – опешила от его вопроса. – Почему я должна быть против?

– Не знаю, – брат пожал плечами, – показалось. Нина, ты удивительно взрослая для своих лет, – он шагнул ко мне, заключая в объятия. – Иногда кажется, в тебе живет взрослая женщина. Понимаю,

маги быстро взрослеют. После того, через что тебе довелось пройти, наивно считать тебя маленькой девочкой.

– Я – щит рода, – я шмыгнула носом. – Мы последние, кто выжил. На нас лежит ответственность и...

– Ну вот опять! – он присел на колени, заключая мое лицо в плен ладоней. – Сокровище мое, обещаю, как только найдем безопасное место, тебе не придется думать о проблемах. Самой большой из них будет выбор, какое платье надеть сегодня. А еще я куплю тебе куклу... – Игнат осекся под моим насмешливым взглядом. Он тут живого ребенка притащил, чем не кукла? – Сдаюсь! Но в школу обязательно пойдешь и будешь учиться, как все нормальные дети.

– И я тебя люблю, Игнат, – я обхватила мужчину за шею и чмокнула в щеку. – Идем уже, пока нас не хватились.

Суэта в лагере набирала обороты. Пленники еще не осознали, что рабство закончилось. Они вздрагивали от каждого громкого окрика, опасались смотреть в глаза и отказывались принимать обновки, полагая, что за них придется расплачиваться. Впрочем, женщина из старших слишком уж быстро адаптировалась и принялась отнимать у других еду и одежду, которую выделили из багажа погибшей прислуги Зельманов. Нахалку живо приструнили, пригрозив оставить в лесу и выживать дальше самостоятельно. Но гораздо сильнее поразила Мусечка, которая на раз построила бабскую гвардию. Дамочка привыкла командовать слугами, а тут появился шанс вернуть хотя бы подобие прежнего комфортного путешествия, и она его не упустила. Прежде отправила женщин к ручью на помывку. Когда те, посвежевшие и обряженные в чистые вещи, вернулись, устроила форменный допрос. Судьбы у девчонок походили одна на другую. Ехали с семьей, попали к разбойникам, возвращаться некуда. А даже если и было, кому они теперь опозоренные нужны?

Для ухода за сыном баронесса выбрала молодую тихую девушку по имени Неждана и женщину постарше. Евдокия хоть и разменяла третий десяток, но сохранила былую красоту. Видно, потеря близких надломила в ней что-то, раз она с безразличием воспринимала перемены в собственной судьбе.

В процессе этого отбора я подметила, что для разговоров Мирьям подзывала пленниц поближе к карете, а перед тем, как огласить решение, заходила внутрь. Советовалась с сыном? Каюсь, снова

использовала заклинание «Слух» и знаю, именно Алим настоял на кандидатурах Евдокии и Нежданы. Они отвечали честно, не юлили и не подхалимничали ради выгоды или каких-то привилегий. Определить это помогла магия разума, толикой которой наделила меня госпожа Разумовская. А вот чем руководствовался младший Зельман? Надо бы присмотреться к его магии. Удалось это сделать лишь к вечеру, когда парня вынесли подышать свежим воздухом. Основное время Алим проводил в карете, предпочитая одиночество любому общению.

Я пару раз забрасывала днем подслушивающее заклинание, но ничего кроме шелеста страниц изнутри не доносилось. Не удивлюсь, если с собой бароны везли библиотеку, изучению которой молодой наследник посвящал свободное время. С другой стороны, чем еще заниматься человеку, лишенному подвижности и радостей жизни? Позже я спросила у Игната, единственного из нас побывавшего в карете, и он подтвердил, что видел стеллажи с книгами. Кроме этого помещение там поделено на две части. В одной – спальное место с поручнями и ремнями креплений, при помощи которых Алим перемещался. Крепкий стол, письменные принадлежности, масляные фонари и резная перегородка, обеспечивающая уединение. У баронов же комнатка походила на купе поезда в вагоне для аристократов. На контрасте с аскетичной обстановкой сына Зельманы окружили себя королевской роскошью. Одни серебряные приборы и подсвечники старинной работы стоили состояния. По крайней мере, понятно, чем они разбойникам приглянулись.

Единственное, что настораживало, бароны категорически отказывались от использования магии. При этом карета обладала таким запасом прочности, что ее прямым попаданием огненного шара не разметало. Так, опрокинуло только и упряжь попортило. Починкой занялся Гаврила, пока Игнат с бароном и учеником перегоняли транспорт для освобожденных пленников. Полагаю, не без умысла Игнат взял с собой Осипа Аароновича, как раз поговорят без лишних ушей.

У меня же состоялось знакомство с Юленькой, совершенно очаровательной малышкой. Я забрала ее в повозку, чтобы привести в божеский вид и почистить одежду. Игнат говорил, о девочке заботились плохо, но это еще слабо сказано. Только благодаря магии и

врожденному иммунитету она не подхватила простуду или какую-нибудь инфекцию. Под слоем грязи пряталось невероятное чудо с медового цвета волосами, зелеными глазками и белоснежной кожей.

Внимательно изучив энергетическую структуру ребенка, я отметила преобладание золотисто-коричневых потоков стихии земли. В будущем девочка станет сильным магом. Уже сейчас развитие узлов, отвечающих за силу потоков, которыми Юлия будет оперировать, впечатляло. Я не сильна в генетике, но такое характерно для одаренных с вереницей потомственных магов в родословной. Цвет магии чистый, насыщенный – отличительная особенность аристократических родов из серебряного списка, или даже золотого. Если у девочки остались живые родственники, то среди дворянских фамилий с преобладающей стихией земли. Достаточно выяснить, не пропадала ли молодая дворянка года два-три назад. Заняться этим вопросом следовало в ближайшее время, пока у Юленьки не наступил возраст первой инициации. Ее дар потребует контроля, и родовая печать – лучший способ сдерживания растущих сил.

– Дай! – пока я размышляла, кроха освоилась в повозке и подобралась к сундуку с личными вещами. – Дай, дай, дай! – она скуксилась и затопала ножками, не в силах открыть тяжелую крышку.

Стало интересно, что же так заинтересовало малышку, поэтому я открыла сундук и стала поочередно доставать вещи и показывать их девочке.

– Дай! – зеленые глазенки загорелись, когда очередь дошла до мешочка с монетами.

Золото прежде принадлежало разбойникам. Игнат закинул его сюда, а я не успела переложить в потайной кошель. Выудив монетку, протянула ее Юленьке. Та аж затряслась от предвкушения, сцапала денежку и засунула в рот.

– Эй! Куда? Грязная же! И подавишься ненароком, – я попыталась отобрать, но какое там!

Кроха активно заработала челюстями, хрумкая золотом, как сухариком. Разжевав, она проглотила получившуюся массу и посмотрела на меня голодным взглядом.

– Дай! Есе качу! Да-ай! Ну, да-ай! – она вытянула ручки и требовательно заработала пальчиками.

– А волшебное слово?

– Дай побыстрее! Кушак качу.

– Надо сказать «пожалуйста»! – я совершенно растерялась и разговаривала так, будто ничего необычного не происходило. – Ну? – достала еще монетку и вопросительно уставилась на малышку.

– Позаста, давай побыстрее! Кушак качу! – заполучив второй золотой, девочка и его слопала с таким аппетитом, будто это вкуснейшее лакомство.

Ох, и не прокормим мы эту Юленьку! По миру пойдем.

Заглотив десяток монет, малышка успокоилась, забралась на спальное место Игната, свернулась калачиком и заснула. Это поначалу фокус с поеданием денег ошеломил, а потом я переключилась на магическое зрение. Выходило, что таким образом девочка восполняла растроченный резерв, который уходил на поддержание жизни в крохотном тельце. Способность поглощать золото сужала круг поисков, ведь не все маги земли управляли металлами. Еще не способная осмыслить, что и как делает, Юлия воздействовала на структуру металла. Меняла твердость или даже химический состав, адаптируя и превращая абсолютно не перевариваемые элементы в питательную массу. И это в столь малом возрасте! А если она научится этим управлять? Юленька сторицей вернет вложенные средства. Поистине, золотой ребенок! Интересно, Игнат знал об этой особенности, планируя удочерить девочку? Похоже, нас ждет еще один взрослый разговор.

День пролетел в суете и приготовлениях. Охранники Зельманов оклемались, а уж в присутствии молодых девушек пошли на поправку семимильными шагами. Вот и отлично, а то на возросшее количество транспортных средств возниц не доставало. Мы уж думали бросить часть добычи, а теперь спокойно сгрузили на телеги оружие разбойников, их экипировку, а также забрали фураж для лошадей и запасы продуктов.

Вечером после ужина, когда все собрались у костра, барон Зельман объявил о дальнейших планах. Ничего особенного, на рассвете выедем в сторону Кречетова и будем гнать без остановок. В городе мы распрощаемся с освобожденными пленниками, а сами продолжим путь. В уплату долга жизни Осип Ааронович возьмет на себя общение с властями и поможет нам перебраться за Урал. Плюсом к этому раздобудет чистые документы и поспособствует обустройству

на новом месте. Учитывая, как разрослась наша команда, это предложение поступило весьма своевременно.

Семья баронов не зря беспокоилась о долге жизни и возможных проблемах, связанных с принесением вассальной клятвы. Как оказалось, Зельманы – младшая ветвь ашкеназийского рода Кальман, известного грамотными юристами и знатоками права. Адвокатские конторы Кальман расположены в каждом крупном городе и возглавляли их, как правило, представители этой многочисленной общины. Осип Ааронович как раз направлялся к месту службы, чтобы возглавить новое отделение в Алапаевске.

Наследник Зельманов пошел по стопам отца, являлся слушателем Новгородского правового университета и намеревался пройти практику перед защитой диплома. Усидчивости парню не занимать, судя по тому, сколько времени он проводил за книгами. Магия Алима имела специфичный серебристый оттенок, отвечающий за предрасположенность к магии разума. Заметно, что наиболее развитые энергетические узлы концентрировались в левой лобной доле мозга и в области сердца. Зато остальные рабочие узлы атрофированы или повреждены, как, например, в паховой области. Если припомнить проблему с печатью отречения, которая медленно убивала Игната изнутри, здесь я видела схожую картину. Нарушение магических потоков вследствие стороннего вмешательства. Алим прежде не развивал способности, кроме умения запоминать большие объемы информации и чувствовать эмоции других людей. Вырисовывалась неприглядная картина, будто кто-то нарочно блокировал возможные проявления магии, невзирая на то, есть ли она у человека или нет. Тот же Осип Ааронович носил на себе схожие печати, но они никак не вредили человеку без единой капли дара. Интересно, барон с супругой знают, что проблемы со здоровьем у их сына возникли из-за варварского ритуала? И вообще, что это за ритуал такой, подавляющий магическую составляющую одаренного человека?

Гм, если среди ашкеназцев распространена магия разума, как их до сих пор не прибрали к рукам сильные мира сего? Может, этот ритуал подавления и есть гарантия неприкосновенности?

Глава 21

В Кречетов мы прибыли через полторы недели, измотанные и уставшие от бесконечной гонки. Короткие привалы, только чтобы дать отдых лошадям, постоянная тряска и надоевшее до зубовного скрежета однообразие похожих друг на друга дней. Игнат не давал нам застаиваться, возобновив тренировки по вечерам, но это капля в море по сравнению с вынужденным ничегонеделаньем. Хозяйственные хлопоты взяли на себя освобожденные пленницы, которые с рвением пытались доказать собственную полезность. Некоторые даже слишком рьяно подошли к этому вопросу. Я подмечала, как дружинники по вечерам удалялись в ближайший лесок в женской компании. Мальчишка хвостиком таскался за Иваном, увидев в нем пример для подражания. Ну а мужичок, назвавшийся Семеном, держался в стороне и предпочитал помалкивать.

– Откуда мне знать, что ты не разбойник, Семен Иванович? – Игнат переговорил с ним еще в день возвращения, а я бессовестно подслушала разговор. – Чего им понадобилось, что в клетки сырой тебя держали и голодом морили? Отчего не пытали, не убили, как остальных? Ты особенный?

– Так ведь и ты не простой человек, Игнат Захарович, – мужичок усмехнулся в усы и огладил неровно стриженную бороденку. – За то, что из плена выручил, благодарен буду и отплачу добром. Однако ж рассказать о причинах, приведших в лапы к разбойникам, уж извини, не могу. Это чужая тайна.

– У меня нет основания доверять, – брату явно не понравился ответ. – Может, прибить тебя по-тихому да закопать в лесочке? Никто ведь и не узнает.

– Твоя воля, барин, – в голосе Семена сквозило равнодушие. – Умру, горевать никто не станет. Но лучше отпустил бы меня, глядишь, и пригодился бы когда-нибудь.

– Экий ты шустрый. Вот так взял и отпустил? А ну, как ты с татями в сговоре и доложишь, кто банду порешил? Не люблю я врагов за спиной оставлять.

– А я и не враг тебе, – Семен хмыкнул, – и люди, которым служу, тоже. Моя жизнь ничего не стоит, но хозяева узнают, если я вдруг умру, и пожелают найти виноватых. Не за тем, чтобы отомстить, а убедиться, что ты ничего лишнего не выяснил. Я не угрожаю, не подумай, просто предупреждаю о последствиях. Верить ты не обязан, но как одаренный чувствуешь ведь, что не вру. И девчонка твоя подтвердит, если спросишь.

Ой, как сразу уши у меня загорелись в ожидании взбучки от Игната!

На том разговор и завершился. Семен не врал на счет того, что ему до нас дела нет, но и магом не был. Тогда как узнал, что подслушиваю? Странностей вокруг этого человека хоть отбавляй, но иногда лучше не лезть в чужие тайны и не создавать дополнительных проблем.

На последней остановке, когда до Кречетова было рукой подать, я вдруг проснулась посреди ночи. Сама не поняла, что меня разбудило. Понимая, что сразу не усну, выбралась из повозки прогуляться до ветру. На обратном пути обратила внимание, что наш караульный спит на посту, и поспешила к мужчине, чтобы разбудить. Старший из охраны барона стоял, прислонившись спиной к дереву и свесив голову на грудь. Легонько потрясла соню за плечо.

– Он не проснется, – вдруг раздался голос из темноты.

Я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Семен Иванович? – непроизвольно окуталась щитом, – что вы здесь делаете?

– Пришел поговорить, Нина Константиновна, – он поклонился, как подобает простолюдину при встрече с благородными. – Прошу прощения за столь необычное приглашение.

– Оригинальный способ, – я нервно улыбнулась. – Значит, я не сама проснулась? И как это вам удалось?

– У всех свои секреты, пусть этот будет нашим, как и предстоящий разговор.

– А нам есть, о чем разговаривать? – мужичок не переставал удивлять талантами и осведомленностью.

– Даже не сомневайтесь, – он поманил за собой, направляясь к затухающему костру. Подбросил в него дровишек и присел на поваленный ствол. Я устроилась чуть поодаль, гадая, что же

понадобилось этому странному человеку. – Итак, Нина Константиновна, у меня деловое предложение, которого при других обстоятельствах я мог бы и не делать. Однако же я умею быть благодарным, особенно к тем, кто этого заслуживает.

– И что же это за предложение? – я не подала виду, как меня зацепило настоящее отчество Нины Забелиной.

– Предлагаю обмен. Вам – полезный совет, который убережет от проблем, а в будущем принесет пользу, – я вопросительно изогнула бровь, предлагая озвучить цену. – Взамен прошу отдать одну вещь, что досталась от разбойников. Ценности не представляет, а мне бы пригодилась.

– Хорошо, – легко согласилась, забавляясь этой игрой в шпионов. – Что это за предмет, ради которого развели столько тайн?

Оказывается, речь шла о костяном гребне с незамысловатым рисунком и несколькими потертыми и выцветшими от времени камешками. Камни даже не драгоценные, разве что вещь выглядела старой, но таких в каждой лавке полно. Вряд ли это артефакт, никакой магии не чувствовалось. Семен прав, я бы даже не заметила пропажи, захоти он забрать гребень тайком. Тем не менее, мужичок отнесся к украшению бережно, завернул в носовой платок и сунул за пазуху.

– Спасибо, это все, что я хотел, – он поблагодарил с поклоном. – Теперь мой черед исполнять уговор. Так вот, не ищите родных девочки в Кречетове. Не советую также расспрашивать о пропавшей дворянке, только привлечете к себе лишнее внимание. С вами ей будет безопаснее, чем где бы то ни было. При ваших талантах вы без труда разыщете семью Юленьки. В России только один род владеет подобной магией, не ошибетесь. На этом все, прощайте и передайте Игнату Александровичу, что я сдержу слово.

Мужчина отступил в темноту и буквально растворился в ней, чему я уже не удивилась. Гораздо сильнее поразило, откуда Семен узнал наши имена и что такого он пообещал брату, раз Игнат так быстро поверил незнакомому человеку.

На въезде в город мы разделились и сделали крюк до западных ворот, чтобы никто не связал нас с баронами. На постой остановились в недорогой гостинице, сняли два номера на неделю. За это время намеревались продать повозку и те товары, что Гаврила прикупил в Кустове. Заодно шумиха уляжется, вызванная новостью об

уничтожении банды, ну и Осип Ааронович начнет отрабатывать долг. С бывшими пленниками условились, что они не будут распространяться, где провели последние месяцы, и уедут куда-нибудь подальше. Денег для этого у них хватало. Игнат, как и обещал, выделил им долю из добычи, взятой с разбойников в лагере. У кого достанет ума последовать умному совету и не возвращаться в родные места, появится неплохой шанс осесть в каком-нибудь городке и начать новую жизнь. Ну а те, кого природа обделила серым веществом, пусть пеняют на себя.

У Зельманов числился большой штат прислуги. Учитывая, что практически все погибли, не составило труда выдать Неждану и Евдокию за уцелевших служанок. Девушкам некуда было возвращаться, так что они с радостью остались в услужении у молодого барина. Также Осип Ааронович пообещал немедленно связаться с родными Максимки и уладить вопрос с нашими новыми документами. Последнее – дело небыстрое и хлопотное, однако ж решение проблемы лежало на поверхности.

Наша повозка хранила следы пуль и разрушений, полученных во время нападения разбойников. К сожалению, бумаги сгорели, а сами мы чудом уцелели и много дней прятались по лесам, опасаясь погони. Такую душещипательную историю слышали стражи на воротах. Для этого пришлось изуродовать повозку, ставшую за последние недели настоящим домом, а потом еще обрядиться в лохмотья и перепачкаться в грязи и саже. Игнат с Иваном старательно изображали раненых, периодически стонали и хрипели для натуральности. Глядя на бледно-зеленые от мучной пыли физиономии и окровавленные бинты, ни у кого не возникло сомнений, что защитники вот-вот отдадут богу душу. Лизка играла роль отчаявшейся невесты Игната, рыдающей у него в изголовье. Уткнувшись лицом в ладони, она содрогалась от рыданий. На самом деле девушку трясло от страха, что обман раскроется и нас арестуют. Гаврила даже слезу пустил, горя о супруге, погибшей от рук разбойников. Сетовал якобы глава семьи на бездействие властей и просил наказать убийцев и посодействовать в лечении будущего зятя и его старшего сына. Мы с Юленькой помалкивали, забившись в уголок и посматривая на стражников жалостливыми глазами. Егорка тоже участвовал в клоунаде и, размазывая грязь по мордахе, канючил:

– Дяденьки, помогите Христа ради.

Как и большинство стражников, набивающих карманы за счет приезжих, терять заработок и личное время они не захотели и постарались побыстрее избавиться от проблемы. Выдали бумагу, по которой Гавриле надлежало явиться в городскую Управу для подачи жалобы и заявления на восстановление документов, и рекомендовали обратиться в больницу для бедных. Учитывая, что она находилась на другом конце города, шансы на выживание раненых стремились к нулю. Да и там не стоило рассчитывать на чудо. Откуда в больничке взяться медикаментам или специалистам хотя бы на уровне лекаря? Подобные места существовали на пожертвования горожан или содержались за счет меценатов, которые считали каждую копейку.

В Управу Гаврила отправился на следующий день, когда город уже взбудоражили новости о злодеяниях, творящихся на старом тракте. Зельман задействовал связи, прессу и поднял такую шумиху, что власти вынуждены были отреагировать.

Почему мэр бездействует, когда гибнут мирные люди? Чем занимается полиция? Почему их работу выполняют честные граждане?

Понимая, что журналисты не упустят случая лишний раз пропесочить городские власти, глава Управы лично поручился, что вопрос мещанина Урядова решится в кратчайшие сроки. И даже лекаря прислал, не поленившись расспросить стражу о наших проблемах. К счастью, мы уже продали повозку и этим сумели объяснить, откуда взялись деньги на лечение раненых.

Новенькие паспорта глава лично принес уже на третий день нашего пребывания в Кречетове. Теперь Гаврила Силантьевич с Елизаветой из Уразовых превратились в Урядовых и обзавелись пополнением в виде младшего сынишки Егора Гавриловича.

– Так, энто, выходит, ты теперь папка мой? – пацаненок изумленно вытаращился на Гаврилу.

– Выходит, что так, – ответил мужчина, – а Лиза сестра старшая. Слушайся ее во всем и оберегай.

– Йо-хоу! – издал Егорка радостный вопль, – я буду! Буду слушаться. А вы энто, точно не врете? Не бросите, как мамка моя?

– Не бросим, не переживай, – Гаврила потрепал мальчонку по вихрастой макушке, а потом обнял и крепко прижал к себе. – Но только и ты пообещай одну вещь.

– Какую жа? – он всхлипнул и уткнулся носом в плечо приемного отца, старательно пряча слезы.

– Пообещай, что будешь учиться и вырастешь достойным человеком.

– Зуб даю! – последовал незамедлительный ответ.

– Хэх, зубы мне твои без надобности, а вот слово сдержи, коль пообещал, – усмехнувшись поначалу, мужчина на последней фразе посерьезнел. – Настоящие мужчины словами не разбрасываются, а подтверждают их делом. С сегодняшнего дня начнешь заниматься с Елизаветой, чтобы научился читать-писать. И от тренировок с Игнатом Захаровичем не отлынивай. Такого мастера пойдя поищи. Люди деньги платят, чтобы перенять его мастерство, а тебе, олуху, бесплатно наука достанется. Цени его доброту!

– Дык, я энта, ценю, – Егор шмыгнул носом, – и стараюсь.

– Вот и старайся! А теперь беги, постреленок, нам о важных вещах поговорить надобно, – проводив взглядом мальчонку, который стрелой порскнул из комнаты, Гаврила посмотрел на дочь.

Лиза без слов поняла намек и, сославшись на срочное дело, поспешно вышла. Остались мы с Игнатом, Иван и Юленька, которая и не подозревала, что обрела новую семью. Пусть пока только на бумаге, но теперь она Юлия Игнатьевна Неделина, родная дочь Игната Александровича Неделина. Нас с Иваном тоже записали Неделиными, но уже как осиротевших племянников, которых Игнат взял под свое крыло. Так что я теперь смело могла отзывать на родное отчество и не переживать, что случайно оговорюсь. Ваньке же было все равно, какое имя носить. Он лишь бросил мимолетный взгляд на документы, запоминая новую информацию, и вновь принял невозмутимый вид.

После той вылазки в лагерь разбойников ученик Игната стал спокойнее. Может, выплеснул пар? Или же брат, наконец, поговорил с ним по душам? Во всяком случае, крыситься на меня Иван перестал и относился сдержанно ровно, как и к остальным членам команды.

– Барин, что дальше будем делать? – поинтересовался Гаврила планами на будущее.

По большому счету, с новыми документами и деньгами на руках, мы могли рвануть в любой уголок России, осесть там и начать новую жизнь вдали от темников и прочих проблем, преследующих с самого Суздаля. Вот только это ни на шаг не приблизит нас к плану по

восстановлению рода и мести ненавистному князю Шумскому. Нам следовало затаиться на время, пока я не войду в полную силу и не обзаведусь влиятельной поддержкой в борьбе с могущественным противником. Но в этом и крылся подвох! Каким образом никому не известные мещане встанут на один уровень с дворянскими родами? Да с нами разговаривать никто не станет, не то чтобы помогать! А открыть настоящие имена значило подставиться под удар раньше времени. Вот и выходило, что нам нужен дворянский титул.

Проще было бы купить такой вместе с куском земли в соседнем государстве, где титул переходил владельцу вместе с правом на собственность. Однако же тут существовали подводные камни, о которых заранее предупредил барон Зельман. Любой такой новоиспеченный дворянчик становился подданным другого государства и обязан был принести вассальную клятву местному правителю. А еще нужно платить налоги и заботиться о собственных землях, разбираться с внутренними проблемами. Это подразумевало постоянное проживание на территории новых земель, что, понятное дело, никак нас не устраивало. Другой вариант обретения дворянства подразумевал женитьбу, в нашем случае Игната, на какой-нибудь дворянке из обедневшего рода с вхождением в семью супруги и принятием ее фамилии. Вот только мы ничего не выигрывали, потому что сам Игнат в таком браке не считался бы полноценным дворянином, и только его совместные с супругой дети наследовали бы титул. Третий вариант подразумевал усыновление с последующим признанием полноправным наследником титула и всего имущества. Этот способ подходил идеально за одним маленьким исключением: попробуй еще найди такого человека, чтобы согласился признать Игната и всех нас родственниками. Нет, был еще четвертый вариант: спасение жизни члена императорской семьи либо героический поступок во славу империи. Но мы в ближайшее время геройствовать не собирались и привлекать к себе внимание тем более. Как правило, награждение титулом проводилось в императорском дворце Московского княжества при большом скоплении народа. А там обязательно найдутся люди, кто лично знал Игната Забелина или его отца.

— Пара свободных дней в запасе есть, а после нас ждет Транссибирский экспресс, который доставит прямиком к новому месту

жительства, – озвучил Игнат наши планы.

Я о них уже знала, а вот для остальных членов команды новости неожиданные. Вопрос о путешествии по железке поднимался неоднократно, но мы сходились во мнении, что это опасно. Регулярные проверки службы безопасности поезда, досмотры на границах княжеств, случайно встреченные старые знакомые. Да мало ли неожиданностей в дороге? Однако же теперь можно не опасаться проверок. Игнат выкупил два закрытых купе в вагоне среднего класса до конечной точки маршрута поезда. Вот только поедут в нем подставные люди, которым надлежало вести себя тихо и не показываться никому на глаза. Учитывая, что при желании еду доставляли в купе, а внутри они оборудованы всем необходимым для комфортного пребывания, то это несложная задача. Сами же поедем в купе для прислуги, предусмотренном в вагоне для аристократов. Осип Ааронович обещал обустроить нас наилучшим образом.

С Зельманами мы в городе не пересекались и не контактировали, обсудив план действий заранее. В нашу задачу входил поиск фальшивых попутчиков, найм охраны и покупка амулетов. Защитных, лечебных, атакующих. Пусть и негласно, но этим Осип Ааронович показал, что напрямую не желает иметь дело с магией и ее проявлениями. Отчего так? Ответить на этот вопрос мог только сам барон, но подходящего случая, чтобы его задать, не подворачивалось.

Для охраны Игнат нанял трех надежных парней и договорился с жуликоватой на вид парочкой, которая с радостью согласилась сбежать из Кречетова из-за проблем с властями. Занимались мошенники тем, что облапошивали подвыпивших мужичков, падких на прелести дамочки, он следовали за ней в гостиничный номер и там получали поленом по голове. Хорошо, если голова попадалась крепкая, а страдалец отделялся шишкой на затылке, беспамятством и потерей личности. Такие жертвы не спешили жаловаться в жандармерию, стыдясь прослыть дураками. Однако же накладки случались, стоило подельнику не рассчитать удар. Не нам их судить за преступления, но, если нагрянет проверка, наличие у преступной парочки чужих документов никого не удивит.

Два дня перед отъездом мы Лизой посвятили лавкам и магазинчикам, обновили гардероб, прикупили канцелярских принадлежностей, букварь для Егорки и полезную в быту мелочевку.

Наши мужчины тоже преобразились, щеголяя в новенькой экипировке наемников.

В основной массе люди, зарабатывающие тем, что регулярно рисковали собственной жизнью за деньги, внешне походили друг на друга. Темно-серая или темно-зеленая форма с кожаными вставками и кармашками, обязательная ременная перевязь для оружия, в зависимости от достатка кольчужная рубашка или нагрудник с магической защитой. Качество ткани также определялось глубиной кошелька и удачливостью наемника, от грубого сукна до выделанной телячьей кожи. На ноги полагались ботинки на толстой подошве, либо сапоги с высокими голенищами. Головные уборы носили по желанию, летом кепи с длинными козырьками, зимой – меховые шапки-ушанки. Одиночки выбирали одежду по вкусу, свободные отряды придерживались единой цветовой гаммы, ну а те, кому повезло взять долгосрочный найм у какого-нибудь аристократа, щеголяли в единой униформе родовых цветов дворянина. У дружинников на шевронах красовался еще и герб, и нашивки, определяющие ранг воина.

Так вот, наемника оценивали по внешнему виду и наличию оружия. Если носил дорогую экипировку, значит, у него полно заказов и он довольно удачлив в деле. Цена на услуги взлетала при наличии нагрудного знака Воина или хотя бы Ученика, даже Новиков и тех охотно брали в команду. Специалистов ранга Ветеран или Мастер, как Игнат, в свободном плавании уже не встретишь. О Виртуозах и говорить нечего, такие бойцы служили в княжеских дружинах и занимали руководящие посты. Что и говорить, успехов на воинском поприще чаще достигали люди одаренные. Выносливость, регенерация, сочетание меча с магическими атаками делали таких солдат непобедимыми. Однако и обычные люди при должном упорстве достигали вершин мастерства. Пример тому Захар Платонович, командир отцовской дружины, сражавшийся с папой плечом к плечу и выстоявший наравне с ним до самого конца.

Осип Ааронович, которому брат показал знак Мастера, ни минуты не сомневался, что Игнат в одиночку обеспечит безопасность его семьи. Затея с наймом дополнительной охраны служила отвлекающим маневром. От наемников требовалось доставить особый груз в вагон первого класса и передать под охрану людей барона. Самим же пересечь в купе второго класса, и по прибытии в точку назначения

отконвоировать груз получателю. Ценным грузом были мы с Лизой, Юленькой и Егоркой, спрятавшиеся в огромных дорожных сундуках. В вагонах первого класса дворянам предоставлялись роскошные условия. Один человек запросто занимал треть вагона, семейные же пары со штатом слуг выкупали половину или даже целиком весь вагон. После заселения посторонние на территорию занимаемых аристократов апартаментов не допускались. Таким хитрым образом никто не увидит, как мы садились в поезд и как его покинули.

Пока нанятые наемники передавали груз, брат с невестой, роль которой играла подсадная дамочка, сели в одно купе второго класса, а Гаврила, Иван и подкупленный пассажир, одетые в точно такую же униформу наемников, заняли второе. Затем Игнат поменялся одеждой и местами с напарником лже-невесты, после чего дождался прибытия людей барона Зельмана. Одинаковый внешний вид не вызвал вопросов у проводников и охраны поезда, когда обратно в вагон первого класса вернулись так же трое наемников. Лиц еще не успели запомнить, но никто и не старался этого сделать. Хватило пропуска и записки от барона, что Игнат выполнял его поручение.

В апартаментах барона Зельмана, а иначе роскошный вагон первого класса не назовешь, можно было чувствовать себя спокойно. Для всех мы добрались до Кречетова и исчезли. Пусть возможные ищайки ищут нас в торговых обозах или караванах, с хозяевами которых Гаврила и Игнат вели переговоры, а некоторым даже проплатили аванс.

Глава 22

Трехдневное путешествие на поезде обещало быть спокойным и скучноватым. Я намеревалась заняться полезным делом и переписать заклинания в новый дневник. Лиза взяла на себя заботу о малышне, потому что иной ее помощи здесь не требовалось. Зато появилось время, чтобы позаниматься с Егоркой грамотой. Юленька вообще не доставляла хлопот, тихонечко играя с куклой, что купил ей Игнат. Золота девочка больше не просила, видимо, с лихвой пополнила истощенный резерв. Зато кушала с аппетитом и много спала, особенно под бочком у брата, которого она слепо обожала.

Вот только спокойствие нам и не снилось. Зельманы вели активную светскую жизнь, посещая вагон-ресторан и салон для аристократов. Игнат под видом телохранителя сопровождал пару при каждом выходе. Алим предпочитал уединение, питался у себя в отдельном купе-номере, заказывая еду из ресторана. Вагоны первого класса отличались повышенной защитой. Крепкий бронированный корпус, магические плетения, нанесенные на обшивку, ставни, закрывающие окна в случае нападения. Единственный выход контролировался, так что никто посторонний не смог бы попасть внутрь без специального пропуска. Помимо этого, Игнат все равно проверил каждую комнатку, втайне расставил защитные амулеты, дублирующие систему безопасности, и снабдил каждого персональной защитой. К сожалению семейку баронов никакими увещеваниями не заставишь надеть подобные амулеты. Вот и приходилось мне активировать родовой щит каждый раз, когда в апартаментах появлялись официанты или посыльные.

Нападение случилось в первый же вечер, когда Игнат с четой Зельман отправился на ужин. В дверь вдруг забарабанил проводник, всполошив известием, что наш телохранитель смертельно ранен, а его подопечные убиты. Я настолько испугалась за брата, что совершенно не подумала о ловушке. Подхватив горсть целительных амулетов, бросилась к выходу. Иван перехватил меня у двери и грубо отшвырнул в сторону.

– Не спеши, нужно сначала убедиться, что они говорят правду. Эй! – он крикнул громче, – как это произошло? У телохранителя при себе пропуск и ключ, почему не воспользовался ими?

– Он без сознания, истекает кровью. Успел сказать, чтобы доставили сюда, что вы поможете! – ответил проводник.

– Что-то тут нечисто, – Иван покачал головой. – Бегом собери наших и спрячьтесь в купе Алима. Прикроешь, если потребуется.

– А ты?

– А я попробую выяснить, что произошло, – он взял нагрудник с магической защитой и принялся прилаживать его на себя.

– Возьми, – я сняла с себя защитный амулет, – я и без него справлюсь.

Нашим не нужно что-либо разжевывать или повторять дважды. Едва услышав об опасности, Лиза подхватила Юленьку и бегом бросилась к Алиму, Гаврила с Егоркой ринулись следом. Неждана с Евдокией присоединились минутой позже. Парень изрядно удивился, когда к нему в комнату ввалилась наша компания. Я не стала говорить о гибели родителей, не зная всей правды. Быть может, это обманный ход? Во всяком случае, время для меня вдруг остановилось, будто разом сработали все чувствительные сенсоры организма, а события воспринимались как кадры медленной съемки.

– Активируйте амулеты! Я скоро вернусь, – я выскакиваю в коридор, как раз, чтобы увидеть, как открывается дверь, а внутрь летит что-то насквозь магическое. – Берегись! – ставлю щит одновременно с разрастающейся вспышкой взрыва.

Замечаю, как Ваньку отбрасывает в купе для прислуги, и на нем один за другим сгорают амулеты защиты. Меня волной опрокидывает навзничь, но щит держит. Вижу, как в проеме появляются две фигуры, окруженные всполохами огненных щитов, и отступаю. Ивана они не заметили, да и не стали бы тратить силы на мелкую сошку, пока не доберутся до главной цели. Перебираю руками и ногами, пятаюсь назад, потом вскакиваю и бегу в комнату Алима. Ясно же, убийцы пришли за ним. Захлопываю дверь, она ненадолго задержит магов.

– Прячьтесь! – указываю Лизе с Юленькой и Егорке на шкаф, Гаврила молча подпирает дверцы собственным телом, крепко сжимая в руках мушкет.

Девушки спрячутся тут же, в нише за шкафом. Сама молча забираюсь на колени к парню, совершенно не думая, как это выглядит со стороны. Для меня сейчас главное уменьшить радиус щита и максимально сжать отдельные пластины, которые пробьют огненную защиту боевых магов.

– Нина Константиновна, полагаете, убийца остановит ваш незащищенный вид? – поинтересовался молодой Зельман, у которого мои действия вызвали явное недоумение.

– Именно так, – я нашла в себе силы усмехнуться.

Быть может, Алим привел бы не один довод, что рядом с ним меня непременно убьют, но тут двери с грохотом рухнули на пол, а в купе ввалились боевые маги. Секундное замешательство в оценке окружающей обстановки. Кривые ухмылки, подтверждающие, что никого жалеть не собираются, и вспыхнувшие в воздухе огненные шары, устремившиеся к выбранным целям. Глаза магов синхронно расширились, когда атакующие заклинания врезались в прозрачную стену с фиолетовыми всполохами, да так и застыли навечно с удивленными взглядами, когда острые пластины моих щитов отделили их головы от тел.

– Ну, вот, сработало, а вы сомневались, – произнесла я устало, откидываясь на грудь молодого человека. – Вы уж извините, что я так бесцеремонно вами воспользовалась, – сделала неопределенный жест в воздухе, – некогда было объяснять или спрашивать разрешения.

– Ну, что вы, Нина Константиновна, пустяки, – из горла Алима вырвался нервный смешок. – Мои колени теперь в вашем полном распоряжении. Пользуйтесь на здоровье! А ведь вы только что спасли мне жизнь. Странно, подобная структура щита характерна лишь для одного рода, но, насколько мне известно, его более не существует.

– Вы чрезвычайно наблюдательны, господин Зельман. Но в данном случае немного ошиблись. Сработали защитные амулеты, которыми дядя Игнат снабдил нас заранее. А маг застрелил телохранителя. Гаврила Силантьевич? – многозначительно посмотрела на мужчину, все еще крепко сжимающего в руках мушкет.

– Ваша правда, боярышня, – опомнился Гаврила и всадил в каждого мага по пуле, – все так и было. А головы им потом оторвало, магия какая-то!

– Ну, вот и ладно! Поспешим. Нельзя, чтобы нас тут увидели.

Мы с Лизой, Юленькой и Егоркой едва успели спрятаться в дорожных сундуках, как апартаменты наводнились людскими голосами. Особенно выделялись вопли Мусечки, впавшей в истерику от осознания, что убийцы охотились на ее единственного сыночка.

В сундуке я просидела до утра, даже поспать умудрилась, пока дознаватели обследовали вагон, а рабочие устраняли повреждения. Отдать должное, Осип Ааронович и тут развил такую бурную деятельность, что никому не поздоровится. Это ведь проводник сообщил о якобы нападении, а потом, когда фокус не удался, предоставил дубликат ключа. Стало быть, в сговоре с убийцами был? Эти нехристи ничем не погнушались, безвинных людей погубили. Уже утром, уплетая за обе щеки двойной завтрак, я слушала рассказ Игната и мрачнела. В купе второго класса найдены пять трупов. Молодая пара, что изображала Игната с Лизой, и три телохранителя, которых брат нанял для прикрытия. Скоро жандармы выяснят личности убитых, но от этого не легче.

Почему убрали людей, которые, казалось бы, ничем не связаны с Зельманами? Зачем кому-то устранять калеку? Это же безобидный молодой человек! Невероятно умный, но это от врожденной предрасположенности и кучи свободного времени. Я заметила только часть книг на рабочем столе Алима, остальное не распаковывали, но мне и этого хватило. Вопрос тут в другом, кто-то прониюхал о нашей дружбе с баронами и о возможном долге жизни.

Нет, не сходится! Если бы убийцы знали, кто такой Игнат, то и про меня что-то да слышали. А маги явно не были готовы к тому, что им окажут сопротивление. Защитные амулеты сторали только так, внутренняя система безопасности поезда не выдержала – непростые ребята пожаловали. Нанять таких не каждому по карману. Быть может, нападение на тракте и в поезде – звенья одной цепи? А мы оказались в этом замешаны лишь потому, что оказались не в том месте и не в то время. Или наоборот?

– Где? Где наша спасительница? – раздался за дверью купе звонкий голос Мусечки.

– Игнат? – я чуть не подавилась булочкой, – чего ей надо?

– Благодарить собирается, – ехидно усмехнулся мужчина, – а заодно прощупать почву, чем за новый долг жизни расплачиваться.

– Игнатушка, а можно как-нибудь без Мусечки? – я состроила страдальческую рожицу. – Ты сам с бароном переговори, пусть услугой вернет. Мало ли, пригодится в будущем.

– Э-нет! – он поднял руки. – Я тут ни при чем! Это ты у нас благодетельница. Сама спасла, сама и отдувайся.

– Погоди, откуда она знает, что это я сделала? Для всех ведь Гаврила активировал атакующие амулеты и магов застрелил, меня там вообще не было.

– Ага, а Нежданка с Евдокией так, мимо проходили? Да и сам молодой барин ослеп и оглох в одночасье?

Мусечка, наконец, прорвалась в наше купе, прервав разговор, и уставилась на меня изучающим взглядом. Хитрым таким, как у лисы, намеревающейся стащить рыбку из-под носа.

– Ниночка, душа моя, – она подошла ближе и расцеловала меня в обе щеки. – Надо же, прелестное дитя, столь юный возраст, а с двумя боевыми магами расправилась играючи. Это же какой потенциал! Какое сокровище кому-то достанется! Расскажи, дорогая, о чем мечтаешь? Чего бы ты хотела больше всего на свете? Мы люди невысокого полета, но и нам доступно многое в этой жизни.

Я закусила губу, вымученно улыбнулась краешками губ. Мечта есть, да еще какая! Хватит ли сил ашкеназийским баронам ее воплотить? Что они противопоставят князю Шумскому?

– Желаете поговорить о долге жизни? Меня устроит посильная поддержка клана и, скажем, постоянная скидка на услуги юридического дома Кальман.

– Но это... – Мирьям не ожидала такой осведомленности и серьезного тона, которым я ответила на ее сюсюканья. – Само собой, разумеется. Осечка непременно впишет ваши имена в книгу випперсон, как только вступит в должность на новом месте. Он уже сообщил об оказанной услуге нашим старейшинам, и они рассмотрят этот вопрос в ближайшее время.

– Постойте! – в голове щелкнуло, – Осип Ааронович сообщил посторонним о нашем участии в вашем спасении? И указал фамилию Неделиных?

– Почему посторонним? Это же старейшины, сам великий князь и ближайšie помощники, – оторопела женщина, а мы с Игнатом понимающе переглянулись.

Вот откуда ноги растут! А мы уже гршили на освобожденных девиц, которых успели отловить и допросить с пристрастием.

– Простите за личный вопрос, можете не отвечать, если сочтете нужным, – я вдруг ощутила неприятное жжение в груди, связанное с горькими воспоминаниями. – Мирьям, а какой вы носили титул до того, как вышли замуж за барона Зельмана?

– К-княжна, – кажется, и до женщины стало доходить, почему на ее сына совершено уже второе покушение.

Там, на дороге, пытались убрать именно Алима. Разбойничье нападение? Подумаешь! Ах, все погибли? Печально, но иногда такое случается.

– Но мои дети не наследуют княжеский титул! – всплеснула она руками. – Увечные маразматика должны это понимать!

– Увечные? – уцепился за слово Игнат, – что это значит?

– Об этом не говорят посторонним, но... – женщина тяжело вздохнула, – наши старейшины и князья имеют физические изъяны. Считается, так господь отмечает тех, кто достоин нести тяжелое бремя власти. Я не хотела для своих детей подобной судьбы, потому и вышла замуж за Осечку. По любви, – добавила Мирьям после паузы, – и ничуть об этом не жалею.

– Последний вопрос, Алим с рождения не может ходить? – ответ я и так знала, но хотелось услышать подтверждение догадкам.

– Ну, что вы! Алимчик родился здоровеньким, – Мусечка озарилась нежной улыбкой, – и первую инициацию прошел без последствий, а вот вторая... ох! Что это я разболталась? – вдруг спохватилась она и заторопилась к выходу. – Пойду, пожалуй. А ты, Ниночка, подумай над тем, чего бы тебе хотелось.

– Непременно! – заверила, провожая баронессу вежливой улыбкой.

После перевела взгляд на Игната.

– Думаешь, родственники устраняют конкурента? – спросил он.

– А ты сомневаешься? После того, как с нами обошелся родной дед, чтобы заполучить Данияра?

– Да уж, – хмыкнул брат, – везде найдутся люди, готовые идти к власти по трупам. Полагаю, они не угомонятся, пока не достигнут цели. Алимку придется постоянно прятаться за крепкими стенами или спинами телохранителей.

– Это вряд ли, – скривилась я, невольно вспоминая, что парень ничуть не испугался убийц и не предпринял попыток хоть как-то защититься. – Не думаю, что его вдохновляет перспектива провести жизнь в инвалидном кресле.

На этом разговор увял, потому что в купе постучалась Неждана.

– Нина Константиновна, – девушка робела в нашем присутствии и жутко смущалась. Вот и сейчас залилась румянцем, когда мы оба уставились на нее в ожидании, – Алим Осипович просил зайти, как только освободитесь.

– Передай, пожалуйста, подойду через полчаса, – я подмигнула Неждане, чем смутила ее еще больше.

Еще никогда на меня не смотрели с таким благоговением и затаенным страхом. Многие дети владели магией и обучение у них начиналось рано. Иногда случались трагедии, когда дар вырывался из-под контроля, и ребенок становился причиной гибели людей. Будущих воинов тоже растили с пеленок и учили убивать. Однако же все это происходило вдали от обывателей. Сегодня же девушка увидела, как мелкая соплюшка расправилась с боевыми магами. Разрыв шаблона! А для меня ничего удивительного, большинство наследников дворянских родов воспитывали так, чтобы они могли за себя постоять.

– Мне пойти с тобой? – проследив, как за служанкой закрылась дверь, предложил Игнат.

– Как хочешь, – я пожала плечами. – Это ведь мне отдуваться за спасение жизни.

– Язвишь? Не зря Егор Гаврилович тебя гангреной зовет, – по-доброму усмехнулся Игнат, поднимаясь из-за стола. – Ладно, расскажешь потом, чего молодой Зельман хотел. А я пройду по поезду, новости узнаю, может, чего интересного услышу.

– Осторожнее только, и Ваньку предупреди, – крикнула вдогонку.

Допив остатки какао, направилась в санитарную комнату, привела себя в порядок. Принарядилась в новое платье, расчесала и заплела волосы, уложив косы корзиночкой на затылке. Чуть поколебавшись, прицепила к поясу меч. Думаю, теперь ни у кого не возникнет вопросов, что я имею право его носить и умею пользоваться. В назначенный час я уже стояла перед номером Алима. Постучавшись и получив разрешение, вошла.

– Доброе утро! – поприветствовала молодого человека, который сидел за рабочим столом и читал.

– Доброе, Нина Константиновна! – обрадовался он моему появлению. – Прошу прощения, что не встречаю, как подобает. Проходите, располагайтесь, где понравится, – Алим даже чуть откатился на коляске, тонко намекая, что прежнее предложение насчет коленей в силе.

Наглеть я не собиралась, да и необходимости в том не было, так что поблагодарила кивком за предложение и присела на диванчик для посетителей. Расправила складочки на пышной юбке, положила ручки на колени, будто примерная девочка, и вопросительно посмотрела на парня. Тот лишь усмехнулся, оценив игру.

– Нина Константиновна, хочу еще раз поблагодарить за спасение жизни. Знаю, матушка уже навестила вас, желая выкупить долг жизни деньгами. Но я так и думал, что у нее не получится. Простите, если она вела себя навязчиво, это от избытка материнской любви. До сих пор считает меня маленьким и стремится оградить от проблем.

– Что вы, Алим Осипович, не извиняйтесь. Я ничуть не обижаюсь и понимаю чувства госпожи Зельман. Повторюсь, нас удовлетворит услуга и посильная поддержка клана, – светская манера общения и хождения вокруг да около начинала утомлять.

Однако ничего не поделаешь, раз уж Алим знал обо мне правду, приходилось соответствовать. Как-никак, глава рода и все такое.

– Да, мама передала ваши пожелания, – парень забарабанил пальцами по подлокотнику инвалидного кресла. – Семью, может, и устраивают условия, но не меня. Я давно подозревал, что к нашим проблемам причастны родственники. Покушения развеяли последние сомнения, а ваше замечание об утечке информации расставило все по местам. Отец специально выбил назначение в Алапаевск, чтобы переждать грядущие выборы Великого князя. Теперь понимаю, для убийц расстояния не имеют значения.

– Чего же вам нужно от меня? – конечно, я сочувствовала несчастьям, свалившимся на баронов, однако у нас самих проблем выше крыши.

– Вы уже дважды оказались рядом в моменты смертельной опасности, и только поэтому я жив. Вы будто живой талисман, отводящий неминуемую беду.

– Послушайте, это уже перебор. Совпадение...

– Прошу, дайте договорить, – перебил молодой человек, – для меня это серьезный шаг. Нина Константиновна, я хочу принести клятву вассала. Я ведь не ошибся? Вы – последний представитель рода Забелиных, сохранивший родовые способности? Глава! Сомневаюсь, что духи признали бы главенство отверженного потомка при наличии прямой наследницы с нужным даром.

– Э-это весьма неожиданно и лестно, – я растерялась, действительно не ожидая от молодого барона подобного предложения. – Вы понимаете, что такими вещами не шутят? И... вы ведь будете служить магу! Не знаю, что у вас за заморочки с магией, но она станет частью вашей жизни.

– Понимаю и готов принести эту жертву, даже если господь отвернется от меня.

– И тебя не смущает, что рода Забелиных официально не существует? – разволновавшись, не заметила, как перешла на «ты».

Займеть такого помощника мечтал каждый глава рода, и только избранным удавалось заполучить ашкеназца себе на службу. Это же надежные тылы, порядок в делах и процветание семейного бизнеса. Вот только я не слышала, чтобы ашкеназцы-вассалы страдали от физических недугов, а в потомках таких людей проявлялись наследственные способности.

Пока я задумалась, в дверь поскреблась Неждана. Она принесла поднос с дымящимся чайником, чайными приборами и горкой аппетитных пирожных на роскошном фарфоровом блюде. Даже у меня после плотного завтрака возникло желание попробовать вкусняшки. Вслед за служанкой в номер прошмыгнула Юленька, у которой развилось особенное чутье на лакомства. Малышка обожала сладкое и поедала его с не меньшей жадностью чем золотые монетки. В проеме возникла взволнованная мордашка Лизы, которую я успокоила тем, что присмотрю за девочкой.

Юленька целенаправленно протопала к столу, забралась на стульчик и потянулась за пирожными. Конечно же, схватила ближайшее, лежащее в основании «пирамиды», которая разрушилась из-за потери устойчивости.

– Кушач! – Юленька быстро запихнула лакомство в рот в страхе, что его отберут.

Неждана с тихим вскриком бросилась спасать хозяйское добро. Наверняка Алим заранее сделал заказ, чтобы меня угостить. А тут такая неприятность! Одно пирожное все-таки упало на пол, испачкав ковер. Служанка тут же подхватила испорченное лакомство, завернула в салфетку и спрятала в передник, а сама принялась вытирать жирное пятно.

– Простите, барин. Я немедленно все уберу, так неловко получилось, – пропищала она в оправдание испуганным голосом.

– Не переживай, в этом нет твоей вины. А вам, боярышня, – серьезным тоном обратился Алим к малышке, – следовало дожидаться, когда пирожное подадут на тарелке, а не хватать со стола.

– Так ибуду бойсе, – виновато потупилась Юленька, облизывая запачканные ладошки.

Затем девочка уселась на стул, сложила ручки на колени, как я недавно, и гипнотизирующим взглядом уставилась на тарелку.

– Я сейчас, – заметалась Неждана, не зная, что сделать в первую очередь: замыть пятно или же прислужить за столом.

– Не спеши, – разрешил сомнения Алим, – сначала убери тут и попроси подать горячего чая. Этот уже остыл.

Я едва сдерживала улыбку, наблюдая за малышкой, которой безумно хотелось пирожных, но она терпеливо ожидала, когда подадут тарелочку. Извелась ведь вся, то и дело поглядывая на лакомство и вздыхая. Однако ж и ослушаться не посмела, золотой ребенок. Неждана замыла пятно на ковре, вернулась с новой порцией чая и принялась разливать его по чашкам.

Неладное мы заметили, когда девушка вдруг с резким стуком поставила чайник и ухватилась обеими руками за столешницу, побледнела вся, на лбу выступила испарина.

– Что с тобой? – Алим как раз хотел отхлебнуть глоточек, но отставил чашку в сторону, – тебе плохо? Что случилось?

– Нехорошо что-то, барин, – пожаловалась Неждана, – голова вдруг закружилась, а внутри все так загорелось, терпеть уже не вмоготу.

– Может, вызвать лекаря? – предложила я помощь, однако девушка покачала головой.

– Не беспокойтесь, не нужно. Можно, я пойду к себе? Полежу немного, и все пройдет, – а сама часто задышала, приложив руку к

груди, будто хотела удержать рвущееся изнутри сердце.

– Давай я хотя бы лекарский амулет принесу, – я подскочила и спешно направилась к двери.

Однако уже на пороге меня настиг шум от падения. Развернувшись, обнаружила служанку на полу. Она смотрела огромными от страха глазами, силилась что-то сказать, но только хрипела. На губах пузырилась розовая пена.

– Игна-ат! – завопила я во весь голос, – на помощь!

Бросилась к Неждану и растерялась, впервые не зная, что делать. Бежать за лекарем? Амулетами? Тут счет шел на секунды, не успею. Да и бедняжка с силой вцепилась в мою руку, ничем не оторвать.

– Это отравление! Спроси, что она ела, – взволнованный молодой человек был так же беспомощен, как и я.

Он только и мог, что подъехать на коляске поближе и бессильно наблюдать за агонией бедняжки.

– Неждана, это важно! Ответь, что ты ела или пила недавно? – я нависла над девушкой, пытаюсь поймать ее мечущийся взгляд. – Неждана, слышишь? Если не можешь сказать, моргни или пожми мою ладонь.

Насколько я знала, прислуга вставала раньше хозяев и завтракала отдельно. Печенья и конфеты лежали в буфете в изобилии, но мы предпочитали заказывать свежую выпечку, да и все остальное из вагона-ресторана. Служанка вряд ли взяла что-либо без разрешения, не тот склад характера. Однако упавшее пирожное не так, чтобы сильно пострадало. Могла ведь и соблазниться дорогим лакомством, жалко выкидывать.

– Ты пробовала пирожное? Никто не будет за это ругать, тут важно другое. Да или нет?

По синюшно-бледным щекам девушки потекли влажные дорожки слез. Неждана моргнула и крепко стиснула мою руку, а потом ее тело забилось в конвульсии, неестественно выгнулось и обмякло.

На зов первыми прибежали Лиза с Евдокией, затем Гаврила с Егором и Иван, у которого при себе был целительный амулет. Парень активировал его над девушкой, но тот осыпался, не в силах справиться с непоправимой бедой. Нас всех охватило оцепенение. Сознание отказывалось понимать, как такое произошло? Здоровая молодая женщина, которой еще жить и жить. Мы даже предпринять ничего не

успели, а ее больше нет. Ужас! Если Неждана отравилась пирожным, выходит, устранить собирались Алима? А если бы Юленька не уронила злосчастный бисквит? Вместо одного трупа тут лежало бы два?

– Юленька?! – дошло вдруг, что малышка первой попробовала лакомство.

От вскрика присутствующие вздрогнули и обратили внимание на девочку. А эта проказница под шумок добралась до злосчастной тарелки и методично поела вкусняшки. Всего-то пара штук осталась, и те уже надкусанные, чтобы никому не достались. У меня сердце пропустило удар от одной мысли, что она наелась отравы.

Глава 23

Трагическая гибель Нежданы потрясла всех. Девушка только начала приходить в себя после того ада, что пережила в плену у разбойников, и тут такое. В комнате Алима стало шумно, когда разом вдруг спало оцепенение и люди заговорили. Лиза бросилась к малышке, принялась спешно оттирать ее пальчики от крема и вычитывать, что нельзя так себя вести. Евдокия сползла по стеночке и, уткнувшись лицом в ладони, заплакала. Иван оставил Гаврилу за нами присматривать, а сам отправился к баронам. Уже через минуту в купе ворвался перепуганный Осип Ааронович, а следом бледная и взволнованная Мусечка.

– Что тут произошло? – Зельман гулко сглотнул, увидев распростертое на полу тело.

– Меня пытались отравить, – процедил Алим. – Нас, ведь я пригласил Нину Константиновну для разговора и заказал пирожные в ресторане. Лишь случайность уберегла от еще большего несчастья.

– На этот раз я ни при чем, – я замотала головой, когда взгляды скрестились на мне. – Это Юленька своим появлением спасла Алимину жизнь.

– Я так не думаю, – возразил молодой наследник и стойко выдержал мой насупленный взгляд. – Вчерашнее покушение провалилось, маги убиты, но у них остался сообщник. Когда я отправлял заявку в ресторан, то еще не знал время встречи. Не ответь Нина Константиновна так скоро на приглашение, не позови она Юлию Игнатьевну присоединиться к нашему чаепитию, я был бы уже мертв.

Возразить тут было нечего. Да и попробуй найди аргументы, когда факты говорили сами за себя. Но вот Юленька! Девочка не испытывала дискомфорта, попробовав яд. Она и золото переваривала, изменяя его под себя. Первоначальный испуг прошел, и я магическим зрением придиричиво осмотрела девочку. Никаких отклонений в течении магических потоков или резкого опустошения резерва, как бывало, когда маг получал физические повреждения и расходовал энергию на восстановление. Это радовало. Хотя не стоило исключать, что не все пирожные напичкали отравой, и это только Неждане не повезло.

Однако я сильно сомневалась, что убийца бы так осторожничал, ведь это не давало гарантии, что яд попадет к нужной жертве.

Минут через десять, когда испуг прошел, примчался Игнат, которого разыскали в поезде через проводника. Понятно, что об убийстве мы никому не сообщали, и труп на полу стал для брата неприятным сюрпризом.

– Я найду эту мразь, – процедил Игнат, узнав подробности, – она еще в поезде. С утра остановок не было, а следующая только в полдень. Нина, – он порывисто меня обнял, – рад, что все обошлось. Вам с Лизой и Юленькой придется снова спрятаться, но я постараюсь побыстрее их отсюда спровадить. Осип Ааронович, посодействуете? – обратился Игнат к барону, у которого маска растерянности сменилась на хищный оскал зверя, вышедшего на тропу войны.

Я поморщилась от перспективы провести полдня в сундуке, ведь о нашем присутствии в поезде никто не знал. Разве что маги, но они уже никому об этом не расскажут.

– Компания разорится, если не преподнесет мне убийцу на блюдечке. Я их засужу! Это ведь какой прецедент! Извинениями не отделаются. Получается, теперь ни один дворянин не будет чувствовать себя в безопасности во время поездки? Да они у меня по миру пойдут! – распалился Зельман.

– Вижу, вы знаете, что делать. Давайте обсудим, что скажем дознавателям, – брат развернулся к Алиму.

– А что тут говорить? Я заказал чаю с пирожными, служанка не удержалась и попробовала одно, прежде чем подавать к столу. Яд подействовал раньше, чем я приступил к десерту. Девушка вдруг начала задыхаться, упала на пол и умерла, я позвал на помощь – все.

– Гм, действительно, добавить нечего, – пробормотал Игнат, – а как объясним, куда пропали остальные пирожные?

– Выкинули в окно? – предположил молодой человек. – Сам я не мог в силу видимых причин, но маменька моя импульсивная женщина, хотела защититься.

– Я и сейчас хочу это сделать, – подтвердила Мусечка. – А еще лучше накормить отравленной дрянью душегуба, пусть подавится!

Обговорив детали, мы оставили одно пирожное для экспертизы и спрятали его у Нежданы. Девушке все равно, а нам нужны убедительные доказательства. Тарелку Мусечка с нескрываемой

радостью вышвырнула в окошко. Возможно, слишком дотошные следователи будут искать следы и даже найдут осколки. Ну а что пирожные? Их растащили животные.

Мы с Лизой, Юленькой и Егоркой пошли прятаться, пока тут будут шастать посторонние. Только на прощание Алим напомнил:

– Нина Константиновна, наш разговор не окончен. Этот случай только подтверждает мои выводы. С нетерпением жду вашего положительного решения.

– Конечно, Алим Осипович, – я ступала под настороженными взглядами четы баронов. – Я подумаю над предложением и к вечеру дам ответ.

Игнат проводил меня до кладовой, где стояли массивные дорожные сундуки. Помог устроиться, проверил, чтобы отверстия для воздуха не перекрывались снаружи, закрыл крышки и запер замки. На этот раз я прихватила запас воды и печенья. А еще забежала к себе, чтобы переодеться и посетить санитарную комнату.

– Нин, – брат всю дорогу терпел, чтобы не любопытствовать при посторонних, и вот, прорвало, – какого ответа ждет баронский сынок? Что он предложил? Как понимаю, его долг увеличился.

– Клятву вассала, – ответила я, хитро улыбнувшись.

– И ты еще сомневаешься?! – он чуть дар речи не потерял. – Да это же... это такой шанс! Соглашайся, даже не думай! Польза, которую Алим принесет роду, несоизмеримо выше проблем с его родственниками. Тем более, что с принятием вассалитета эти проблемы отпадут сами собой.

– Поговорим позже, – я намекнула, что не стоит вести важные разговоры в столь ненадежном месте.

Да и мне требовалось время. Кое-что в этой истории не давало покоя. Например, магические способности Алима, которые подавляли таким варварским способом. Подозреваю, никто из ашкеназцев не понимал глубинного смысла проводимой над ними экзекуции. Возможно, далекий предок Кальманов, обладающий магией разума, захотел оградить потомков от порабощения каким-нибудь кланом или же от полного уничтожения. Ведь магия разума давала неограниченную власть над другими людьми. Читать мысли, чувствовать эмоции, навязывать собственное мнение или полностью подчинить любого человека. Даже мага, если у него нет защиты

против такого вмешательства. Кто откажется от такого? И какой аристократ, облеченный властью, допустит подобное? Однако же мои выводы основаны на догадках, нельзя опираться только на них.

Игнат прав, глупо отказываться от щедрого предложения. Клятва вассала приведет в род опытного юриста, способного защитить имущество Забелиных, чтобы его не растащили в наше отсутствие. Это только родовое поместье защищено от чужаков, но ведь были же в семье и другие активы? За девять лет много воды утечет, пойдя потом, стребууй свое, концов не найдешь. С другой стороны, Алим претендент на пост Великого князя, если я сделала правильные выводы из рассказа Мирьям. Может, это цинично, но занять в должниках целый клан заманчивее, чем одного вассала. Мусечка хоть и утратила в замужестве наследуемый титул князей для своих потомков, но право сильного никто не отменял. Главой рода, князем становился сильнейший маг, способный защитить интересы рода. У ашкеназцев соответственно самый умный и талантливый представитель. Какая ирония! Именно запертая в теле магия наделяла претендентов необходимыми талантами, а увечья – последствия варварского ритуала. Если же Алима так настойчиво желали устранить, значит, он вправе претендовать на этот пост. Вопрос в другом, хочет ли он сам связываться в эту борьбу?

Временное заточение закончилось гораздо быстрее предыдущего. Игнат вернулся через пару часов. Дознаватель из службы безопасности поезда уже опросил свидетелей и составил акт. Тело Нежданы забрали, служанки навели чистоту в купе-номерах. Однако же тягостное присутствие смерти осталось. За последнее время на моих глазах часто гибли люди, но там действовала сталь, магия. Мы вступали в схватки с реальным противником, рискуя жизнью и понимая, что победит кто-то один. А тут опасность пришла с той стороны, откуда ее никто не ждал. Неизвестность пугала до чертиков.

– Будь осторожен, – попросила я брата, когда он захотел присоединиться к облаве, устроенной отрядом жандармерии, спешно поднятом по тревоге на ближайшей станции.

Барон не шутил, когда обещал кары небесные железнодорожной компании и ее владельцам, клану Бобриных. Два покушения подряд! Жертвы среди мирного населения. Скандал набирал обороты. Сам глава, Алексей Алексеевич Бобрин, спешно вылетел в Екатеринбург,

чтобы встретиться с Осипом Аароновичем и уладить конфликт. Даже император отреагировал, направил своего наблюдателя, о чем барону Зельману сообщил по магическому каналу связи Великий князь Кальман. Нешуточная каша заварилась!

Вот только убийцу так и не нашли. Жандармы обыскали поезд, лично заглянули в каждый уголок, опросили пассажиров, но никто ничего не видел. Полагаю, главная проблема крылась в том, что пассажиров первого класса не досматривали без их согласия. Попробуй, подойди к аристократу с подобной просьбой! Сразу же прилетят претензии об оскорблении достоинства, чести. Как вы могли на меня подумать? Вы меня в чем-то подозреваете? Учитывая, что Зельману тоже есть, что скрывать, – наше присутствие, например, – то настаивать на обыске дворян глупо.

– Нутром чую, убийца прячется где-то рядом! – рычал от бессилия Игнат. – Он не мог сойти с поезда. Не мог! Покушение не удалось, значит, будут еще попытки.

– Но что нам делать? – Осип Ааронович негодовал не меньше брата. – Великий князь Кальман обещал поддержку. В Алапаевске нас встретит вооруженная охрана, клан привлечет к расследованию все доступные ресурсы. Сутки продержимся. Не представляете, Игнат Александрович, сколько раз я возблагодарил бога за то, что наши дороги пересеклись. Рядом с вами и вашей семьей мы чувствуем себя в безопасности. Лучшего защитника во всей империи не сыскать!

Он даже не понимает, насколько прав, усмехнулась я, сворачивая заклинание прослушки. Зачем Игнату дважды пересказывать одно и то же? Да и некогда ему, забежал на минутку, чтобы сообщить о результатах и проверить, как у нас дела. Даже на обед не остался.

Питаться едой из ресторана Зельманы наотрез отказались. Теперь служанки готовили на походной плите, а продукты закупили на промежуточной станции. Ехать нам еще сутки, можно и потерпеть некоторым неженкам, привыкшим к кулинарным изыскам. Между прочим, в лесу и походная каша шла на ура, так что пусть не выделяются.

Поскольку я теперь носила звание «спасительницы и благодетельницы», то меня пригласили за барский стол. Лучше бы со слугами поела, честно. Как-то уже отвыкла от светских манер и необходимости поддерживать беседу. Мусечка опять достала

вопросами о мечтах. Приходилось выкручиваться, чтобы не сболтнуть лишнего.

Зато у Алима иной раз глаза вспыхивали весельем, чего я раньше за ним не замечала. Ну да, парень в курсе моей тайны, примерно представляет, чего может пожелать девочка, которая единственная из рода выжила в кровавой резне. В чем-то ситуации у нас схожие, мы ведь тоже бежим от убийц, которых нанял близкий родственник. Не может такого быть, чтобы молодой Зельман не учел всех нюансов, когда предложил клятву вассала. Барончик даже не сомневается, что я соглашусь.

Думает, все просчитал. Ага! Я не сдержалась и украдкой подмигнула парню.

Доверять Зельманам я не собиралась, ученая уже. Они в целом нормальные люди, но благодарность – дело жутко неблагодарное, как бы по-идиотски это ни звучало. Достаточно мысленно поставить себя на место другого человека. Представить, что кто-то спасает тебе жизнь раз, другой, третий, а ты прикован к инвалидному креслу и не в состоянии ответить тем же. Запроси мы денег, их бы тут же предоставили, и на этом наши пути разошлись. Думаю, у Осипа Аароновича сработало чутье, подсказавшее отдать долг иным способом. Как итог, с нашей помощью бароны предотвратили еще два покушения. Предлагать деньги теперь глупо, а быть постоянно кому-то обязанным изматывает до такой степени, что хочется уже избавиться от неподъемного долга любым способом. Клятва вассала не позволит предать или причинить физический вред, но иной раз и бездействие бывает смертельным. Враги Алима рано или поздно угомонятся, он найдет способ убедить их в своей лояльности. А вот Шумский никогда не успокоится, равно как и я.

Со стороны противостояние мелкой соплюшки и могущественного клана выглядит смешным. Сколько я смогу прятаться? Год, два, десять? Возможно, это у меня получится. Но, что произойдет, когда я выйду из тени? Для Зельмана ответ очевидный. Ну-ну, он еще не представляет, сколько сюрпризов припрятано у меня в рукаве. Удивляюсь, как еще замуж не предложил за него выйти. Брак ведь первое средство искупить долг жизни, особенно, если спаситель находится ниже по положению на социальной лестнице. Слава богу, что это не так! Алиму прекрасно известно, что я не соглашусь. И дело

даже не в моем возрасте. Помолвки, бывало, родители заключали чуть ли не с самого рождения. У ашкеназцев всегда супруга входила в семью мужа и никак иначе, а мне надо род возрождать.

Разговор с молодым наследником я оставила на вечер, а пока занялась записями, как изначально и планировала. Успела переписать больше половины из дневника прадеда, заодно наметив себе новое заклинание для изучения. Вот как только освою «Поиск» из раздела водной стихии, сразу же за него и возьмусь! С этими покушениями совсем забросила занятия, а ведь тренироваться необходимо каждый день!

Прикинув, что до ужина минут сорок в запасе, устроилась поудобнее на диванчике и погрузилась в медитативное состояние. Первые шаги «Поиска» – почувствовать вокруг себя источники воды. Раз мы не на природе находимся, то это только живые люди. Сил у меня прибавилось за последнее время, опустошение резерва и использование магии на пределе показало ощутимый результат. Теперь я накрывала поиском целый сектор. Если принять пространство вокруг меня за окружность, то одну восьмую от общей площади с дальностью до пяти метров. К примеру, слева распознавались три источника – семейство Зельманов. Ага, и собрались они у Алима. Наверное, родители надели на сыночка, выпытывая подробности нашего разговора. Быстренько свернув заклинание, сформировала воздушный щуп. Надо же послушать, что они там обсуждают?

– Сын, ты уверен? – донесся взволнованный голос Осипа Аароновича, – это серьезный шаг. Сам понимаешь, после этого прежние привилегии будут недоступны. Тебе закроют доступ к архивам рода, а запросы будут рассматриваться на общих основаниях. Это сильно осложнит жизнь и, несомненно, скажется на карьере. Мы найдем телохранителей, заплатим любые деньги. Да, в этом случае за нами останется долг жизни, но это не так критично, как кажется.

– Отец, я все уже обдумал и принял решение, – спокойным тоном ответил Алим. – Ты не видишь всей картины. Вспомни о разновидностях вассальной клятвы. В каких случаях члены общины лишались поддержки?

– Только если становились частью чужого магического рода и проходили посвящение в источнике, – Зельман оживился. – Но откуда у Неделиных возьмется источник? Как же я об этом не подумал! В

этом случае клятва означает лишь защиту интересов и верную службу сюзерену, но никак не распространяется на твоих потомков. А если вдруг удастся вернуть долг жизни, то это освободит от обязательств.

«Ах, вон оно что! – я вскипела от возмущения. – Умный, значит! Все рассчитал? Сообразил, что до совершеннолетия я не сунусь в родовое поместье, а за девять лет много чего произойдет. Но кто сказал, что я не могу туда попасть, не потревожив защиты, которую сама же установила? Ох и сюрприз тебя ожидает, недокнязь Зельман. Ответ получишь, когда изучу всю информацию по этим клятвам».

– Алимчик, а, может, ты просто женишься на этой девочке? – предложила Мирьям. – К чему такие жертвы?

– Мусечка, думай, что говоришь! – осадил супругу барон. – Она одаренная и к тому же еще ребенок. Подумай, какая жизнь ее ждет с заблокированными способностями и вечными упреками от членов общины? На подобные жертвы магички редко идут даже ради большой любви. Такой ты видишь благодарность за спасение нашего сына?

– Нет, конечно! Но тогда Алимчик хотя бы останется с нами, – женщина всхлипнула, – а так, ему придется следовать за Неделиными, куда бы они ни отправились.

– Зато наш сын будет жив! Это сейчас главное, а уж как обустроить его с комфортом, придумаем. Тем более это напрямую зависит от исполнения наших договоренностей в получении Неделиными дворянского титула.

«Ну, хоть слово держат», – я выдохнула с облегчением.

Насчет того, что Зельманы будут ужом выкручиваться, лишь бы соблюсти собственные интересы и просчитывать всевозможные варианты, я не сомневалась. Однако вызывал уважение факт, что в части принятых обязательств ашкеназцы четко следовали договоренностям. «Неподкупность и честность» – девиз, выбитый на родовом гербе, и незыблемое правило, на котором строилась репутация клана юристов и финансистов. Я бы добавила еще хитрож... мудрость, потому что честно они вели себя с теми, с кем заключили контракт или же дали обещание. Опять же, в рамках прописанных условий, следуя букве, а не духу договоренностей. Вот же, натуральные евреи! Никогда выгоды не упустят.

Глава 24

За ужином беседовали мало. Мусечка пыталась завести старую шарманку, но хватило одного тяжелого взгляда Игната, чтобы отстала. А о погоде мы и так уже наговорились за день.

– Нина Константиновна, – Алим напомнил о себе, – зайдете на чашечку чая?

И куда он торопится?

– Конечно, – кивнула, чувствуя, как на мне скрестились любопытствующие взгляды.

Я прошла вслед за Алимом в соседний номер, прикрыла двери и расположилась на диванчике для гостей. Лизу, видимо, заранее проинструктировали, потому что служанка вошла через минуту с подносом, на котором легонько позвякивали чашки, а над чайником вился парок. На этот раз на десерт она подала печенье из буфета и клубничное варенье. Дожидаясь, пока нас оставят наедине, я подхватила чашечку и отхлебнула глоточек. Обжигает!

– Скажите, Алим Осипович, – я начала издалека, – а какой вы видите службу моему роду? Нас ведь двое осталось и не скоро появится шанс заявить о себе во всеуслышание. К тому же, вам необходимо закончить учебу, наработать практику, выиграть парочку дел, чтобы заработать собственное имя.

– Я рад, что вы понимаете необходимость какое-то время посвятить личным делам, – ответил молодой человек после секундной заминки.

Может, и не ожидал от меня вопросов, но вел себя естественно и реагировал спокойно. Или это часть профессиональных обязанностей?

– Так вот, службу я вижу в защите интересов рода, сохранении имущества или в выгодных приобретениях такового в будущем. Урегулирование возможных споров и юридические консультации.

– Полагаю, ничего нового из того списка услуг, что предлагает клиентам юридический дом Кальман, – я захлопала глазками, придавая лицу невинное выражение. – А что я получу от своего вассала?

– «Неподкупность и честность», – глазом не моргнув, парень процитировал родовой девиз, – а еще личную заинтересованность в

благополучии вашей семьи. Любой стартовый капитал за год увеличу втрое. Если потребуются засудить кого-то, могу вести судебные тяжбы годами. Так понимаю, до совершеннолетия вы вынуждены будете скрываться, менять место жительства, имена. В этом я также готов содействовать. В меру возможностей, разумеется.

– Почему именно вассальная клятва? Ведь все вышеперечисленное я и так приму в уплату долга жизни, – каверзный вопрос, требующий честного ответа.

Алим тяжело вздохнул и ссутулился, будто бы на него разом обрушился груз старых проблем. Сохраняя молчание, молодой человек цедил сладкий чай. Взгляд уставшего от жизни человека рассеянно блуждал по комнате, подолгу не задерживаясь на одном месте. Эмоциональный фон отдавал застарелой болью и тоскливой безнадегой, вызывая невольное желание посочувствовать нелегкой судьбе.

– Знаешь, подростком я злился на маму за то, что она лишила меня будущего, – я невольно вздрогнула, когда Алим заговорил. Мысленно встряхнулась, сбрасывая чужие эмоции и окутываясь родовым щитом. Жалость плохой советчик, а уж в исполнении мага разума и вовсе ни к чему. – Я ведь мог бы наследовать титул князя Леви, пользоваться княжескими привилегиями, развлекаться. Вместо этого учился как проклятый, доказывая, что достоин утраченного титула, а княжеский наследник Барух Хайим мне в подметки не годится. Что же, в чем-то я преуспел, – он скривился в горькой улыбке. – Но как оказалось, это не имело значения. Барух лишь посмеялся, хорошие клерки везде нужны. Клерки! С тех пор я избегаю людей. Друзей заменил на книги, а праздники и семейные вечера – на древние манускрипты из архива клана. Инициация, приковавшая к инвалидному креслу, на многое раскрыла глаза. Мир перевернулся, приоритеты сместились и мечты изменились тоже. Как бы я хотел пробежаться босиком по траве, побыть обычным парнем, влюбиться, завести семью и ребятишек. Только полный отказ от прошлого приблизил бы меня к цели. Однако без веской причины я не покину род. Это причинит родителям боль.

– А как же вера в бога? Вы ведь отрицаете магию? – откровенность Алима поразила до глубины души.

Я чувствовала его искренность, слова изливались вскипевшей лавой, вскрывая старые нарывы и сжигая мосты.

– Вера останется со мной, даже если бог отвернется. Я не считаю магию злом. Это всего лишь инструмент, который в добрых руках приносит пользу, спасает жизни или исцеляет, а в плохих становится опасным оружием, сеющим страдания и смерть.

– Алим, откровенность за откровенность, – я поднялась и подошла к парню, – позволишь? – взяла его за руку и задрала рукав, рассматривая рунную печать. – Я обладаю особенным зрением, которое позволяет видеть магию. И я вижу ее в тебе! Здесь, – провела пальчиками по запястью, где располагался энергетический узел, – и здесь, – коснулась второй руки, – здесь, – приложила ладонь к солнечному сплетению, – еще в паховой области и на ногах. Магические каналы – такая же часть тела, как кровеносная система, сердце или легкие. Представь, что будет, если человеку пережать вены на руке? Кровь перестанет поступать в конечность, постепенно она онемееет, а по истечении некоторого времени начнется процесс отмирания тканей. В лучшем случае человеку отрежут руку, в худшем – он умрет от заражения крови. Печати – это крепкие путы, что перетягивают магические каналы, не дают им развиваться и нарушают циркуляцию энергии. Ты сильный маг. Твои способности развивались усиленными темпами, пока ты учился, читал и закачивал в себя тонны информации. А потом, в один прекрасный день, магические каналы перекрыли. Не представляю, какую боль ты испытал при этом, но то, что тебя искалечили этим ритуалом, неопровержимый факт.

Новости шокировали молодого человека, минут пять он молчал, уставившись в одну точку. Я успела допить остывший чай с печеньками, когда парень отмер и спросил глухим голосом:

– Это настолько невероятно, что я никак не могу поверить. Если только на секунду представить, что это правда, получается, Великий князь и старейшины обманывали нас на протяжении столетий?

– Может, и обманывали, – не стала я отрицать, – но я бы дала иную формулировку – спасали. Ложь во благо.

– Благо? – возмутился Алим и, схватившись руками за поручни коляски, потрянул ее так, что сам себя чуть не опрокинул. – Это, по-твоему, благо?

– Именно! – я хмыкнула, понимая, как нелепо звучит утверждение без доказательств, – если речь идет о выживании рода. Ты маг разума, Алим, если тебе это о чем-нибудь говорит.

– Маг ра... – парень осекся, распахнув от удивления глаза. Удивительно выразительные, с длинными, как у девушки, ресницами и хищным изломом бровей. – Не может быть! Великий князь, старейшины, жрецы – выходит, они двуличные лицемеры? А все их лозунги, что магия – зло, порождение темной силы и происки темников, наглая ложь? – молодой человек расхохотался. – А сами-то они кто? Убийцы... – смех резко оборвался. – Одному богу известно, сколько подростков не пережило инициацию! А сколько искалеченных судеб? Уму непостижимо! Зачем клану враги, если зло просочилось в самое сердце и уничтожает лучших представителей?

– Или они платят за то, чтобы остальные члены общины жили в мире и спокойствии? – пробормотала я под нос, однако Алим услышал.

– Нет, цена слишком высока! Я не желаю в этом участвовать! Нина Константиновна, я готов принести полную вассальную клятву и войти в ваш род, если вы удостоите меня такой чести, – он с мольбой впился в меня взглядом.

– Это серьезный шаг, который требует вдумчивого решения обеих сторон. Здесь не время и не место, но... – я вновь приблизилась к парню, обнажила меч, который подарил отец, – клятва служения и верности не требует официальной обстановки. Этим вы подтвердите честные намерения, и только после этого я смогу доверять вам полностью.

– Я, Алим Самон Осипович барон Зельман, клянусь жизнью служить верой и правдой Нине Константиновне Забелиной и ее роду! – произнес он без запинки и провел ладонью по острому лезвию, обагрывая его собственной кровью.

Настала моя очередь. Не без внутренней дрожи стиснула окровавленное лезвие в руке, ощущая, как холодный металл проникает в плоть.

– Я – щит рода! Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью, – голос помимо воли наполнился силой и окреп. – Я принимаю клятву Алима Самона барона Зельмана и беру его под защиту рода!

В завершение воздух озарился фиолетовой вспышкой, в которой растворилась смешавшаяся кровь, показывая, что клятва принята и подтверждена магически. Теперь, если молодой барон надумает навредить или обмануть, то сразу же умрет. Что же, одним преданным человеком стало больше, и я рада этому пополнению.

– Добро пожаловать в нашу семью, Алим, – улыбнулась, пряча меч в ножны и растирая багровый шрам на ладони.

Он быстро заживал и при этом жутко чесался, вызывая дискомфорт.

– Я очень этому рад, Нина Константиновна, и постараюсь оправдать ваше доверие, – ответил молодой человек, ошарашенно разглядывая исчезающий рубец.

– Алим, нам давно пора перейти на «ты», – предложила я с усмешкой, а то чувствовала себя слишком взрослой. – Хотя бы наедине или между своими.

– Как скажете, э... как скажешь, – барон кивнул, – готов приступить к работе.

– Ух, какой резвый! – я усмехнулась. – Но ты прав, кое-что стоит узнать уже сейчас. Например, имена наших врагов, которые, к сожалению, теперь стали и твоими.

– Не переживай, я понимал, на что шел, и не в претензии. Так, кому же Забелины перешли дорогу?

– Князю Агнияру Шумскому.

– Погоди, но он же...

– Да, это мой родной дед. Он лично участвовал в штурме поместья и раздавал приказы. Мама с папой, двоюродные братья, няня, все наши люди погибли на моих глазах. Я выжила лишь чудом.

– Не понимаю, за что? Как можно поднять руку на собственных детей, внуков? – ужаснулся молодой человек.

– Дед пришел за моим младшим братом Данияром, – процедила, невольно стиснув кулаки. – В тот же день князь устроил праздник в честь инициации и объявил его наследником.

– У него что, законных сыновей мало? Я читал о скандале, когда княжна Шумская выскочила замуж против воли отца и ее вычеркнули из рода. В газетах писали, у Светланы Агнияровны был слабенький дар, поэтому шумиха быстро улеглась, а дело спустили на тормозах.

– Проблема вырождения магического дара коснулась всех детей Шумского, – я горько усмехнулась. – Княжичи сплошь слабосилки, не унаследовали родовых способностей. Данияр же с младенчества проявил такую силу, что отцу пришлось идти на поклон к Шумскому, чтобы тот помог обуздать стихию.

– Полагаю, это был серьезный удар по больному самолюбию Агнияра Святозаровича? Почему же князь ждал еще три года?

– Надеялся, что сами прибежим, спасая жизнь брата, – я смахнула непрошенную слезу. – Вот только мы не торопились. Нашли способ на время обуздать стихию. Но для ритуала инициации требовался маг огня и...

– И тогда твой отец обратился за помощью к единственному родичу, который ею обладал, – догадался Алим о роли Игната.

– Верно, – я всхлипнула. – Вот только он опоздал и обнаружил меня, умирающую в лесу от магического истощения. Вижу, у тебя возникло много вопросов, – я подметила, как Алим стал быстро записывать в блокнотике, материализовавшемся у него в руках. – Давай, я расскажу, как было, чтобы больше к этому не возвращаться.

Барону я выдала сокращенный вариант наших с Игнатом злоклучений, не упоминая о старой сокровищнице и императорском Хо`шене. Ни к чему вываливать на парня сразу все проблемы, да и парочка козырей в рукаве не помешает.

Засиделись мы допоздна, а потом еще с Игнатом разговор состоялся. Брат дожидался в моем купе и дремал, облокотившись руками об столик.

– Что-то ты долго, – он проснулся от шороха открываемой двери, потряс головой, разгоня сонливость. – Как все прошло?

– Алим принес клятву служения, пока без принятия вассалитета и вхождения в род. Теперь молодой барон на нашей стороне. Я рассказала о событиях в Каменной пади, но об амулете и темниках он еще не в курсе. Кстати, убедилась сегодня, что Зельманы сдержат слово и помогут с обустройством. Насчет решения сына в курсе. Не то чтобы одобряют, но относятся с пониманием. Сына любят и переживают за его будущее. Я обещала парню защиту, так что нужно обеспечить его амулетами.

– Ясно, рад, что хоть у кого-то новости хорошие. Предупрежу Ивана и Гаврилу, что Алим теперь с нами. Думаю, спрячем защитные

амулеты в инвалидной коляске, чтобы не бросались в глаза. Как ни крути, а парень проводит в ней много времени, – рассуждая вслух, Игнат будто составлял план действий на завтрашний день, только что в блокнотик не записывал.

– Знаешь, вскрылась интересная подробность, – я вспомнила об особенном даре нового члена нашей команды. – Представляешь, Алим маг разума!

– Да, ладно!?! – у брата округлились глаза. – А как же это их «магия зло», «происки нечистого»? Выходит, лгали с самого начала?

– Нет, Алим не знал и тоже удивился, когда ему об этом сказала. Думаю, это тайна, которую скрывают даже от своих. Увечье молодого барона – не врожденное и не результат травмы. Это последствия ритуала инициации, на котором членам рода блокируют магические способности.

– То есть, как это? Зачем? Не понимаю!

– Вспомни, что говорила госпожа Разумовская? За магами разума охотятся, их подчиняют, заставляют принести кабальные клятвы, следят за каждым шагом или же... уничтожают. Известно, что среди ашкеназцев не рождаются маги, сила их рода в другом – живом уме, знаниях, неподкупной репутации и умении вести дела. За годы селекции высокие умственные способности и аналитический склад мышления проявились у большинства потомков. Но самые выдающиеся результаты показали именно запечатанные маги.

– Издеваешься? Какой результат? Если магия запечатана и дар не развивается с самого детства, он перегорает, – резонно возразил Игнат, и в чем-то был прав.

Такие случаи не редкость среди простолюдинов, к примеру. Люди попросту не понимают, с чем столкнулись, некогда учиться всяким «глупостям», когда стоит вопрос выживания.

– А кто сказал, что ашкеназцы не развивают дар? Они дают детям хорошее образование, с малых лет обучают письму, счету, чтению. Чем не тренажер для ума? Самое ужасное происходит, когда одаренному ребенку наносят на тело печати. Ты как никто можешь представить последствия, потому что сам прошел через ад, когда печать отречения убивала тебя изнутри. Одна печать! А у Алима их восемь!

Игнат вздрогнул и невольно посмотрел на правую руку, затянутую в кожаную перчатку. Под ней скрывался биомеханический протез,

который заменил потерянную кисть.

– Ты сможешь ему избавиться от этой гадости? Со мной же получилось.

– Я попробую, но быстрого результата не гарантирую. Твою печать ставил глава рода и преследовал иную цель. Когда я приняла клятву, то этим отменила предыдущее решение. А у Алима печати нанесены немагическим способом – рунами, придется изучить их, прежде чем приступить к делу.

– Руны и ритуалистика, – брат хмыкнул. – Думал, их уже никто не использует, разве что начинающие артефакторы. Маги давно обходятся без костылей. Чтобы руны напитались силой, необходим источник, будь то маг или природное явление. Сами по себе эти закорючки малоэффективны, опытному магу ничего не стоит их разрушить.

– Неэффективны, говоришь? – почему-то вспомнилась карета Зельманов, которая выдержала атаку разбойников и практически не пострадала. – Я бы не была в этом уверена, как-то же печати на их основе блокируют способности и не позволяют магам опознать одаренных.

– Ладно, позже разберемся, – Игнат зевнул, прикрывая рот ладонью, и засобирался. – Поздно уже, а завтра еще столько дел предстоит. Будем думать, как попасть в апартаменты первого класса и не вызвать гнев хозяев.

– Сложная задача, – я хмыкнула, на минуточку представив, что кто-то так же настойчиво пытался бы пробраться к нам. – Наверняка, охрану везде усилили из-за шумихи вокруг покушений. Списки пассажиров не пробовали проверить? Те же Зельманы по своим каналам и выяснят, связан кто-то с их семьей или нет. Ну или в грязных делишках замечен? Вдруг повезет, и всплывет чья-нибудь фамилия?

– Да, мы подумали об этом и уже достали полный список пассажиров, учитывая тех, кто сошел на предыдущих станциях. Но сама понимаешь, раз уж мы нашли способ путешествовать инкогнито, другие тоже могли додуматься.

– Подожди-ка! – я уже проводила брата к двери, как где-то в глубине сознания царапнула мысль, – есть идея! Заклинание «Поиск»! Я только начала его осваивать и пока что не научилась притягивать

воду из подземного источника. Зато неплохо определяю такие источники в радиусе пяти метров.

– Объясни, голова к ночи уже не соображает, – Игнат устало вздохнул.

– Ну, люди, кровь, – сразу так и не сформулируешь, – это тоже источники. Я сумею определить их точное количество на отдельном участке поезда, а после вы сверите цифры со списками. Если обнаружится кто-то лишний, значит, это наш убийца и есть!

– И в кого ты такая умная уродилась? – он неожиданно подхватил меня на руки, отчего я взвизгнула, и закружил. – Быстро ложись спать, завтра подниму пораньше, будем зайцев искать.

Утром еще рассвет не забрезжил, а братец уже был на ногах, посвежевший и отдохнувший. И меня поднял, вырвав из сладкого сна. Наскоро перекусив, мы отправились на поиски. На всякий случай я переделалась в мальчишку, спрятав волосы под картузом. По документам меня вроде как не должно тут быть.

Люди еще спали, даже слуги, привыкшие вставать раньше хозяев, но это нам только на руку. Тихонько выскользнули из апартаментов в узкий коридор, прокрались мимо дремавшего проводника и оказались в тамбуре. Я устроилась на холодном полу, мимоходом отметив, что не взяла никакой подстилки. Ну, да ничего, маги редко болеют. Сосредоточилась на деле, сформировала плетение поиска и накинула его на ближайшие апартаменты первого класса.

– Восемь человек и мелкое животное, – выдала после продолжительной паузы.

– Так и есть, господа Ротчины путешествуют семьей в количестве пяти человек, в сопровождении трех слуг. У младшей дочери при себе домашний питомец – шпиц. Все сходится, – подтвердил Игнат мои сведения.

Второй заход также не принес результата. Заяц обнаружился в другом вагоне, и не один, а в компании воздушного мага. По документам апартаменты выкупил купец Нежинский для себя, жены и двух сыновей. При них также числился учитель словесности господин Иверин, семейная пара слуг и два телохранителя.

– Думаешь, это они?

– Уверен, – хмуро ответил брат, – я лично общался с купцом, и он упоминал, что его супруга на сносях и ей нездоровится. Просил не

тревожить без причины. Проводник подтвердил, дама в положении и никуда не выходит. На поезд сели в Покровском, однако в Кречетове слуги заносили какие-то ящики. По накладным запчасти для ткацких станков, у Нежинских фабрика в Алапаевске. С нашими баронами по делам не пересекались и официально не представлены.

– Ну-у, сам понимаешь, это ничего не значит, – я сосредоточено изучала магические потоки неизвестного мага и слушала рассуждения Игната. Оставшихся пассажиров мы тоже проверили, и расхождений в количестве не выявили. Так что, это они, наши убийцы, больше некому. – На купца могли и надавить, пригрозить или подкупить. Просто выбрали подходящего кандидата и не оставили ему выбора.

– Мда, такое не стоит исключать, но... – в полумраке тамбура глаза мужчины сверкнули зловещим огнем. – Купеческое сословие – это не дворянство, меньше проблем, если вдруг мы ошиблись. Возвращаемся! Теперь эти твари никуда не денутся.

Брат проводил меня в купе, велел Гавриле запереть двери и никому не открывать, чтобы ни случилось. А сам забрал Ивана и отправился к жандармам. Вместе с убийцами находилась семья Нежинского, при штурме они могли пострадать, так что действовать следовало аккуратно. В ожидании новостей мы собрались в гостиной. Так и защищаться проще, и все на виду. Мало ли, что пойдет не так, вдруг у преступников есть и другие сообщники в поезде?

Примерно через час поезд вдруг резко дернулся, послышался металлически лязг и противный визг тормозов. Одновременно раздался оглушающий протяжный гудок, а за окнами взметнулись к небу клубы пара. Кто-то дернул стоп-кран, такие во всех апартаментах имелись. Вагон еще прокатился по инерции десяток-другой метров и остановился. В образовавшейся тишине отчетливо донеслись хлопки выстрелов и треск магических ударов. В замкнутом пространстве поезда применять боевую огненную магию опасно, есть риск зацепить невиновных. Однако среди жандармов числился маг земли и воздушник, а Игнат и без магии был опасным противником. У двух человек против десятка жандармов не было шансов, но переживать мы все равно переживали.

Как оказалось, врага нельзя недооценивать. При численном преимуществе жандармы умудрились упустить мага. Тот почувствовал угрозу, или же заранее продумал пути отступления. Когда отряд

заблокировал входы-выходы из апартаментов Нежинского, маг сорвал стоп-кран, отчего люди, устроившиеся в засаде на крыше, попадали вниз. Сам же маг сиганул в окно и с прытью загнанного зайца помчался к лесочку, виднеющемуся метрах в двухстах от дороги. Пока наши сообразили, что происходит, тот уже был далеко. Жандармы отправили в погоню обоих магов и половину отряда, но что-то подсказывало, вряд ли они нагонят беглеца. Следовало брать его на станции, перекрыть пути отступления, обложить со всех сторон. Однако урядный офицер захотел выслужиться перед начальством и преподнести убийц на блюдечке. Теперь же, если мага не поймают, отправят офицера в отставку, а то и пенсии лишат. Второго подельника маг сам же и уколошил, еще с Нежинскими хотел расправиться, да не успел довести дело до конца. Телохранители погибли, прикрывая женщин и детей, а купца спас слуга, подставившись под смертельный удар.

Глава 25

В Алапаевск мы прибыли только на следующий день с опозданием в четыре часа. Час потеряли, когда сбежавший преступник сорвал стоп-кран, еще три в Екатеринбурге, пока велось следствие, убирали тела и опрашивали свидетелей. У барона Зельмана состоялся разговор с Алексеем Алексеевичем Бобриным, результатом которого стала финансовая компенсация за моральный ущерб и пожизненный бесплатный проезд для членов семьи Зельманов или их представителей. Репутация дорого стоит, а у господина Бобринина из-за покушений она теперь изрядно подмочена. Подозреваю, скоро по всем направлениям железнодорожных перевозок усилят меры безопасности и ужесточат правила провоза багажа. Так что наш фокус с тайным перемещением в сундуках больше не повторишь. Не очень-то и хотелось, конечно, но нужда приспичит, еще не так извернешься.

Из-за повышенных мер безопасности и охраны, нанятой домом Кальман, время пребывания в тесных сундуках увеличилось. Пока выгрузились из поезда, встретились с представителем юридического дома и добрались до служебной квартиры, прошел не один час. Дальнейшее обустройство также затянулось, ведь то временное жилье, что подыскали Зельманы, теперь не подходило. Алим решительно настроился съехать от родителей и жить с нами, а это накладывало определенные обязательства и требования к безопасности. Во-первых, нам не нужны лишние глаза и уши соседей или тех же хозяев. Во-вторых, жилище должно быть надежным и в идеале иметь крепкие стены и высокий забор. В-третьих, требовалось место для тренировок. Насчет набора новых учеников Игнат еще не решил, но за нас собирався взяться всерьез. Учитывая вышеперечисленные требования, предпочтительнее подыскать отдельный дом, в идеале выкупить его в собственность и укрепить изнутри, усилить ловушками и неприятными сюрпризами для возможных убийц.

Неделю, пока решались организационные вопросы, мы с Лизой, Егором и Юленькой сидели взаперти. Опасались даже к окнам подходить, чтобы не вызвать подозрений. Алим и то был свободнее в передвижениях, а все потому, что нас официально не существовало.

Шумиха с покушениями привлекла внимание к семье барона и его окружению. Игнат и Ваня с Гаврилой прибыли под именами наемников, что погибли от рук убийц в поезде. А вот Неделины за исключением детей числились жертвами покушения, так что снова остро встал вопрос с документами.

В идеале нам бы сразу объявиться здесь под дворянской фамилией. Осип Ааронович клятвенно заверил, что приложит максимум усилий, чтобы решить проблему в кратчайшие сроки. Однако на него и так свалилась куча дел сразу. Это и обустройство на новом месте, учитывая, что часть багажа путешествовала по российским трактам в перегоняемой слугами карете. Плюс вступление в должность управляющего юридической конторы подразумевало постоянное присутствие на рабочем месте. Вдобавок, новое лицо в небольшом городке привлекло внимание местного бомонда, и Зельманам уже поступили приглашения-знакомства на званые ужины. Кстати, на одном таком вечере и решилась проблема с легализацией, когда бароны услышали местную легенду о проклятом графе.

Я времени даром не теряла, посвятив себя учебе и изучению записей из дневников. Зельманы хоть и открещивались от магии, однако же опосредованно пользовались ее достижениями. Например, Алим подсказал, как восстановить текст, если чернила выцвели от времени или же расплылись из-за попадания влаги. Нет, сами они такими вещами не занимались, но плотно сотрудничали с семьей, владеющей секретом магического порошка. Достаточно посыпать щепотку такого на испорченную страницу, как на бумаге проступал прежний текст. К сожалению, эффект не постоянный и оригинал после процедуры рассыпался в пыль, но времени хватало, чтобы изучить информацию или же переписать в тетрадь. Теперь-то я ученая, новый дневник защищен от вредоносного действия времени, губительной влаги, беспощадного огня или нежелательного внимания посторонних. А вот оригиналы были безнадежно утрачены, за что предстояло держать ответ перед прадедом, доверившим мне труд всей жизни. Я утешала себя оправданием, что знания не пропали даром и никогда не попадут в чужие руки.

С Алимом за последние дни мы удивительно сблизились, проявляя интерес к новым знаниям. Барон с нешуточным усердием изучал рукопись и церковные книги, написанные на древнем языке

магов. К сожалению, те экземпляры, что хранились в библиотеке Зельманов, не содержали необходимой информации. Младшая ветвь баронов образовалась около двухсот лет назад. Книги по возрасту соответствовали этому же периоду и являлись искусными копиями единственного подлинника, принадлежащего Великому князю. Причем, сильно урезанными копиями, где описывались божественные заповеди и ритуалы, которым свято следовали все ашкеназцы. Подозреваю, оригинал содержал истинные сведения о предназначении печатей и об изменениях, которые те претерпели со временем.

Ну, не верю, чтобы в роду нарочно изводили самых сильных представителей. Каждый древний род стремился возвысить себя всеми возможными способами. Ритуалы посвящения, метки, печати – это способы усиления или же сдерживания силы, пока подрастающий представитель клана достигнет определенного уровня развития духа и тела. Если так, то должны быть способы, чтобы убрать ограничения без фатальных последствий. Часть символов магической печати нам удалось расшифровать. К сожалению, грубое вмешательство чужой магии влекло за собой утрату скрытых способностей и магическую стерилизацию, означающую, что среди потомков этого человека не появятся одаренные.

– Я не откажусь от своих слов, – Алим побледнел, когда узнал о последствиях вассальной клятвы.

Зато я убедилась, что правильно не стала торопиться. Моему роду нужны сильные союзники и верные, которые не вонзят меч в спину. Если в мои руки попадет такой козырь, как умение изменять магическую печать, это позволит контролировать целый клан. Цинично с моей стороны? Я так не считаю, всего лишь вопрос выживания.

Вместе с нами на учебу налег Егорка, который под чутким руководством Елизаветы выучил буквы и уже читал по слогам. Юленька с умным видом присутствовала на уроках и, казалось, даже не слушала взрослых, играясь с любимой куклой. А куда деваться, если мы ютились в комнате для прислуги? Это я, пользуясь положением, пропадала в кабинете Алима, а у других выбора не было. Вот купим себе дом, тогда у каждого члена нашей необычной семьи будет отдельная комната.

С покупкой вскорости подвернулся вариант, удовлетворяющий все наши запросы. Речь о графе Толпееве, на семью которого за короткое время обрушилась череда несчастий. Аристократ сам спровоцировал их, так что пенять ему не на кого.

Владислав Андреевич Толпеев перебрался в Алапаевск семь лет назад после безвременной кончины двоюродного дяди, не оставившего прямых наследников. Причина, по которой аристократ покинул высшее общество и осел в провинциальном городке Зауралья банальна – карточный долг. Будучи азартным игроком, граф проиграл дом в столице, родовое поместье, доходные фабрики и даже приданое дочери. Бедняжка и сама стала предметом торга, послужив приложением к титулу, которого так не хватало одному богатому промышленнику. Любви близких такие поступки не снискали. А тут еще старший сын погиб на дуэли, защищая семейную честь, или то, что от нее осталось. Среднего со скандалом выгнали с третьего курса академии. Деньги на учебу глава семейства также использовал не по назначению. Как оказалось, и в провинции можно жить, если подойти к этому вопросу с умом.

Осознав масштаб трагедии, граф поприжал аппетиты, занялся обустройством на новом месте. В наследство ему достался дом, шахта и завод по переработке руды. Вместе с оставшимся сыном, который неожиданно проявил таланты управленца, Толпеев добился неплохих результатов, расширил производство и прикупил пару приисков. Жизнь постепенно наладилась, в семье появились деньги, а граф снова принялся за старое. На сегодняшний день его имущество перезаложено несколько раз, а в городе нет человека, кому бы Владислав Андреевич не задолжал. Сын, когда вскрылась правда, сильно запил, ведь его с таким трудом налаженная жизнь снова катилась под откос. По пьяной лавочке он и замерз зимой в двух шагах от дома. У беременной снохи случился выкидыш, после которого она так и не оправилась. Вот и остался старый граф наедине с горем и карточными долгами. Как только истечет срок выплаты по закладным, приставы арестуют имущество, а самого графа посадят в долговую яму. Худшей участи для главы дворянского семейства и представить нельзя.

Барон Зельман выложил подноготную Толпеева без прикрас. Граф готов душу заложить, чтобы все исправить, вот только прошлого не

изменишь. Слабохарактерный и погрязший в пороках человек, он еще на что-то надеялся. Писал письма дочери, умоляя спасти от позора, но та отреклась от семьи, не простив, что ее продали как вещь. Слуги разбежались, немногие друзья и знакомые отвернулись. Завод и шахта простаивали, ведь рабочие месяцами не получали зарплату.

Как-то иначе я представляла себе возвращение в высшее общество. С такой репутацией нечего рассчитывать на уважительное отношение дворян. Насмешки неизбежны, как и возможные конфликты на этой почве. С другой стороны, графский титул открывал многие двери. Да и поместье подходило идеально: большой дом на окраине города, высокий забор, сад, выход к реке. Поначалу мы заинтересовались поместьем, а уже позднее узнали историю семьи. Так почему бы не решить две первоочередные задачи одним махом?

– Нина, что ты надумала? – состоялся семейный совет с Игнатом.

Алим уже высказал мнение, что в любом случае наше вливание в общество будет нелегким. Сложности вполне ожидаемы, зато польза очевидна уже сейчас. Титул даст мне право посещать школу для дворян и в дальнейшем рассчитывать на приличное учебное заведение.

Ванька только пожал плечами, заявив, что набьет рожу каждому, кто косо посмотрит в нашу сторону. Юленька, понятное дело, еще не имела права голоса. Ну а Урядовых такие тонкости не интересовали.

– Соглашаемся, – я тяжело вздохнула. – Еще неизвестно, когда подвернется другой вариант, и будет ли он лучше. Граф примет наши условия, Алим уже занимается выкупом закладных на имущество. Осип Ааронович завершит процедуру усыновления в кратчайшие сроки. Толпеев признает тебя наследником и главой семьи, а сам отойдет от дел и получит пожизненное содержание. У него не будет выбора. Кто еще подпишется на такие условия?

– В этом ты права, с кем-то другим пришлось бы договариваться, – Игнат поморщился. – История отдает гнильцой, и это напрягает.

– Смердит за километр, – я поддакнула брезгливо, – но мы не в том положении, чтобы нос воротить.

– Тогда решено! – брат хлопнул ладонью по столу. – Едем к этому графу.

Медлить действительно не стоило. Похоже, на имущество аристократа уже слетались падальщики, норовящие урвать кусок

пожирнее. По дороге нас настигла весть о гибели последнего верного слуги Толпеева. Старика ограбили и бросили в сточную канаву, хотя последний нищий знал, брать у бедолаги нечего. Тот доживал свой век подле хозяина, и ему некуда было уйти.

Ехали мы не с пустыми руками. У Алима в портфеле лежали долговые расписки на пять тысяч золотом и закладные на поместье, шахту и прииски. Жаль, завод увели прямо из-под носа, но мы не расстраивались. Все равно собирались позже продать.

Граф обрелся в гостиной, развалившись на оттоманке, и не ожидал гостей. Одутловатое лицо с синюшным оттенком, характерное для запойных пьяниц. Хмельной запах, початая бутылка вина на столе и рой мух над остатками вчерашнего ужина. Низко же опустился человек, раз ничуть не смутился предстать в таком виде перед чужими людьми.

– Эй, Прошка! – крикнул старик, – подай чаю господам!

Слова канули в пустоту, в доме никого не осталось, а весть о кончине последнего верного человека еще не достигла Владислава Андреевича.

– Прошу, располагайтесь, – он кивнул на запыленный диван. Сам же приосанился, запахнул поглубже полу халата, прикрывая дряблые тела. – С чем пожаловали, любезные?

– Господин Толпеев, – Алим с портфелем на коленках выдвинулся вперед, – у нас предложение, от которого вы не сумеете отказаться.

Ломался граф недолго, хватило закладных и расписок с его подписью. Единственное, в чем уперся наглухо, это в вопросе усыновления. Вернее, удочерения.

– Графиней Толпеевой станет она, и точка! – он невежливо ткнул в меня пальцем, – а вы, господин хороший, – это Игнату, – можете быть опекуном, родственником по материнской линии, да кем хотите!

– Алим, в чем тут подвох? – шепотом поинтересовалась я у ашкеназца.

– Полагаю, в праве наследования. Если появится наследник мужского пола, то у него будет первоочередное право на титул и состояние. Насколько мне известно, сыновей у графа не осталось, только дочь. Возможно, ее дети продолжат династию, тут все по закону.

– И что нам делать?

Барон задумался, явно не ожидая, что слабохарактерный граф вдруг проявит твердость в вопросе удочерения. С другой стороны, понять аристократа можно. Он хоть и пропил последнее, и больше походил на трактирного забулдыгу в своем засаленном халате, но цену себе знал. Даже такой опустившийся и насквозь прогнивший, он оставался графом со всеми вытекающими. Прихлопнуть бы его, так ведь нельзя, пока документы не подпишет. Да и общественность всколыхнется, мигом сообразив, что неспроста тут объявилась наследница, а едва обретенный родитель сразу же отправился к праотцам.

– М-м-м, думаю, соглашаться, – Алим напряженно размышлял, барабанил пальцами по подлокотнику инвалидного кресла. – Определенную выгоду мы с этого поймеем, хотя бы частично закроем вопрос по документам. Закладные и расписки с вашего позволения я пока не буду переоформлять. Пусть временно на мое имя останутся, а как Игната Александровича узаконим, так на него и переведем. Перестрашуемся, чтобы его сиятельство пакости какой-нибудь не сотворил.

– А он может? – я усомнилась, если честно, в умственных способностях Владислава Андреевича.

– Еще как! – хмыкнул молодой человек. – Не представляете, на какие выдумки способны люди, чтобы облапошить ближнего. Я еще распоряжусь к нему охрану приставить, чтобы не убог и новых долгов на радостях не наделал.

Алим Осипович, как новый владелец поместья, сразу принялся распоряжаться и отдавать приказы. Мы с братом выйдем из тени после официального объявления графа Толпеева об удочерении в присутствии свидетелей и адвокатов. Процедуру назначили на следующий четверг, оставив в запасе неделю для подготовки. За это время поместье требовалось отмыть от грязи и пыли, освежить мебель, привести в порядок сад и подъездные дорожки. Для этой цели наняли штат прислуги, а то Лизе с Евдокией на пару не управиться. Сами мы переехали вечером того же дня, чтобы не стеснять Зельманов.

Мусечка прилетела наутро, чтобы проверить, как устроился сыночек, и пришла в ужас от неподобающего состояния дома. Собственно, нам как раз не доставало громогласной распорядительницы, чтобы командовать армией слуг и вернуть

поместью былое величие. Золото только так улетало на эти ее «надо», «так положено» и «обязано быть». Даже граф помалкивал под суровым взглядом баронессы и не осмеливался перечить. Зато к назначенному часу дом сверкал чистотой и приобрел хоть немного того лоска, что знавал в лучшие годы.

Мне на заказ сшили пышное платье, которое шуршало накрахмаленным подолом при каждом движении и жутко мешалось. Отвыкла уже от таких нарядов, привычнее в штанах да крестьянской одежде бегать. Детишек наших приодели согласно статусу. Урядовы щеголяли в новенькой униформе. Елизавету поставили старшей экономкой над новенькими. Евдокия так и осталась личной служанкой Алима, что по положению ставило ее выше других слуг. Гаврилу назначили управляющим и главным конюшим.

Владислава Андреевича отмыли, причесали и приодели в парадный камзол. Питть ему не давали и не выпускали за пределы дома, так что на церемонии он выглядел свежим и даже улыбался сквозь прищур хитрых глаз. Наверняка обдумывал, как бы нас с носом оставить. Вот только не на тех напал!

За неделю Алим провернул хитроумнейшую комбинацию и не без помощи Осипа Аароновича и его связей раздобыл нам документы. Еще и легенду придумал, к которой самый дотошный следователь не подкопается. Оказывается, у старшего сына графа Толпеева во времена студенчества состоялся бурный роман с одной провинциалочкой. Соблазнил обещаниями жениться и бросил, когда наигрался. Ну а девушка позора не вынесла, топиться пошла. Не утопла, люди добрые вытащили и доложили, куда следует. Скандал на всю столицу прогремел. За девицей только брат стоял, который в те годы в гарнизоне имперском службу нес. Вот когда вернулся на побывку, узнал о несчастье с сестрой, вызвал обидчика на дуэль и убил. У старого графа тогда еще оставались связи в столице, поспособствовал, чтобы убийцу сына на дальнюю границу сослали служить, где тот и сгинул вскорости. И девица та затерялась, следов никто не нашел.

Среди общих знакомых Толпеевых эта история была на слуху. Однако вряд ли кто лично общался с братом обиженной девицы, и уж тем более никто доподлинно не знал о ребенке. Зельманы и раскопали эту историю потому, что в архиве городской столичной Управы сохранилась запись, что граф Толпеев уплатил девице Гладьевой

енную сумму за нанесенное оскорбление. А в свидетельстве о смерти Николая Владиславовича Толпеева указано, что седьмого числа августа месяца убит на дуэли поручиком Гладьевым, о чем заверяют подписи секундантов.

Вот так и появился в Алапаевске отставной поручик Гладьев, родной дядя и опекун Нины Николаевны Толпеевой, неожиданно объявившейся наследницы старого графа.

Ох, не зря мы столько готовились к приему! Событие из ряда вон выходящее, и для маленького городка знаменательное. Аристократ на грани разорения вдруг раздал долги и признал ребенка от старшего сына. Игнат выступал противоборствующей стороной, и в глазах местных дам обзавелся ореолом таинственности и благородства. Как же, отомстил за честь сестры! Не оставил сиротой внебрачного ребенка, и даже пошел на примирение с врагом ради будущего горячо любимой племянницы. Ну, так это выглядело со стороны. Вдобавок, отставной поручик недавно овдовел, что превращало его в лакомую цель для незамужних дам. Выгодная партия, учитывая, что брат числился владельцем поместья Толпеевых и части его предприятий. Так что слетелись дамы на прием, как мухи на мед. Еще и протекция барона Зельмана помогла, как-никак его сын компаньоном Гладьева числился.

Для меня же этот званый вечер превратился в пытку. О неудобном платье молчу. До черных мушек перед глазами раздражал добродушный дедуля. В прошлой жизни я не знала родительской любви, но в этой за короткие три года привязалась к новой семье, прикипела душой. Забелины навсегда останутся моими родителями. Умение чувствовать эмоции, доставшееся от госпожи Разумовской, выдавало истинное отношение графа. Холодность и равнодушие, даже некоторая брезгливость, как к безродной шавке, пригретой из жалости. Но я держалась и улыбалась гостям, понимая, что от этого зависит наше спокойное будущее. Вскорости мне придется постоянно общаться с лживыми аристократами, для которых видимость важнее содержания.

Была у меня и еще одна тайная миссия – приглядывать за Толпеевым, чтобы не сговорился с кем-нибудь за нашей спиной, не наделал глупостей. Не уверена, что справилась с заданием. К нам постоянно подходили незнакомые люди, здоровались, заводили

разговоры ни о чем, перекидывались ничего не значащими фразами. Отупеть можно, четыре часа обсуждая погоду за окном.

Когда же мы, наконец, выпроводили последнего гостя, я едва доползла до кровати и рухнула без сил. Чуть позже в комнату проскользнула Лиза, которая стащила с моей полусонной тушки платье и заботливо укрыла одеялом.

«Надо будет выписать ей премию», – подумала, проваливаясь в сон.

Лиза с рассвета крутилась, как белка в колесе. А на ней еще присмотр за Юленькой, которую представили гостям вначале вечера, а после увели в детскую, подальше от лишних глаз. Да и некоторые молодые господа слишком уж настойчиво предлагали девушке уединиться. Служанка же! Хорошо, Игнат подоспел, вовремя пресек поползновения и усладил Лизу с личным поручением.

Между прочим, некоторые вертихвостки из новой прислуги куда-то периодически исчезали в сопровождении молодых и не очень господ под предлогом осмотреть дом или сад. Гнать таких распутниц в шею! Или все-таки оставить, ведь у мужчин имеются физиологические потребности? Деликатный вопрос. С Алимом на эту тему посоветоваться, что ли?

Утро началось с криков, эхом разносящихся по дому. У старика оказался неожиданно противный голос, которым он визгливо требовал заложить экипаж для выезда. Гаврилу Силантьевича на этот счет подробно проинструктировали, так что вряд ли граф прорвет линию обороны. Урядов предан нашей семье и столько всего навидался, что его не испугать угрозами. Вскорости послышался хриловатый баритон Игната, который невозмутимо напомнил Владиславу Андреевичу об условиях сделки. Оставаясь в этом доме, он должен соблюдать правила. Иначе вмиг переселим в отдельную квартиру, будем перечислять ежемесячное содержание, и пусть живет, как хочет.

Толпеев еще побурчал для проформы и убрался к себе во флигель. Из графских покоев его выдворили в первый же день, Мусечка постаралась. Вот уж кто не повелся на страдальческий вид и жалобы на здоровье. Суставы ноют? Так это от сквозняков и сырости, топить надо в доме, тепло поддерживать. А к флигелю как раз кухня примыкает, круглый год печка греет, самое то для старых косточек. К тому же, первый этаж, и слуги рядом, помогут, ежели чего

понадобятся. У баронессы не сорвешься. Побухтел граф, слезу пустил, трагически закатывая глаза, да и поплелся на новом месте обустроиваться. Сам-то в хозяйских покоях гадюшник развел. Пришлось обои переклеивать и полы заново перестилать, чтобы избавиться от запаха помойки и нечистот.

Магией старик не обладал, а денег на воду, дрова или бытовые амулеты в доме не водилось. Едва на продукты хватало, или на дешевое пойло. Собственные винные погреба опустели стараниями среднего сына. Но тот хотя бы дела вел, пытался свести концы с концами, а Владислав Андреевич жил одним днем. Как только появлялась лишняя копейка, тут же отправлялся в игорный дом. Если его туда не пускали, то в дешевый кабак, где привечали всякий сброд. Иной раз собутыльники появлялись в поместье и тащили, что плохо лежит. Протрезвев наутро, старик писал жалобы в городскую Управу. Слово простолюдина против аристократа ничего не стоило, раз украл, будь добр возместить. С забулдыг брать нечего, таких в кутузку или долговую яму определяли, так что, кто поумней, обходил нищего графа стороной. Эту неприглядную часть жизни Владислава Андреевича мы выяснили случайно. Гаврила по заданию брата прогулялся по трактирам, собрать новости и завести знакомства. Вот и наткнулся на обиженного судьбой пьянчужку, который выложил подноготную графа. Кто-то в жандармерии покрывал старика и регулярно подкидывал мелочь на пропой. И этот кто-то приходился дальним родственником купцу Резникову, который увел у нас рудный завод.

Глава 26

День обещался быть нелегким, судя по такому бурному началу. Сегодня запланирована встреча с директором Алапаевской гимназии господином Посадовым. Лев Алексеевич с супругой вчера присутствовал на званом ужине, где мы договорились о визите, так что он ожидал нас к одиннадцати часам. Проблем с зачислением не предвиделось, брат намеревался внести щедрое пожертвование на нужды образовательного заведения. Как-никак, учебный год уже начался, нам придется наверстывать программу.

Лев Алексеевич встретил нас на пороге кабинета радушными приветствиями и заверениями в своем искреннем расположении.

– Игнат Александрович! – он обменялся с братом рукопожатием. – Ваша светлость! – удостоил меня легким полупоклоном. Небрежно кивнул мальчишкам, робко пристроившимся за нашими спинами, – прошу! Проходите-с. Располагайтесь. Может, чаю? Наталья Ильинична, – позвал Посадов секретаря из приемной, – будьте-с добры, подать чаю для дорогих гостей.

Игнат устроился в кресле, расположенном в гостевой зоне кабинета. Я опустила на соседнее и чинно расправила складки на платье. Благодаря Мусечке в моем гардеробе полно нарядов, подобающих новому статусу. Ванька с Егором вытянулись у стеночки, зыряка по сторонам любопытными взглядами. Им по статусу сидеть в присутствии старших не положено. Алим с нами не поехал, неотложные дела в мэрии. Сразу после гимназии и мы туда отправимся, чтобы подписать бумаги на передачу имущества.

– Итак, господин Гладьев, – Посадов дождался, пока принесут чай, и присоединился к нам, заняв третье пустующее кресло. – Дело ваше понятное и богоугодное. Желаете-с дать образование детям, и это похвально-с. В наши времена только грамотный человек имеет-с шансы благополучно устроиться в жизни. Я готов пойти-с навстречу и принять всех троих в учебные классы. Однако прежде необходимо выяснить уровень знаний, которыми уже овладели-с молодые люди.

Мы предполагали такую проверку и не переживали, в гимназию непременно поступим. Другой вопрос, в какой класс? С Егором и так

понятно – первая ступень, только буквы выучил и с трудом читал по слогам. А вот насчет Ивана возникали сомнения. Прежде он посещал начальную школу, потом обучался на дому под присмотром Пелагеи и Игната. В воинском искусстве парень преуспел, а в остальных науках сразу так и не скажешь.

В себе я не сомневалась. В подростковом возрасте не хватала звезд с небес, но школу закончила крепким середнячком. Развитие этого мира пошло по другому пути, поэтому история, литература, география требовали вдумчивого изучения.

– Полагаю-с, Егор Гаврилович может немедленно приступить-с к занятиям. Сейчас я вызову-с инспектора, чтобы определил его в класс, – отреагировал Лев Алексеевич на наши объяснения об уровне подготовки. – Наташенька, будь добра, вызови Петра Аркадьевича. Передай, дело срочное, не терпит-с отлагательств. А вы, ваша светлость, молодой человек, – это уже мне и Ивану, – пройдемте-с. Прозкзаменуем вас, чтобы определить уровень знаний.

Переглянувшись, мы с Ваней отправились за директором в соседнее помещение. Просторное и в то же время душное, с выбеленными стенами и пахнущими мастикой паркетными полами. Сквозь арочные окна пробивались солнечные лучи. Частично падая на свежеокрашенные столы, они безжалостно высвечивали все неровности и тщательно замазанные надписи. По широкому подоконнику ползала сонная муха. В дальнем углу в разошедшейся кадке зачах фикус, понуро свесив листья.

Тумба для преподавателя располагалась на солнечной стороне, чуть сбоку от классной доски. Я оккупировала стол в дальнем ряду, подальше от учителя и поближе к выходу. Иван, чуть помедлив, занял соседнее место. Ученические столы походили на знакомые с советских времен парты. Они также были рассчитаны на двух человек, снабжены подставкой для чернильницы, перекладной для ног и полочкой для личных вещей.

– Сначала письменное задание, – директор раздал листочки с вопросами. – Чуть позже, если потребуются, побеседуем-с устно. За час с небольшим управитесь, а там и третий урок закончится, преподаватели как раз освободятся. Ну-с, не буду мешать. Нам с Игнатом Александровичем надо заявления заполнить по форме, не меньше вашего времени займет-с.

Я с тоской посмотрела на лист, исписанный убористым почерком. Предметов не так чтобы много: словесность и чистописание, алгебра и начертательная геометрия, физика и химия, история и география, литература. Иностранные языки на выбор: французский, немецкий, латынь, рукопись.

Уняв внутреннее волнение, которое все-таки разыгралось под влиянием обстоятельств, начала с легких тем. Пощелкала математические задачки, ответила на вопросы по химии и физике, после чего перешла к сложным. С литературой с горем пополам справилась. Основы французского и немецкого получила еще в доме Забелиных, так что и тут написала пару предложений. Латынь – не мое, а вот рукопись мы с Алимом плотно изучали последнюю неделю. Пробелы вскрылись в истории и географии, но это ожидаемо. В целом нормально справилась, учитывая сжатые временные рамки.

За полтора часа школьный звонок прозвенел три раза. Последний означал окончание третьего урока и времени на подготовку ответов. На перемене после второго урока в коридоре слышались голоса, гомон и детский смех, однако никто не нарушил нашего уединения. Сейчас же и минуты не прошло, как в класс заявился директор, а следом еще четверо человек.

– Позвольте-с, – Посадов забрал с парт листочки с ответами, – время вышло. Не переживайте-с, если не успели. Это формальный опрос, позволяющий выяснить глубину знаний, не больше. Господа, – он передал плоды наших стараний учителям. Перед этим мужчина бегло пробежался взглядом по записям, уважительно хмыкнул. – Ну-с, впечатляет! Ваше сиятельство, для своих лет вы чрезвычайно образованы и разбираетесь в точных науках. Игнат Александрович в анкете указал-с наличие магических способностей, так что это объясняет-с, почему вы опережаете сверстников в развитии. Думаю-с, господа учителя согласятся, на первой ступени обучения госпоже Толпеевой делать нечего.

– Совершенно верно, Лев Алексеевич, – поддакнула строгая дама в очках. Элегантным жестом она поправила оправу на переносице и прошла по мне недоуменным взглядом. Мол, откуда только взялась? – Я бы даже сказала, в математических науках Нина Николаевна чрезвычайно одарена. А в какой области магии проявился талант?

Хм, ничего, что я тут стою? Я поджала губы и отзеркалила жест, осмотрев преподавательницу сверху вниз.

Добротный костюм из дорогой ткани – сшит на заказ, потому что сидит, как влитой. Модные туфли на низком каблучке. Украшений минимум, но они подобраны со вкусом и дополняют строгий образ. Внимание привлекал кружевной веер, который, казалось, жил отдельной жизнью в руках женщины.

– Ее сиятельство тяготеет к магии воздуха, Виталина Валерьевна, – директор моментально уловил возникшее между нами напряжение, – господин Гладьев упоминал, что Нина Николаевна обучалась на дому. Сам Игнат Александрович человек военный, поэтому упор делался на точные науки и физические дисциплины. Он выразил искреннюю надежду, что племянница заполнит пробелы в образовании.

С братом мы заранее условились, какую информацию выдавать в гимназии. Магический дар не скроешь, да и ни к чему, ведь он только подтверждает благородное происхождение. Никого не удивит, что я научилась ставить тот же щит. Ну а в том, почему в нем преобладают родовые цвета погибшего рода, не каждый разберется. Зато объяснение раннему развитию лучше не придумаешь. В дворянских семьях наследникам чуть не с пеленок приставляли гувернеров и учителей. Детей обучали самоконтролю и умению командовать людьми, прививали особенную манеру поведения. Маленькие маги без надзора могли натворить кучу бед по незнанию.

– Что же, – дамочка с легким щелчком сложила веер и постучала им по ладони, – это объясняет отсутствие манер. Ничего, я сделаю из ее сиятельства настоящую леди. Обоим, – она поочередно ткнула в нас веером, словно указкой, – дополнительные часы занятий по этикету. Посещение танцев обязательно. Я выбью из детишек солдафонские повадки!

Я только чудом сдержалась, чтобы не наругать дамочке. У меня уши заалели от возмущения, а руки сжались в кулаки. Ваньке тоже не понравилось это заявление, но он лучше владел эмоциями. Я расслышала только его тяжелый вздох.

От Виталины Валерьевны не укрылась ни одна мелочь. Усмехнувшись, женщина обмахнулась веером, легким поклоном попрощалась с начальством и коллегами, после чего продефилировала

к выходу с гордо поднятой головой и идеально прямой осанкой. Нас с Иваном проигнорировала, будто на пустое место посмотрела. Вот стервоза-то! Гангрена язвенная, как бы сказал Егорка.

– Кхе-кхем, – кашлянул Лев Алексеевич, перетягивая внимание на себя, – ее сиятельство Виталина Валерьевна Веринская преподает этикет и танцы. В обучении строга-с, но зато и результаты радуют. Наши выпускники известны безупречными манерами. Рекомендую не опаздывать на ее занятия и заниматься с прилежанием. Итак, продолжим-с. Петр Аркадьевич, полагаю-с, вы можете быть свободны, – обратился он к статному мужчине лет сорока с пышными бакенбардами и хитрым прищуром глаз. – Первую гимназическую ступень оба наших школяра благополучно миновали-с.

– Рад знакомству, – откланялся вышеупомянутый Петр Аркадьевич.

В хорошие руки попал наш Егорка. Отчего-то верилось, что этот человек и спуску не даст, и сумеет так заинтересовать учебой, что детишки с удовольствием будут тянуться к знаниям.

– Ну-с, господа инспекторы, – директор обратился к оставшимся, – жду вашего вердикта.

Отмечу, что инспекторами здесь называли завучей, курирующих различные сферы образования. Упитанный толстяк с залысынами отвечал за гуманитарное направление. Сухонький мужичок с всклокоченной седой бородкой заведовал точными науками. Он вцепился в мои листки с ответами и хитро поглядывал на оппонента.

– Аполлинаруй Григорьевич? – окликнул Посадов толстяка, – надо бы подтянуть-с ее сиятельство по истории, закону Божьему и языкам.

– Лев Алексеевич, несомненно, – инспектор промокнул платочком испарину со лба. – По словесным предметам вторая ступень гимназии – это аванс. Вопросы в задании рассчитаны на школяров третьего класса. Однако же, по моему разумению, если госпожа Толпеева возьмет дополнительные уроки и сдаст в конце полугодия экзамены, то это допустимо.

– Категорическое нет! – взорвался от возмущения второй инспектор. – Ее сиятельство скгонна к точным наукам. Посмотрите, как эгегатно гешены задачки! Пятый кгасс! А ваши бесполезные сговесности пойдут факугьтативом!

– Анатолий Борисович, что же вы так разволновались? – очевидно, мнением инспекторов Посадов поинтересовался для галочки, тогда как сам уже давно принял решение. – Вижу, вам уже не терпится заполучить-с Нину Николаевну в ученицы? Однако я обязан-с прислушиваться к пожеланиям опекуна ее сиятельства, а он выразил-с твердое намерение, чтобы девочка получила всестороннее образование. Поэтому зачислена она будет в четвертый класс второй ступени, но с правом посещения лекций для пятого-шестого класса. Также считаю-с возможным сдачу экзаменов за четвертый класс экстерном особой комиссии, если в том возникнет потребность. Полагаю-с, насчет Ивана Игнатьевича споров не будет? Молодой человек показал-с превосходные результаты и сразу определился с направлением учебы, так что, господин Кашин, принимайте пополнение. В этом учебном году у нас будет-с на одного выпускника больше.

Вот тебе и вот! Я удивленно посмотрела на парня. И когда только успел? А главное, где? Неужели Пелагея всему обучила? Надо будет поинтересоваться у Игната.

Жителей в Алапаевске насчитывалось восемь с небольшим тысяч, а гимназию посещало пятьсот двадцать детишек разных возрастов. С нами выходило пятьсот двадцать три ребенка. И это при том, что основная масса школьников осваивала только первую ступень. Чтение, письмо, слово Божие, законы Империи Российской, словесность, история и география – за первые три года школяры изучали начальную программу и шли работать. Собственно, «три класса церковно-приходских» в этом мире ценились, такие люди считались грамотными и получали повышенное жалование. Причем, за одной партой часто оказывались и шестилетние детишки, как наш Егорка, и великовозрастные лбы от пятнадцати до двадцати.

Вторая гимназическая ступень являлась обязательной для молодых людей из дворян и среднего сословия и служила мостиком к высшему образованию. Без аттестата об окончании второй ступени в академии не принимали. Вот аттестат-то нам с Иваном и требовался, как и знания, конечно же. Без них никуда.

В гимназии мы задержались еще на полтора часа, пока заполнили формуляры на получение униформы, учебников и расписания занятий. Инспектор Суховцев, будто в отместку, что не выбрали гуманитарное

направление, нагрузил нас факультативами по самое не хочу. А еще этикет и танцы ежедневно по два часа! Первое время придется поднапрячься, куда ж деваться.

К двухэтажному зданию мэрии мы подъехали во второй половине рабочего дня. Не ожидали, что в гимназии столько времени уйдет на формальности, хотя Алим предупреждал, быстро не отделаемся. Документы на передачу собственности, которую от нашего имени выкупил Зельман, подписали быстро. Стороны согласны, претензий друг к другу не имеют. Там же оформили доверенность на ашкеназца, чтобы вел дела от нашего имени.

Проголодались за день и заехали в ресторацию пообедать, как раз и Егорку дождемся с занятий, чтобы домой забрать. Нужно нам второй экипаж приобрести или даже паромобиль. А что? Удобно же, но больше, конечно, необходимость. Усадьба Толпеева на окраине города в зеленом квартале расположена, далековато каждый день в гимназию и обратно пешком ходить. Алимуну тоже транспорт нужен, как ни крути. Как раз за обедом обсудили покупку.

– Может, карету или ландо? – прижимистый у меня помощник. Жадничал Алим отдавать полторы тысячи золотом за паромобиль. – В обслуживании проще, дешевле.

И это он не подозревал, что я нацелилась на бронированное авто, с магической защитой и повышенной проходимостью. Алимуну по долгу службы разъезды предстоят, а у меня учеба. Как я его безопасность обеспечу? Охрана есть, конечно. Юридический дом Кальман предоставил лучших бойцов, но тревожило меня нехорошее предчувствие. И маг еще этот беглый покоя не давал. Сомневаюсь, что он отказался от намерений, затаился где-то и выжидает подходящего момента.

– Время еще не позднее, предлагаю забрать Егора и заехать в салон, – я видела по пути красивую вывеску с новеньким авто.

Город хоть и небольшой, но можно достать что угодно. А все из-за удачного расположения. Алапаевск – крупный железнодорожный узел, перекрестье нескольких торговых путей.

– Нина Николаевна, дался вам этот паромобиль! Кто его водить будет, заправлять, обслуживать? – всплеснул руками барон.

– Так при салоне мастерская имеется. Они же и будут обслуживать, – я в объявлении вычитала, – а водить сами научимся. На

первое время найдем кого-нибудь, не вижу проблемы.

Наоборот, меня тянуло к автомобилям, в прошлом я умела и любила водить машину. Да и выглядели паромобили монструозно, сразу привлекали внимание и служили показателем статусности.

– Поверьте, привыкнете еще и не захотите обратно в конный экипаж пересаживаться, – заявила я с уверенностью.

– Нин, я тоже не понимаю, зачем он нужен, – проявил мужскую солидарность Игнат. – Все знают, у графа ни копейки за душой, а тут покупки крупные. Зачем к себе внимание привлекать?

– Так, то у графа! – фыркнула я. – А нам следует сразу о себе заявить, чтобы о бедственном положении Толпеева никто не вспомнил. Сам знаешь, нужно обрастать полезными связями. Репутацию Владислав Андреевич подпортил, поэтому придется создавать новую.

– Ну, если только в этом смысле, – с сомнением протянул Алим. – А то я уж было подумал, ты загордилась, превратившись в графиню.

Я прыснула со смеху, тоже мне, нашел, чем гордиться. У отца, может, и не было титула, но за выслугу коллежского советника заработал.

Егорку переполняли впечатления от первого учебного дня. Глазки горели восторгом, а рот не закрывался, рассказывая о новых друзьях, строгих учителях и классах. Поначалу-то вышел на порог гимназии важный, с портфелем в обнимку. Волосы, как ни укладывали их с утра, торчали в разные стороны, левое ухо красное. Предположу, в воспитательных целях накрутили. Телесные наказания в гимназии разрешались за нарушение дисциплины или правил. А нашему шкоде на месте усидеть сложно, гиперактивный ребенок. Вон и костяшки на руках сбиты, а у незнакомого мальчишки, что бросал на Егора злобные взгляды, наливался фингал под глазом.

Незнакомый воспитатель, завидев наш экипаж, поспешил навстречу, желая пообщаться с Игнатом. Брат лишь вздохнул и спустился к мужчине. Егорка аж побледнел, когда сообразил, что нам доложат о его проделках.

– Что натворил-то? – не удержалась и спросила шепотом.

– Ничего, – буркнул нахаленок и шмыгнул носом.

– Так уж и ничего? – ехидно переспросил Иван. – За ничего воспитатель не стал бы вычитывать Игнату Александровичу. Ох и задаст Гаврила трепку! О чем он просил утром?

Мелкий втянул голову в плечи, понурился, совсем ему кисло стало.

– Дык я эта, – он всхлипнул, – не виноватый! Сказал токмо, что на лентающем корабле каталси, и что сам капитан в юнги зазывал, а я отказал! Бреешь, грит Сенька, не может такого быть! А как же бреешу-то, если энто чистая правда? Ну, я и вмазал, чтобы вралем не обзывал!

– Мда-а, – со смешком протянул Иван, – правда она такая, без кулаков не бывает.

– Молодой человек, – Алим витал в собственных мыслях, но и за нашим разговором следил, – а разве вас не предупреждали не болтать языком без дела? О чем еще вы успели похвастаться перед школярами?

– Боярышня, – Егорка спал с лица и чуть не на колени передо мной упал. Благо, пространство экипажа не позволило этого сделать, – клянусь, больше ни словечка лишнего не сказал. Токмо о корабле лентучем! О вас ничегошеньки не было. Один я там был!

– И все поверили, будто без взрослых ребенка пустили на корабль? – подколот Ванька. – Конечно же, тебя посчитали вруном. Один билет стоит как полгода учебы в гимназии. Откуда у тебя деньги?

– Ну-у... э...

– Вот тебе и э... – передразнил он мальчонку. – Учись головой думать, а не тем местом, на котором сидишь.

Ответить Егор не успел, стремительным шагом вернулся Игнат, забрался в экипаж и велел вознице отправляться. Предупрежденный, что после гимназии едем к автомобильному салону, кучер сразу же направился туда. Брат хранил молчание, изредка поглядывая на мелкого. Тот ожидал упреков, обвинений или чего-то в этом роде, а потому недоумевал, отчего же барин молчит. И это молчание действовало похуже любых слов. Не знаю, что мальчонка себе надумал, но выглядел таким убитым, что даже жалко стало. Однако в воспитательный процесс я не вмешивалась, пусть прочувствует серьезность момента и впредь будет умнее.

Автомобильный салон представлял из себя двухэтажную лавку, у порога которой стоял новенький паромобиль. Возле него крутились мальчишки, с любопытством рассматривая диковинку. В Алапаевске подобного транспорта по пальцам пересчитать, цены кусались. В

основном, разъезжали аристократы или зажиточные промышленники. Купец Резников, например. Лавка принадлежала купцу Лазареву Ивану Михайловичу, он и встретил на пороге с радостной улыбкой ушлого торговца, почуявшего выгодную сделку.

– Доброго здравия, господа! Вас заинтересовал паромобиль? Этот экземпляр мой личный, служит рекламой и наглядным пособием для покупателей. Прошу, – он приглашающим жестом распахнул двери. – Посмотрите каталоги с подробным описанием. Здесь же на заднем дворе мастерская, предлагаю провести экскурсию. Купленные у меня паромобили в течение года обслуживаются бесплатно, а дальше уже договоримся. Для постоянных клиентов предусмотрены скидки.

Ну как тут устоишь? Прошли, угостились отличным чаем, изучили каталоги и посетили мастерскую, где трудились механики и артефакторы. Это даже не мастерская – цех с сотнями инженерных приспособлений и механизмов. Сразу видно, к делу купец Лазарев подходил основательно и занимался не только продажей паромобилей, имея с этого процент, но и в дальнейшем вел каждого клиента. Это подкупало, вселяя уверенность, что не останешься с грудой дорогого железа на руках, если вдруг в паромобиле что-то сломается. Хотя, как заверил Иван Михайлович, надежнее механизмов в мире нет. Главное – регулярное профилактическое обслуживание и своевременная замена изнашиваемых деталей.

Контракт на покупку мы заключили, выбрав семейный паромобиль, который в мастерской Лазарева доработают под наши нужды. Во-первых, требовался пандус, по которому Алим мог бы без посторонней помощи заезжать внутрь. Во-вторых, по моей просьбе в салоне дополнительно установят детские кресла для Юленьки и Егора. В-третьих, опробуют новую систему безопасности, о которой я по наивности спросила. Какими же глазами посмотрел на меня Алим, когда я без задней мысли разболтала о ремнях и подушках безопасности! Оказывается, их тут не использовали и при резком торможении случались травмы у пассажиров. В общем, на паромобиль мы получили солидную скидку, обошелся он в те же полторы тысячи золотом, но вышло бы две с лишним, учитывая переделки и усиленную защиту. Эти опции оплачивались отдельно и устанавливались по желанию заказчика. Домой мы отправились в

урезанном составе, Алим остался обсуждать совместные права на патент, упускать возможную прибыль наш помощник не собирался.

Глава 27

Вечером у нас состоялся серьезный разговор, да не один! Сначала Гаврила воспитывал Егорку, пеняя на неблагодарное поведение по отношению к нам. В наказание лишил мальчишку сладкого, которое тот просто обожал. Затем Игнат поставил перед фактом, что с завтрашнего утра возобновляет тренировки. Учебная нагрузка само собой, однако же два часа перед завтраком и час перед ужином будьте добры появиться на заднем дворе поместья, где рабочие уже оборудовали площадку. Ну, и третий разговор состоялся по возвращению Алима, который без смущения раскритиковал мою недалекновидность в деловых вопросах.

– Неужели нельзя головой подумать? Только представь, какую прибыль мы упустили, взяв купца Лазарева в партнеры по патенту! Он бы по гроб жизни процент за идею отстегивал, а теперь заработает ни на чем!

– Ладно тебе, Алим, – вступился Игнат, – Нина же не знала, в самом деле! Всех денег не заработаешь.

– Оно и понятно, – гнул свою позицию ашкеназец. – Я на будущее беспокоюсь, чтобы такой ситуации не повторилось! Вдруг у нашей умницы другие новаторские идеи возникнут? Впредь нельзя упускать, чтобы они уходили на сторону!

– Ну, – я скромно шаркнула ножкой, – я так больше не буду.

Знать бы, что считать новаторскими идеями в этом мире? В прошлом система безопасности автомобиля настолько вошла в обиход, что я даже не задумывалась, откуда она там появилась. Здесь использовались личные амулеты защиты, которые не каждый мог себе позволить. Зато защитная опция, установленная при сборке паромобилия на заводе, ненамного увеличивала стоимость авто, но прибавляла солидности и репутации компании-производителю.

– Вот и договорились, – Алим удовлетворенно кивнул. – Кстати, а как тебе пришла в голову идея с этими ремнями, подушками безопасности и детскими креслами?

– Пришла, и все тут, – я пожала плечами. – У взрослого на коленках не наездишься, а с обычного сиденья ничего не видно в

окошко. В специальном кресле намного лучше, согласишься? Еще бы музыку в салон, и было бы идеально!

– А ну-ка! – сделал стойку помощник, – поясни?

– Э... – я зависла, понимая, что не сумею внятно рассказать об устройстве автомобильной магнитолы.

Технический прогресс в этом мире развивался по собственному пути и в большинстве своем был завязан на магию. Сложно объяснить принцип работы таких механизмов, когда сама их не понимаешь. Тем не менее, о телевидении тут знали – основой служили магические иллюзии, которые транслировались через иллюзоры. Мгновенные сообщения передавались по магическим каналам, которые формировали маги-портальщики. Имелось и подобие радио, но оно еще не получило широкого распространения, как в моем мире.

– Та-ак, – Алим подкатил поближе к креслу, на котором я расположилась, и поманил пальцем, – иди-ка сюда!

Со вздохом перебралась парню на коленки, понимая, что теперь не отделаюсь от объяснений. Зельман уже почуял прибыль и смотрел на меня алчным взглядом.

– Почему вдруг музыка? Зачем она в паромобиле? – спросил он обманчиво мягким голосом.

– Ну, я подумала... – я лихорадочно подбирала слова, чтобы не проколоться. Одно дело – странные идеи, возникшие на почве богатого воображения. Другое – практическое знание о вещах, которых еще нет в этом мире. – В общем, было бы здорово, если во время поездки звучала бы красивая музыка.

– Зачем? Это же отвлекает? – не понял идеи Игнат, – и водителя, и пассажиров.

– А может, человеку и хочется отвлечься от посторонних мыслей? – я усмехнулась, точно зная, что редкий автомобилист в моем мире не пользовался радио. – Или же настроиться на определенный лад перед важной встречей? Да и просто так, ведь этого ни у кого нет!

– Ни у кого нет, – Алим повторил последнюю фразу и хищно усмехнулся. – Идеально! Это сработает!

В общем, слово за слово, ашкеназец вытянул из меня идею о полноценном радиоканале, где передавали бы свежие новости, погоду, вели интересные передачи и крутили бы музыку. Учитывая, что по отдельности все это существовало, но несло больше информативный,

чем развлекательный характер, Зельман загорелся идеей основательно. Понятное дело, собственными силами воплотить такой масштабный проект непросто. Однако теперь у Алима появилась цель, которая прославит его имя в веках. Лично я на лавры изобретателя не претендовала, потому как позаимствовала идею из моего мира, но от процентов за воплощение ее в жизнь не откажусь. Надо было видеть, как в глазах парня защелкал денежный счетчик, когда я обмолвилась, что можно брать деньги с купцов за рекламу их товара по радио.

– Кальманы прославились тем, что по всей империи и за рубежом известны их юридические конторы, – мечтательно произнес ашкеназец, – а Зельманы будут первыми, кто заставит слушать себя весь мир!

К слову, я сразу заявила, что не желаю афишировать фамилию Забелиных раньше времени. Заодно напомнила о вассальной клятве, которую Алим обещал принести в нашем родовом источнике.

– Для меня честь служить древнему роду! – с жаром заверил молодой человек. – Я ни секунды не жалею о своем решении и в каждой молитве благодарю бога, который соединил наши пути.

– Вот и хорошо, – кивнула удовлетворенно.

Алим не врал, я это чувствовала, душой радел за общее дело. Только бы не изменился со временем. Слава и деньги развращают.

Ранняя побудка, как я морально ни готовилась с вечера, все равно стала неожиданной. Делать нечего, очевидную взаимосвязь между развитием физического тела и магических каналов нельзя отрицать. Игнат прав, заставляя тренироваться до седьмого пота.

Вчетвером вместе с братом, Ванькой и Егором выдвинулись на пробежку вокруг поместья. А оно не маленькое, учитывая хозяйственные постройки, яблоневый сад, огородные грядки и лужайку перед домом. С непривычки черные мушки перед глазами замелькали, так сильно выложились. Но кто бы дал хоть минуточку отдышаться? Тут же посыпались упражнения на растяжку, пресс и укрепление мышц. И только после этого, когда я пальцем пошевелить уже не могла, братец выдал деревянные мечи для отработки ударов.

Из-за большого перерыва в занятиях пришлось с нуля отрабатывать боевые связки. Подсознание грела мысль, что где-то через недельку тело привыкнет к нагрузкам и мышцы не будут нещадно ныть. Но пока что я подыхала от усталости и приползла в

комнату чуть живая. Полежать бы пару часиков, дать остыть разгоряченному телу, но нет, в гимназию собираться пора. Первый учебный день! Через не хочу заставила себя доползти до ванной, где, повизгивая, приняла контрастный душ и растерлась полотенцем. Затем облачилась в новенькую униформу, её за вечер Лиза подогнала по фигуре, и спустилась к завтраку. Радостный вид Игната с Ванькой, которые ничуть не устали после разминки, дико раздражал. Еще и Алим беззлобно посмеивался над нашими с Егоркой страданиями.

У мальчика день вообще не задался. Мало того, что набил шишек и синяков в спаррингах, так его еще и сладкого лишили. А на столе чего только не было! Варенье пяти сортов в фарфоровых розетках, свежайшие булочки с корицей, аппетитные кусочки сахара и шоколада, конфеты. Одинокая тарелка овсянки на этом фоне выглядит уныло. Мелкий через силу впихнул в себя пару ложек и сделал вид, что наелся. Воспитательный процесс!

В гимназию нас доставил наемный экипаж, личным транспортом пока не обзавелись. Паромобиль привезут через пару дней, плюс еще в мастерской побудет на доработке. Гаврила с Игнатом за это время поучатся вождению, купец Лазарев согласился посодействовать в этом вопросе и одолжить водителя с транспортом.

Алима по пути мы закинули в юридический дом Кальмана. Все наши сделки проходили через контору Осипа Аароновича, а его сыну это зачитывалось как практика. Двойная польза! Впрочем, в железной хватке ашкеназцев я уже убедилась, а тут нашему помощнику не терпелось заняться новым проектом. Интересно, расскажет ли о нем родителям или же использует связи втемную? Сам-то барон не клялся в верности, благодарность за спасение жизни компенсировал услугами. И оно того стоило, без сомнений. Но открывать подробности столь денежного дела вопрос доверия иного рода. В том смысле, что Зельман не предаст людей, с которыми дружен единственный ребенок, а в плане финансовой выгоды для клана. Наверняка ведь Осип Ааронович повязан служебными обязательствами. Поэтому лучше бы не ставить его перед выбором и не вбивать клин между родственниками.

Подъехав к порогу гимназии, я отбросила тревожные мысли. Алим не маленький мальчик, не раз уже доказал, что ему можно доверять. Уверена, он примет верное решение. Меня же волновали

другие вопросы: новое место, одноклассники, школа. Я и предположить не могла, что однажды снова сяду за парту.

Вместе с Егоркой и Иваном, чистенькие и наряженные, с портфелями в руках, мы выгрузились из экипажа. Мой портфель нес Иван, забрав тяжесть еще у дома. Мелкий с пыхтеньем пер свою ношу самостоятельно. Помимо нас у входа толпилась куча ребятишек. Не удивительно, что мы приковали к себе внимание, за неделю успели навести шороху в сонном городке. Новоиспеченное сиятельство в моем лице – это перспективы в будущем. Удачный момент, чтобы присмотреться, понять, что из себя представляю. Но это для отпрысков дворян, которые наверняка получили инструкции от родителей. Однако же не стоит забывать, что дети оценивают друг друга по иным критериям. Например, мое появление в одной компании со слугой вызвало пересуды и неприятие. Готова поспорить, в гимназии полно маленьких господинчиков, которые ни за что не признают, что вместе с ними учатся простолюдины, состоящие у них же на службе. Ну, это их проблемы! Для меня Егорка не оборванец, подобранный из жалости, а член семьи, который будет верой и правдой служить роду, когда вырастет.

– Беги к своим, – я кивнула нахаленку. – Новые друзья, похоже, заждались.

– Лешаку плешивому они друзья, – пробурчал под нос Егор, но все же подхватил портфель и направился к группке ребят, среди которых выделялся крепыш с лиловым бланшем под глазом.

– Помни, что обещал вчера, – негромко бросил Иван вслед мальчишке. Тот даже запнулся на ровном месте, но тут же выпрямился и продолжил путь. – Надеюсь, одного урока хватит, – парень вздохнул и повернулся ко мне. – Ну, что? Давай провожу до класса? Гляну, что он из себя представляет.

Игнат еще с вечера предупредил, чтобы не ввязывались в конфликты. Понятно, что с помощью магии я справлюсь с любым школьником, но лучше не доводить до крайних мер. По новым документам Ванька мне двоюродным братом приходился, так что никто не удивится, если он будет меня защищать и опекать.

Внутри гимназия ничем не отличалась от привычного учебного заведения, разве что лепнина и внутренний декор больше соответствовали дворянскому поместью, чем казенному учреждению.

Такие здания старой постройки помню еще из прошлой жизни, нередко они сохраняли особенный колорит и дух прежних лет.

Для начала я отметилась о прибытии у старшего воспитателя. Вчера мы не познакомились, она вела уроки. Однако ж сегодня не составило труда найти госпожу Легостаеву в учительской.

– Инна Зиновьевна, добрый день! – Ванька приосанился, хвост распушил перед молодой и симпатичной преподавательницей. Чего уж там, красивая девушка, с чистой улыбкой и добрыми глазами. – Я вот, сестру вам привел.

– Доброго здоровья, – воспитательница лучезарно улыбнулась нам обоим. – Нина Толпеева? – на брата девушка обратила внимание не больше, чем на любого другого мальчишку. Зато меня рассматривала с интересом. – Спасибо, господин Гладьев, я позабочусь о девочке. Поторопитесь пройти в класс, занятия вот-вот начнутся. И мы поспешим, – она приобняла меня за плечи и повела в сторону аудитории с номером четыре на двери. – Волнуешься? – поинтересовалась участливо. – Не стоит, коллектив дружный, не обидят. Сейчас познакомимся с ребятами и определим, где будет твое место на занятиях.

Неожиданная поддержка оказалась кстати. Чего, спрашивается, переживать, не девять же лет в самом деле? Одноклассники тут из благополучных семей, воспитанные, надеюсь. Но все же какая-то нервозность проскакивала, что в целом только играло на пользу.

– Учитель! – кто-то громко крикнул при нашем появлении, а внутри сразу же возникла суета. Впрочем, шум стих, стоило нам войти в класс. Дети встали из-за столов и вытянулись при нашем появлении. – Добрый день, Инна Зиновьевна! Четвертый гимназический класс собран и готов к занятиям. Отсутствующих нет! – четко отрапортовал белобрысый мальчишка с россыпью конопушек на лице.

Смешной такой, с лопаухими ушами и проказливым взглядом бледно-голубых глаз.

– Добрый день, класс! – воспитательница продефилировала к столу, покачивая бедрами, обтянутыми строгим платьем. В моем мире она бы запросто построила карьеру супермодели. – Хочу представить вам новую ученицу, Нину Николаевну Толпееву, прошу любить и жаловать, а также оказать посильную поддержку.

– Рада знакомству, – я натянуто улыбнулась, рассматривая четыре десятка новых лиц.

Меня в ответ изучали с настороженностью, но больше с любопытством, конечно. На первый взгляд, все белые и пушистые, но... поживем – увидим.

Первый учебный день прошел познавательно. Познакомилась с ребятами и учителями, получила «отлично» по математике, решив у доски десяток задачек. Суховцев, что преподавал историю, не преминул потоптаться по моему самолюбию, специально задавая вопросы, ответы на которые я не знала. Впрочем, он и с другими учениками не церемонился, разве что с дворянскими отпрысками проявлял учтивость. Таких у нас в классе набиралось двенадцать человек. Держались обособленно, выделяясь заносчивостью и легким презрением по отношению к остальным. Впрочем, черту не переходили, детки купцов, промышленников или горожан в будущем могли стать партнерами, союзниками или надежной опорой. Ну, это мои поверхностные выводы. Возможно, узнав ребят получше, мнение изменится в ту или иную сторону. Ко мне пока что присматривались, были вежливы и предупредительны.

Кстати, меня посадили за одну парту с тем самым лопоухим мальчишкой, Гришкой Арепьевым. Твердый хорошист и активист, участник школьных театральных постановок и поэтических вечеров, силен в истории и литературе. Не нужно быть гением, чтобы понять, для чего нас объединили. У парнишки проблемы с математикой. В идеале мы должны были подтянуть друг друга по отстающим предметам. Отец Арепьева – земледелец и заводчик скота, владелец маслобойни и крупного мясокомбината, поставлял на рынки и в магазины мясо, крупы, молоко и молочную продукцию. Наследнику нужны практические навыки, чтобы в будущем встать во главе обширных предприятий, а у него никакого интереса к точным наукам не пробудилось.

Подразумевалось, что я своим примером окажу влияние на непоседу. Вот только, кто сказал, что это влияние будет тем, на которое рассчитывали учителя? Я не видела проблемы, если ребенок занимается тем, к чему лежит душа. Гришка – творческая личность, фонтанирующая романтическими идеями, а его запирали в рамки общества и заставляли учить скучные формулы. Ну я и сыпала ему

рифмованными правилами, вроде «Пифагоровы штаны во все стороны равны». Или же знаменитое «биссектриса – это крыса, которая ходит по углам и делит угол пополам». Просто же! А запоминается на раз. Мальчишка живо ухватил идею, сходу начал рифмовать и переделывать скучные формулировки в веселые четверостишия. Смешно было наблюдать, как Гришка переминается у доски с ноги на ногу, а сам бормочет стишки под нос.

– Гыгой Антонович, – профессор Кашин удивленно воззрился на задачку, которую решил Арпьев, – вы опьедегенно достигли успеха! Твегдое «отгично» и даже с пгюсом! Ниночка Тогпеева оказывает на вас искгючителигьно погожитегьное вгияние.

Гришкин метод сработал и с другими учениками, кто пожелал подтянуть знания по «царице наук». Неделю я обучалась вместе со своими ребятами, а после выборочно посещала уроки со старшеклассниками. В четвертом общая математика преподавалась на уровне слабенькой школьной программы. Далее начиналось углубленное профильное изучение, необходимое для технарей. Какие-то уроки у всех ребят были общими, вроде истории, слова Божия или же этикета. В остальном ученики делились на классы по гуманитарному и практическому направлениям и посещали дополнительные занятия по профильным предметам.

Пару месяцев я не высыпалась толком, нагоняя учебную программу. Еще тренировки ежедневные и этикет, от которого уже тошнило. Однако ж Виталина Валерьевна не давала послаблений, строго требовала ежедневных посещений ее факультатива и отработки домашних заданий. Радовало, что не одна я отдувалась, Ванька пыхтел наравне. Оно и проще вдвоем проигрывать ситуации, когда требовалось проявить умение вести себя в обществе. Егорку также изводили правилами и учили манерам, но на уровне чуть попроще, для простолюдинов. Это заметно сказалось на его речи и правильном построении фраз.

Купец Лазарев, как и обещал, предоставил нам новенький паромобиль. На нем впервые опробовали немагические системы безопасности. Они прошли проверку в реальных условиях, что зафиксировала патентная комиссия и выдала нам лицензионное разрешение на установку ремней и детских кресел. Почти сразу же лицензию выкупил завод-производитель. С каждого авто с таким

устройством нам полагалось полпроцента. Не так много, учитывая, что паромобили – штучный товар, но это только начало.

Алим заключил предварительный договор с магической почтовой службой на обслуживание. Попутно подбирал варианты для покупки помещения под радиостанцию и подыскивал талантливую молодежь, которая будет вести передачи и искать новости. Я посоветовала обратить внимание на театральные кружки. Первым кандидатом на роль ведущего был одноклассник Гришка Арепьев. Он выразительно декламировал стихи, играл в школьных спектаклях и вообще обладал всеми необходимыми качествами будущей звезды. Осталось убедить его отца, что роль степенного владельца заводов, коней и пароходов Гришке не к лицу. Пусть лучше подыщет толкового управляющего или супругу с деловой хваткой. Хотя, нет, насчет жены лучше не заикаться, а то насоветую на свою голову.

Владислав Андреевич Толпеев после отчаянного бунта вел себя тихо. Игната побаивался, имея перед глазами пример, как ловко брат управляется с мечом и упражняется в магии. Алим тоже проявил жесткость, когда возникала необходимость. В очередной раз, когда граф потребовал (!) развлечений, помощник приказал слугам более не обслуживать этого человека. Содержание он ему выписал, как и было оговорено вначале, а кормить-поить-одевать за свой счет более не собирался. Снял квартиру в гостевом доме и выселил туда старика. Не без присмотра, конечно. Пара бойцов из охраны издали приглядывала за Толпеевым. Тот по первой обрадовался, что избавился от надзора, помчался в игорный дом. Однако же с его хозяином уже побеседовал Игнат, так что старого графа даже на порог не пустили. Тогда Владислав Андреевич по старой памяти завалился в кабак, сначала приличный, а когда деньги кончились, то в самый дешевый. Охрана, после того, как он напился до беспамьятства, тихонько вынесла бесчувственное тело и доставила на квартиру. Вот на следующий день после застолья и наступил час расплаты и раскаяния в грехах. Брат не поленился лично посетить хозяев забегаловок и прочих заведений, где его сиятельство обслуживался в долг. Так что бедного графа, мучающегося похмельем, никто не облагодетельствовал бесплатным угощением. Потом, как мозги прочистились, старик осознал, что кушать ему нечего, а деньги, выданные на месяц, пропил до копеечки. Знакомые знать его не желали, да и никому он стал не нужен.

Добротную одежду выменял на пойло, а в дешевых обносках в нем не признавали прежнего графа, еще и бока намяли за хамство и непотребное поведение. Вернулся блудный старикашка обратно, в теплый флигелек, где и еда вкусная найдется, и относиться будут с почтением.

Елизавета наша тоже постепенно преобразилась, должность главной экономки обязывала. Мы не скрывали особенного отношения к ее отцу и приемному брату. Все трое обедали с нами за одним столом и участвовали в обсуждении хозяйственных дел. А еще, помимо управления домом, на Лизу легла забота о Юленьке. Малышка крепко привязалась к Игнату и называла его папой. Девчушка вообще стала всеобщей любимицей. Старик Толпеев и тот млел, когда мелкая забиралась к нему на коленки и что-то лепетала на своем языке. Быть может, она бередила отцовские чувства, ведь родных внуков граф так и не понянчил? Но кто виноват, если родная дочь знать его не желала и отказывалась в общении с детьми? Плохим примером Толпеев оказался и для собственных сыновей, которых свели в могилу пагубные пристрастия. Так что с Юленькой Владислав Андреевич общался только в нашем присутствии, большей частью по выходным или праздникам, когда его приглашали отобедать. В такие минуты Лиза коршуном вилась неподалеку, переживая за малышку. Ну и Игнат, само собой, служил грозным напоминанием, что эта девушка непростая прислуга и лапать ее нельзя. А то случались прецеденты, когда граф распускал руки, думая, что ему все дозволено. Как раз из-за этого Алим и взбесился, потому что Лизка молча рыдала в подушку, а Евдокия сразу нажаловалась хозяину. Собственно, после этого Толпеев и вылетел из поместья.

В целом жизнь постепенно налаживалась. Пара месяцев передышки позволила вкусить спокойной жизни, которая потекла своим чередом. Мы обрастали полезными знакомствами, учились, вливаясь в общество под новыми именами. Внутренняя пружина постоянного ожидания опасностей ослабла, позволяя поверить, что угроза миновала. Вот только по ночам я часто просыпалась с криками, в холодном поту, заново переживая гибель родителей и тех людей, чьи жизни оборвались по моей вине. И все чаще во снах я видела Гектора, который пытался связаться и о чем-то предупредить.

Глава 28

– А куда это вы собрались?

Субботним утром Игнат быстро, без энтузиазма завершил тренировку и за завтраком постоянно поглядывал на часы. Алим тоже весь из себя загадочный спустился к столу в дорожном костюме. На службу ему вроде не надо, явно куда-то намылился вместе с братом.

– Да вот, Алим Осипович предложил на шахту скататься с инспекцией, – не стал запираяться брат. – Как раз и время свободное появилось, и деньги кое-кому на прожекты требуются, – без зазрения совести сдал он молодого человека.

– Угу, деньги, значит, – я забарабанила пальчиками по столу и уставилась на Алима внимательным взглядом.

Ну хоть бы мускул на лице дрогнул! Это ж какой-то денежный насос, а не помощник. Новое дело, которым баронет заболел, требовало немалых вложений. И тех средств, что я выделила на проект, не хватило. Доходы у нас имелись, не бедствовали. Однако не стоило забывать, сколько средств уходило на содержание дома, выплату жалованья и светскую жизнь. Нам с Игнатом нельзя было игнорировать приглашения на ужины или чаепития от дворянских семейств, а появляться на людях в одном и то же наряде моветон. Эту истину Виталина Валерьевна накрепко вбила в головы, вот и приходилось соответствовать. Сундучок-то мой потайной не резиновый. Если постоянно оттуда брать и не пополнять, то золото скоро закончится.

А у нас Юленька! Малышка захворала недавно: температура подскочила, по телу сыпь непонятная пошла. Мы переполошились, точно зная, маги не болеют. Лекарь только развел руками, посоветовал обильное питье и обтирания, но эти способы и без него известны. Лекарством в ее случае служил исключительно желтый металл высшей пробы. Гурманша! Прошлые выходные как раз собирались на природу семейством выехать, но из-за приболевшей любимицы отложили поездку на неопределенное время. Недомогание у малышки закончилось так же внезапно, как и началось. Золото в том помогло

или другая причина была, наверное, никогда не узнаем. Тем не менее поездка сорвалась, а желание отдохнуть на свежем воздухе осталось.

Поздняя осень высушила листву на деревьях и, как безумный художник, накидала ярких пятен на унылый серый холст. Солнечных деньков в это время года по пальцам пересчитать, однако сегодня как раз тот редкий случай, когда небесное светило щедро обнимало землю жаркими лучами. Появится ли в ближайшее время другой такой шанс выбраться семьей на пикник?

А эти двое вознамерились умыкнуть паромобиль и смыться, пока не припахали к делу. Я сейчас даже вспоминать не буду, кто противился покупке авто. Братец так полюбил этот транспорт, что не выгонишь из-за руля. И Алим туда же, почувствовал свободу передвижения! В мастерской Лазарева машинку еще немного доработали, чтобы ею управлял человек с ограниченными возможностями, так что Алим пополнил ряды автолюбителей. Иван на удивление равнодушно отнесся к механическому чуду, а вот Егорка загорелся мечтой самому водить «парномобиль». Учился теперь с двойным усердием, даже гимназический инспектор отметил успехи младшего Урядова.

– Лиза, – я коварно улыбнулась, – кажется, господа надумали лишить нас пикника? Юленька, хочешь покататься на машине с папой?

– Качу! Качу кататься! – загорелись восторгом огромные глазенки. – Папа, идем кататься!

– Нин, это нечестный прием, – Игнат покачал головой, – знаешь ведь, что я ни в чем не могу ей отказать.

– А зачем отказывать? Съездим вместе на шахты, вы проведете инспекцию, а на обратном пути мы остановимся в каком-нибудь живописном местечке. Отдохнем культурно, пожарим шашлычков, м-м-м. Почему же не совместить приятное с полезным?

– Вот когда ты так рассказываешь, я тоже задаюсь этим вопросом, – Алим усмехнулся, – и не вижу причины для отказа. Но! Полчаса на сборы. Кто не успел, тот не поехал!

Хорошо, позавтракать успели, а то мальчишки сорвались с места, позабыв о правилах поведения за столом. Я и сама вприпрыжку побежала переодеваться, уж больно идея понравилась и хотелось поскорее воплотить ее в жизнь.

Слуги уже привыкли к таким вот внезапностям. Пока мы суматошно собирались, подготовили корзину для пикника, достали пледы, одеяла и палатку, если вдруг заночевать вздумаем. Запас пресной воды, сухпайка и походной посуды хранился в багажном отсеке паромобиля. А в потайном отделении еще и оружие имелось, и запас амулетов различного назначения. Машина у нас надежная, случись чего, за бронированными стенками отсидеться можно с комфортом, ага. Ну, это неприкосновенный запас, а так каждый брал с собой только необходимое. После школы выживания в глушинских лесах иллюзий ни у кого не осталось. Даже на развлекательную вылазку готовились, как к боевому походу. Игнат не давал забывать прописных истин, периодически устраивал марш-броски или учения в окрестных лесах. Конечно, Юленька или Лиза в них не участвовали, но и нас четверых достаточно, чтобы защитить их в случае чего.

Охрану брать на дальнее расстояние не стали. В шахтерском поселке квартировал наемный отряд, отвечающий за безопасность людей и самого объекта. Командир регулярно направлял отчеты обо всех происшествиях, так что мы держали руку на пульсе событий. Ну а по дороге, случись какое нападение, и сами отобьемся. Магией или сталью – неважно. Мы вчетвером представляли собой серьезную силу. Пусть только сунется кто, огребет так, что мало не покажется!

Через сорок минут тяжело груженный паромобиль, который Гаврила содержал в чистоте и порядке, выкатил за ворота поместья. Юленька радостно попискивала, прилипнув носом к окошку. Еще одна автомобилистка растет! Я однажды увидела, как Игнат сажает ее на колени и дает порулить, когда управляет машиной, и чуть дар речи не потеряла. Взаправду, мелкая вертит им как хочет. То ли это особенный магнетизм, которым с рождения наделен ребенок, то ли брату давно пора своими детишками обзавестись, кто знает? Пока что этот вопрос мы не поднимали на обсуждение, но, думаю, и так понятно, что требуется для возрождения рода. Вот встретит Игнат ту самую, единственную, тогда и поговорим. А пока пусть отбивается от потенциальных невест и их мамаш, жаждущих пристроить дочек в надежные руки.

То, что на шахте беда, мы поняли по клубам черного дыма и отсвету пожарищ. Причем, запах гари и столбы дыма заметили, когда пересекли невидимую границу на подступах к поселку. Тут явно

поработали маги, создав иллюзорную завесу и изменив направление ветра.

В салоне повисла тягостная тишина. Игнат съехал на обочину и остановился, спешить уже некуда. Деревянные постройки полыхали так яростно, что к нашему приезду останутся только головешки. Суббота считалась рабочим днем, так что шахтеры ушли в забой еще утром. Охрана вряд ли допустила бы подобный беспредел, значит, ее перебили. Семьи рабочих, люди из обслуги, что обстирывали и кормили народ, еще могли уцелеть, если вовремя заметили пожар. Именно беспокойство за их судьбу и препятствовало, чтобы немедленно развернуться и уехать в город.

– Алим, немедленно свяжись с отцом, пусть высылают подкрепление, – процедил брат, до хруста стискивая руль.

Для экстренной связи у нас имелась магическая почта – прямоугольный короб в форме школьного пенала. Помещаешь в такой письмо, закрываешь, и содержимое тут же переносится адресату, владеющему второй коробочкой. Недешевое удовольствие, но жуть как необходимое, если нужно с кем-то срочно связаться или передать важную информацию.

Ашкеназец выудил блокнот, с которым никогда не расставался, вырвал оттуда лист и черкнул пару строчек. Аккуратно скатал бумагу в трубочку и поместил в ящичек. Тот вспыхнул зеленым, подтверждая, что послание доставлено адресату. Можно не сомневаться, Осип Ааронович армию пришлет на выручку, осталось только ее дожидаться.

– Нина Константиновна, – официальным тоном обратился Игнат. Еще и отчество родное использовал. Я уже догадывалась, что за этим последует, и не ошиблась, – вынужден спросить дозволения, отпустишь ли нас с Иваном в поселок? Я дал клятву защищать тебя, а потому не оставляю без разрешения. В поселке гибнут люди, толпеевские, но не в этом суть. Мы сейчас можем спокойно дожидаться подкрепления и вернуться домой. С нами дети, семья, никто за это не осудит и не сочтет трусостью. А можем рискнуть и спасти невинные жизни. Заодно поймем тех, кто устроил пожар. Мы с Иваном их быстро нагоним по свежим следам, ручаюсь.

Тяжело на самом деле принимать взрослые решения. По идее и риска тут никакого, бронированный паромобиль защитит даже от магических атак. А уж с моим щитом точно продержимся до прихода

помощи. Однако в голову лезли многочисленные «вдруг», от которых никто не застрахован.

Вдруг с Игнатом или Ваней в шахтах что-нибудь случится? Никогда себе этого не прощу! А вдруг враги подготовились и нашли способ преодолеть защиту паромобиля?

Некстати пришла мысль, что достаточно пустить отравляющий газ, и никакая броня не поможет. Надолго ли хватит воздуха под щитом? Юленька, Лиза, Егорка, Алим и Гаврила – их жизни зависят от выбора маленькой девочки. Они мне доверяют и не сомневаются в праве решать их судьбу.

И все же, мы находились в относительной безопасности по сравнению с людьми в поселке. Как воспримет мое решение Иван? Он ведь тоже часть семьи, несмотря на натянутые отношения. Не посчитает ли желание сберечь близких за трусость? Какая же я глава рода, если не в состоянии позаботиться о собственных людях? Почему я вдруг заиклилась на Ваньке? Так остальные уже служили мне, а парнишка сам по себе. Якобы сын Игната, а на деле его ученик. В перспективе – сильный воин, который будет сражаться не за честь, а за правду. Достигнув совершеннолетия, он волен уйти, куда вздумается, и ни я, ни брат его не остановим.

– Полагаю, стоит рискнуть и прижать гадов, – я выдержала прямой взгляд Игната, давая понять, что осознаю последствия. – Однако и нам не стоит оставаться на месте, изображая мишень. Быть может, поселок – отвлекающий маневр, чтобы заставить нас разделиться? Предлагаю выдвинуться навстречу наемному отряду, но по другой дороге. Кажется, господин Лазарев сетовал на проблемы с полевым испытанием паромобиля в болотистой местности? Если не ошибаюсь, в километре отсюда я видела развилку и поворот на заброшенную дорогу.

– Была такая, – брат подтвердил. – В принципе, машина проедет. Однако есть там пара опасных мест. Из-за недавних дождей низины подтопило, не уверен, что можно объехать опасные участки.

– Справимся, – я тяжело вздохнула. – Грязь – не проблема.

За последнее время я поднаторела в использовании щитов. Занятия магией нельзя забрасывать, так что в ущерб здоровому сну полчаса-час в день выделяла на тренировки и прокачивала резерв. Источник легко опустошался, когда я создавала сложные пластинчатые

щиты – грозное оружие в умелых руках. Что будет с человеком, если зажать его между двумя бетонными плитами? На живых людях не проверяла, но как раз такой способ одновременной защиты и нападения отработывала две недели. Сама укрывалась плоским щитом от противника, а второй создавала за его спиной и схлопывала две поверхности. От манекена только щепки оставались.

Насчет непроходимого болота тоже возникла идея, но я пока что о ней не распространялась. Стыдилась использовать родовую магию таким образом. На самом деле, метод проще некуда. Мне без разницы, в какой плоскости располагать щит. Если припрет, кину его на опасный участок дороги, а паромобиль проедет по нему, как по мосту. Другой вопрос, что это выкачает половину резерва. Но тут уже придется выбирать: удрать побыстрее, чтобы противник так же завяз в дорожной распутице, или же завязнуть самим и принять бой. Будь я магом земли, не составило бы труда уплотнить почву под ногами, да и в школе других стихий имелись способы справиться с проблемой. Но пока что я только осваивала стихийные заклинания, и они с трудом мне поддавались.

– Надо предупредить отца! – Алим снова полез за блокнотом.

– Позже! – я остановила его жестом, – оставим тут следилку на случай, если в отряде наемников предатель. Посмотрим, как он себя поведет, когда не обнаружит паромобиль в указанном месте.

Получив разрешение, брат с учеником сноровисто собрались на вылазку. Все лишнее – долой, при себе только оружие и амулеты. Перед уходом я крепко обняла брата, шепнув на ухо:

– Возвращайтесь живыми, это приказ! Не рискуйте понапрасну. У меня на вас большие планы.

– Вернемся, Нин, не переживай, – он крепко прижал к себе и чмокнул в макушку. – Сама знаешь, для нас это всего лишь прогулка. А то жиром заплывем без настоящего дела.

– Волнуешься, сестренка? – хмыкнул Иван, нетерпеливо наблюдая за нашими обнимашками. – Может, и меня на прощание обнимешь? – съехидничал он, как обычно.

Иван на дух не переваривал телячьи нежности, но, думаю, просто завидовал, что не мог также легко проявлять чувства, как это делали мы с Игнатом. Брат и не скрывал, что обожает Юленьку, вон как тискает ее и обещает скоро вернуться.

– Конечно, Вань! – я порывисто притянула к себе оторопевшего парня и поцеловала в щеку. – Возвращайся поскорее, целым и невредимым. Кто еще будет мой портфель в гимназию таскать? – добавила под смешки Гаврилы и Лизы.

– Боярышня, так и я с этим делом справлюсь, – подал голос Егорка, чем окончательно разрядил обстановку.

– Но-но! – пригрозил Иван, то ли в шутку, то ли всерьез. – Это моя обязанность! А ты подрасти сначала, чтобы к боярышням с такими предложениями приставать.

– Вот и подрасту! И выучусь! И на всяких там преподавательниц заглядываться не буду, – бессовестно сдал Егорка тайное увлечение парня. – Наша боярышня в сто раз лучше, и красивее будет.

Я воздухом поперхнулась от такого заявления и закашлялась, даже глаза прослезились. Ванька покраснел как вареный рак и пулей выскочил из паромобиля.

– Вот шалопаи! – беззлобно всплеснула руками Лиза и заботливо постучала мне по спине.

А я хоть еще не пришла себя, но заметила, какими взглядами обменялся Игнат с Гаврилой, а последний с тяжелым вздохом покачал головой и кивнул.

За руль паромобиля пересел Алим, Гаврила с Егором вооружились и настороженно поглядывали по сторонам. Я раздала защитные и лечебные амулеты. Мужчинам и себе оставила также по парочке атакующих.

Юленьку усадила в креслице и дважды проверила, надежно ли защелкнуты ремни безопасности. Активировала встроенную магическую защиту, вешать амулеты на малышку бесполезно. Они постоянно выходили из строя, соприкасаясь с ее магией. Девочку еще в поместье нарядили в брючный костюмчик из плотной ткани, пошитый на заказ. Наколенники, налокотники, укрепленные на груди вставки, пропитка от намокания – одежда служила дополнительной защитой от всевозможных неприятностей.

Собственно, все щеголяли в подобных костюмах, разве что у меня и Лизы дополнением шли юбки с запахом. В случае чего они снимались одним движением и дальше их можно было использовать в качестве подстилки или покрывала. Многофункционально и практично

– ну прямо готовый рекламный лозунг. В нашем случае, жизненная необходимость.

До развилки доехали без происшествий. Свернули на заросшую колею, углубились на сотню метров и притормозили, высаживая меня с Егором. Мальчонка отправился за ветками. А я, вернувшись к повороту, запустила заклинание «вихрь» из арсенала магии воздуха, чтобы скрыть следы. Конечно, опытного мага дилетантскими манипуляциями не обмануть, но человека возможно. Обрато к паромобилю вернулась через полчаса. Гаврила уже привязал ветки к заднему бамперу, чтобы заметали отпечатки шин при движении. Не бог весть какая маскировка, но вдруг поможет?

Этой дорогой давно не пользовались, направление лишь угадывалось среди жухлой травы и ковра опавших листьев. Места тут болотистые, дикие, зверье разное водится. Если не ошибаюсь, земли находятся на стыке трех княжеств, хозяев как таковых нет, границы определены только на бумаге. Оттого и вольничали нечистые на руку дельцы, совершая дерзкие налеты на шахты и поселки соседей. В нашем случае не стоило исключать и другие причины нападения. Слабо верилось, что конкуренты позарились на шахту, ресурсы которой наполовину выработаны. Если только нам не подсовывали липовые отчеты, что тоже проблематично в свете умений Алима чувствовать ложь. А он лично общался с руководящим составом выкупленных по долговым распискам Толпеева предприятий. Быть может, дал о себе знать сбежавший из поезда воздушный маг? Однако, не слишком ли много совпадений для одного дня? Хотя...

Это я узнала о поездке утром, а помощник планировал инспекцию заранее. Кто-то прознал об этом и подготовился, поставил иллюзорную завесу, чтобы Алим и Игнат до последнего не подозревали о ловушке. Выходит, за ними охотились? А мы отправились всем семейством и нарушили чужие планы? Запуталась! По логике напасть на паромобиль проще до того момента, как он пересечет магическую завесу, скрывающую пожар в поселке. Этого не случилось, мы даже не почувствовали опасности, пока не увидели ее собственными глазами. Какие из этого следуют выводы? Во-первых, нужно срочно найти стукача, докладывающего о каждом нашем шаге. А во-вторых, один из нас нужен непонятному врагу целым и невредимым.

Лизу, Гаврилу и Егорку отмечаем сразу. Они хоть и доверенные, но слуги в глазах посторонних. Остаемся только я и Иван. Ванька талантливый парень, но ненамного превосходит одноклассников. Кому интересен безземельный дворянин Гладьев? То ли дело молодая графиня, которая принесет в семью магический дар, титул и состояние. Приплыли! Если лишить меня опекуна и помощника, к кому перейдет право распоряжаться моей судьбой до совершеннолетия? Правильно, к старику Толпееву, который мать родную в карты проиграет.

– Али-им! – я согнала с переднего сиденья Егорку и перебралась туда сама. – Что думаешь о нападении на поселок? Есть предположения, кому мы успели перейти дорогу?

– Только об этом и думаю, – процедил молодой человек, не отрывая взгляда от дороги. – Слишком много совпадений и странностей. Если это убийца, который засветился в поезде, то проще подкараулить меня одного, а не в компании с боевым магом. Местные могут и не подозревать, а он знает, на что способен Игнат. С другой стороны, факты указывают, что засаду планировали на нас. Избавиться хотели от досадной помехи, чтобы добраться до тебя, Нина Константиновна.

– Мда, и я пришла к тем же выводам, – я шмыгнула носом и уставилась в окно, наблюдая за однообразным пейзажем. – Не пойму, как они собирались выкурить вас из паромобиля? Только дурак покинет надежную крепость, чтобы подставиться под пули или огненные шары.

– Проклятье! – Алим резко ударил по тормозам, и я улетела вперед, стукнувшись лбом о приборную панель. – Быстро из машины! Бегите как можно дальше.

Я не раздумывала ни секунды, кинулась в салон, выдирая Юленьку из кресла. От резкого торможения пассажиры потеряли равновесие и попадали на пол. Пристегиваться нужно!

Отдать должное, никто не паниковал, Игнат вбил в головы сначала исполнять приказ, а потом задавать вопросы. Амулеты активированы, люди подсознательно ожидают нападения и готовы к неожиданностям. Меньше, чем за минуту Урядовы покинули салон, да еще прихватили все, до чего руки дотянулись.

– Сюда! – я увидела в стороне овражек.

Хоть какая-то защита, если в паромобиле заложен магический взрыватель. Споткнувшись о торчавший из земли корешок, я потеряла равновесие и вместе с малышкой кувырком покатила вниз. К счастью, падение обошлось без травм, успела укутаться щитом. Уже через десяток ударов сердца подскочил Егорка с выпученными глазами. Он видел момент падения и сообщил остальным. Перепугал только. Вон Лизу чуть удар не хватил, так распереживалась за нас. Выхватила у меня из рук малышку и прижала к себе так, что та запицала. Тут уже посыпались извинения с поцелуями, причитаниями и слезоразливом.

– Обошлось, вроде, – я тоже выдохнула и осмотрелась по сторонам. – А где Алим? – внутри похолодело.

Мы бросились бежать, а он так и остался в машине!

– Да шиш вам, а не мой помощник! – я на всех парах рванула обратно.

Ашкеназец успел перебраться в салон, пересесть в инвалидное кресло и спустить пандус. Вот только мы поспешным бегством устроили переполох и беспорядок. Коляска зацепилась за что-то и ни в какую не двигалась с места.

– Алим, я сейчас! – я бросилась к машине и будто врезалась в невидимую пружинистую стену.

Меня отбросило к деревьям и на доли секунды оглушило от удара. Однако я быстро пришла в себя и подскочила, укутываясь щитом.

– Стой, где стоишь! – раздался резкий окрик, отчего мороз пошел по коже.

Из-за паромобиля выступила фигура в охотничьем костюме.

Хлынувший в кровь адреналин разом обострил чувства. Я вдруг увидела, что человек пронизан энергетическими потоками стихии воздуха. И от него в сторону машины тянутся нити, указывающие точное расположение магического взрывателя. Пока тот не активирован, распознать его невозможно. Однако стоит магу, его установившему, подать энергию, как части механизма соединятся и произойдет взрыв. Мощный, судя по прорве энергии, что туда закачал незнакомец. Хотя, почему незнакомец? Рожу я вспомнила. Это он находился на летучем корабле, который чуть не уничтожил «Буран». Значит, все-таки Шумский добрался!

– Что тебе нужно? Ты ведь за мной пришел? Обещаю, пойду с тобой добровольно, если люди останутся живы.

– Ты и так в моей власти, а свидетели мне не нужны! – маг самодовольно усмехнулся в ответ и замкнул последний контакт на взрывателе.

– Не-ет!!! – прежде чем паромобиль взлетел на воздух, у меня в голове произошел взрыв эмоций, подогреваемый вскипевшей клятвенной кровью.

Сама не поняла, как в доли секунды переместилась к ашкеназцу и закрыла нас обоих самым прочным щитом, который только могла создать. Вовремя! Взрывом меня вместе с помощником подбросило в воздух и с силой шмякнуло о землю. Снаружи воцарился ад, от которого отделял лишь полупрозрачный шар. Стенки вибрировали от недюжинной мощи бушующего вокруг магического пламени, и я не знала, хватит ли сил, чтобы продержаться до конца.

Глава 29

Казалось, стихия за пределами щита никогда не утихнет. Однако у мага резервы тоже не из бездонного колодца черпались. Вскоре пламя опало, оставляя нас с Алимом посреди спекшегося до состояния стекла черного пятна. Очертания паромобиля угадывались по металлическим наплывам. Уже одно это говорило, какую мощь убийца задействовал, чтобы уничтожить баронета.

Я разжала занемевшие от напряжения руки, которыми обнимала помощника за шею. С трудом разлепила сведенные судорогой пальцы. Алим перехватил мои ладони и принялся заботливо их разминать. Делал он это машинально, потому что на застывшем лице ашкеназца до сих пор сохранился отпечаток ужаса и встречи со скорой смертью. Я и сама перепугалась, ожидая, что силы иссякнут, и мы оба превратимся в головешки. К счастью, этого не случилось, крох резерва еще хватало на поддержание щита. Воздух вокруг раскалился, требовалось время, чтобы жар спал до терпимого уровня.

– Зачем? – хрипло выдохнул Алим, – зачем спасла? И как ты так быстро оказалась рядом?

– Я – щит рода, – вымученно улыбнулась потрескавшимся от сухости губами. – Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью.

– Ну на-адо же, какой сюрприз! – убийца зашелся лающим смехом. – Кто бы мог подумать? Великий дар Забелиных проявился у девчонки из младшего рода!

Мужчина подошел вплотную и направленным заклинанием разрушил остатки щита. Тотчас в лицо дохнуло жаром и удушливым запахом гари. Я закашлялась, и Алим тоже.

– А я расстроился, когда понял, что калека опять уцелел, – расплылся он в злорадной ухмылке, – но потраченные усилия того стоили. Я еще подумаю, отдавать ли князю ценный приз или оставить себе! – он наклонился и схватил меня двумя пальцами за подбородок, задрал мою голову, покрутил из стороны в сторону. – Хм, порода сразу видна! Кровь древних магов – не водица, в каждом поколении

проявляется. Отличная демонстрация способностей. Когда еще увижу такое?

Сил сопротивляться не осталось, и Алима будто спеленали по рукам и ногам, он застыл сидячей статуей. Однако ненависти во взглядах обоих хватало, чтобы испепелить врага на месте, если бы это было возможно.

– Как удачно все складывается! Нет, ну кто бы мог подумать? – маг чуть слюной не захлебнулся от жадности. – Даже не рассчитывал на такой куш. Эх, я бы растянул удовольствие и посмотрел, какого цвета у ашкеназцев кровь, но время не терпит. Так, что сиятельство, прощайся с немощным. Добью уже, чтобы не мучился, заодно и денежный заказ закрою. Мне еще с отщепенцем разбираться. Ничего, найду на него управу! Слышал, он сильно привязался к малютке? Как думаешь, если заставить Игната выбирать между тобой и найденышем, кого он выберет?

– Ему не придется выбирать, – дрожащей рукой я расстегнула пуговички на воротнике охотничьей куртки. – И Алима я убить не позволю!

Выудила из-за пазухи кошель, что висел на простенькой тесемке, и крепко сжала его в ладони. Зажмурилась, собираясь с силами и морально подготавливаясь к тому, что намеревалась сделать.

– Ах-ха-ха! Насмешила! И что ты сделаешь? Молитвы тут не помогут, – глумливо расхохотался маг, наблюдающий за моими действиями.

Я усмехнулась в ответ усталой улыбкой, собрала остатки сил, чтобы вложить их в единственный удар. Когда магический резерв на нуле, любые средства хороши. Атакующие амулеты еще активировать надо, или тот же засапожник достать время требуется. Противник не будет терпеливо ждать, пока его прирежут. Однако мне есть, чем смертельно удивить урода.

– Да я и не собиралась молиться, – я резким движением выхватила жертвенный кинжал из пространственного мешочка и воткнула в руку мужчины. – Разве что за упокой твоей души. Но увы, покоя она не обретет никогда!

– Ты?! – глаза мага расширились от ужаса, когда он увидел, как усыхает рука и плоть осыпается пеплом. Как иссушение распространяется по телу, вытягивая жизненные соки и магию

человека. – Кто ты такая? – успела я прочитать по шевелящимся губам, потому что голосовые связки уже не работали.

Собственно, и самого мага через мгновение не стало – осыпался кучей серого пепла, который развеяло порывом ветра. Моя рука с кинжалом упала безвольной плетью.

– Вот я и сделала это снова, – глаза защипало от слез.

Нет, убийцу я не жалела ни капли. Гад столько людей загубил, что заслужил худшую участь, которую только можно представить. Жаль было потраченных усилий и того, что снова придется бежать. Госпожа Разумовская говорила, темники чувствуют всплеск темной магии в тот миг, когда кинжал поглощает душу, а значит, они скоро появятся в Алапаевске.

– Что... – оцепенение с Алима спало, но он еще не пришел в себя. Тут едва с жизнью не распрощался, как новое потрясение накрыло. – Что это было?

– Тайна, цена которой человеческие жизни, – я убрала кинжал в мешочек от греха подальше и выудила на свет Хо`шен.

Насыщенным голубым светом на артефакте светился третий камень. Камень стихии воздуха. В голове мелькнула мысль, что мне пригодится умение создавать воздушную завесу. И невидимые глазу путы, и «воздушный кулак». Может, это цинично рассуждать над прахом умершего, какую пользу с него поиметь? Но этот маг пришел убивать моих друзей, и я требовала за это самую высокую плату. Милосердие надо проявлять к тем, кто этого заслуживает. Жалость – удел слабых, которые в этом мире не выживают.

– Это же... это же не то, что я думаю? – дрожащей рукой помощник потянулся, чтобы прикоснуться к артефакту, но так и не решился. – Скажи, что я ошибаюсь!

– Нет, не ошибаешься, это императорский Хо`шен, – я наслаждалась моментом полного изумления молодого человека, после чего убрала артефакт в мешочек. – Уже одно знание о его существовании подвергает жизнь опасности. Надеюсь, ты понимаешь, почему я потребую клятву молчания? Дело не в доверии, а в методах, какими охотники за императорской реликвией выбивают правду.

– Моя жизнь давно принадлежит тебе, – пробормотал молодой человек, – но я согласен на клятву. Сейчас! Есть другой нож?

– Вот! – выудила из-за голенища сапога миниатюрный ножичек и протянула Алим.

Ни секунды не сомневаясь, ашкеназец полоснул ножом по внутренней части ладони. Сжал рану в кулак. Алые капли проступили на сгибе и проложили кровавые дорожки по светлой коже.

– Я, Алим Самон Осипович Зельман, потомок княжеского рода Леви, признаю долг жизни перед Ниной Константиновной Забелиной. Клянусь кровью и родом, пока жив хоть один потомок, в ком течет моя кровь, служить роду Забелиных верой и правдой. Клянусь быть опорой и верным помощником, разделить тяготы и славу, богатство и бедность! Отныне и до скончания веков!

Не думала, что ашкеназец произнесет кабальную клятву, обрекая себя и вероятное потомство на вечную службу моему роду. С другой стороны, если бы Алим сегодня погиб, то ни о каком продолжении рода речи уже бы не шло. В его лице я спасла будущее поколение талантливых управленцев и потенциальных магов разума. И отказываться от такого ценного приобретения не собиралась. Поэтому забрала у молодого человека засапожник и чиркнула им по собственной ладони.

– Я, Нина Константиновна Забелина, щит рода, принимаю клятву Алима Самона Осиповича Зельмана, потомка княжеского рода Леви. Беру под защиту и обязуюсь заботиться о нем и потомках его крови отныне и до скончания веков.

Соединив порезы на ладонях, я почувствовала жжение и всплеск энергии, которая волной прошла по телу. По-хорошему, такие клятвы произносятся у источника, чтобы духи рода узнали о радостном событии и отметили нового члена семьи особым знаком. Я вспомнила, как это случилось с Игнатом, как магия источника исправила печать изгоя и укротила внутренний огонь. С Алимом ситуация иная. Он прежде не входил в наш род, а его печати имели под собой рунную основу. Однако они не могли проигнорировать добровольное решение человека, а потому засветились в магическом спектре, проявляя причудливо сложный и в то же время математически выверенный узор.

Магия бурлила в крови и черпала энергию напрямую из окружающего пространства. Я запечатлела в памяти многослойный рисунок печатей, чтобы впоследствии разобраться с принципом наложения и снятия. Для этого направила энергетические потоки к

узловым точкам, вливая понемногу и собственной магии, родственной магии разума. По себе знаю, как будоражит кровь насыщение магических каналов. Изнутри переполняет кипучая жажда деятельности, улучшается настроение, в разы увеличивается работоспособность. У взрослых магов еще и либидо повышается.

У Алима глаза засверкали азартом, будто в голове с бешеной силой закрутились мозговые шестеренки. В его случае это нормально. Наверное, привык уже за столько лет перенаправлять энергию в верхнюю часть тела.

Кста-ати! Последняя мысль натолкнула на одну идею, на грани вымысла и предположений. Для проверки требовались специфические знания по строению тела и взаимосвязи потоков жизненной силы с магическими. Если вкратце, то могло ли так произойти, что Алим сам, силой собственного разума, подавил чувствительность нижней части тела? Вполне, учитывая, как болезненно происходила инициация и сокрытие магических каналов. Не мог, точно не мог предок ашкеназцев обречь потомков на страдания. Убереечь, спрятать от других магов, дать шанс детишкам вырасти и окрепнуть – в это я быстрее поверю.

– Что? – Алим чутко отреагировал на мою задумчивость. – Ты так смотришь, будто увидела что-то странное.

– Эм-м, не хочу обнадеживать раньше времени, – чем больше я обдумывала идею, тем сильнее верила, что это может быть правдой. – Знаешь ведь, что я вижу магию? Твои печати слишком сложные, в них еще разбираться и разбираться. Но я тут подумала, они скорее защищают, чем причиняют вред.

– Защищают? От чего? Почему тогда это случилось со мной? – он со злостью ударил кулаком по бесчувственному колену.

– Вспомни инициацию, – я накрыла ладошкой руку молодого человека, успокаивая. – Что ты пережил тогда? Хотел, чтобы мучения прекратились?

– О, да-а, я... – осекшись, Алим уставился на меня изумленным взглядом. Соображал парень быстро, без труда понял намек. – Хочешь сказать, я сам сделал это с собой?

– Это лишь предположение, которое требует тщательной проверки. Как минимум следует проконсультироваться у лучшего целителя и как максимум, расшифровать тайный смысл, заложенный в

магических печатях. Поговорим об этом дома, а пока поищем остальных. Нужно уходить побыстрее. Смерть мага приведет сюда темников, они чувствуют всплеск энергии, когда кинжал забирает жизнь. Из Алапаевска придется срочно уехать.

– К сожалению, я сейчас ничем не помогу, – ашкеназец понурился и развел руками, указывая на покореженную инвалидную коляску. – Дождемся Игната, наверняка он уже спешит сюда. Взрыв такой силы сложно не заметить.

– Не знаю, – я осмотрелась, отмечая, что пламя так и не вырвалось дальше определенной границы, будто наткнулось на преграду.

Неужели маг держал защитный полог? Вряд ли он тратил на это собственные силы, надо будет поискать амулеты. А пока... Я усталой походкой направилась к оврагу, где оставила Урядовых и Юленьку.

– Мда-а, – край овражка зацепило взрывом, деревья разметало, выворотив их с корнем. Однако серьезной опасности друзьям не грозило. Амулеты защитили бы от ударов или сильного жара, если бы тот сюда докатился. Вот только вокруг оврага выросла метровая монолитная каменная стена. – И кто же это у нас такой пугливый? Э-эй! – крикнула в надежде, что услышат. – Лиза! Гаврила Силантьевич! Вы там?

А в ответ тишина. Пришлось идти в обход через свежий бурелом и нагромождение веток.

– Все страньше и страньше, – пробормотала под нос, едва не сорвавшись в пропасть.

Когда обогнула «китайскую» стену и подобралась к границам оврага с противоположной стороны, то обнаружила провал в земле с пятиэтажный дом примерно, на дне которого сидели горе-строители. Зарыться-то они зарылись, а как выбраться из ямы, не подумали. Учитывая, чьих предположительно хрупких ручек это непотребство, подобная недалёковидность простительна. А наша звезда еще и капризничала, уставив руки в боки и плаксиво что-то требуя от Лизы.

– Эй, вы там целы? Никто не пострадал? – я сложила ладони рупором и крикнула погромче.

Все четверо задрали головы и радостно загалдели в ответ. Звук странно отражался от стен ямы, я толком ничего не разобрала. Судя по

тому, как живо люди там прыгали и жестикулировали, руки-ноги целы. Уф, значит, в порядке!

А проблема у меня наклеивалась серьезная. Там Алим остался, которого я даже при желании не доволоку сюда. Здесь – друзья и маленький ребенок, которые желают выбраться из ямы-ловушки. А резерва магического кот наплакал. Через несколько часов восстановится, но за это время всякое может случиться. Даже поговорить толком не получится, я попросту не слышу...

Нет, ну надо же быть такой глупой! А заклинание «слух» на что? Энергии расходуется мало, мне хватит. Запустила воздушный щуп, который сформировался за доли секунды. Раньше такого не было. Неужели поглощение артефактом мага воздушной стихии уже сказывается? Как бы там ни было, а подслушать, о чем переговаривались друзья, получилось легко и непринужденно.

Егорка строил предположения, что же произошло наверху, утверждая, что я снова победила врагов. Такая вера в меня обнадеживала, да и мальчонка на этот раз оказался прав. А в остальном ситуация не радовала. Масштабы проблемы соответствовали размерам ямы. Чтобы такую сотворить, иной взрослый выдохнется, не то что наша Юленька. Так вот, мелкая плакала и просила «Кушац!». Урядовы скормили уже все запасы, а девочка никак не успокаивалась. Я сама с ног валилась от усталости из-за перерасхода магических сил, что тогда говорить о малышке? Ей срочно требовалось золото. К счастью, оно у меня при себе.

Не мешкая, вытащила из пространственного кошелечка сундук, который умыкнула из родовой сокровищницы, и вытряхнула монеты на клочок ткани, оторванной от собственной рубашки.

Ну я же говорила, запасы не бесконечные! Серьезно потратилась на закладные по имуществу Толпеева, обучение и паромобиль. Пятнадцать золотых – все, что осталось. И это не деньги, если от них зависит жизнь и здоровье ребенка. Завязала ткань в узел и зашвырнула в яму, целясь поближе к своим.

– Это для Юленьки, – крикнула следом, чтобы не вздумали отобрать лакомство. – Ничему не удивляйтесь, так надо.

Мелкая первой отреагировала на посылку. Вырвалась у Лизы и побежала к упавшему свертку.

– Дай! Дай, дай, дай! Мое! Кушац! – малышка с жадностью теребила завязки, даже на зуб попробовала узел, чтобы поскорее добраться.

Я расслышала треск ткани, металлический звон монеток и причмокивающее хрумканье. Дорвалась!

– Юленька! Да как же это? Разве ж так можно? – донесся жалостливый стон Лизы, которая впервые стала свидетелем гастрономических пристрастий маленькой любимицы.

– Ну, раз боярышня сама передала золото, стало быть, так надо, – задумчиво произнес Гаврила.

– Тю! – Егорка присвистнул, отчего в ушах резануло от громкого звука. – Пригрели спиногрызку! Барин разорится с этой заразой! Может, оставим ее тут, пока не поздно? А что, в лесу нашли, в лес и вернем. Пусть ее кто-нибудь другой золотом кормит!

– Я тебе оставляю! – грозно шикнула Елизавета. – Ишь, чего удумал! Игнат Александрович любит Юленьку, как родную дочь! Иные отцы так своих детей не любят! А ты – оставить! Уши надеру, еще раз заикнешься о таком.

– Егор, Лизонька права, – поддакнул Гаврила. – Нельзя так. Юленька – будущий маг, а одаренные все со странностями. Я так понимаю, девочка с испугу магичила, вот и не рассчитала силенок. Раз уж это золото ей на пользу идет, то радоваться должен, что у Нины Константиновны оно при себе оказалось. Маги-то, бывает, и помирают от перерасхода сил. Как бы ты потом в глаза барину смотрел? Или боярышне, что из рук в руки ребеночка доверила?

– Ну я... это, – он шмыгнул носом, – не подумавши сказал. Я ж за боярышню живота не пожалею.

– Вот и учись думать, что говоришь! Зря, что ли, тебя в гимназию записали? – миролюбиво пробурчала старшая сестра.

Отходчивая наша Елизавета, и Егорку любит, и Юленьку. Убедившись, что у друзей все более-менее хорошо, отправилась обратно к Алиму. Может, подскажет что-то умное? На то он и мой советник!

На прогалине, образованной взрывом, новых изменений не заметила. Помощник, погруженный в мысли, увлеченно черкал в блокнотике, не обращая внимания на происходящее вокруг. Однако

стоило подойти ближе, как молодой человек оторвался от дела и посмотрел на меня.

– Ну, как там, все целы?

– Целы, – я тяжело вздохнула и опустилась на землю. – В ловушку угодили, которую наше маленькое сокровище со страху соорудило, – вкратце описала проблему. – Ума не приложу, как их вытаскивать? Я даже не уверена, что взрыв кто-то заметил. Места глухие, звук «пологом тишины» погасился, отблески пожара и дым маг замаскировал завесой. Не дурак же! Нам бы со своими связаться, сообщить, что произошло.

– Уже! – ашкеназец расплылся в улыбке и похлопал себя по нагрудному карману куртки.

У меня от усталости уже голова плохо соображала, я не сразу поняла, что Алим говорит о магической почте. Волшебный ящичек он при себе держал, вот тот и уцелел.

– А...

– Отцу только сказал, больше никто не знает. Я предупредил насчет предателя, – предугадал Алим следующий вопрос.

– И...

– И насчет клятвы родители пока не в курсе. Расскажу при личной встрече. Кстати, я тут поразмышлял на предмет темников и их охоты за императорским Хо`шеном. А вот этот магический полог, – он обвел взглядом выжженное пятно посреди заброшенной дороги, – случайно не скрыл работу артефакта?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Зависит от способа, которым темники получают информацию. Если это амулет, настроенный на активность Хо`шена, то он мог дать сбой. А если одаренный с особым чутьем? Или видящий? О подобных умельцах и их умениях не распространяются. Любой род старается занять подобный козырь в рукаве. Не то что орден! Столкнулись мы тут недавно с одной дамочкой...

– Что? – Алим подался вперед, чуть не вывалившись из коляски. – Когда ты так замираешь на полуслове, я начинаю нервничать. Нин, ты в курсе, что в девять лет непозволительно быть такой умной и рассудительной?

– Мне уже говорили об этом, – я внимательно посмотрела в глаза молодому человеку.

Он предан и повязан страшной клятвой, которая уничтожит его за одну только мысль о предательстве. Наверное, однажды я открою ему главный секрет, но не сейчас. Не время и не место.

– На самом деле проникнуть в тайны Темного ордена возможно, но слишком опасно. Не уверена, решусь ли когда-нибудь окунуться в эту грязь, – я брезгливо поморщилась. – Погибшая магичка научила парочке хитростей. С Игнатом должно сработать, у нас в жилах течет кровь одного рода.

– О чем ты? – Алим нахмурился. – Расскажи подробнее. С ума скоро сведешь своими загадками. Вот честно, в голове не укладывается, откуда в тебе столько всего?

– Обязательно расскажу, попозже. Анна Далиани стала первой жертвой императорского артефакта. Ее душа, сила, опыт заключены в камне, вот, – я извлекла Хо`шен на свет и продемонстрировала кровавую яшму насыщенного красного цвета. – Я как проводник имею доступ к знаниям магов, которых поглотил артефакт, и при желании могу ими воспользоваться. Но у всего есть цена. Как знать, погрузившись во внутренний источник Анны, сохраню ли себя прежнюю? Не уверена в этом и не стану рисковать без острой необходимости. Я зацепила только верхушку знаний о магии крови, но этого хватило, чтобы понять, насколько опасной и мерзкой она становится в руках человека, не обремененного моралью.

– Мда, ты права, здесь не место для подобных разговоров, – признал помощник. – Так понимаю, ты хочешь воспользоваться заклинанием из арсенала магии крови?

– Ага, – кивнула, пряча артефакт и кошелечек за пазуху. Вновь достала засапожник, покрутила его в руке. – «Зов крови» – самое безобидное из арсенала темных магов. Отправлю такой Игнату, заодно и проверю эффективность заклинания в действии.

Закусив губу и морально подготовившись к тому, что предстояло сделать, принялась вырезать на ладони символ. Неприятное занятие, требующее решимости, чтобы сознательно причинять себе боль. Даже думать не хочу, сколько раз Анне приходилось делать это.

Сосредоточившись, я в деталях представила облик Игната, а после сформировала мыслеобраз и отправила зов. С непривычки все-таки первый раз использовала такой способ общения, я вложила

слишком много картинок-воспоминаний. Это и взрыв паромобиля, и гибель мага, и яма-ловушка, в которой ожидали спасения друзья.

– Ты нам нужен! Приходи поскорее, пожалуйста, – прошептала беззвучно.

Кровь быстро перестала сочиться из ранки. Порезы покрылись грубой корочкой и чесались. Организм усиленно вырабатывал новые клетки, чтобы восстановить целостность кожного покрова. От слабости закружилась голова. Я покачнулась, опираясь на здоровую ладонь, а потом и вовсе прилегла, не в силах справиться с земным притяжением. Сознание ухнуло в пустоту и перенеслось на вершину горы, с которой открывалась захватывающая дух картина. Воздушный маг, одетый в свободные одежды, восседал на белоснежном облаке и парил, будто йог.

Глава 30

Место силы мага вызывало невольное уважение. Не каждому дано преодолеть страх высоты, а тут даже земли не видно за ковром из перистых облаков. Открытая площадка продувалась всеми ветрами и казалось, я чувствовала каждый поток. Вот колючий северный ветер холодит спину, набрасывается с завываниями, будто хочет испугать, закружить или заморозить. В то же время теплый поток южного сушит кожу на лице, скрипит песком на зубах, жарит, вызывая нестерпимую жажду. Восточный норовит растрепать прическу и забраться под одежду, выискивая малейшие прорехи. А западный щедро сыплет солеными морскими брызгами, дарит прохладу и свежесть. У четверки главенствующих ветров еще и помощники имеются, рожденные на стыке двух направлений. Их непростые характеры еще предстоит изучить, чтобы найти взаимопонимание с этой обманчиво легкой и взбалмошной стихией.

– Ты была достойным противником, – мужчина бесцеремонно прервал мою медитацию. Маг сидел в роскошном кресле, сотканном из плотной дождевой тучи, развалившись и закинув ногу на ногу. – Теперь-то я вижу, что имел дело не с потерянным ребенком, а с сильной, прошедшей через новое рождение душой. Это заслуживает награды! Позволь, я покажу, что такое настоящая Стихия! – он неожиданно подался вперед и протянул открытую ладонь.

Я покачала головой, давая понять, что меня не проведешь. Маг хмыкнул и пожал плечами, откинулся в кресле с таким видом, будто и не предлагал ничего.

– Почему ты преследовал нас? Зачем пытался убить Алима? – не давал мне покоя этот вопрос.

Маги слишком самолюбивые существа, чтобы вот так упорствовать. А уж воздушники известны своим непостоянством.

– В тот день, когда вы захватили причальную башню и сбежали, я не должен был дежурить, взялся прикрыть подчиненного. У него родственник попал в беду или пропал, ну да теперь уже это не важно. А тут какая-то пигалица... э, юная дворянка, – исправился он, натолкнувшись на мой насупленный взгляд, – обставила матерых

магов, как щенят! Видела бы ты, как орал Шумский! Какими только эпитетами не награждал провинившихся! Башню эту спалил к лешему, начальника порта разжаловал в дворники, с командиров лично лычки срывал. Лютовал жутко! Мы как наскипидаренные... пардон, но это слово как нельзя точнее описывает наше состояние, бросились в погоню. Нагнать «Буран» – дело времени, команда уже праздновала победу, что сумела реабилитироваться в глазах князя. А потом на старой развалине Буранского откуда-то появились щиты и боевой огненный маг. Моим товарищам повезло. Они уже не узнают позора и не ответят за потерянный корабль, а я просто не стал возвращаться, пока не выполню приказ.

– То есть, – я встрепелась, – Агнияр Шумский не знает, что ты здесь?

– А вот этого я не скажу, – маг цокнул языком и самодовольно усмехнулся.

– Крепко же тебя зацепило, раз даже после смерти не прощаешь поражения, – я вернула усмешку. – Не забывай, ты теперь в моей власти. Я могу сделать твое существование здесь невыносимым.

– Только после того, как пройдешь вторую инициацию и соберешь артефакт! – отсалютовал он воображаемым бокалом.

Дождевое облако под магом снова видоизменилось, превращаясь в роскошное ложе. Мужчина потянулся и зевнул, небрежно прикрывая рот ладонью.

– Вот гаденыш! – с досадой пробормотала я под нос.

– Я все слышу! – буркнул он, не меняя равнодушного выражения лица.

– Да и пожалуйста! Сами выясним, – скрестив руки на груди, я отвернулась.

И чего тут с ним разговоры веду? Ясно же – аморальный тип и пройдоха! Одно слово – воздушник! Мстительный и эгоистичный. Анна даже не вспомнила, что кинжал ей в грудь воткнула, сразу могуществом предложила поделиться, на темную сторону зазывала, печеньками сманивала. Этот же строит из себя непонятно кого!

Уходить из сна я пока что не собиралась, поэтому уселась в медитативную позу. Почему бы не воспользоваться случаем и не изучить парочку воздушных заклинаний? Где еще их осваивать, как не в источнике, где стихия особенно сильна? Для начала заглянула в

шпаргалку – личный дневник, который предусмотрительно таскала с собой в потайном кошельке.

Вот! Нашла описание «воздушного кулака», ага, сконцентрироваться, выбрать нужный внутренний поток и направить на врага. А где такой на горизонте? Пра-авильно!

– Эй, ты чего? – от удара сырой силой, которая во сне черпалась удивительно легко, кулак так наподдал по облачной лежанке, что та разлетелась в клочья и пролилась на землю дождем.

Жаль, маг не выпал в осадок, только кувыркнулся в воздухе и завис, левитируя и злобно зыркая серыми глазищами.

О! Тоже хочу научиться левитации. Я хищно уставилась на мужчину, запоминая плетение, формирующее у него под ногами воздушную подушку. Ага, лучше использовать южный поток, потому как горячий воздух легче и всегда поднимается вверх. Другой вопрос, как сохранить равновесие и не запаниковать, когда стоишь на узкой прозрачной подставке, а под тобой расстилается бездна? Ох, ты ж! Я покачнулась, едва удержав равновесие.

Помогли тренировки с Игнатом, который учил чувствовать собственное тело. Воспарив над скалой, я победоносно уставилась на мага. Тот уже соорудил себе новую кровать и возлежал на ней в окружении подушечек, словно султан.

Кстати! Я прищурилась, изучая последовательность плетений для создания мебели из ничего. Это можно использовать, чтобы вытащить друзей из ловушки. Только, наверное, стоит предупредить, чтобы закрыли глаза и не смотрели вниз.

Та-ак, что тут еще интересенького? В предвкушении я заглянула в дневник, но он вдруг подернулся дымкой, а меня сорвало с места и потащило куда-то...

– Нина, очнись! Очнись, ну же! – кто-то настойчиво хлопал по щекам и тряс за плечи, а когда я возмущенно застонала, еще и стиснул так, что дышать стало нечем. – Слава богу! Наконец-то! Я уж думал, не добужусь.

– И зачем? Дал бы поспать хоть полчаса, – пробормотала сонным голосом. – Совесть у тебя есть? И вообще, как ты... – я пришла в себя окончательно и осмотрелась, – здесь оказался?

Коляска Алима валялась неподалеку, а сам помощничек полулежал на земле и держал меня на руках. Дополз что ли?

– У меня целительский амулет остался, вот! А ты вдруг упала, бледная как смерть, и не шевелишься. Зову – не отзываешься! Признаков жизни не подаешь. Откуда мне знать, что эта магия крови тебя не убила? Я спешил как мог!

– Алим, а подумать? – я нахмурилась. – Ты на себя не похож! У меня магическое истощение, организму просто нужен отдых. Чуть-чуть! – соединила большой палец с указательным, оставив зазор в три-четыре миллиметра.

– Ну... – молодой человек покраснел. – Показалось, ты в беде, и я тому виной. Я вдруг ощутил, как закипает кровь. Решил, клятва дает о себе знать. Понимаешь, я так давно не чувствовал собственных ног, что... – он осекся, глядя на меня расширившимися от удивления глазами. – Клянусь, я точно что-то почувствовал!

– Так это же замечательно! – обрадовалась я и легонько стукнула парня в грудь кулачком. – Возможно, это первый шаг к выздоровлению?

– Это все ты! – ошарашенно произнес Алим и заморгал в попытке сбить проступившие слезы. – Ты! – он снова стиснул так, что у меня хрустнули кости, и затряс в порыве благодарности. – Ты принесла удачу в мою жизнь.

– Хва-а-атит! – взмолилась, понимая, что ненароком придушит от счастья.

– Извини, – он ослабил медвежьей хваткой. – Я так ждал этого момента, мечтал, силился хоть что-то почувствовать, а когда это случилось, не понял, что же на самом деле произошло. Как ты? Ничего не болит?

– Я? – прислушалась к себе, – а знаешь, в порядке! Говоришь, амулет использовал? Он мне помог. Резерва кот наплакал, но, по крайней мере, могу нормально соображать и не валюсь с ног от усталости.

– Отлично! – обрадовался молодой человек. – А что зов? Получилось?

– Надеюсь. Скоро узнаем, – я поднялась на ноги, отряхнула пыль с одежды. – Побудешь тут, пока к нашим наведаюсь? А то сидят там в неведении и не знают, чего ожидать.

– Побуду, – беззлобно усмехнулся Алим. – Не переживай, далеко не уйду.

– Да кто ж тебя теперь знает? – я подмигнула. – Глядишь, скоро бегать начнешь.

У невольных пленников Юленькиных страхов тоже никаких изменений не произошло. Кричать им, как в прошлый раз, не стала. Позаимствовала у Алима чистые листочки с ручкой и вкратце описала, что все живы, враг убит, а мы ждем помощи. Либо Игнат услышит зов крови, либо барон Зельман примчится с кавалерией. На всякий случай посоветовала спрятаться в каком-нибудь укромном уголке, а мы сами дадим о себе знать.

Урядовы с Юленькой поспешили перебраться поближе к стене, как только прочитали послание. Даже пещеру обнаружили, которая укроет от непогоды при необходимости.

Убедившись, что с друзьями все в порядке, вернулась к Алиму. За время моего отсутствия, он умудрился проползти с десятков метров. Дальше начинался бурелом, затрудняющий движение. Ну, и то дело, а то как на ладони был посреди выжженного пятна. Инвалидное кресло я также отволокла в сторонку и присела на поваленный ствол, раздумывая, как бы усадить в него помощника. Самой не поднять, тут крепкий мужик нужен, но магией... магией можно попробовать. Тем же заклинанием левитации, что подсмотрела у воздушного мага. Надо только подготовиться, ведь резерв только восстанавливается. Хватит на одну попытку в лучшем случае.

Для начала расчистила место, чтобы ничего не мешало и не повредило Алиму, если вдруг не удержу. Затем установила кресло, убедилась в его устойчивости, для верности подперла колеса камушками и ветками. Затем попросила Алима развернуться и помогла сесть спиной в нужном направлении. Сама расположилась напротив и предупредила, чтобы не волновался, если мне понадобится отдых после использования заклинания.

– Так, может, и не нужно? – возразил помощник, – я и на земле помощи подожду.

– Ну, – я шумно втянула носом воздух, – сейчас я буду контролировать поток и не допущу полного истощения. Заодно опробую технику, с помощью которой попозже вытащим наших из ямы. Так что, нужно, Алим. Нужно! Все, не мешай!

Я сконцентрировалась на ощущении внутренних потоков, выделила воздушные и принялась плести из них основу заклинания.

Далось это намного труднее, ведь я использовала собственные резервы, а не черпала силу напрямую от источника стихии. Вроде справилась, но это лишь полдела. А как поместить его под человека и не зацепить пласт земли? Вот это облом! Не подумала, что структура плетения разрушится, пока пропихну его под тяжелое тело. Что-то я упустила. Осторожно расплела узор, чтобы не распылить без дела потраченную силу, вытащила дневник и открыла раздел с воздушными заклинаниями. Левитация нашлась в разделе сложных плетений. Помимо прослойки из горячего воздуха, отвечающей за подъем, прежде следовало облегчить вес объекта и создать воздушные щупы, удерживающие объект на месте. Собственно, сама воздушная прослойка особой роли уже не играла, если требовалось переместить другой объект, а не самого себя. Куда только смотрела? Как тут не повиниться за невнимательность и торопливость? Подвижный человек сам заберется на воздушную платформу, а дальше уже маг перенесет, куда необходимо. Тут специфические навыки требуются и постоянный контроль. Хорошо, с Алима начала, я его даже приподнять не сумела. А если бы с высоты Егорку уронила? Расшибся бы! И ведь этот пройдоха видел, где я делаю ошибку, и не предупредил! Ну, маг! Я ж на тебе теперь без страховки заклинания отрабатывать буду! И не только из воздушной школы, а все подряд.

Со злости, что воздушник с того света умудрился подгадить, выучила заклинание «щуп». Ничего сложного, если подключить воображение. Достаточно представить, что магический поток – продолжение руки, или даже третья рука, если надо. А дальше берешь нужную вещь и переносишь, куда потребуется. Потренировалась на листьях и легких веточках, потом перешла на палки покрупнее. Заодно часть пути к яме расчистила, а то много сил уходило, чтобы преодолеть вал из травы, корней и переломанных деревьев. Я бы с большим удовольствием везде навела порядок, однако резерв снова упал до опасной отметки. Пришлось отложить тренировку и снова дожидаться восстановления.

Алим предусмотрительно помалкивал, сразу сообразив, что с заклинанием не заладилось. Может, и правда на земле неплохо помощи ждется? Я ведь сижу рядышком, и ничего, не замерзла, даже не дует.

Игнат появился спустя час, я уж придремать успела, примостив голову на плече помощника. Они с учеником вышли из леса двумя

зелеными тенями, бесшумными и смертоносными. Застыли как статуи, пораженные открывшимся зрелищем. С дороги наше с Алимом убежище не заметить, я специально замаскировала. А вот мы в подробностях разглядели, какими глазами защитники смотрели на то, что осталось от паромобилия.

– Эй, мы здесь! – поднялась и поспешила навстречу.

Игнат и Ванька синхронно развернулись на голос, хватаясь за оружие.

– Слава богу! – прочитала я по губам брата, который с облегчением выдохнул и бросился ко мне.

Даже вредный ученичок подался вперед, но потом резко остановился, будто споткнулся обо что-то. Ну а меня уже снова тискали и сжимали в объятиях до треска в костях, так что не до парня стало. Хоть бы чуть-чуть силу рассчитывали, честное слово.

– Что тут произошло? Все живы? Не ранены? Ты видела, кто напал? Где они? Ушли или... – Игнат засыпал вопросами.

От него пахло травяным соком, гарью и потом, а еще чем-то неуловимо родным, домашним. Своим появлением мужчина снял с меня часть ответственности, вселил уверенность, что теперь все будет хорошо. Я опасалась, что сообщники мага, если такие есть, беспокоятся его пропажей. Мало ли! Потому и приказала Урядовым спрятаться в укрытии, и здесь следы нашего присутствия убрала.

– Все живы, здоровы. Алим со мной, – я мотнула головой в сторону кустов, – а остальные в надежном месте. Ты не поверишь, наш старый знакомый появился. Помнишь мага, который чуть не угробил «Буран»?

– Уверена? – известие, что люди не пострадали, Игнат встретил облегченным вздохом, а вот при упоминании мага напрягся. – Он что-нибудь сказал перед смертью?

– А как ты...

– Вы целы, мага я поблизости не наблюдаю, значит, он мертв. Ты его? – я молча кивнула. – Молодец! – он похлопал по плечу, – горжусь тобой.

– Не спеши, – я шмыгнула носом, – подробности не порадуют.

– Плевать! Я рад уже потому, что ты жива. И наши люди целы, а с остальными проблемами справимся, – не согласился Игнат. – Так что случилось?

Прежде чем ответить, осмотрелась по сторонам. Ванька уже терроризировал Алима, раскручивая на подробности. Но мы обсудили с помощником, что некоторые вещи не стоит знать никому. Вряд ли парню удастся разговорить ашкеназца. Убедившись, что нас никто не видит, на мгновение достала Хо`шен из тайника и показала брату. Потом рассказала, что натолкнуло на мысли о магическом взрывателе, и об остальных событиях тоже.

– Так Лиза с Юленькой до сих пор в яме сидят? – Игнат всполошился. – Чего ж ты сразу не сказала? Идем скорее! Пока сам не увижу, что они в порядке, не успокоюсь. Остальное подождет!

– Идем, – я пожалала плечами, – так живы же! Целехоньки! Ну, выбраться не могут, так и враги их не достанут.

– Но они там одни! Мы-то уже привычные, а им каково? С проблемами позже разберемся. Первым делом надо вытащить Лизу и Юленьку. Вань, – Игнат махнул рукой, подзывая парня, – идем скорее, дело есть. Веревки сколько с собой?

– Нисколько, – парень явился тут как тут, – мы ж разбоев вязали, вся ушла.

– Проклятье, я и забыл! Ладно, что-нибудь придумаем, надо своими глазами взглянуть, – мужчины заторопились, ринувшись вперед паровозного дыма.

Угнаться за этими бегунами я даже не пыталась, точно отстану на завалах. Когда добралась до бывшего оврага, увидела брата, который как загнанный зверь метался по краю. Малая постаралась, обрыв уходил вниз отвесной стеной без единого зазора или выступа. Поначалу-то я не подумала, куда делась лишняя земля, а теперь видела этому одно объяснение: Юленька преобразовала и уплотнила ее до состояния монолита, возвела стену. Только с противоположного от взрыва края девочка наткнулась на скальную породу и остановилась.

– Нин! – Игнат бросился ко мне. – КАК? Как она это сделала? Ума не приложу, сколько энергии вложила, чтобы сотворить подобное!

– Да, Игнат, наша Юленька обладает колоссальной силой, – я понимающе улыбнулась. – Только представь, на что она будет способна, когда вырастет!

– О-ох! – он схватился за голову. – Такие способности не появляются просто так. Я буду не я, если в ее жилах не течет кровь золотого рода. Не понимаю, как девочка оказалась у разбойников? Мы

достоверно знаем, что мама малышки умерла при родах. Но почему ее отец отпустил беременную жену в опасное путешествие, да еще на последних сроках? Чувствую, за этим кроется грязная история!

– Братец, – хмыкнула я, мысленно соглашаясь с выводами. – Видно, судьба у тебя такая находить в лесу потеряшек.

– О чем ты? О-о... ты ведь тоже была на грани, когда я тебя нашел, – сообразил мужчина. – Знаешь, ни тогда, ни сейчас ни о чем не жалею. В первый раз я обрел семью, почувствовал вкус к жизни и нашел объяснение испытаниям, через которые пришлось пройти. Мы стали настоящей семьей, о которой я уже и не мечтал. А Юленька... она пробудила отцовские чувства, заново научила любить.

– Эм-м, – опешила я, не ожидая откровенных признаний, да еще в присутствии посторонних, – не знаю, что и сказать. – Покосилась на Ваньку, который сместился в сторонку, присел на корточки и забавлялся тем, что бросал камешки в яму. Вроде далеко ушел, чтобы не слышать разговора, но отчего-то я знала, парень впитывает каждое слово. – Я тоже тебя люблю. И Юленьку, и остальных, с кем нас свела судьба. За каждого буду бороться до последнего вздоха. Если вдруг кто-то захочет отнять ребенка, я не позволю и поддержу тебя, не переживай, – не сразу, но до меня дошел смысл душевных терзаний брата. Увидев, какой мощью обладает приемная дочь, Игнат внезапно осознал, что может ее потерять. – Но ты подумай и о Юленьке. Что для нее будет лучше? Быть может, родные даже не подозревают о ее существовании? Что, если они будут любить девочку не меньше тебя? А как отнесется к этому сама Юленька, когда подрастет? И, главное, достанет ли у нас сил обуздать стихию земли при инициации?

Брат, по мере того, как я говорила, поник и сторбился, будто ему на шею положили мешок с песком. Не выдержав давящей тяжести, мужчина опустился на землю, схватился за голову руками и принялся растирать виски.

– По больному бьешь? – вскинулся вдруг он и посмотрел с укором. – Думаешь, не понимаю, к чему ты клонишь? Если за малышкой стоит золотой род, нас раздавят и не заметят. Господи, как же ты меня пугаешь иногда. И как напоминаешь погибшего деда! Тот тоже умудрялся повернуть дело так, что я поступал, как нужно ему, считая это собственным выбором. Но на этот раз не выйдет, уж прости! Моя жизнь принадлежит тебе. Ты фактически глава рода, раз

духи слушают тебя и исполняют приказы. И я не забыл, отчего так произошло, поэтому приму любое решение, каким бы оно ни было.

– Все сказал? – я опустилась перед мужчиной на колени, с усилием отвела его руки от лица, вынуждая посмотреть мне в глаза. – Я – щит рода! Мой долг защищать каждого члена семьи. Я никому не отдам твою дочь, пока не удостоверюсь, что ей ничего не грозит. Но если встанет вопрос выживания рода, я возьму на себя ответственность и приму необходимое решение, невзирая на твои отцовские чувства. Игнат, жениться тебе надо и вообще! Вместо того, чтобы строить предположения и предаваться унынию, придумал бы уже, как спуститься в эту чертову яму!

Глава 31

– Чего тут думать? – пробурчал брат, поднимаясь на ноги.

В глаза старался не смотреть, но я чувствовала его внутреннее смятение и зарождающийся протест. Тяжелый вышел разговор, и неожиданный. Я к нему оказалась не готова. Да, мы привязались к малышке, полюбили как родную и будем скучать, если придется расстаться. Увы, у всего есть цена, и нам всем приходится чем-то жертвовать. Но это ведь не завтра случится? Чего раньше времени переживать?

– Я выжгу ступени, – мужчина встряхнулся, сплел в замок пальцы рук и хрустнул костяшками. – Займусь, пожалуй, тем, что умею лучше всего – разрушением. Снесу стену до основания.

– Эй, погоди! Надо наших предупредить, чтобы отошли подальше. Зацепит еще!

Друзья уже давно выбрались из пещеры и терпеливо ожидали, пока мы начнем их спасать. Юленька спала на руках у Лизы. Вымотался ребенок, и теперь восстанавливал силы через сон. Эх, недолго ей отдыхать осталось.

Разрушать решили ту часть, которую не затронула магия девочки. Ваньку отправили на противоположный край стены, чтобы подал сигнал, если вдруг у наших возникнут проблемы. Мало ли что?

Задумка состояла в том, чтобы пласт за пластом обрушить горную породу, формируя ступени или хотя бы насыпь, по которой можно спуститься. Учитывая, что справа и слева подступал монолит магических стен, действовали мы в ограниченном пространстве. Фактически, выбивали почву у себя из-под ног и тут же отступали, пока каменные глыбы с верхним слоем земли и корней обрушивались вниз. Опасное занятие, поэтому я наотрез отказалась отсиживаться в стороне и страховала брата на случай обвала. Это магическая стена ни разу не шелохнулась, даже трещинки не появилось, а природные пласты откалывались гигантскими глыбами и ухали с таким грохотом, что закладывало уши. От удара внутри ямы поднималась пыль, затрудняя видимость. Ждали, пока та осядет, чтобы

продолжить работу. Наши и так уже ее наглotalись, но мужественно терпели, понимая, что освобождение близко.

За час с небольшим преодолели половину пути. Еще три-четыре подхода, и спустимся, используя имеющиеся у брата веревки. Снизу выросла крутая насыпь из обломков. Не уверена, что кто-то преодолеет их с грузом на руках. Я уже предлагала срезать острые верхушки щитом, но брат предпочел выбить еще пару ступеней, а мой резерв использовать для подстраховки. Пока работали, я поделилась успехами в освоении магических заклинаний стихии воздуха.

– Та-ак, – Игнат сформировал в руках огненный сгусток. – Нин, ты готова?

– Ага, – я активировала щит и приготовилась быстро бежать, визуальнo прикидывая маршрут.

Пологие ступени находились на разной высоте, от полуметра до двух. Пока Игнат приноровился, чтобы снимать равномерные пласты, получился такой вот разброс в размерах.

– Беги! – голос брата потонул в грохоте откалывающейся породы.

Скала под ногами угрожающе задрожала, но мы уже запрыгнули на предыдущую ступень и помчались дальше. Пятая, затем четвертая – самая длинная и устойчивая. Лучше переждать на третьей, пока обвал не затихнет, она все-таки подальше от края. Мы синхронно забрались на спасительный уступ, когда увидели, что паутина трещин опередила нас и устремилась дальше, обозначая размеры будущего обвала.

– Держись! – отчаянный крик Игната потонул в новом грохоте.

Площадка под ногами вдруг исчезла, а мы рухнули вниз. Опасности обостряют инстинкты до предела. Падая, я ринулась к брату сквозь взметнувшуюся серебром короткую тропу и обхватила его со спины руками и ногами. Сразу же открыла еще одну тропу, в отчаянной попытке вытащить нас в безопасное место. Удалось переместиться на пару метров, после чего падение продолжилось. Приземлилась жестко, плашмя ударившись всем телом, из глаз искры посыпались. И это еще щит смягчил удар, без него сразу превратилась бы в лепешку.

Игнат тоже не бездействовал. Из его рук устремился вверх столб огня, превращая сыплющиеся обломки в текучую лаву. Камни плавилась и крупными каплями стекали по щиту, погребая нас заживо.

Когда все стихло, вокруг воцарилась гробовая тишина, в которой отчетливо слышалось наше рваное дыхание.

– Ты как, цела? – Игнат зажег световой шар, чтобы разбавить чернильную темноту.

Кивнула, не в силах разлепить сцепленные зубы или пошевелиться. Резерв я выработала еще на тропах, открытых подряд, и сейчас держалась на чистом упрямстве. Брат выгадал время, расплавив породу. Она плотно облепила купол щита. Горячей массе требовалось остыть и обрести крепость, чтобы выдержать нешуточное давление.

– Зачем обманываешь? Потерпи, родная, – он завозился, выискивая что-то по карманам, – у меня остался целительский амулет. Берег на крайний случай. Сейчас полегче станет, вот! Чувствуешь?

– Угу, – по телу прошла теплая волна, смывающая усталость, – мне уже лучше.

– Ну, вот и славно, – Игнат выдохнул с облегчением, – а теперь подумаем, как выбираться. Сама понимаешь, долго не протянем. Воздух скоро закончится и... зря я не настоял, чтобы ты держалась подальше. Надо было на шестой ступени остановиться и срезать острые верхушки щитами, как ты и предлагала. Кто ж знал, что все обрушится?

– Никто, – я вяло улыбнулась, – не вини себя. Под землей, вероятно, оказались пустоты. Взрывами мы нарушили равновесие, вот и случилось то, что случилось. Заметил, какая в этот раз была площадь обрушения?

– Так почти вся лестница и рухнула, – Игнат перевернулся на спину, пододвинулся поближе. – Не дыши глубоко, так воздух меньше расходуется. А у твоего мертвого мага не найдется способа дышать там, где воздуха нет?

– Не знаю, может, и найдется, – нелегко заставить себя успокоиться и выровнять дыхание, когда сердце норовит выскочить из груди. Адреналин в крови зашкаливал, а мысли лихорадочно метались в поисках решения. – Я не зря спросила о площади обрушения. Скорее всего, мы провалились в подземную пещеру, у которой рухнул свод. А вдруг поблизости есть другая, целая?

– Даже если так, как мы туда попадем? Боевую магию использовать нельзя, доразрушался уже. А ты потратилась так, что как

бы до выгорания не дошло. Я же вижу, как тяжело держать щит. Жизненную силу расходуешь?

– А что у тебя с резервом? – я проигнорировала вопрос, ответ на который очевиден.

– На пару боевых пульсаров хватит, и выдохнусь. А что?

– Помнишь Анну Карловну?

– Гадюку-то эту? Забудешь ее, как же! – Игнат фыркнул презрительно. – А ты к чему о ней вспомнила?

– Долго объяснять. Она маг крови, умеющий заимствовать чужую силу. Я теперь тоже умею в какой-то мере. Если поделишься резервом, может, и протянем еще немного, – предложила, кривясь от понимания того, что подразумевал под собой такой обмен.

– Спрашиваешь! Моя жизнь и так принадлежит тебе. Что нужно? – с готовностью отозвался брат.

– Твоя кровь, ну и моя тоже. Достанешь засапожник? Он в левом ботинке.

Боли от порезов я не почувствовала. Мысли и без того путались от нехватки воздуха. Однако ритуал провела правильно и вскоре ощутила будоражащую кровь эйфорию от хлынувшей потоком дармовой энергии. С трудом оборвала связь, еле оторвавшись от живого источника, и так взяла больше, чем хотела изначально. Брат потерял сознание и едва дышал. Но насыщение магической энергией – это такое упоительное чувство, что не каждый остановится вовремя. Не знаю, как сумела. В такой момент захлестывает ощущение собственного могущества, окружающие люди кажутся ничтожными, а проблемы не стоящими внимания. Жуть! А мне ведь это понравилось! Но разбираться с этим буду позже. Если выживу.

Сосредоточилась на поиске воздушных потоков. Ближайший проходил рядом, через стену из камней. Притянуть его оказалось непросто, но он, как и вода, отыщет малейшую лазейку, если правильно позвать. Дышать сразу стало легче, забрезжила надежда, что мы все-таки выберемся из ловушки.

Со стихией земли я еще не работала и не предполагала, что придется в экстренном порядке осваивать новое заклинание. Оно предназначалось для поиска тайников и ловушек, выявляло потайные ходы под землей. Однако жить захочешь – наизнанку вывернешься. Заклинание показало, что метрах в пяти на северо-восток расположена

сеть пещер, связанных между собой извилистыми переходами. Мы свалились в похожую пещеру, которую до половины завалило камнями. Не факт, что щит бы выдержал. Оплавленная масса спрессовалась и не давала толще камней расплющить нас в тонкий блин. В общем, пробить проход магией даже пытаться не буду, двойной перерасход сил. Единственный вариант – тропа. До поверхности не дотяну, глубоко слишком, а вот вбок открою.

Перед тем, как прыгнуть, я десять раз перепроверила, хватит ли там места для двоих и не свалимся ли в воду. Река тут тоже имелась, текла чуть ниже нашего уровня.

– Ну, держись, брат, – я забралась на мужчину сверху, обхватила его руками и ногами. Для верности еще веревкой к себе привязала, она у Игната на поясе болталась. – Погуляем еще на твоей свадьбе и племянничков понянчим.

Тропа открылась привычными серебристыми всполохами. Веревка резко натянулась, впиваясь в спину. Но я для надежности еще воздушным щупом страховала, так что удержала Игната. А потом мы вывалились на влажный пол огромной подземной пещеры.

– Фух, получилось! – выдохнула с облегчением и создала световой шар, чтобы осмотреться, куда попала.

– Что, получилось? – подал голос Игнат, пришедший в себя после жесткого приземления. – Удалось пополнить источник? А то чувствую себя таким разбитым, как во времена, когда действовала печать отречения. В глазах до сих пор мушки летают. Как будто дышать стало легче? Нин, ты чего молчишь? – он коснулся меня рукой. На ощупь добрался до лица, наткнулся на дорожки из слез. – Ты плачешь? Все так плохо? Ну же, не молчи!

– Нет, Игнат, это я от радости плачу, – я шмыгнула носом, – все у нас хорошо будет.

– Даже не сомневался в этом, – Игнат приподнялся на локте, потер переносицу и подслеповато огляделся. – Ну и крепко же меня приложило, до сих пор в глазах искры. Представляешь, стены светятся! Сейчас, дай минутку, приду в себя.

– С твоими глазами все в порядке, Игнат. Стены действительно светятся, – я поднялась и подошла к ближайшей, колупнула засапожником сверкающий в магическом свете камешек. Тот упал в ладошку, убеждая окончательно, что это не сон и не галлюцинация. –

Это месторождение. Мы богаты, Игнат! Мы теперь неприлично богаты.

– Мы трупы, если об этом месторождении узнают, – угрюмо произнес мужчина, не разделяя радости. – А о нем непременно узнают, когда начнут нас искать. Зельманы первыми сюда магов притащат. Вопрос нескольких часов, когда нагрянут чужаки. И первым делом они поинтересуются, откуда взялась яма со стенами, которые боевые пульсары не берут? Как думаешь, к кому они отправятся за ответами?

– Нужно срочно искать выход на поверхность! – я сунула необработанный алмаз в карман куртки и отколупнула следующий.

– Нина! Алмазы – это след. Сейчас даже слабенький маг земли определит, из какого месторождения добыт тот или иной камешек, – его попытка воззвать к разуму не удалась.

От понимания, какую сумму вырчим за драгоценные камни, меня охватила золотая лихорадка.

– Игнат! У нас нет денег, поэтому стоит рискнуть. Я не хочу брать из родовой сокровищницы золото, которое потом и кровью добывали наши предки. Но если принесу взамен что-то равноценное, духи это оценят, – при желании всегда найдется достойное оправдание.

– Глупости! Духам не нужны ни золото, ни драгоценности, – возразил брат, – это всего лишь металл, камни. Гораздо важнее люди. Потомки, несущие в крови силу рода и его магию.

– Ну так разве ж я спорю? Алмазы – мой вклад в общее дело, а золота я прихватчу побольше в следующий раз. Лучше помоги достать вон ту друзу, больно сверкает ярко!

– Сорока! – фыркнул Игнат, но все же полез за блестяшкой.

– Жмот! – огрызнулась после того, как заполучила камень, – разве не видел, какие рядом красавцы сидят? Чего не прихватил?

– Ты ж сама попросила принести именно этот!

– Мог бы и догадаться!

– Так, – мужчина шумно вдохнул и медленно выдохнул, – я осмотрюсь тут, а ты не мельтеши, отдохни лучше. Пещеру в кармане не вынесешь.

– О! – я озарилась идеей, – как вовремя ты напомнил об этом. Пещеру, может, и не вынесу, а кошель набью под завязку. И даже не думай спорить! – повысила голос и притопнула ногой.

Глухо простонав, Игнат принялся помогать с наполнением сундучка. Алмазы дороже золота ценятся, тем более такие чистые.

Время под землей летело незаметно. Если бы не внутренние часы, свойственные каждому магу, потеряла бы ему счет. Сундучок мы наполнили минут за сорок. И то, под конец Игнат стал хитрить и отколупывать крупные алмазы, которые больше места занимали. А я в силу мелкого росточка доставала камни только с нижней части стен, мелочь в основном.

Сундук с сокровищами я благополучно убрала в безразмерный кошель и присела отдохнуть. Игнат поделился плиткой шоколада, припрятанной для дочери в кармане куртки, дал попить водички, которую нехитрыми усилиями собрал с влажных стен. То ли находка меня окрылила, то ли силы стали быстрее восстанавливаться, а я почувствовала, как потихоньку наполняется внутренний источник.

После стычки из-за алмазов мы некоторое время не разговаривали. Больше я, конечно, дулась, а брат тактично помалкивал, давая мне время остыть. Оно и правда, нервы уже не выдерживали постоянного напряжения. Этот мой детский каприз едва не перерос в истерику, чтобы дать выход накопившемуся напряжению. Я ведь не железная и до ужаса перепугалась, когда оказалась в каменной ловушке. Сейчас только и осознала, что от смерти отделяли секунды, а в тот момент мысли занимали поиски выхода.

– Игнат, а как ты понял, что нам нужна помощь? – о «зове» из арсенала магии крови я брату уже рассказывала, но он так и не объяснил толком, что почувствовал в тот момент.

– Как удар молнии или... не знаю, – Игнат поморщился, – но игнорировать это невозможно. Беспокойство за тебя и остальных, как голодный зверь, пожирало изнутри на всем пути сюда. Это больше, чем предчувствие или интуиция. Ты вдруг понимаешь, случилась беда, бросаешь дела и бежишь из последних сил. Бежишь и боишься опоздать.

– Мы с Алимом недавно обменялись кровью. Как думаешь, он услышит зов? Поймет, что мы живы?

– Ашкеназец расположен к магии разума. Откуда мне знать, на что он способен? Не спровоцируем ли его на какие-нибудь поспешные действия?

– Ну, друзья ведь думают, мы погибли под завалами или пострадали сильно. Ты потратился на эти дурацкие ступени, я еще не восстановилась. Один шанс из ста, что мы уцелеем или дождемся помощи. Представляешь, как они там с ума сходят от беспокойства и неизвестности? – я сама на месте Алима или Лизы свихнулась бы, наверное.

– Давай так, – после тягостной паузы нарушил тишину Игнат. – Ты сначала поищешь дорогу. Если ничего не получится, тогда уже отправишь этот зов.

Я кивнула, соглашаясь с предложением брата, и запустила заклинание, определяющее пустоты. Из нашей пещеры вело два тоннеля. Один заканчивался в пятидесяти метрах к западу и упирался в стену. Другой вел южнее, но спускался глубже под землю. Дальше я отследить не могла, вмешивалась другая стихия. Предположу, второй тоннель вел к подземной реке, а боковые ответвления оканчивались тупиками. Все это озвучила брату, когда вышла из медитативного транса.

– Выходит, мы в ловушке? – Игнат разочарованно вздохнул. – Раз другого способа нет, сидим на месте, ждем спасателей или восстанавливаем резервы, чтобы самим проложить путь наверх.

– погоди! Возможно, есть третий путь, – я подскочила, стряхивая влажные капли с брюк.

Хорошо, что они не пропускали влагу, а то я бы уже насквозь промокла от сырости, что царила в подземелье. Исследуя окружающее пространство, я наткнулась на что-то непонятное. В дальнем тупиковом тоннеле таилось нечто, притягивающее меня магнитом. Нечто, похожее на зов, как его описывал брат. Идти тут недалеко, почему бы не проверить?

– Какой путь? Ты куда? – донесся возмущенный вопль Игната, не ожидавшего от меня такой прыти.

А я на самом деле не могла ждать и перешла на бег, расслышав позади тяжелую поступь брата. Дорога оказалась не такой простой, как это ощущалось через плетение поиска. Узкие проходы, где приходилось протискиваться бочком, камни под ногами, скользкий от влаги пол. Только благодаря тренировкам и отменной реакции я не упала, крепко споткнувшись о препятствие.

– О! Мой! Бог! – замерла как вкопанная на пороге пещерки, куда привел зов.

В спину, подтолкнув вперед, врезался брат, но и он застыл в изумлении.

– Проклятье! Так не бывает! – пробормотал он, обходя по кругу природную чашу, образованную россыпью сталактитов. – Это же Источник! Чистый. Природный. И никому не принадлежащий! Во времена древних магов за власть над подобным сокровищем развязывались войны, уничтожались кланы. Случалось, источники взрывали, чтобы не достались врагу. Их теперь в империи по пальцам перечесть можно. Я и не вспомню, когда в последний раз находили такой.

Брат еще что-то говорил о безопасности, что нужно молчать и никому не говорить о находке. В целом я его понимала и одобряла, но сейчас меня завораживали структурированные потоки магии, вырывающиеся из-под земли. Игнат этого не видел, но для меня открывалось по-настоящему волшебное зрелище. Три стихии – земля, вода и огонь исходящими потоками образовывали первый равносторонний треугольник, еще три нисходящие стихии переплетались с ним вторым треугольником, вместе формируя шестиконечную звезду. Среди нисходящих потоков я безошибочно распознала воздух, тьму и свет. А вот седьмой поток, находящийся в центре звезды, приводил в замешательство. Раньше я считала, родовой цвет магии получился в результате смешения стихий. Но то, что это отдельная сила, объединяющая все остальные, даже предположить не могла. Интуитивное понимание, что это энергия жизни самой планеты, уравнивающая и сдерживающая другие стихии, навело на мысли, что остальные источники должны быть подобны этому. Но почему-то люди решили, что источники их собственность и с ними можно поступать, как вздумается. Вот он живой пример, каков источник на самом деле. Пещера дышала напитавшей ее силой, вода обладала лечебными свойствами. Неспроста я почувствовала себя лучше после пары глотков. Недра земли рождали сокровища – пещера, полная алмазов, тому пример. На поверхности разрослись леса, богатые зверьем, грибами и ягодами, плодородные почвы питали реки, полные рыбы. Воздух чистый, дышишь и не надышишься. Люди, живущие в окрестных местах, отличаются крепким здоровьем и долголетием.

Нельзя допустить, чтобы подобное чудо растащили или разграбили чужаки!

– Игнат, поклянись, что ни одна живая и неживая душа не узнает об этом месте! Дай слово молчать обо всем, что здесь увидел. Никогда и никому, под страхом немедленной смерти!

– Клянусь! – не раздумывая, Игнат полоснул себя ножом по ладони.

Кровь испарилась, не долетев до земли. Не знаю, был ли у этого источника хранитель, но он принял клятву, которую вслед за братом принесла и я.

– Клянусь хранить и оберегать, быть защитой и опорой, последним рубежом в жизни или посмертии, – сама не поняла, откуда взялись слова, так похожие на девиз рода.

Однако реакцией на мою пролитую кровь стала яркая вспышка, озарившая пещеру так, что я на миг ослепла. Меня прошило магическим потоком с головы до ног. Создалось впечатление, будто тело расщепили на миллионы клеточек и тут же собрали вновь. В этот момент Инга Симакина и Нина Забелина слились окончательно. Я будто заново родилась и пришла в этот мир с одной целью – стать Щитом Рода, который не должен исчезнуть с лица земли.

– И не исчезнет, даю слово! – прошептала, чувствуя, как каждая клеточка откликается на обещание и наполняется уверенностью, что так и будет, какие бы испытания ни приготовила судьба.

Конец первой части. Продолжение следует.